

РАБИН ДРАНАТ ТАГОР

কবি রবীন্দ্রনাথ ঠাকুরের
এই পুস্তকটিতে তাঁর জীবন
কালের কথা বর্ণিত।
এখানে পাঠকের জন্য
একটি বিশেষ স্মরণীয়
কথা রয়েছে।
এই পুস্তকটিতে
আমাদের জীবনের
অনেক গুরুত্বপূর্ণ
কথা রয়েছে।
এই পুস্তকটিতে
আমাদের জীবনের
অনেক গুরুত্বপূর্ণ
কথা রয়েছে।

১৯৩৩



Кришна
Крипалани



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Для меня большая честь познакомить вас с жизнью и творчеством Рабиндраната Тагора. Знакомство самого поэта с вашей страной произошло во время его визита в 1930 году. Память о нем сохранялась с той поры, и облик поэта становился яснее и отчетливее, по мере того как вы все больше узнавали о нем. Таким образом, цель этой книги — прояснить очертания, добавить новые штрихи к портрету поэта. Я рад, что вы разделите со мною радость понимания духовного мира Тагора.

В последние годы долгой жизни поэта я был близок с ним и имел счастье узнавать его помыслы, переживания и опасения. Я говорю «опасения», потому что во время нацистского нашествия на вашу страну он в гораздо большей мере был озабочен судьбой вашего народа, чем судьбами союзников в Европе.

Каждый день он просил меня читать ему вслух военные сводки, и чем они были безутешнее, тем заметнее было его волнение. Ему невыносима была мысль о том, что нацистский сапог оскверняет землю Советской России (оскверняет — именно это слово он употреблял, потому что советская земля была для него священна — в его представлении именно здесь разгорелся «величайший жертвенный костер в истории», который принес справедливость миллионам эксплуатируемых и осветил путь освобождения для всего мира.

Иногда глаза его наполнялись слезами. Как жаль, что он не дожил до тех дней, когда советский народ изгнал захватчиков! Как бы он хотел увидеть этот день, и, без сомнения, он воспел бы вашу победу в замечательных стихах. Этому не суждено было случиться. Однако до самого своего конца он верил, что победа все-таки будет за Советами. Он обладал глубокой, почти фанатической уверенностью, что добро и справедливость обязательно восторжествуют. С этой верой он умер, и в конце концов вера эта была подтверждена историей.

Дорогой читатель! Великий дар Тагора своему народу и другим народам мира не только в его бессмертных творениях, но и в не меньшей мере в его неодолимой вере в торжество добра над злом и в светлое будущее человечества.

Кришна Крипалани

Нью-Дели

24 мая 1982 года

-
- [К советским читателям](#)
- [1. Семья](#)
- [2. Детство](#)
- [3. ОТРОЧЕСТВО](#)
- [4. Юность](#)
- [5. На пороге](#)
- [6. Зрелость](#)
- [7. Человек среди людей](#)
- [8. Человек и судьба](#)
- [9. Нобелевская премия](#)
- [10. Гражданин мира](#)
- [11. Мир в одном гнезде](#)
- [12. Мир новый и старый](#)
- [13. Меж двух миров](#)
- [14. Поздний урожай](#)
- [15. Последний путь](#)
- [Великий гуманист](#)
- [Истинный поэт](#)
- [Основные даты жизни и творчества](#)

-
- [Краткая библиография](#)
- [Исследования на русском языке](#)
- [На иностранных языках](#)

-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
Выпуск 4 (637)
Кришна Крипалани
РАБИНДРАНАТ ТОГОР

«Молодая гвардия»

МОСКВА 1989
Rabindranath Tagore
A Biography
Krishna Kripalani
Visva — Bharati
Calcutta

Перевод с английского Л. Н. Асанова

Научный редактор и автор послесловия старший научный сотрудник
Института востоковедения АН СССР, доктор филологических наук, лауреат
Международной премии имени Джавахарлала Неру И.Д. Серебряков

Рецензенты: А.А. Агапьев

и доктор филологических наук Д.М. Урнов

Издательство «Молодая гвардия», 1983 г., 1989 г.

К советским читателям

Введение

Десятилетия, миновавшие с рождения Рабиндраната Тагора, принесли Индии такие громадные изменения, каких не мог бы предвидеть ни один оптимист, живший в 1861 году. Облик страны разительно изменился, но еще более значительны перемены, происшедшие в сознании и духе современной Индии. Усталая, робкая кляча, едва тащившаяся под угрозой кнута, превратилась в горячего боевого скакуна, которого необходимо сдерживать, чтобы он не мчался слишком быстро.

В 1861 году, когда родился Тагор, Индия лежала простертая у ног британцев. Страной правили чужеземцы, и британская королева была провозглашена императрицей Индии. Казалось, что этот сверкающий бриллиант будет украшать имперскую корону до скончания времен. Естественно, что так думали правители. Удивительно то, что многие индийцы разделяли эту веру и приветствовали ее. Восемнадцатый век в Индии был мрачным веком беспорядков и междоусобиц, страна превратилась в джунгли, где дикие звери бродили на воле, разоряя все вокруг. Когда наконец установились законность и порядок, люди прежде всего осознали не то, что Индия потеряла свободу, а простой и конкретный факт, что они наконец могут вздохнуть спокойно. После ужасов джунглей покой пустыни казался благодатью.

Великое восстание 1857 года^[1] было безжалостно подавлено, и исконные правящие классы либо уничтожены, либо втоптаны в пыль. Поднимался новый класс, класс буржуазии, с новыми интересами и новой культурой, и английская администрация всячески поддерживала его. Неверно было бы называть этот поднимающийся класс предателем, ибо не он, а прежние правители предали интересы страны. Этот новый класс, по сути, стал авангардом новой судьбы Индии. Но это осознание его миссии пришло позднее.

Главной чертой интеллектуального и духовного климата в период, предшествовавший рождению Тагора, был тот факт, что индийцы, казалось, наслаждались этим покоем пустыни. Индия словно утратила свой творческий дух. В политическом смысле она едва ли сознавала утрату национальной свободы, а в области культуры она либо примеривала парадный мундир нового рабства, либо цеплялась за оковы старины. Не

считая нескольких исключительных личностей, это было время лакеев и реакционеров, тех, кто слепо следовал западному образцу, и тех, кто искал утешения в древних традициях и догмах.

Через восемьдесят лет, когда Тагор умер, облик Индии изменился. В области политики она оказалась накануне событий, неслыханных в ее истории, в области культуры она восстановила былое самоуважение, а в духовной жизни открывала скрытые источники созидания. Не случайно Неру назвал книгу, посвященную культурному наследию своей страны, «Открытие Индии». Нам всем пришлось открывать Индию, чтобы обрести ее. И мы продолжаем открывать ее до сих пор. Это само по себе было революцией, возможно, главной нашей революцией — открытием себя.

Множество факторов обусловило эти преобразования, и не последними в их числе были события мирового масштаба, повлиявшие на Индию. Однако силы как в природе, так и в мире людей сами по себе слепы, и если их не сдерживать и не направлять, они могут оказаться скорее разрушительными, нежели созидательными. Среди тех людей, кто сумел приложить эти силы к созиданию новой судьбы Индии, два человека превосходят прочих: это Ганди^[2] и Тагор. Вклад Ганди общеизвестен: он сделал больше, чем кто-нибудь другой в истории Индии. Вклад Тагора менее заметен, но более глубок, ибо он высвобождал и питал скрытые источники творчества в тех областях, где политик не властен.

Хотя Тагор был прежде всего поэтом, он более чем просто поэт в европейском понимании этого слова, так же как и Ганди более чем просто политик и патриот. Тагор был тем, что в Индии называют *кави* — пророк, провидец. Его гений обогащал все, к чему он прикасался. Как само солнце, в честь которого он был назван (*роби* по-бенгальски, производное от *рови* на санскрите, означает солнце), он излучал свет и тепло, оживлял интеллектуальную и духовную почву своей страны, открывал неизвестные горизонты мысли, перекидывал мост между Востоком и Западом. Для тех, кому доступен язык, на котором поэт писал, животворность его гения поистине поразительна. Не менее поразительны разнообразие и красота литературных форм, которые он создал. За свою жизнь Тагор дал своему народу столько, сколько могут дать века развития: язык, способный выразить тончайшие модуляции мысли и чувства, литературу, достойную изучения в университетах всего мира. Едва ли есть область словесности, которая не была бы исследована и оплодотворена его дерзновениями, а ведь многие из областей этих оставались в бенгальской литературе нетронутой целиной, и его руки были первыми, давшими ей жизнь. Он один из немногих писателей в мире, чьи произведения, созданные на

родном языке, выдержали самые строгие испытания большой литературой, восточной или западной, древней или современной.

Тагор выделяется среди современных писателей не только потому, что его стихами и прозой, о которых ученые профессора пишут тома исследований, наслаждаются изощреннейшие интеллектуалы, но и потому, что простой неграмотный народ на многолюдных улицах Калькутты или в отдаленных деревнях Бенгалии с любовью поет его песни. И неудивительно, ибо каждое время года, каждая черта богатой природы его родины, каждое движение человеческого сердца, в горе и в радости, переложены им на язык песни. Их поют на религиозных празднествах и в концертных залах. Патриоты всходили на эшафот с его песней на устах, молодые влюбленные, не в силах выразить глубину своих чувств, поют его песни и чувствуют, что тяжесть их немоты облегчается.

Однако все это в основном относится к читателям, на чьем языке он писал. Те, кто читал его в переводах, могут получить лишь малое представление об объеме и силе его гения.^[3] К сожалению, его родной бенгальский язык лишь один из многих в Индии, так что даже в его собственной стране большинству людей творчество поэта доступно только в переводах. Для них, помимо знакомства с этими переложениями, главное значение Тагора состоит в том импульсе, который он дал всему течению культурного и духовного развития Индии, в том, что он показал им пример страстной преданности искусству и не менее страстного служения своему народу и всему человечеству. Он дал индийцам веру в свой язык и в свое культурное и интеллектуальное наследие. Нынешнее возрождение индийских языков в значительной степени обусловлено его вдохновением и примером. Это возрождение охватывает не только языки и литературы. Многогранный гений Тагора, его почти подвижническое стремление к развитию индийского искусства, танца и музыки, живописи и ремесел, его уважение к местным народным художественным школам, поощрение как классических, так и народных традиций в его школе в Шантиникетоне стали побудительным стимулом, который позволил этим традициям выживать и процветать в наши дни.

Но еще более важным является тот факт, что поэт, учивший свой народ бережно хранить и гордиться своим наследием, обладал смелостью разорвать узы традиций. Слепо придерживаться традиционных условностей, предупреждал он, есть признак незрелости. Лишь у младенцев нет индивидуальности, их лепет повсюду одинаков. Взрослый человек должен развивать и утверждать свою неповторимую личность.

«Когда во имя индийского искусства мы неразумно культивируем

слепую приверженность к обычаям прошлых поколений, мы душим собственную внутреннюю суть предрассудками, унаследованными от прошлых веков. Они как маски с застывшей гротескной гримасой, которые не могут реагировать на постоянно меняющуюся игру жизни. Искусство не пышная гробница. Оно должно отражать движение жизни, оно постоянно совершенствуется и обновляется на своем пути паломничества в будущее, которое так же отлично от прошлого, как дерево от семени», — писал Тагор.

Наиболее яркой чертой жизненной философии Тагора был упор на развитие человеческой личности и его глубокое убеждение в том, что нет врожденных противоречий между так называемыми противоположностями — телом и душой, наслаждением естественной красотой и поисками истины, общественными обязанностями и правилами каждого человека, уважением традиций и свободой исканий, любовью к своему народу и верой в единство человечества. Эти кажущиеся противоположности могут и должны быть примирены, но не отдельными компромиссами и робкими колебаниями, а созданием истинной гармонии из видимого несогласия. Эта вера тысячекратным эхом пронизывает всю его поэзию.

Духовные, эстетические и интеллектуальные стороны личности самого Тагора были настолько сильно развиты и так сочетались друг с другом, что ни о ком другом нельзя сказать с большим правом, что он наблюдал жизнь постоянно и видел ее в целостности.

В нашем индийском характере есть тенденция к некоторой однобокости. У нас есть склонность переоценивать одни стороны жизни в ущерб прочим. В религиозном рвении мы поддаемся соблазну полного отречения от уз, связывающих нас с землей. Чтобы обрести душевный покой, мы отказываемся от самой радости жизни. В преувеличенной заботе о чистоте расы и социальной стабильности наши предки разделили общество непроницаемыми перегородками, так что кастовая иерархия с ее отвержением огромных масс людей как неприкасаемых стала величайшим проклятием нашего общества.

«О моя несчастная страна, — писал Тагор в одном из своих стихотворений, — те, кого ты унизила, стащат тебя вниз в свою бездну, пока твой позор не сравнится с их позором; те, кого ты лишила их человеческих прав, кто стоит перед тобой с мольбою, низвергнут тебя до своей низости, пока ты не падешь до уровня их унижения».

Именно так и случилось в истории Индии. Можно привести множество примеров односторонности в нашем характере, которая делает нас одновременно примитивными и утонченными, невежественными и

мудрыми, подавленными и безмятежными, сострадательными и безразличными к жестокости. Что нам необходимо более всего — это научиться ценить красоту здорового и гармоничного мироощущения, образа жизни мужественного, но не грубого, чувствительного, но не сентиментального, рационального, но не меркантильного, религиозного, но не фанатичного, патриотического, но не шовинистского. Именно этому учил, именно это нес в себе Тагор.

Если бы Тагор был только поэтом и писателем, богатый вклад его в язык и литературу своего народа заставил бы почитать его как одного из поистине великих людей. Но он являл собою нечто большее. Он был художником и в жизни. Его личная жизнь столь же чиста и благородна, как и его стихи. Он жил, как писал, не для удовольствия или выгоды, но движимый чувством радости, сознавая, что его гений был даром свыше и должен быть использован на благо человека. Он ни в коей мере не был религиозным аскетом или подвижником в обычном понимании этого слова. Он слишком любил эту землю, чтобы отвернуться от нее. Он был человек, и ничто человеческое не было ему чуждо, он так же остро реагировал на радость жизни, как и на крик страдания. Тагор любил свой народ, но любовь его распространялась на все человечество. Всю свою жизнь он боролся за социальную справедливость, за право униженных на собственное достоинство, бедных на материальное благополучие, граждан на самоуправление, невежественных на знания, ребенка на свободное развитие, женщины на равное положение с мужчиной. Религия, которую он исповедовал, была религия не бога, но человека; отречение, которое он провозглашал, было отречением не от этого мира, а от низменных страстей алчности и ненависти; свобода, за которую он боролся, была не свободой одного народа эксплуатировать другой, но свободой человеческой личности от всего, что ее душит, будь то тирания внешних организаций или еще худшая тирания собственной слепой рабской привязанности к господину.

Тагор был пионером в области образования. Последние сорок лет жизни он получил наибольшее удовлетворение от труда школьного учителя в бедном провинциальном окружении, хотя он достиг славы, которой в Индии прежде не знал никто. Тагор был первым в своей стране, кто разработал и внедрил принципы образования, ставшие теперь общепризнанными.

Махатма Ганди ввел систему обучения с помощью искусств и ремесел через много лет после того, как Тагор разработал ее в Шантиникетоне. Надо помнить, что Махатма вывез первых учителей для своей Начальной Школы из Шантиникетона. Первые эксперименты в сфере того, что ныне

называется «общественным развитием», были проведены Тагором сначала среди крестьян в его собственных поместьях, затем на курсах, которые он основал с этой целью и назвал Шриникетон. Его труды по проблемам аграрного образования и развития сельскохозяйственных кооперативов до сих пор являются наиболее ценным руководством для всех работающих в этой области. Если бы Тагор не сделал ничего, кроме создания Шантиникетона и Шриникетона, этого было бы достаточно для того, чтобы назвать его одним из величайших создателей индийской нации.

Он испытывал презрение к шумному политиканству, сравнивая его с паровозом, который все время свистит и выбрасывает огромные клубы дыма, но не двигается. Для тех, кто стоял у кормила государственного корабля Индии, его советом было: «Бойтесь не волн на море, а щелей на вашем корабле». Если мы потеряли независимость, то это произошло не потому, что англичане нас перехитрили, а потому, что мы сами оказались слишком слабыми. Мы перестали верить в себя. Вместо того чтобы пробудить источники нашей собственной силы, мы довольствовались собиранием отрепьев из чужих мусорных корзин.

Хотя за пределами Индии Тагор выступал как пропагандист и популяризатор индийского духовного наследия, в своей родной стране он был строжайшим критиком ее общественных институтов и религиозных обычаев, которые закрепляли предрассудки и неравенство и призывали терпеть несправедливость. Он сравнивал общественную систему своей страны с двухэтажным домом без лестницы, которая бы соединяла обширный лабиринт затхлых, кишачих микробами трущоб на первом этаже с убогими, обставленными с дешевой претензией на моду квартирками на верхнем этаже. Тагор вновь и вновь предупреждал, что никакие политические чудеса не могут быть построены на зыбучем песке социального рабства.

Тагор не питал никаких иллюзий насчет того, что сегодня повседневно называется прогрессом — умножения комфорта и поклонения механизированной жизни. Под прогрессом он понимал рост средств, материальных и духовных, для всеобщего развития и свободного, ничем не сдерживаемого выражения человеческой личности. Он говорил: «Я верю в жизнь, только если она прогрессивна, и в прогресс, только если он находится в гармонии с жизнью. Я исповедую свободу человека от рабства у идола бесчеловечного величия».

По его мнению, настоящий кризис цивилизации был обусловлен не конфликтом между классами, между группами стран, между различными идеологиями или между Востоком и Западом, но между человеком и

машиной, между личностью и организацией. Для собственного благополучия человеку нужна и машина и организация, но человек должен управлять ими и очеловечивать их, вместо того чтобы они его механизировали и обесчеловечивали.

Когда Тагор говорил о мире, «не перегороженном тесными стенами», его игнорировали как одинокого мечтателя не от мира сего и смеялись над вселенским размахом его симпатий. Он разъезжал из страны в страну, путешествовал по Азии, Европе и Америке с безнадежной миссией проповедовать ценности, которые могли бы сделать реальностью этот Единый Мир, в то время когда в его родной стране, воспламененной лихорадкой национализма, слова эти падали как семена в пустыне. С весьма ограниченными средствами он создал в Шантиникетоне центр интернационального обучения, который тогда возбудил в его современниках-националистах лишь удивление и презрение. Но поэт никогда не терял веру и не судил других поспешно. «Они называют тебя безумным, — говорится в одной из его ранних песен, — жди завтрашнего дня и молчи. Они кидают пыль тебе в лицо. Жди завтрашнего дня. Они принесут тебе цветы».

Тагор не был политиком. Но он видел четко и ясно предназначение человека и безошибочным инстинктом осознавал те ложные принципы, которые, будь они усвоены отдельными людьми или народами, приведут их к гибели. Махатма Ганди назвал его Великим Стражем, совестью своего народа, голос которого всегда поднимался, протестуя против любой несправедливости. Как поэт он всегда будет улаживать наши чувства, как учитель он всегда будет нести свет. У мира есть причины быть благодарным тому, чей гений был столь постоянно обращен к лучшему в человечестве.

Для западного мира основное значение Тагора заключается в том, что он многое сделал для лучшего понимания Западом Востока. Запад знал Восток уже в течение нескольких веков, но знал его в первую очередь как источник доходов, где вложение капитала приносило быстрые неслыханные прибыли, как сферу влияний соперничавших имперских интересов, как практически неисчерпаемый рынок сбыта для промышленных товаров и христианской религии и как счастливые уголья для экзотических приключений, а иногда для упражнений в благотворительности. Случалось, западный мыслитель или ученый обращал внимание на какого-нибудь литературного классика или религиозного деятеля, и тогда щедро воздавалась дань древней мудрости Востока. Однако общим отношением было чувство превосходства и

главным побудительным мотивом — эксплуатация.

Совершенно очевидно, что на такой основе никакого истинного взаимопонимания не могло возникнуть. Между нациями, как и между отдельными людьми, корысть автоматически закрывает двери взаимопониманию, и тем не менее никогда духовное единство между восточным и западным полушарием не было столь важным для мира и процветания народов, как в XX веке. Необходимость понять и принять ценности, отличные от тех, которые свойственны собственному образу жизни, — вот величайшая духовная проблема, с которой мир столкнулся ныне лицом к лицу. Здесь ничего не сделать компромиссами и стыдливым затушевыванием различий; тем большее значение приобретает окончательный вывод, что истина имеет множество голосов, красота — множество форм и человеческая цивилизация — множество форм проявления.

Тагор вызвал на Западе интерес к настоящей Индии — не загадочной Индии, где когда-то засверкал Свет Азии,^[4] не Индии любителей древности, не романтической Индии из книжек о полосатых тиграх и магараджах, об обнаженных отшельниках и заклинателях змей, о благожелательных белых сахибах^[5] и их смуглых верных слугах, — но живой Индии, которая вскоре выковала оружие победы и вырвалась из своих цепей. Это был истинный голос цивилизации, которая видела много взлетов и падений, пережила множество превратностей процветания и нищеты, славы и унижения, но никогда не переставала быть собой, которая и в худшие периоды поражений никогда не гасила творческого огня и никогда не прекращала поисков Вечного в периоды самого высшего благоденствия. Этот голос был так же чист, верен и независим, как изречения «Упанишад»,^[6] написанные три тысячи лет назад. Его красота была проста, и его мудрость не замутнена пылью веков. Ценности цивилизации, которая видела, как поднимались и гибли империи, возникали и рассыпались в прах многие религии, как люди обожествлялись и божества развенчивались, должны быть отличными от ценностей, которые Запад считает своей интеллектуальной собственностью и, поскольку они имели хождение в течение нескольких веков, называет вечными истинами. Но эти две системы ценностей друг другу не противоречат. Они лишь стимулируют, дополняют друг друга. Каждому есть чему поучиться у другого, и тот, кто дает больше, сам становится мудрее.

1. Семья

Казалось бы, в обществе, где люди всецело привязаны к своей касте на протяжении неисчислимых веков, где случайность рождения определяла положение человека, его обязанности и возможности более строго, чем в рамках любой другой цивилизации, семьи — по крайней мере те, которые обязаны всеми привилегиями своему происхождению, — будут весьма аккуратно сохранять достоверную летопись своей генеалогии. Однако, как это ни странно, очень немногие индийцы, даже из самых культурных семей, могут представить документальные свидетельства своей родословной за несколько поколений. Если мы проследим генеалогию даже такой замечательной фамилии, как Тагоры, мы вскоре потеряемся во мгле легенд и семейных преданий, настолько туманных, что их невозможно отличить от мифов и сказок.

Тем не менее семейные предания нельзя полностью отменить. Изустные рассказы привлекают нас не только тем, что они более красочны, чем история. Они могут скрывать ядро правды, которое история порой игнорирует. Поэтому и бытующие в Бенгалии предания о происхождении Тагоров не лишены интереса.

В VIII–IX веках нашей эры, после длительного периода политической смуты и религиозных распрей, Бенгалия объединилась в могущественное царство, где восторжествовал индуизм.^[7] Для того чтобы восстановить чистоту индуистского общества, разрушенного буддийской анархией, и возобновить древние основы кастовой иерархии, с Запада из царства Канаудж были привезены пять брахманов.^[8] Потомки этих пяти брахманов, имена которых помнят и по сей день, образовали новую аристократию Бенгалии, существующую и поныне. Потомство их было многочисленным, ибо сейчас число брахманов — легион и все они прослеживают свое происхождение от того или другого из тех пяти пришельцев. Одного из них звали Кшитис, и его сын Бхаттанарайяна считается предком Тагоров.

История полна иронии. Индуисты, гордые своей кастовой иерархией, с упоением разрушали демократическое наследие величайшего представителя своей расы — Будды, но вскоре сами претерпели унижение от чуждого народа и чуждой религии. В конце XII или в начале XIII века Бенгалия подверглась нападению тюрко-афганцев с запада и с течением времени оказалась одной из провинций, управляемой мусульманскими султанами из Дели. Многие индусы были обращены в ислам, одни силой,

другие соблазненные перспективой разделить власть с новыми хозяевами. Некий брахман, с авантюристическим складом характера, влюбленный в мусульманскую девушку, был достаточно умен, чтобы, как говорится, убить двух птичек одним камнем. Приняв по собственной воле новую религию, он получил свою возлюбленную и стал влиятельным сановником, правой рукой правителя Джессора, района юго-восточной Бенгалии (ныне в Бангладеш). Его звали Пир Али Хан. Два его доверенных чиновника была братья брахманы Камадев и Джайадев, происходившие по прямой линии от легендарного предка, явившегося из царства Канаудж.

Однажды, как гласит предание, во время праздника Рамазан, когда всякий истинный мусульманин должен поститься в течение дня, Камадев застал Пир Али Хана нюхающим лимон и шутливо заметил: «По нашим религиозным законам нюхать — это почти есть. Так что ты нарушил свой пост».

Пир Али Хан ничего не ответил, но спустя несколько дней пригласил братьев брахманов на концерт во дворце правителя. В комнате по соседству с залом, где гости слушали музыку, был накрыт стол с мусульманскими блюдами, в том числе и из говядины. Когда запахи достигли концертного зала, Пир Али Хан с улыбкой заметил: «Если нюхать — это почти есть, как утверждают ваши религиозные законы, значит, вы отведали запретную пищу и утратили чистоту вашей касты».

В панике индусы поспешно удалились, зажимая носы. Но позорное пятно осталось. С тех пор семья Тагоров, как считается, упала в кастовой иерархии, и поныне брахманы смотрят на нее сверху вниз и называют презрительно «пирали-брахманы».

Положение брахмана в индийском обществе почти полностью зависит от чистоты и святости его касты. Потеряв эту «чистоту», семья брахмана оказывалась в положении изгоев, породниться с ней решался далеко не каждый. Для правоверных индусов того времени — а до известной степени и теперь — не существовало большего позора, чем иметь в доме незамужнюю дочь. Поэтому семья «пирали-брахманов», изгнанная из родных мест, вынуждена была скитаться еще и в поисках мужей для своих дочерей. Нужно было обладать немалой смелостью, чтобы взять в жены дочь из этой семьи. Таким смельчаком оказался некий Джаганнат Кушари — некоторые, впрочем, утверждают, что это не он, а его сын Пурушоттам женился на племяннице злосчастных братьев Камадева и Джайадева, неуместная шутка которых стала причиной несчастий для всего их рода. Случилось это где-то в последней четверти XV века.

Породнившись с заклеянным позором семейством, род Кушари

также принял на себя прозвание «пирали». Пурушоттам был известен своей ученостью и благочестием, но даже он оказался вынужден покинуть родные места и поселиться в маленькой деревушке в Джессоре. Его потомок в пятом колене и в двадцать восьмом колене, считая от основателя рода Бхаттанарайаны, был первым среди тех, кого мы ныне называем семейством Тагоров. Звали его Панчанан Кушари.

Несчастья и гонения сделали выходцев из этого рода склонными к неповиновению и риску. Утратив чистоту касты, они утратили и страх, ибо, помимо этого, им мало что было терять. Воздух был напоен духом риска. В стране происходили неслыханные события. Белые люди из-за океана открыли фабрику и торговую факторию на берегах священной реки Ранги. Их называли «нечистыми варварами», но эти «нечистые» обладали такой властью, что даже мусульманские правители считали благоразумным поддерживать с ними хорошие отношения. Панчанан и его дядя Сукхдев по примеру своих предков покинули родной дом в последнем десятилетии XVII века и поселились в деревне под названием Говиндпур на берегу Ганга, недалеко от английского поселения. Говиндпур (ныне часть разросшегося города Калькутты) был в то время маленькой рыбацкой деревушкой, все обитатели которой принадлежали к низшей касте. И то, что семья брахманов поселилась в их среде, казалось им почти невероятным. Панчанана они стали называть Панчанан Тхакур — Тхакур означает «святой владыка», оказывая тем ему высший знак внимания. Панчанан нашел себе доходное занятие — поставлять провизию на иностранные суда, плывшие по реке. Англичане и прочие иностранцы, которым приходилось вести дела с Панчананом, естественно, решили, как сделало бы большинство иностранцев даже теперь, что Тхакур — прозвище Панчанана или его фамилия. Поэтому они обращались к нему «мистер Тхакур», а поскольку не могли правильно выговаривать незнакомое имя, произносили его как Тагор или Тагур.

Под этим именем Тагоры и обрели известность.

Так гласит легенда, невольно приобретающая для нас символическое значение: мусульмане «испортили» святую чистоту касты этой семьи, христиане — ее не менее святое имя. И в этом есть свой глубокий смысл, ибо Тагоры вскоре явили в своей новой судьбе удивительный конгломерат влияний трех культур — индуистской, мусульманской и христианской, которые создали современную Индию. С ростом влияния англичан и расширением торговли то, что первоначально было скоплением рыбацких деревень, стало богатым и процветающим городом Калькуттой, торговой столицей новой Индии; с ростом Калькутты увеличивалось и

благосостояние семьи Тагоров. Потомки Панчанана Тхакура стали крупными купцами и аристократами-землевладельцами. Но вместе с богатством пришли зависть и раздоры, семья раскололась на две ветви. Обе ветви продолжали процветать, обладая обширными усадьбами в провинции и огромными домами в Калькутте. Благополучие семьи Тагоров достигло апогея при жизни Дароканата Тагора, деда героя настоящей биографии. Дароканат родился в 1794 году. Отец его умер, когда ему было только тринадцать лет. Юноша обладал привлекательной наружностью, легко сходилась с людьми. Умный и предприимчивый, он был романтической фигурой и в прежние времена, возможно, добыл бы для себя царство и стал бы принцем. Кстати, его и называли принцем. В век торговли под эгидой «нации лавочников» он стал богатейшим купцом. «Принц Дароканат Тагор получил широкую известность благодаря великолепию образа жизни и щедрой благотворительности. Его обширные дела охватывали многие области: добычу селитры, производство индиго, сахара, чая, угольные шахты и т. п. Он владел огромными сельскохозяйственными угодьями в Бенгалии и Ориссе, флотом паровых судов, которые курсировали к берегам Англии, основал первый современный банк с индийским капиталом, известный под названием Юнион Бэнк. Все эти разнообразные предприятия он контролировал через свою фирму „Карр, Тагор и К0“.

Дароканат жил широко и гостей принимал по-царски. Аристократы тех дней вели двойную жизнь. В кругу семьи сохранялся традиционный образ жизни, домашние божества почитались днем и ночью, женщины ходили по комнатам босиком и сами готовили еду на кухне, несмотря на многочисленную челядь; вне стен дома они могли появляться только в закрытом паланкине, под надежной охраной, и многие из них именно так и отправлялись ежедневно для омовения в священной Ганге. Однако, кроме внутренних семейных покоев, где жили женщины и дети, в домах богатеев были просторные, увешанные люстрами приемные и банкетные залы, где глава семьи развлекал гостей и посетителей, где богато украшенный кальян был всегда заполнен ароматным табаком, где свободно лилось виски, где знаменитейшие музыканты соперничали друг с другом, демонстрируя свою виртуозность, а профессиональные танцовщицы — свои чары.

В самом центре Калькутты, в районе Джорашанко, стоит семейный особняк Тагоров. Ныне здесь расположены музей и университет, названные в честь блистательного внука Дароканата, поэта Рабиндраната Тагора. К сожалению, не сохранилось красивое здание, построенное Дароканатом по соседству, где он развлекал своих друзей из Индии и из Европы и где впоследствии жили и работали два его правнука, Гогонендронат и

Обониндронат, замечательные художники, возглавившие новое течение в бенгальской живописи. На его месте стоит ничем не примечательное сооружение, в котором помещается культурное общество, также названное в честь Рабиндраната Тагора. Знаменитая загородная вилла Бельгачия, где собирался весь цвет общества Калькутты во главе с генерал-губернатором, где были собраны замечательные сокровища искусства, картины и скульптуры, купленные в Италии, Франции и Англии, ныне превратились в развалины, скорбное напоминание о минувших временах. Но предок поэта прославился не только роскошью и пирами. Посетитель, поднимающийся ныне по ступеням Национальной библиотеки в Калькутте, видит у входа бюст „Принца“ Дароканата. Старейшая и лучшая в Индии библиотека многим обязана его щедрости. Он оказывал помощь в создании первого колледжа в Индии, основанного в 1816 году, активно участвовал в основании в 1836 году первого медицинского колледжа и больницы в Калькутте, которые ныне разрослись в обширную сеть больниц и крупнейший центр медицинского образования в стране. Он предоставлял бесплатные стипендии для студентов, изучающих медицину. Едва ли не каждая общественная организация в Бенгалии того времени была обязана своим существованием или успешной работой активной поддержке этого замечательного человека, который так же легко наживал богатства, как и раздавал их. Это был первый промышленный магнат современной Индии, создавший сеть предприятий по европейскому образцу. Дароканат смело защищал каждое прогрессивное движение своего времени, каждую реформу, религиозную, общественную или политическую. Он был преданным другом и верным соратником раджи Раммохона Рая,^[9] замечательного общественного и религиозного реформатора и провидца, которого индийские историки единодушно провозгласили отцом современной Индии. В смелом и открытом осуждении суеверных предрассудков своих соотечественников, в публичных спорах с христианскими миссионерами в защиту основных ценностей индуистской философии и религии, в героическом походе против обычая *sati* (самосожжение вдовы на погребальном костре своего мужа), а также в страстной защите современной системы образования с упором на изучение наук, Раджа Раммохон Рай опирался на могущественную поддержку „Принца“ Дароканата Тагора.

„Принц“ обладал проницательным политическим чутьем и хотя признавал в установлении британского правления в Индии историческую необходимость, он был первым, кто организовал общественное мнение и направил усилия новых влиятельных классов на создание эффективной

системы управления страной. Примерно полстолетия потребовалось, прежде чем эта идея была всерьез принята его соотечественниками. К тому времени под эффективным управлением уже стали понимать самоуправление.

Поездка за море в те времена была для индийца опасным предприятием, ибо существовало строгое табу против морских путешествий, „пересекать черные воды“ (как тогда говорили) запрещалось, и на виновных налагались суровые наказания. Раджа Раммохон Рай, который ранее „пересек черные воды“, так и не вернулся после этого на родину. Дароканат остался невредим после своего первого путешествия в 1842 году. Правоверные брахманы накинулись на него с упреками, но „Принц“ отказался склонить голову перед предрассудками, так и не порадовал святош исполнением очистительных обрядов, которые те пытались ему навязать.

Дароканат скончался в возрасте пятидесяти двух лет во время второй поездки в Европу. Это произошло в Лондоне 1 августа 1846 года. Смерть, по словам его внука, была внезапной и произошла „при загадочных обстоятельствах“.

Рабиндранат редко вспоминал о своем деде и не стремился к тому, чтобы узнать о нем побольше. Однако автор этой книги считает, что многие черты характера поэта были унаследованы им скорее от радушного и общительного деда, чем от сурового и благочестивого отца — пусть сам поэт и не подозревал об этом. „Принц“ обладал широкими интересами, обширными симпатиями, имел множество друзей за рубежом и обожал женское общество (впрочем, обожание это выливалось в более грубые и прямолинейные формы, чем у его внука).

Дароканат оставил трех сыновей, старший из которых — Дебендронат — отец поэта Рабиндраната. Если Дароканата называли „Принцем“ за роскошный образ жизни и щедрую благотворительность, то сын прославился как Махарши, что значит святой мудрец. Именно Дебендронат стал духовным наследником раджи Раммахона Рая, дело которого продолжил. Его личность оказала глубокое влияние на интеллектуальное развитие Рабиндраната, поэтому необходимо рассказать о нем подробнее.

Дебендронат родился в 1871 году и вырос в роскоши и великолепии. Изнеженное дитя богатого отца и любящей его до безумия матери, внук еще более любящей бабушки, он рос своенравным юношей и до известного времени предавался всем соблазнам роскошной жизни. Но осознание несоответствия между жизнью, которую он вел дома на женской половине и за пределами ее в сказочной стране, где отец развлекал своих гостей,

видимо, рано развилось в нем. Чувствительный и смысленный мальчик был глубоко привязан к своей бабушке. Она вела жизнь, исполненную крайней простоты и религиозного благочестия, не ела ничего, кроме вареного риса и овощей, приготовленных своими руками. Не менее благочестивой и строгой была его мать, Дигамбари Деби, которая запретила своему мужу прикасаться к ней, потому что он утратил чистоту касты, ужиная с „нечистыми варварами“.

Разрываясь в своих симпатиях к этим двум мирам, одному — благочестивому, полному самоотречения и смутных страхов, и другому — искушающему земным успехом и исполнением всех желаний, молодой Дебендронат, видимо, много размышлял об истинном смысле религии. Был ли индуизм не чем иным, как поклонением идолам, набором бессмысленных табу? Имеет ли благочестивость какое-либо значение, если отделить ее от нравственных запросов в жизни и не руководствоваться здравым смыслом? Не в силах разрешить это несоответствие, он сдался и окунулся в жизнь, полную удовольствий. Затем внезапно наступил кризис.

Его бабушка, к которой он был очень привязан, почувствовав приближение смерти, просила перенести ее в укромное место на берегу Ганги, ибо каждый благочестивый индуист мечтает умереть около этой священной реки. Три ночи внук провел у ее смертного одра. В ночь перед ее кончиной, когда Дебендронат в одиночестве сидел у реки, его вдруг охватило необычайное чувство духовного прозрения, и он потерял сознание.

„Я очнулся другим человеком, — вспоминал он. — Во мне поднялось сильнейшее отвращение к богатству. Грубая плетеная циновка из бамбука, па которой я сидел, казалась мне самым удобным сиденьем, ковры и дорогие покрывала представлялись ненавистными, и в моем сознании проснулась радость, какой я прежде не испытывал. Мне было тогда восемнадцать лет от роду“.

По возвращении домой он роздал большую часть своих богатств, но простой отказ от материальной собственности не принес ему облегчения. Он мечтал о возвращении того экстатического видения, которое пришло к нему на берегу реки...

Индуистская религия, господствовавшая в обществе, отвращала его своим идолопоклонством и бессмысленными ритуалами. И вот он рассказывает, как однажды в таком состоянии духа увидел страницу, выпавшую из какой-то санскритской книги. Из любопытства поднял ее, но с удивлением обнаружил, что не в состоянии понять ничего из написанного. Он послал за известным знатоком санскрита, одним из

преданных членов группы индуистских реформаторов, последователей раджи Раммохона Рая. Ученый муж узнал текст — это был первый стих „Ишопанишады“, и он так объяснил его смысл:

„Все, что движется в этом движущемся мире, осенено божеством. Поэтому найти радость в самоотречении: не домогайся того, что принадлежит другим“.

Эти слова стали откровением для молодого подвижника, бродившего доселе во тьме. „Когда я начал серьезно читать „Упанишады“, я почувствовал огромное желание распространять истинную религию“.^[10] В тот самый день 1839 года, когда индуисты Бенгалии пышно празднуют ежегодный праздник поклонения богине Дурге, Дебендронат пригласил друзей и последователей и официально провозгласил создание религиозного общества, которое он назвал „Татваранджани (вскоре переименованное в „Татвабодхини“) Сабха“, посвященное культуре Единого Бесформенного Божества и распространению основных догматов индуистской веры такими, как они были представлены в „Упанишадах“ до того, как их извратили идолопоклонничество и другие суеверия.

Раджа Раммохон Рай еще в 1825 году основал общество „Брахма Сабха“ (или „Брахмо Самадж“), место встречи всех людей „без всяких различий“. Однако этому движению не удалось добиться массовой поддержки, и вся затея находилась в упадке до тех пор, пока Дебендронат, обладавший безошибочным инстинктом религиозного реформатора, не объединил в 1843 году только что созданный им кружок с существовавшей уже организацией. Если до этого „Сабха“ была не больше чем клубом интеллектуалов, то теперь она стала деятельным центром веры. Это религиозное течение со временем превратилось в движение за осуществление реформ в социальной и моральной сфере и стало активным ферментом в индуистском обществе того времени.

Для того чтобы понять человека, которому посвящена эта биография, нужно знать те условия, в которых вырос Тагор, отдавать себе отчет в том влиянии, которое оказали на его мировоззрение личность и вера его отца. Когда родился Тагор, для народа, который взялся за дело собственной переоценки, религиозные и моральные идеалы были самой насущной реальностью. В их пропаганде чувствуется пыл возвышенного морального сознания, который можно встретить в современных им работах таких американских идеалистов, как Торо, Эмерсон и Уолт Уитмен.^[11] Многие из того, о чем Тагор думал и писал, что он чувствовал, обусловлено обстановкой, в которой протекало его раннее детство. Влияние личности

Махарши настолько важно для интеллектуального и духовного развития сына, что необходимо подробнее рассказать о его жизни.

Внешне отношения Дароканата с сыном не были слишком отчужденными — сын продолжал работать в отцовском банке, однако уделял все больше времени, средств и энергии тому, что, как он чувствовал, было делом его жизни. „Принц“ был слишком яркой, земной личностью, чтобы восхищаться отрешенностью своего наследника от мира. Но, с другой стороны, он так глубоко почитал раджу Раммохона Рая, что был вынужден примириться и с сыном — последователем Рая, правда прибегнув при этом к предосторожности. Некоторые свои поместья он сдал в аренду с отчислениями в пользу сыновей для того, чтобы обеспечить им гарантированный доход, не зависящий ни от каких превратностей деловой жизни.

И он оказался прав. Вскоре после того, как Дароканат скончался, обнаружилось, что задолженность фирмы намного превышает ее активы. Акционеры срочно стали изымать свои вклады, и знаменитый дом „Карр, Тагор и К°“ прекратил существование. В момент кризиса проявился твердый характер сына. Он собрал вместе всех кредиторов и объявил им, что, хотя по закону кредиторы не имеют прав на сданную в аренду собственность (а она была весьма значительной), он и его братья решили отказаться от этих доходов, пока задолженность не будет выплачена до последнего гроша. Понадобились многие годы расчетливого хозяйствования и экономной жизни, чтобы покрыть долги отца.

Дебендронат не только выплатил все суммы с процентами, но выполнил также все моральные обязательства отца и внес все пожертвования и взносы, которые „Принц“ с опрометчивой щедростью пообещал перед отъездом в Англию.

Дебендронату было только двадцать восемь лет, когда умер отец, но он уже пользовался высочайшим уважением, его называли Махарши, то есть человеком, известным мудростью и праведной жизнью, духовным наследником великих мудрецов, создавших „Упанишады“ 2500 лет назад. Он был религиозным реформатором и мистиком, но при этом крепко стоял на земле. Эта сторона жизни Махарши произвела глубокое впечатление на его сына, который позднее сказал о себе: „Для меня путь спасения не в самоотречении. Я ощущал объятия свободы в тысяче уз наслаждения“.

Махарши много ездил по Индии, и это в те времена, когда путешествия были сопряжены с немалыми опасностями. Почти каждый год весной или осенью он оставлял свой дом и отправлялся через западные равнины к Гималаям. Как в прошлом мудрецы — *риши*, он любил эти

величественные горы, покрытые снежными шапками. Махарши не боялся опасностей и часто забирался на одинокие утесы, где сидел погруженный в созерцание дикого величия природы. Он отличался тонкой наблюдательностью — его автобиография полна живых описаний природы и проницательных наблюдений за людьми и событиями.

Перед тем как Махарши уехал в Гималаи в конце 1856 года, в течение некоторого времени его неотступно преследовало отчаянное чувство, что „мир слишком давит на нас“, и он намеревался навсегда остаться в своих любимых Гималаях. Он подумывал не возвращаться к своей семье и провести оставшиеся годы жизни в мирном созерцании. Стоит рассказать, почему Дебендронат не последовал этому своему решению. Однажды в сентябре 1858 года он по обыкновению прогуливался по горам и остановился, чтобы полюбоваться видом водопада. Он задумался о судьбе реки: здесь такая прозрачная, холодная и прекрасная вода при выходе на равнину становится мутной, темной, грязной. Но грязная и лишенная величия, она напоит землю и принесет пользу роду человеческому. Внезапно он услышал внутренний голос: „Оставь свою гордыню и спустись к людям, как эта река. Иди, поведай миру истину, которую ты постиг, передай преданность и веру, которым ты научился здесь!..“

Бегство от жизни оказалось чуждым как его природе, так и его философии. Он подчинился призыву, который был не чем иным, как требованием самого его существа, и возвратился в Калькутту к своим мирским обязанностям. И хотя впоследствии он снова возвращался в Гималаи, Махарши никогда больше не думал о самоустранении от дел. Он дожил до преклонного возраста (Махарши умер в 1905 году восьмидесятивосьмилетним старцем) и увидел закат старого века и зарю нового. Он дожил до того времени, когда общественное движение, которое он начал, достигло такой мощи, что оставило его самого далеко позади — одинокий пик на границе между прошлым и будущим.

2. Детство

К счастью, Махарши спустился на землю с гималайских высот, где он некогда собирался провести остаток жизни в священном созерцании. Его отрешенность от мира не вылилась в отвращение к миру, и он не отказывался выполнять свои обязанности хозяина дома, а также не пренебрегал естественными потребностями плоти: 7 мая 1861 года, через три года после гималайского периода, родился Рабиндранат Тагор. Его мать Шарода Деби к этому времени уже родила Махарши тринадцать детей, а через два года должна была принести ему еще одного сына, который, однако, умер во младенчестве. Какому-нибудь социологу из ООН, напуганному призраком всемирного голода из-за роста населения земли, пришлось бы не по нраву, что Махарши превзошел среднестатистическую норму. Однако потомки благодарны ему за то, что он не остановился на третьем или четвертом ребенке, как это рекомендуют социологи. Какими бы ни были важными многочисленными благодеяния Махарши, величайшим его даром своему народу оказался его четырнадцатый ребенок.

Огромный дом в Джорашанко в Калькутте буквально кишел детьми и внуками, так что рождению еще одного, четырнадцатого ребенка не придавалось особого значения. Его назвали Рабиндранат, или коротко Роби.

Когда ребенок подрос, он, как и его братья и сестры того же возраста, был поручен слугам. Вся семья походила на небольшую общину, подчиняющуюся единому главе и ведущую общее хозяйство. Каждой супружеской чете выделялась часть дома, в которой мужчины занимали наружные комнаты, а женщины внутренние. Старый глава семьи, сам Махарши, жил отчужденно и был почти недоступен. Если он не отсутствовал в Гималаях, то обычно бывал погружен в размышления или занят очередными реформаторскими кампаниями, не забывая, однако, при этом пристально следить за ходом дел в своих поместьях.

На матери, Шароде Деби, лежали обязанности хозяйки этого огромного дома, присмотр за всеми дочерьми и невестками, сыновьями, зятьями и их детьми. Ко многим сложностям, обычным для всякой индийской семьи, Тагоры добавили для себя дополнительные трудности, так как в их доме вопреки обычаю все зятья считались полноправными членами семьи. Шароде Деби нужны были сильный характер, большой такт и терпение для того, чтобы такой большой дом жил дружно и согласно. Ее многочисленные дети, красивые, талантливые, были

переполнены жизненной энергии и, разумеется, приносили ей немало забот.

Старший сын ее, Диджендронат, был человеком огромного интеллекта, поэтом, музыкантом, философом и математиком. И если он не достиг славы своего младшего брата, то в основном из-за полного отсутствия честолюбия и упорства. Его способности были слишком разнообразны для того, чтобы направить их в одно русло, а его настрой — слишком философическим (в традиционном индийском смысле — не связанным единой целью) для того, чтобы он мог заниматься всерьез каким-нибудь одним предметом. Однако во всем, что бы он ни делал, проявлялись его оригинальный склад ума и неумная творческая фантазия. Его стихотворные опыты оказали глубокое влияние на развитие поэтического таланта младшего брата. Его большая поэма "Свапнапрая" ("Путешествие во сне"), вошедшая в классику бенгальской литературы, — шедевр аллегорического жанра, сравнимый со спенсеровской "Королевой фей" или с "Путешествием пилигрима" Бэньяна. Он был также выдающимся мыслителем и мастером философской прозы. Он изобрел стенографию на бенгальском языке и написал по ней стихотворный учебник, о котором один проницательный критик отозвался как о "памятнике" остроумия и чуде стихосложения". Наделенный особой духовной прозорливостью, он провозгласил Ганди вождем нации задолго до того, как его соотечественники, и Рабиндранат в их числе, признали его Махатмой.

Второй сын, Шотендронат, остался в истории как первый индеец, которому удалось пробиться в цитадель высшей британской администрации в Индии. Однако есть у него и другие, более почтенные заслуги. Он великолепно знал санскрит, прекрасно писал по-бенгальски и по-английски. На бенгальском языке он опубликовал свои стихотворные переводы санскритской классики, "Гиты" и "Мегхадуты" Калидасы,^[12] книгу о буддизме, а также мемуары, представляющие несомненный интерес. Он был первым писателем, познакомившим бенгальских читателей с религиозной поэзией маратхов,^[13] перевел на английский язык "Автобиографию" Махарши, которая вышла в лондонском издательстве "Макмиллан". Он оказал на Рабиндраната глубокое воздействие если не как поэт, то как человек. Шотендронат был первым, кто отстаивал для себя свободу жить по своему усмотрению, в соответствии с новыми воззрениями, с которыми он познакомился во время учебы в Англии.

Рассказывают, что, когда Шотендронат впервые вывез свою молодую жену, отличавшуюся удивительной красотой, без покрывала в открытой

коляске на улицы Калькутты, весь город был шокирован, и об этом инциденте долго помнили как о громком скандале. Но Шотендронат оставался непоколебим и даже брал ее с собой в поездки в Англию. Он отделился от отцовского дома в Джорашанко и жил со своей семьей в отдельной вилле, где его очаровательная и умная жена создала изысканный салон. Она изменила традиционный женский костюм и приспособила старомодный способ носить сари к современному стилю, который стал принят по всей Бенгалии. Это она придумала блузку, которую теперь носят вместе с сари.

Их сын Шурендронат и дочь Индира, красивые и разносторонне развитые, в детстве дружили с Рабиндранатом, а затем всю жизнь оставались его горячими поклонниками. Индира Деби впоследствии приобрела значительный авторитет в бенгальской литературе и считалась признанным знатоком музыки своего знаменитого дяди: она была прекрасной, грациозной женщиной и груз лет несла с такой же легкостью, как груз своих многочисленных дел. Умерла она в августе 1960 года в возрасте восьмидесяти семи лет.

Третий сын Шароды Деби, Хемендронат, умер сравнительно молодым — в возрасте сорока лет. Рабиндранат с признательностью писал о нем в воспоминаниях о своих молодых годах. Хемендронат, которому поручили следить за учебой маленького Роби и его сверстников, настоял на том, чтобы дети обучались на родном языке, а не на английском. Комментируя этот акт милосердия, поэт писал много лет спустя: "Процесс обучения должен максимально быть похожим на процесс принятия пищи. Если вкус чувствуется с первого прикосновения к еде, желудок начинает работать еще до того, как в него что-нибудь попадет, заранее выделяя пищеварительные соки. Ничего подобного, однако, не происходит, если бенгальского мальчика учат на английском языке... Пока он пыхтит и потеет над правописанием и грамматикой, внутренности не работают, а когда наконец приходит вкус, аппетит уже пропал... В то время когда все кругом шумно выступали в пользу обучения на английском языке, мой третий брат оказался достаточно смелым, чтобы оставить нас в бенгальской школе. За это я ему глубоко признателен".

Четвертый сын оказался слабоумным, но его сын Балендронат стал блестящим писателем, который, несмотря на раннюю смерть — ему не исполнилось и тридцати лет, — вписал свое имя в историю бенгальской литературы.

Пятый сын, Джотириндронат, считался одним из самых образованных людей своего времени. Красивый, элегантный, смелый, он был

"Прекрасным принцем" индийского возрождения и пионером почти во всех областях искусства. Музыкант, композитор, поэт, драматург и актер, он со своей неукротимой энергией и страстной любовью к национальной культуре принимал участие в многочисленных предприятиях, которые далеко выходили за рамки искусства и литературы. Он выступал против британской монополии на судоходство и промышленное производство и чуть было не разорился в связанном с этим судебном процессе. Он был на тринадцать лет старше Рабиндраната, и его влияние на интеллектуальное и поэтическое развитие знаменитого брата сыграло большую роль, которую Рабиндранат всегда с благодарностью признавал. Не будет преувеличением сказать, что свидетельство гениальности Джотириन्द्रоната, лишь частично проявилось в его собственных делах, а по большей части скрыто в замечательном расцвете способностей его братьев.

Среди других детей Шароды Деби, кроме младшего сына, наиболее выдающимися были две ее дочери: старшая, Саудамини, которая присматривала за великим поэтом в младенчестве, а затем стала преданным помощником старого Махарши, и пятая дочь Шорнокумари, о которой помнят как о первой женщине-писательнице в Бенгалии. Две дочери Шорнокумари также добились большой известности: Хиранмайи Деби — общественный деятель, Шарола Деби — писательница, музыкант и активная участница политической борьбы за национальное освобождение.

Немалых трудов стоило, чтобы все это блестящее, Умное и своенравное потомство жило в мире и согласии. Поэтому неудивительно, что у Шароды Деби оставалось немного времени и сил для воспитания младшего сына. Ее материнская забота сводилась к минимуму — по-видимому, она просто не могла дать больше. Тоска по материнской любви, никогда не остывавшая в детстве, превратилась в зрелые годы в непреходящее желание женской привязанности и ласки. Неумолкающее эхо этого чувства слышится в прекрасных стихах о детстве, написанных им в зрелом возрасте. В некоторых из рассказов и повестей Тагора материнская любовь описывается с такой нежностью, что невольно задаешься вопросом: не является ли это выражением неудовлетворенных желаний автора?

В главах воспоминаний Рабиндраната, где он возвращается к своему детству, нет и следа жалости к себе. Он скорее благодарит судьбу за то, что ему удалось избежать опасности быть избалованным родительским вниманием. "Когда воспитание, — писал он, — становится случайным удовольствием для воспитателя, детям это всегда приносит явный вред". Мальчика никогда ничем не баловали. Несмотря на то, что семья славилась

аристократизмом уклада и роскошью, дети воспитывались в строгости.

"Питались мы вовсе не деликатесами. Перечень нашей одежды вызвал бы снисходительную усмешку у современного мальчика. Мы до десяти лет ни по каким случаям не надевали носки или обувь. Для холодной погоды у нас была лишь вторая хлопчатобумажная куртка. И нам никогда не приходило в голову переживать из-за этого. Только когда старик Ниямат, наш портной, забывал пришить карманы к нашим курткам, мы огорчались, ибо еще никогда не рождался мальчик настолько бедный, чтобы ему нечем было набить свои карманы... Нам ничего никогда не доставалось легко. Многие обычные вещи были для нас редкостью, и мы жили чаще всего надеждой, что когда мы станем достаточно взрослыми, мы получим то, что будущее хранит для нас".

Период детства и раннего отрочества, проведенный под опекой домашних слуг, Тагор впоследствии шуточно назвал периодом "тирании прислуги". Ребенком он был беспокойным, уже тогда "томимым жаждой дальних странствий". Чтобы избавиться себя от излишних забот о ребенке, один из слуг придумал оригинальный выход. Он усаживал Роби в удобном месте, очерчивал вокруг него мелом круг и с серьезнейшим видом предупреждал, что, если он переступит этот магический круг, его ждет смертельная опасность.

Ребенок уже слышал пересказ "Рамаяны" и знал об ужасных несчастьях, постигших Ситу, перешагнувшую за пределы круга, который начертил вокруг нее Лакшмана.^[14] Поэтому он оставался на месте, не решаясь подняться, даже когда слуга пропадал надолго. К счастью, он сидел рядом с окном, выходящим на улицу, где блестел водной гладью бассейн, по одну сторону которого росло большое дерево баньяна, а другую обрамляли кокосовые пальмы. Ребенок следил сквозь жалюзи окна, с какими гримасами входили в воду купальщики, соблюдая каждый свой ритуал: один спускался по ступеням степенно, шепча утренние молитвы, другой затыкал уши и несколько раз приседал в воде, третий нырял прямо с берега... К полудню, когда бассейн пустел и только утки плескались в воде, внимание мальчика переключалось на гигантский баньян и на причудливую игру теней под ним. Через много лет он вспомнит этого товарища своего детства:

Так ты стоишь и в погожие дни, и в туман.

Помнишь об этом ребенке, о старом баньяне?^[15]

Роби смиренно покорялся "тирании прислуги", но лишь потому, что его безграничный интерес к окружающему миру делал привлекательными самые обыденные вещи, а крылья живой фантазии взлетали, даже скованные начертанным меловым кругом.

"Когда я оглядываюсь на дни детства, мне чаще всего вспоминается некая тайна, которая заполняла тогда собой и жизнь, и весь мир. Эта тайна пряталась повсюду, и каждый день самым главным вопросом было: когда мы наконец на нее наткнемся? Было похоже, будто сама природа что-то прятала в своих ладонях и, смеясь, спрашивала: "А ну-ка, что у меня в руках?"

Это ощущение чуда, этот дар находить радость в, казалось бы, обыденных событиях навсегда сохранились как главные свойства души поэта и помогли ему уберечься от пресыщенности и цинизма в то время, когда эти черты стали чуть ли не литературной модой.

Воспоминание о детстве, очерченном меловым кругом, лишенном многих радостей, запало глубоко в душу поэта и в зрелые годы способствовало формированию тагоровской системы идеального воспитания. Любознательность ребенка, его тяга к большому загадочному миру людей и природы за пределами дома и школы стали для него и символами стремления души к "великим далям". В маленькой пьесе "Дакгхор", написанной им в 1911 году и опубликованной через три года по-английски под названием "Почта", он выразил это стремление в образе маленького мальчика Амала. Хрупкий и чувствительный ребенок, прикованный к своей постели, наблюдает через окно за жизнью улицы. Деревенский почтальон в шутку заверяет его, что принесет ему письмо от короля. С этой надеждой Амал умирает, и, когда он закрывает глаза, вестник объявляет о приходе короля. Смерть приносит невинной душе избавление и последнюю награду.

Но мальчик Роби оказался более жизнестойким, чем Амал, он вынес и пренебрежение родителей, и тиранию прислуги. Более того, все это не прошло бесследно в становлении его характера. Прислушиваясь к болтовне слуг, жадно внимая историям, которые они ему рассказывали, он рано познакомился с народной мудростью и с яркой выразительностью разговорного бенгальского языка, великим знатоком и защитником которого он стал впоследствии. Первый детский стишок, который он выучил, наполнил восторгом все его существо. Самый обыкновенный стишок на бенгальском языке, означавший в переводе "Барабанит дождь, трепещут листья", стал для ребенка первым соприкосновением с великой магией поэзии — первой поэмой Великого Поэта, как он сказал об этом

впоследствии.

"Давняя та радость памятна мне и до сих пор, она приходит мне на память, когда я размышляю, почему в поэзии так необходима рифма. Из-за нее слова доходят до конца и не кончаются; фраза завершается, но не утихает ^её перезвон; и в ушах, и в голове может до бесконечности продолжаться игра слов, сплетенных рифмой воедино. При этом снова и снова целый день в моем сознании барабанит дождь и трепещут листья".

В школу он пошел очень рано. Для обучения чтению и письму был нанят домашний учитель, однако эти занятия продолжались недолго. Когда мальчик узнал, что его старший брат и один из его племянников (сын самой старшей его сестры) ездят в школу в коляске, он поднял рев, требуя и для себя такой же привилегии. Вышедший из терпения учитель дал ему звонкую затрещину и сказал: "Сейчас ты плачешь, чтобы тебя пустили в школу, потом ты будешь плакать куда больше, чтобы тебе позволили не ходить туда". Ребенок добился своего, он очень скоро понял, насколько правдивым оказалось это предсказание.

Первая его школа называлась Восточная семинария. Рабиндранату никогда не удавалось вспомнить, чему его там учили, но искусные способы наказания, с помощью которых учителя вдавливали знания в учеников, оставили глубокий след как в его сознании, так и на теле. Приходя из школы, он изливал свой гнев и страх на деревянных столбиках веранды, по которым ожесточенно колотил палкой, представляя себя учителем, а их учениками.

"Я познал тогда, — размышлял он впоследствии, — насколько легче воспринять внешние формы, чем суть дела. Я без труда усвоил всю раздражительность моих учителей — все, за исключением того, чему они меня учили. Естественное мое утешение состоит в том, что у меня не было возможности испытать их варварские методы на живом существе.

В выходные дни он мог распоряжаться временем по своему усмотрению, и в полуденные часы, когда приставленный к нему слуга уходил пообедать и отдохнуть, мальчик находил убежище в старом, заброшенном паланкине бабушкиных времен, который носил еще следы бывшего богатства семьи. Между оставшимся без присмотра мальчиком и никому не нужным паланкином установились тайные узы дружбы и доверия. Удобно устроившись за задернутыми шторами, укрытый от любопытных взглядов, он давал волю своей фантазии.

"Мой паланкин, для посторонних глаз стоявший на месте, отправляется в фантастические путешествия. Носильщики, возникшие по моему желанию из небытия и питающиеся плодами моего воображения, несут меня туда, куда зовет фантазия. Мы пересекаем далекие незнакомые страны, которым я даю названия, взятые из прочитанных книг. Мое воображение прокладывает дорогу через дремучий лес. Заросли сверкают глазами тигров, я, дрожа, замираю. Со мной охотник Бисванат; слышатся выстрелы его ружья. Бах! Бах! — и все стихает. Иногда мой паланкин превращается в большую ладью, плывущую далеко в безбрежный океан. Весла с легким всплеском уходят в воду, вокруг нас вздымаются волны. Моряки кричат нам: "Осторожно, шторм надвигается". У руля стоит моряк Абдул с острой бородой, с наголо обритой головой. Я знаю его, он привозит моему старшему брату рыбу *хильса* и черепаши яйца из Падмы".

Через некоторое время, когда Роби еще не было семи лет, его приняли в другую школу, которая считалась образцовой, созданной по британским стандартам. Единственное, что запомнилось ему в этой школе, — это сквернословие одного из учителей, которое глубоко возмутило мальчика, да обязательное пение хором английской песни перед началом уроков, "повидимому, попытка внести элемент радости в тягучую повседневность". Бенгальские мальчики не могли ни понять английские слова этой песни, ни запомнить непривычную для них мелодию. Единственная строчка из нее, которую Тагор мог вспомнить, представляла собой бессмысленный набор звуков.

В возрасте семи лет Роби написал свое первое стихотворение. Однажды двоюродный брат Джоти, который был на шесть лет старше, привел его в свою школу и предложил написать стихотворение, объяснив, что нет ничего проще: достаточно заполнить словами четырнадцатисложный размер, и слова превратятся в стихи. Так мальчик нетвердым почерком написал свои первые строки популярным в Бенгалии размером "*пояр*". "В этой четырнадцатисложной форме мгновенно расцвел лотос поэзии, и даже пчелы нашли на нем свое место". Мальчик, однако, был разочарован. Неужели поэзия — это только занимательное упражнение? "Однажды в нашем доме поймали вора, — рассказывал он потом в своих воспоминаниях. — Сгорая от любопытства и дрожа от страха, я отважился посмотреть на него. И я увидел, что это просто обычный человек! Когда же наш сторож не слишком мягко с ним обошелся, я почувствовал огромную жалость к несчастному. Подобное чувство я пережил в поэзии".

Однако опыт стихотворства оказался заразительным. Мальчик

приобрел синюю тетрадь и стал записывать свои стихи. "Как молодой олень, который всюду бьет своими свежавыросшими, еще зудящими рогами, я стал невыносимым со своей расцветающей поэзией".

Окружающие старались поддержать способности мальчика и заставляли его читать свои творения по любому поводу. И он читал стихотворение, в котором сетовал, что, когда плывешь за лотосом, тот все дальше и дальше уплывает от тебя на волнах, поднятых твоим движением, и остается недоступным. Старшие улыбались и говорили, что у ребенка, несомненно, поэтический дар. К счастью или к несчастью, синяя тетрадь утеряна, и о детских творениях великого поэта нельзя написать ни одной диссертации.

Хотя мальчику не доставало общения с родителями и материнской ласки, его образование никоим образом не было пущено на самотек. Домашние занятия в значительно большей степени, чем школьные уроки, заложили в Роби основу его разносторонних интересов, а также сохранившееся на всю жизнь отвращение к "фабрикам обучения".

Каждый день был до предела насыщен уроками. Мальчика будили еще затемно и заставляли заниматься борьбой со знаменитым одноглазым борцом-профессионалом. Не успевал он закончить с борцовскими приемами, как приходил студент медицинского колледжа, чтобы преподать ему "учение о костях". Человеческий скелет висел на стене комнаты, и мальчику приходилось заучивать наизусть труднопроизносимые латинские названия разных костей. В семь утра появлялся учитель математики, и с грифельной доской в руках Роби начинал решать задачи по арифметике, алгебре, геометрии. Иногда проводились занятия по естественным наукам, сопровождаемые нехитрыми опытами, затем шли уроки бенгальского языка и санскрита. В половине десятого слуга приносил неизменное блюдо из риса, горох и рыбу с соусом, которая мальчику всегда казалась безвкусной. В десять его отправляли в школу.

К моменту возвращения из школы, в половине пятого вечера, его уже ждал преподаватель гимнастики, с которым он в течение часа занимался на брусках. Не успевал тот уйти, как являлся учитель рисования. После ужина приходил Огхор Бабу, учитель английского; на уроке, проходившем при свете масляной лампы, мальчик клевал носом, засыпал, вздрагивая, просыпался и снова засыпал; почти все чтение учителя проходило впустую. Тагор писал впоследствии в своих воспоминаниях об этом распорядке: "Книги учат нас, что открытие огня было одним из величайших открытий человечества. Я не хочу спорить с этим, но не могу отделаться от мысли, как должны быть счастливы маленькие птички, что их родители не могут

по вечерам зажигать лампы. Их уроки языка происходят рано утром, и как радостно они их разучивают! Правда, им не приходится учить английский".

К этому жесткому расписанию добавлялись еще и занятия музыкой. К счастью, в отличие от других уроков для них не было установленных часов. Музыка была в самом воздухе, которым Роби дышал дома. Почти все члены семьи занимались музицированием, пели и играли на каком-нибудь инструменте. Мальчик обладал прекрасным голосом и редкой способностью схватывать все, что он слышит, а схватывал он все без разбора: классические, народные, религиозные и другие мелодии, — не обращая никакого внимания на строжайшие кастовые барьеры, разделявшие в музыке один разряд от другого не меньше, чем в обществе. Его юная племянница Протибха оказалась одаренной певицей, и отец приглашал для нее великолепных учителей, профессиональных музыкантов, называемых "устадами". Кроме того, известность семьи и покровительство, оказываемое ею, привлекали в дом выдающихся музыкантов из различных частей Индии, которые, бывало, гостили по целым месяцам. Одним из них был Джаду Бхатта, знаменитейший музыкант своего времени, чье имя стало легендарным в Бенгалии.

Вспоминая дни, проведенные с Джаду Бхатта, поэт писал: "Единственной его ошибкой было то, что он вознамерился научить меня музыке, и, естественно, никакого обучения не получилось. Тем не менее независимо от его желания я получил от него кое-какие знания". Наполовину застенчиво, наполовину иронично он признавался: "Конечно, себя лишь самого могу я винить в том, что ничто не могло меня удержать на проторенной дорожке ученья. Мои мысли блуждали где угодно, и в багаже знаний оставалось лишь то, что мне посчастливилось узнать самому".

Слугу, который кормил Роби, звали Браджесвар. Он владел искусством присваивать себе часть блюд, предназначенных ребенку. Он подносил тарелку с едой к носу голодного мальчика и сурово спрашивал: "Еще хочешь?" Понимая по тону, какого ответа от него ждут, Роби всегда отвечал: "Нет". Предложение никогда не повторялось. Такой урезанный рацион тем не менее не повредил здоровью мальчика.

"Я был в общем-то сильнее, а не слабее моих сверстников, которых кормили лучше. У меня было такое крепкое здоровье, что, даже когда мне было просто необходимо прогулять школу, никакая хворь меня не брала. Я мог промокнуть с ног до головы, но никогда не простужался. Я мог лежать осенью на мокрой от росы крыше, моя одежда и волосы пропитывались влагой, но у меня никогда при этом не появлялось ни малейшего признака

кашля. Что же касается болей в желудке, то я вовсе не ведал о них, хотя иногда, по необходимости, и жаловался матери, что у меня болит живот. Мать посмеивалась про себя, нимало не пугаясь, она только звала слугу и велела ему идти к учителю и сказать, что на сегодня уроки отменяются. Наши старомодные матери считали, что не будет большой беды, если время от времени устраивать ребенку маленькие каникулы... Я не помню, чтобы серьезно болел, лихорадка была мне неизвестна... Нож хирурга никогда не прикасался к моему телу, и до сего времени я не знаю, что такое корь или ветрянка. Короче, мое тело упорно оставалось здоровым. Если матери хотят, чтобы их дети были настолько здоровыми, чтобы они не могли улизнуть от занятий в школе, я советую им найти слугу вроде Брэджесвара. Они сэкономят не только на еде, но и на гонорарах врачам".

Тем временем синяя тетрадка заполнялась стихами. Слава о них дошла до его учителя, и он однажды послал за маленьким Роби и приказал ему переложить стихами какое-то поучение. Когда мальчик на другой день принес стихи, его заставили прочесть их вслух перед всем классом. "Единственное достоинство этого произведения было в том, что оно вскоре потерялось", — вспоминал автор. "Его воздействие на класс было далеко от высокоморального. Оно вызвало только зависть и недоверие. Все утверждали, что стихи я откуда-то списал. Один ученик даже вызвался показать книгу, из которой были украдены эти стихи". Свои ранние опыты поэт впоследствии сравнил с цветами дерева манго, впервые распускающимися в конце зимы и обреченными на увядание и забвение.

Однако слава не по годам одаренного поэта распространялась и оказала свое действие даже на мать, которая однажды попросила его написать письмо отцу, находившемуся в то время в одной из своих поездок в Гималаи. Она хотела предупредить отца об опасности вторжения русских и просить его поскорее возвратиться домой. В те дни постоянным пугалом британского правительства в Индии была угроза вторжения царских армий через Гималаи, то и дело распространялись слухи о том, что русские "полчища" вот-вот начнут спускаться через тот или другой перевал. Поэтому мать Роби постоянно беспокоилась о безопасности мужа. Не удовлетворившись не сулившими ничего плохого предсказаниями астрологов, с которыми она постоянно советовалась, она уговорила мальчика написать отцу письмо с мольбой о скором возвращении. Это был его первый опыт эпистолярного жанра. Махарши, по-видимому, это письмо позабавило, так как он незамедлительно ответил сыну и заверил его, что нет никаких причин для беспокойства — если русские и придут, то он один, без чьей-либо помощи заставит их повернуть назад. Ребенка такое

заверение удовлетворило, но мать продолжала тревожиться.

Махарши всегда возвращался. Приезд этого царственного странника домой каждый раз становился событием для всей семьи. Его присутствие чувствовалось во всем, и сама атмосфера словно была заряжена напряженной торжественностью. Даже его жена переставала интересоваться предсказателями и лично руководила кухней. Дети ходили по дому на цыпочках, разговаривали между собой шепотом, втайне надеясь поймать взгляд этого овечьего легендами мудреца, но не решаясь заглянуть в его кабинет. В один из таких приездов зимой 1872/73 года, когда Роби было одиннадцать лет и девять месяцев, Махарши подготовил и сам провел торжественную церемонию посвящения священным шнуром двух своих младших сыновей, Шомендры и Рабиндры, и внука Сатии. Семья Тагоров — брахманы, а брахманы, как известно, рождаются дважды; второе рождение — это посвящение священным шнуром, знаменующее для мальчика начало отправления ведических обрядов. Хотя Махарши и выступал против многих ортодоксальных проявлений своей религии и касты, тем не менее существовали некоторые обряды и церемонии, которые он педантично соблюдал; церемония со священным шнуром была одной из них.

Трех мальчиков с обритыми головами и позвякивающими в ушах золотыми колечками заперли на четвертом этаже дома в трехдневном уединении для размышлений о таинстве жизни и вселенной. Новоиспеченные брахманы с удивлением посматривали на бритые головы друг друга и хихикали; они хватали друг друга за сережки и выходками своими пугали прислугу. Вспоминая уже в зрелом возрасте об этом эпизоде, поэт задавался вопросом, так ли уж достоверны древние тексты о юных отроках, спокойно сидевших в состоянии аскетической медитации, "ибо Книга о природе Мальчика еще более древняя и достоверная". Тем не менее ведическое песнопение, известное под названием "гаятри", которое мальчикам пришлось выучить наизусть, навсегда осталось в памяти Роби. Гармоничный лад и интонации этих стихов на санскрите были, по-видимому, созвучны его собственному чувству ритма. С тех пор он читал эти стихи и раздумывал об их смысле всегда, когда ему хотелось уйти в себя, и часто в такие минуты его глаза наполнялись слезами. Стихи "гаятри" сопровождали его всю жизнь, он находил в них источник силы и радости даже много позже, когда снял с себя священный шнур.

Бритая голова, однако, немало смущала его, тем более что незадолго до церемонии его приняли в английскую школу, так называемую Бенгальскую академию, которой руководил некий де Круз. Роби не

сомневался, что бритая голова станет мишенью для насмешек одноклассников. Сережки из ушей можно и вынуть, а вот как быть с волосами, они сразу не вырастут. Он не знал, что делать, как вдруг сама судьба пришла ему на помощь. Его вызвал отец и спросил, не хочет ли Роби сопровождать его в Гималаи. Мальчик заплясал бы от радости, если бы не трепетное почтение к отцу. Следующие несколько дней прошли в волнующих приготовлениях, и наконец настал день, когда нарядно одетый мальчик вместе с отцом отправился навстречу первому в своей жизни великому приключению.

Первая остановка их была в Шантиникетоне, ныне знаменитом международном университетском центре, а в те времена никому не известной деревеньке. Мальчик не мог знать, что это место будет тесно связано с его жизнью и станет прославлено по всему миру благодаря его творчеству. История этого местечка, где прежде было имение семьи Тагоров, а ныне располагается университетский городок, началась примерно тогда же, когда родился Рабиндранат. Случилось так, что вскоре после его рождения Махарши отправился навестить своего друга, имение которого находилось к западу от Калькутты. Сойдя с поезда в Больпуре, где в то время, как, впрочем, и сейчас, находилась ближайшая железнодорожная станция, он продолжил свой путь в паланкине и, когда стало заходить солнце, увидел открытую равнину, лишенную всякой растительности и раскинувшуюся к западу до самого горизонта. Такие открытые пространства весьма редки в Бенгалии, где типичен пейзаж, украшенный богатой растительностью. Махарши был очарован. Он устроился для обычной вечерней медитации под сенью двух деревьев хатим, а когда поднялся, в его голове уже созрело решение, что это место будет принадлежать ему. После коротких переговоров о покупке он построил здесь дом с садом и назвал это место Шантиникетон, что означает "прибежище покоя".

В Шантиникетоне Роби впервые имел возможность столь близко общаться с отцом, и эти дни, вероятно, был наиболее важными в умственном и духовном формировании мальчика. К тому же здесь он получил полную свободу в общении с живой природой, которую всегда так любил, находя в ней бесконечное наслаждение. Стоит привести его собственные воспоминания об этом: "Был уже вечер, когда мы приехали в Больпур. Я забрался в паланкин и закрыл глаза. Я хотел, чтобы все прекрасное, что мне предстоит увидеть утром, открылось моим глазам сразу. Я боялся, что яркость впечатления будет испорчена, если в густых сумерках я буду видеть какие-то отрывочные картины. Когда на рассвете я

проснулся и ступил на землю, мое сердце радостно забилося... Здесь не было тирании слуг, и единственным кругом, в котором я был заключен, был синий горизонт. В его пределах я был свободен. И хотя я был еще совсем ребенком, отец никак не ограничивал моих передвижений".

Однако отец не предоставил его всецело самому себе. Он взял с собой младшего сына для того, чтобы развивать его впечатлительный ум, и делал это постоянно. Он читал с ним отрывки из книг на санскрите, бенгальском и английском, причем одна из английских книг была посвящена жизни Бенджамина Франклина. По вечерам они усаживались бок о бок и пели излюбленные гимны отца, а по ночам, когда индийское небо раскрывало всю непорочную красоту звезд, отец давал сыну уроки астрономии. Чтобы развить в мальчике чувство ответственности и уверенности в себе, он доверил ему хранение денег и поручил вести учет ежедневных расходов; в обязанности сына входило также ежедневно заводить дорогие золотые часы отца. Часы заводились с таким усердием, что их пришлось отправить в ремонт в Калькутту. Махарши не рассердился и не упрекнул мальчика. Среди книг отца мальчик обнаружил тома "Заката и падения Римской империи" Гиббона. Он перелистал несколько страниц, показавшихся неинтересными. "Дети читают книги потому, что их заставляют, но зачем же взрослые, которых ничто не неволит, тратят время на такие скучные книги?" — не мог понять мальчик.

Именно здесь, лежа под молодой кокосовой пальмой, он написал свою первую драму в стихах (или военную балладу, как он предпочел ее назвать позднее) на историческую тему, посвященную разгрому великого индийского царя Притхвираджа поработителями мусульманами. Драма никогда не была опубликована, а рукопись затерялась. "Несмотря на избыток воинственного духа, — шутливо вспоминал потом о ней автор, — она не могла избежать скорого поражения".

Хотя ничего конкретного о первой поездке в Шантиникетон и не сохранилось в его памяти, эти места произвели на мальчика огромное впечатление и впоследствии оказали плодотворное влияние на его интеллектуальное и духовное развитие. Пейзаж Шантиникетона нельзя назвать особенно живописным, и трудно объяснить то необычайное воздействие, которое он произвел на Рабиндраната и на поколения студентов, учившихся здесь впоследствии. Земля в Шантиникетоне скорее скудная, климат летом засушливый. Аллеи деревьев и ряды цветущих кустарников, так украшающие его сегодня, в 1873 году, когда сюда впервые приехал юный Рабиндранат, еще не существовали. Самое привлекательное, что он мог увидеть, — это пространства полей, кое-где прерываемые

оврагами с красными склонами, пустынная и суровая простота — земля и небо, без смущения взирающие на наготу друг друга. После каменной тюрьмы калькуттского дома эти просторы, должно быть, казались мальчику сущим раем. Позднее в жизни ему довелось любоваться многими прекрасными уголками земли и на Востоке, и на Западе, но ни одно из них не тронуло так глубоко его душу, как эти широкие просторы, которые в песне, сложенной о них, он называл "любовью наших сердец".

Из Шантиникетона отец и сын двинулись в направлении Западных Гималаев, посетив по пути несколько замечательных мест. Самая длительная остановка была в Амритсаре, где находится Золотой храм.^[16] Сикхи — теисты и не боготворят какие-либо изображения богов и богинь; их религия благочестива, и главный ее смысл в единстве бога и братстве людей. Махарши испытывал большой интерес к их вере, он регулярно посещал храм вместе с сыном и часто пел вместе со всеми религиозные гимны сикхов. Это раннее воспитание уважения к другой вере помогло Рабиндранату расширить способность к пониманию людей, которая впоследствии стала безграничной.

К тому времени, когда отец и сын добрались до подножия Гималаев, наступил апрель — начало лета на равнине и ранняя весна в горах. Целью их поездки был Далхузи, в то время лишь маленькая горстка домишек на высоте 7 тысяч футов над уровнем моря. Подъем в горы происходил то пешком, то верхом на лошади, то в джампанах, которые несли на плечах профессиональные носильщики. По склонам гор росли высокие, грациозные гималайские кедры, под ними пестрели доселе невиданные мальчиком весенние цветы, названий которых он не знал. Высоко в небе поднимались снежные вершины, а внизу, по мере того как дорога, петляя, уходила все выше и выше, открывались огромные ущелья с густыми зарослями гигантских деревьев, в тени которых струилась горная речушка, "как маленькая дочь отшельника, играющая у ног седовласых мудрецов, застывших в раздумье". Дух Калидасы уже зашевелился в мальчике, он начинал видеть чудеса. "Мои глаза целый день не знали отдыха, так я боялся, что они что-нибудь упустят... Почему, о, почему должны мы покидать такие дивные места, — кричало мое жаждущее сердце, — почему мы не можем остаться здесь навсегда?"

Наконец они добрались до своего дома в Бакроте, прилепившегося на вершине горы. Теперь мальчик имел полную свободу бродить где пожелает и наслаждаться величием Гималаев, раскинувшихся перед его глазами.

Но Махарши был требовательным учителем. Рано утром, задолго до восхода солнца, он будил мальчика и занимался с ним санскритской

грамматикой. "Что за мучительное ледящее пробуждение после ласкового тепла моей постели!" Сам Махарши вставал намного раньше, и сын вспоминал, что сквозь сон он иногда видел, как в красном одеянии, с лампой в руке, отец проходил мимо его постели на веранду, где усаживался для медитации, "но сколько было тогда времени, я понять не мог". После урока санскрита отец и сын выпивали утренний стакан молока. Затем Махарши распевал стихи из "Упанишад", а мальчик слушал, зачарованный благозвучным ритмом. К тому времени, когда солнце поднималось над восточной вершиной, они уже были на прогулке. По возвращении домой отец давал часовой урок английского языка, после чего наступал черед принимать ледяную ванну. Во второй половине дня занятия продолжались, а по вечерам они вдвоем сидели на веранде, сын пел отцу религиозные гимны, которые Махарши так любил, а отец объяснял сыну основы астрономии. Мог ли мальчик иметь лучший класс для занятий наукой о звездах, чем эта веранда под ясным индийским небом! Неудивительно, что Рабиндранат всю жизнь интересовался астрономией.

Также на всю жизнь сохранил он привычку к самодисциплине, первые уроки которой получил от отца. Он был благодарен отцу за то, что тот приучил его к правилам здоровой и чистой жизни, которым Рабиндранат остался верен до конца своих дней. Наблюдать за восходом солнца, услышать первое щебетание птиц стало для него не просто ритуалом, а наслаждением, которое он никогда не упускал, за исключением дней, когда был прикован к постели. Эти четыре месяца, проведенные в обществе отца, вдали от однообразия дома и школы, стали не только самыми счастливыми днями детства, они дали ему богатейший опыт, расширили кругозор. В Калькутту он вернулся уже юношей, а не ребенком.

3. ОТРОЧЕСТВО

Переступив порог родного дома, Рабиндранат выглядел как юный герой, побывавший в победном походе, а не как малолетний школьник, вернувшийся домой с каникул. Тогда еще не знали ни автомобилей, ни самолетов, и Гималаи представлялись как дальняя мечта, легендарная обитель богов, доступная лишь для героев и мудрецов, про которых пишут в книгах. Побывать в этом сказочном краю, сопровождая самого Махарши, — мальчик словно получил знак отличия, положение его в семье мгновенно изменилось. Пришел конец тирании слуг. Теперь он уже был вхож во внутренние покои, где величественная мать с гордостью представляла своего отпрыска родственницам и гостям, с жадностью слушавшим его рассказы о путешествии. И конечно же, юный Роби, как павлин, распускал свои новые перья!

Доселе дни его проходили между помещениями слуг и классной комнатой. Никогда не получал он должной Доли материнской любви. Внутренние покои дома казались ему заколдованным дворцом.

"Во младенчестве, — писал он, — любовь и материнская ласка должны доставаться ребенку без просьб. Они так же необходимы ему, как свет и воздух, и так же естественно должны приниматься. Растущий ребенок скорее выказывает стремление освободиться из опутывающей его паутины материнской заботы. Но несчастное существо, лишенное всего этого в нежном возрасте, конечно же, ограблено. Такова была и моя доля. После того как я вдруг сразу обрел избыток материнской ласки, я сразу это почувствовал. Зенана^[17] снаружи кажется местом заточения, для меня же это была обитель свободы".

Особенную притягательность внутренние покои дома обрели с тех пор, как там появилась жена старшего брата Джотириндроната, Кадамбори, "с изящными золотыми браслетами на тонких коричневых руках". Она была лишь немногим старше Роби, и он неосознанно стремился к тому, чтобы сблизиться с ней.

Но Роби ошибался, если вообразил, что новообретенное положение избавит его от посещения школы. Старшие настояли на возвращении в Бенгальскую академию, а также наняли двух учителей, которые занимались с мальчиком санскритом и бенгальским языком. Однако учителя эти вскоре обнаружили справедливость изречения, что легче привести коня на водопой, чем заставить его пить. Пришлось им бросить все попытки

выучить Роби премудростям грамматики, и они начали просто читать с ним классические произведения: учитель санскрита — "Шакунталу", учитель бенгальского — "Макбет" по-английски. Учитель бенгальского языка, Гьян Бабу, происходивший из известной семьи ученых, вскоре нашел способ ладить с непокорным учеником. Они читали вместе несколько сцен из "Макбета", а затем он сажал Роби под замок и выпускал пленника только после того, как тот переложит бенгальскими стихами прочитанные страницы. Таким образом была переведена вся пьеса — первое приношение начинающего поэта великому английскому драматургу. К сожалению, рукопись не сохранилась. Лишь один отрывок — перевод первой сцены с ведьмами — был опубликован через семь лет, в 1880 году, в литературном журнале "Бхароти". Эта публикация свидетельствует о замечательном мастерстве, с которым мальчик владел бенгальским языком, стихосложением и особенно народной разговорной речью. Видимо, для перевода именно этой сцены он воспользовался особым размером и стилем, чтобы подчеркнуть таинственный характер происходящего.

Бенгальская академия, с ее англо-индийским духом, с уличным жаргоном учеников, с уроками, которые словно обрушивались на головы нерадивых школяров, была для Рабиндраната невыносимой. Наверное, во время утомительных классных занятий он и сочинил свою первую поэму "Абхилаш" ("Стремление"). Она появилась в следующем, 1874 году в журнале, издававшемся семьей, без указания имени автора. В заметке редактора лишь указывалось, что сочинение принадлежит перу двенадцатилетнего мальчика.

Вскоре он снова сменил школу и был принят в колледж Святого Ксаверия — впрочем, от этой перемены ничего не изменилось. Обучение и здесь было таким же скучным и формальным, как и в предыдущей школе, атмосфера казалась еще более тягостной из-за торжественного соблюдения религиозных обрядов.

Наконец в 1875 году в возрасте четырнадцати лет он окончательно бросил школу. Как бы ни уговаривали, чем бы ни грозили ему в семье, он больше не вернулся "на фабрику обучения". Его наставникам пришлось отказаться от всех планов о его будущей карьере и прекратить свои попреки. Старшая сестра, ухаживавшая за маленьким Роби, сетовала: "Мы все надеялись, что Роби вырастет мужчиной, но он нас ужасно разочаровал". Действительно, по общепринятым нормам он показал себя полным неудачником.^[18]

Покончив навсегда со школьными занятиями, он вовсе не думал бездельничать. Он был прирожденным поклонником Сарасвати — богини

науки и искусства; просто он не желал, чтобы к ее алтарю его вели насильственно, он хотел служить ей по своей воле. Вся атмосфера семьи подходила именно для такого свободного поиска знаний.

Дом в Джорашанко был подобен улью, куда собирался мед, полученный от разных цветов, диких и культурных. Поэты и ученые, музыканты и философы, художники и общественные реформаторы, гении и безумцы — все они жили одной большой семьей, а другие, подобные им, приходили извне. В доме ставились пьесы, написанные членами семьи, все время звучала музыка. Бенгалия переживала бурный процесс культурного возрождения; невиданную популярность завоевывали книги и литературные журналы, где печатались поэмы, романы с продолжением, переводы с иностранных языков. Юный Роби жадно читал все, что попадало в его руки, и внимательно слушал чтение и беседы старших.

Пробуждение сознания новой интеллигенции, в сочетании с приливом патриотических настроений привело к организации несколькими годами ранее, в 1867 году, культурно-политического праздника под названием Хинду Мела. Как и другие прогрессивные начинания в Бенгалки того периода, оно щедро поддерживалось семьей Тагоров. Мела может считаться предшественником Индийского национального конгресса, политической организации, которая под руководством Махатмы Ганди завоевала независимость Индии.

В феврале 1875 года юный Роби выступал с чтением своей новой патриотической поэмы на этом празднестве.^[19]

Поэма появилась в англо-бенгальском еженедельнике "Амрита базар патрика". Воодушевленный успехом, он вновь добивается триумфа, прочитав другое стихотворение, "Прокритир кхед" ("Жалоба природы"), перед литературным собранием.

8 марта того же года скончалась его мать, Шарода Деби. Ему минуло тогда тринадцать лет и десять месяцев.

В ночь, когда умерла его мать, Роби спал в детской на первом этаже. "Не знаю, — вспоминал он, — в который час старая наша нянька вбежала в слезах и закричала: "Малютки мои, все для вас пропало!" Моя невестка увела ее прочь, чтобы уберечь нас от внезапного ночного потрясения". Утром, мальчик узнал о смерти матери, но не мог осознать, что это значит. Он увидел, как она лежит на кровати во дворе, и в облике ее не было ничего, что могло бы посеять страх в сознании ребенка. Она была как будто погружена "в глубокий и мирный сон". Только когда тело вынесли из дому, вспоминал он, "горе как ураган пронеслось в моей душе при мысли, что никогда уже она не войдет снова в эту дверь, не займется, как обычно,

домашними хлопотами". Возвращаясь с церемонии кремации, он взглянул на дом и увидел отца на передней террасе, неподвижно застывшего в молитве. Эта картина, глубоко врезавшаяся в его сознание, помогала ему еще не раз переносить тяжелые утраты.

Роби повезло. В поворотный момент отрочества он нашел друга и наставника в своем брате, который заботился о нем и направлял его развивающийся, беспорядочный гений. А жена брата стала ему подругой и ангелом хранителем, она заменила мать, облагородила и укрепила его неосознанные юные стремления. Идеализированное представление о любви, "получеловеческой, полубожественной", которое укоренилось в его сознании благодаря увлечению вишнуистской поэзией, обрело конкретное воплощение в облике этой грациозной молодой женщины, наполовину матери, наполовину подруги.

Для одинокого и застенчивого Роби появление юной невестки стало источником вдохновения. Она представлялась ему существом из внешнего мира, примерно его возраста, и, быть может, как и он, чувствовала себя одинокой и робкой в обширном доме. Она была совсем еще девочкой и играла в куклы. Дом, раньше казавшийся ему тюрьмой, стал местом, где появились в изобилии нежность и участие, которых так долго ему не хватало. Иногда, когда невестка уезжала погостить к родным, он бывал безутешен. Тогда он начинал капризничать и, бывало, прятал что-нибудь из ее драгоценностей, "чтобы преподать ей урок". Когда она возвращалась и спрашивала его, в чем дело, он отвечал с гневом: "Что же, я должен стеречь твою комнату, пока тебя нет? Разве я сторож?" Она притворялась рассерженной и кричала в ответ: "Не надо стеречь мою комнату! Ты лучше за своими руками присмотри!"

Рабиндранат вспомнил эту сцену незадолго до смерти, когда ему было уже восемьдесят лет. "Современные женщины, — отметил он, — улыбнутся наивности их предшественниц, которые развлекать умели только мальчишек из своей семьи, — и возможно, что они правы. Теперь люди во всем стали как будто взрослее. А тогда мы все были как дети, и малые и старые".

Кадамбори любила литературу и музыку и обладала тонким даром восприятия. Это она привила ему любовь к лирике Бихарилала Чокроборти, поэта, к которому Рабиндранат относился с восхищением. Она делилась с ним своими восторгами по поводу поэмы старшего брата Диджендроната "Путешествие во сне", великолепной аллегории, отмеченной мастерством поэтических экспериментов. То было время, когда, как писал Рабиндранат, "сердца бенгальцев, как ураган, захватили"

романы Бонкимчондро Чоттопаддхая, печатавшиеся с продолжением в литературном журнале "Бонгодоршон".

"Вся страна ни о чем другом не думала, как лишь о том, что случилось или еще случится с героинями романов. Когда появлялся свежий номер "Бонгодоршона", никто не думал о послеобеденном сне. Мне просто повезло, что я никогда не был склонен вздремнуть после еды, потому что у меня был дар чтеца и моя невестка предпочитала слушать мое чтение, нежели читать самой. Тогда не было электрических вентиляторов, и, пока я читал, она обмахивала меня веером". Так между потерявшим мать мальчиком и бездетной молодой женщиной установилась теплая привязанность и дружба, которая укрощала беспорядочные стремления отроческого возраста и помогла созреть его своенравному гению.

Кадамбори одаряла его теплом своей ласки, столь нужной в его возрасте. А ее муж Джотириндронат дисциплинировал и направлял его еще не оформившийся талант. Джотириндронат находился в то время в расцвете творческих сил, и младший брат стал учеником в мастерской его гения. Он играл на пианино, а Роби пел. Он сочинял новые мелодии, перебирая пальцами по клавишам, а Роби импровизировал стихи, подходящие к музыке. Он читал брату наброски своих пьес и поощрял его к сотворчеству, принимая его советы и даже включая в свои произведения сочиненные Рабиндранатом отрывки. Он ставил эти пьесы, а брат в них играл. Он не позволял, чтобы разница в возрасте препятствовала младшему брату свободно излить свою душу, будь то в интеллектуальном споре или в литературном творчестве.

Такое здоровое и ободряющее общение помогло Роби преодолеть застенчивость, приобретенную в ранние годы детства.

"Если бы тогда не расторглись мои узы, я мог бы остаться на всю жизнь калекою. Сильные мира сего не устают поносить свободу, для того чтобы удерживать власть в своих руках. Но, не вкусив подлинной свободы, нельзя почувствовать себя вольным человеком. Единственный способ научиться пользоваться какой-либо вещью — это поначалу воспользоваться ею неправильно. Могу сказать о себе, что все мелкие неприятности, которые приносила мне излишняя воля, сами быстро научили меня от них избавляться. Я никогда не мог усвоить того, что меня заставляли глотать, удерживая за уши, в прямом или переносном смысле. Ничего хорошего не получалось, когда меня принуждали действовать не по своей воле", — вспоминал он об этом времени.

Ученичество Роби не ограничивалось литературными упражнениями. Джотириндронат взял младшего брата с собой в поездку по семейным

владениям в Шилейде в северо-восточной Бенгалии. Как и предыдущая поездка в Шантиникетон с отцом, это путешествие также ознаменовалось ощущением родственной связи с местом, которому впоследствии он был обязан одним из самых плодотворных периодов своего творчества. В Шилейде Джотиридронат учил его верховой езде и брал на охоту, впоследствии описанную Тагором:

"Джунгли были густыми, и в пятнах света и теней невозможно было различить тигра. Джотидада с ружьем в руке вскарабкался по грубому подобию лестницы из обрубков толстого бамбука. У меня же не было даже туфель на ногах, которыми бы я смог приклепнуть тигра. Бисванат, сопровождавший нас *шикари*,^[20] знаком приказал нам быть наготове, но некоторое время Джотидада никак не мог обнаружить тигра. Долго напрягал он свои глаза за стеклами очков, пока наконец не разглядел его полосы в чащобе. Он выстрелил. К счастью, пуля попала зверю в позвоночник, и он не мог подняться. Он свирепо рычал, грыз ветки и хлестал хвостом по земле. Вспоминая об этом теперь, я удивляюсь: вовсе не в тигрином характере так долго и терпеливо ожидать, пока в тебя выстрелят. Не пришло ли кому-нибудь в голову подмешать немного опиума в приманку, подброшенную ему накануне? А иначе откуда же такой крепкий сон?"

Во время пребывания в Шилейде романтичному поэту пришло в голову писать стихи не обычными нудными Чернилами, а ароматным соком цветов. Но всей влаги, которую он мог выжать из лепестков, не хватило, чтобы смочить кончик пера. Тогда он задумал создать приспособление для растирания лепестков. Он обсудил этот план с Джотиридронатом. Возможно, что старший брат посмеялся про себя, но не подал виду, лишь сказал: "попробуй!" — и вызвал механика, чтобы тот выполнил требования Роби. Машину изготовили, наполнили решето цветами, но, как ни вращал он пестик, ни капли цветочного сока ему так и не удалось выжать — лепестки размазывались в грязь. Юный романтик понял, что ему, к сожалению, далеко до Леонардо да Винчи. "Это, — признавался он, — был единственный случай в жизни, когда я попытался что-то сконструировать". Но он никогда не забывал, сколь многим он обязан своему старшему брату, который не стал его отговаривать от пустого эксперимента, а предоставил ему возможность самому извлечь урок из неудачи.

"Мой брат Джотириндра безоговорочно позволил мне идти своим путем к самопознанию, и только тогда смогла моя личность пойти в рост, подобно растению. И пусть, бывало, она выпускала шипы, но ведь и цветы их тоже выпускают! Мой опыт привел меня к тому, что надо бояться не

столько самого зла, сколько тиранических попыток творить добро. Я испытываю ужас перед карающей полицией — политической или моральной. Она создание состояния рабства, худшей формы раковой опухоли, от которой страдает человечество".

Теплое сочувствие и приязнь, которые он получал от одаренного Джотиридроната и его очаровательной жены Кадамбори, открыли в душе Роби изобильный источник поэтического творчества. Ему исполнилось четырнадцать лет, когда в литературном журнале "Гьянанкур" появилась его поэма в восьми песнях "Банапхул" ("Лесной цветок"), содержащая более 1600 строк. В ней рассказывается история юной девушки по имени Комола, которая была возвращена отцом в уединенной обители в Гималаях. Отец умирает, и она остается безутешной сиротой. Мимо проходит молодой путешественник и, потрясенный ее красотой, уводит ее с собою и женится на ней. Но Комола не может привыкнуть к жизни среди людей, она не может приспособиться к условиям человеческого общежития и сожалеет об оставленных лесах и горах. Она увлечена другом мужа, молодым поэтом по имени Нирад, и в своей невинности объясняется ему в любви. Нирад тоже тайно влюблен в нее, но его возмущает столь открытое проявление чувств: он читает девушке наставления о долге и супружеской верности. Вскоре Нирад гибнет от руки мужа Комолы. Сердце Комолы разбито этим убийством, она покидает дом мужа. Предав тело возлюбленного огню, она возвращается в горы. Но она уже познала человеческую любовь и не может обрести покоя в одиночестве. В конце концов она бросается со снежной вершины в протекающую внизу реку. Волны, как нежные руки, обнимают дитя, прижимая к материнской груди. Дикий цветок был сорван и увял...

Первый его опыт в прозе — литературно-критическая статья, рассматривающая черты различных жанров поэзии, — появилась в этом же журнале.

Круг его интересов все расширялся. Он вступил в тайное общество под названием "СандживаниСабха", основанное его старшим братом Джотиридронатом и Раджнарайоном Бошу.^[21] Общество ставило своей целью политическое освобождение Индии и строилось по примеру итальянских карбонариев. Встречи проводились "в полуразвалившемся доме в дальнем переулке Калькутты", и все, что на них происходило, было окутано туманом тайны. "Никто из нашей семьи, — писал Тагор, — не знал, где мы проводим вечера. Двери были заперты, комната погружалась в темноту, паролем нам служило заклинание из вед,^[22] переговаривались мы шепотом". Джотиридронат был неисправимым романтиком, богатое

воображение вовлекало его в невероятные авантюры, иногда — с последствиями, достойными Дон Кихота. Собственный талант его постепенно иссякал, но он помог развиваться многосторонним интересам младшего брата. А среди этих интересов не последним была забота о деле освобождения народа.

В первый день нового 1877 года вице-король Индии, лорд Литтон, устроил в Дели пышное празднество, пытаясь превзойти блеск роскоши могольских императоров. В это же самое время в стране распространился ужасный голод и бесчисленные иссохшие тела умерших лежали тут и там без погребения. Жуткий контраст стал темой сатирического стихотворения Роби, которое он прочел на празднестве Хинду Мела.

В это время Джотириन्द्रонат основал литературный ежемесячный журнал под названием "Бхароти", который стал выходить под руководством старшего брата Диджендроната, поэта-философа. В семейном журнале юный Роби получил возможность широко публиковать свои произведения. Источник пробился на свет, и теперь уже ничто не могло удержать его хлещущую струю. Один за другим появляются его первый рассказ "Бхикарини" ("Нищенка"), незаконченный роман "Сострадание", историческая драма "Рудра Чанда", написанная белым стихом, поэма "История поэта", цикл песен в старинном стиле, а также множество стихотворений, статей, заметок по западной литературе и переводов. Большую часть этих произведений он впоследствии решительно исключил из своего собрания сочинений и писал о них: "В голове моей ничего не было, кроме перегретого пара, и вот кипящие пузыри бурлили в водовороте воображения, без цели и без смысла. Это не было развертыванием новых форм, а лишь клототание, расплескивание пены. Если в этих творениях и был какой-нибудь смысл, то он принадлежал не мне, а был заимствован у других поэтов. Моим было только безостановочное, напряженное клототание, которое я все время ощущал внутри себя".

Так жестоко оценил поэт свои ранние опыты в те годы, когда он уже овладел искусством слова и формы: юношеские пробы пера, должно быть, смущали его своими явными недостатками. Однако многие из этих сочинений не лишены поэтических достоинств. Они представляют интерес, поскольку позволяют увидеть то переходное состояние, в котором пребывал тогда не только молодой поэт, но и вся бенгальская литература. Старые формы уже умирали, а новые еще только зарождались. Мальчику-поэту приходилось ощупью пробираться через хаос, следовать за многими призраками, прежде чем он открыл свой собственный путь.

Санскритская литература, средневековая вишнуистская любовная

лирика и западная литература — вот три главных фактора, повлиявшие на творчество Рабиндраната. Так же как соединение трех рек считается в Индии священным местом, так и соединение этих трех различных потоков создало поэзию Рабиндраната такой, какой она завоевала всеобщее признание. Созданные в этот период "Песни Бхану Шингхо" свидетельствуют о влиянии религиозной поэзии вишнуитов на юного стихотворца. Основная тема вишнуитской поэзии — это любовь Радхи и других пастушек к Кришне, божественному пастуху (ему приписывается авторство "Бхагавадгиты"^[23]). Любовь эта символизирует стремление души к богу. Поэзия вишнуитов осталась непревзойденной в индийской культуре по силе лиризма, накалу страстей, от самых возвышенных до эротических. Ее отличает сочетание мистического и человеческого, отвлеченного и конкретного, своеобразности образов и простоты формы. Однако в XIX веке эта поэзия пребывала в забвении, образованные индусы, воспитанные на западной литературе, относились к ней с явным презрением. Поэтическая форма вишнуитов казалась слишком условной, сентиментальные излияния слишком банальными, а религиозный символизм лишь данью суевериям и идолопоклонству.

Роби не исполнилось и двенадцати лет, когда стихи "Бхагавадгиты" были впервые собраны и напечатаны на бенгальском языке, но уже тогда они зачаровали его глубиной образности, метрической смелостью и силой воображения. Увлечение вишнуитской поэзией все возрастало, и в шестнадцать лет он ощутил желание излить свои собственные смутные ощущения с помощью ее устоявшихся форм. И вот однажды, во время сезона дождей, когда тяжелые тучи закрывали все небо, он лежал один в своей комнате и, взяв в руки грифельную доску, написал первые строки на старинном языке средневековых поэтов:

*Густые заросли цветов трепещут в такт мелодии флейты.
Отбрось и страх и стыд, приди, милая, приди!*

Следуя манере древних стихотворцев, он поставил в последней строке имя автора — Бхану Шингхо, что означает в точности то же, что и его собственное имя "Рабиндранат" — "Повелитель Солнца".

Созданные таким образом стихи он прочел одному из приятелей, сказав, что они были написаны поэтом XV века. Приятелю стихи понравились, он не догадался о подделке. Так они появились в "Бхароти", причем юный Роби объяснял во вступительной заметке, что, роясь в

архивах библиотеки общества "Брахма Самадж", он обнаружил рукопись поэта XV столетия.

Кое-кто из читателей поддался на обман, и в своих мемуарах Рабиндранат вспоминал позднее, как один бенгальский ученый, доктор Нишиканто Чоттопадхай, преподававший в университетах Эдинбурга, Санкт-Петербурга и Лейпцига, в своей книге об индийской лирической поэзии, которую он выпустил в Германии, высоко оценил творчество Бхану Шингхо.

Вспоминая об этой мистификации, Тагор писал: "Надо было проверить поэзию Бхану Шингхо на звук. В ней не было пленительного пения наших древних флейт, но только дребезжание современной шарманки, привезенной из-за границы".

В те дни сами по себе литературные занятия не считались профессией, и поэтому понятно, что в семье раздумывали, как бы направить порывистый характер не по годам развитого мальчика в полезное и достойное русло. Один из старших братьев, Шотендронат — первый индеец, поступивший в колониальную администрацию, — предложил взять с собою Рабиндраната в Англию, куда он собирался вскоре отправиться. Отец согласился, и Рабиндранат поехал с братом в Ахмадабад, [24] где старший брат исполнял в то время обязанности окружного судьи. Было решено, что он проведет несколько месяцев с братом, чтобы подготовиться к поездке и улучшить свои манеры в соответствии с требованиями британского этикета. Так началось его второе путешествие за пределы Бенгалии, на этот раз в западную Индию. Судья жил во дворце XVII века, построенном принцем Хусру (известным в дальнейшем как император Шах Джахан, строитель Тадж-Махала). Дом стоял на открытой возвышенности над берегом реки Сабармати. Шотендронат проводил в суде целые дни, и младший брат, внезапно вырванный из праздничной, кипучей атмосферы семейного гнезда в Калькутте, чувствовал себя одиноким и покинутым. Его не оставляли мысли о собственном несовершенстве — он понимал, что жизнь — это нечто большее, чем литература, что ему предстоит обратиться к действительности — мысли эти впоследствии овладевали им снова и снова. В одном из первых стихотворений, написанных в Ахмадабаде, он взывает к главной богине своей жизни и молит ее искупить бесплодие его бытия, вдохнуть силу духа и дать цель его существованию, "бесполезному, беспомощному и безрассудному". Он просит дать возможность испытать свое мужество в деяниях и "вписать свое нетленное имя в свиток времени".

В кабинете брата хранилось множество книг на английском и на

санскрите, и одинокий мальчик жадно вчитывался в английскую литературу, а через ее посредство — в другие европейские литературы. Статьи, которые он посылает в это время в журнал "Бхароти", свидетельствуют о широком диапазоне его интересов. Вот лишь некоторые из заголовков: "Саксы и англосаксонская литература", "Норманны и англонорманнская литература", "Петрарка и Лаура", "Данте и его поэзия", "Гёте", "Чаттертон" и так далее.

Он нередко переводил стихи европейских поэтов и включал их в качестве иллюстраций в свои статьи. Кроме книжных исследований, которые показывают нам широту его интересов и силу его любознательности, он много пишет в эти дни по самым разным предметам.

Он провел в Ахмадабаде всего около четырех месяцев, но период этот стал важной ступенью в его внутреннем развитии. Именно здесь он начал сам сочинять мелодии к своим песням. В Калькутте он часто наблюдал, как его брат Джотириन्द्रонат подбирает мелодии, пробегая пальцами по клавишам фортепьяно. Теперь Рабиндранат сам сочинял музыку и слова. Такой вид поэтического творчества, когда то слова, появившись, влекут за собой мелодию, то мелодия, наоборот, вызывает слова, то они рождаются одновременно, остался для него главным до конца. Всего он создал слова и музыку к более чем двум тысячам песен. Их поют в Бенгалии по всякому поводу, и широта их популярности превосходит даже известность его поэзии. Сам он неоднократно говорил, что, если даже стихи и само его имя когда-нибудь окажутся забыты, народ по-прежнему будет петь его песни.

В Ахмадабаде он задумал один из своих лучших рассказов, "Голодные камни", написанный несколько позже. Он жил в доме, где камни были немymi свидетелями сцен празднеств и интриг, подобных тем, что описаны в "Тысяче и одной ночи". И воображение его в свободном полете воссоздавало сцены ушедших дней. "В Ахмадабаде, — писал он, — я впервые почувствовал, что история замерла и стоит, обратив лицо к благородному прошлому... Сколько столетий пронеслось с тех времен! Вот Нахабат-хана, Певческая галерея, — здесь день и ночь играл оркестр, подбирая музыку, соответствующую восьми частям суток. Ритмичный топот подкованных коней разносился по улицам, когда проводились роскошные парады турецкой кавалерии и солнце сверкало на наконечниках копий. Во дворе падишаха одни заговоры сменяли другие. Абиссинские евнухи с мечами наголо охраняли внутренние покои. В садах гарема плескали фонтаны розовой воды, браслеты позвякивали на запястьях жен падишаха. Сегодня Шахибаг безмолвен, как забытая сказка. Его цвета поблекли, его звуки умолкли. Очарования тех дней исчезли, и ночи

утратили свой загадочный аромат".

После нескольких месяцев в Ахмадабаде старший брат Шотендронат решил, что Роби пойдет на пользу, если он получит возможность попрактиковаться в разговорном английском языке, привыкнуть к западному образу жизни, к женскому обществу. Он послал брата в Бомбей к своему другу доктору Атмараму Пандурангу Туркхуду, известному врачу и одному из самых прогрессивных людей своей эпохи. Бремя "обучения" Роби пало на младшую дочь в семье, прелестную девушку, недавно вернувшуюся из Англии и по тем временам весьма искусную в тонкостях цивилизации. Ана (полное имя ее Аннапурна) была лишь немногим старше Роби. Учительница с радостью приняла на себя заботы, тем более что ученик вскоре был очарован такой милой наставницей.

"Мои успехи были заурядны, — вспоминал он в возрасте восьмидесяти лет. — Я не мог похвастаться перед нею своей начитанностью, но при первом же удобном случае сообщил, что могу сочинять стихи. Это было единственное достоинство, каким я мог надеяться завоевать ее внимание. Когда я поведал ей о своем поэтическом даре, она ни на минуту не усомнилась. Она попросила меня найти для нее поэтическое имя, и то, которое я придумал, очень ей понравилось. Я задумал вплести это имя в сложенные мною стихи и спел их ей на старинный мотив. Она сказала: "Мой поэт, если бы даже я лежала на смертном одре, твои песни возродили бы меня к жизни". Вот пример, насколько любят девушки кружить головы юношам преувеличенными похвалами. Они делают это просто из удовольствия доставлять удовольствие".

Эта краткая романтическая история, хоть и была, по сути, не больше чем невинная близость, оставила в душе Рабиндраната нестираемый след. Рабиндранат запомнил Ану на всю жизнь — это видно по многим упоминаниям о ней в зрелые годы, всегда исполненным нежности и уважения. Вот что пишет он в поздних своих воспоминаниях "Мои детские годы" — в них он менее скрытен, чем в автобиографии, написанной несколькими десятилетиями раньше:

"Иногда к нам на баньян залетали необычные птицы, невиданные в Калькутте. Они улетали прочь прежде, чем я научался распознавать движения их крыльев, но они приносили с собою странную прекрасную музыку из родных мест, где-то глубоко в джунглях. Так на пути нашего странствия по жизни бывает, что какой-то ангел из дальних невиданных краев пересекает наш путь, говорит с нами на языке своей собственной души и увеличивает владения нашего сердца. Эта прищелица является

незваной, и когда в конце концов мы призываем ее — ее уже нет с нами. Но, уходя, она оставляет на унылой канве нашей жизни узор расшитых цветов, и с той поры дни и ночи наши обогащены ее подарком".

4. Юность

20 сентября 1878 года Рабиндра и его старший брат Шотендронат отплыли в Англию на борту парохода "Пуна". Рабиндра покидал Индию с тяжелым сердцем — ведь на берегу оставалась прелестная Ана, а дома в Калькутте — невестка Кадамбори, которая была для него и матерью и подругой. Он оставлял за спиной все, что было ему дорого. Впереди его ждали не девственные леса и плодородные равнины, а перспектива снова оказаться на "фабрике обучения".

На наше счастье, он оставил исчерпывающие сведения об этой поездке, сначала в письмах, которые он писал домой (они печатались с продолжением в "Бхароти"), а гораздо позже — в автобиографии. Письма интересны для нас, потому что передают поток первых, свежих впечатлений. В "Воспоминаниях" он даже сожалеет о них. "В недобрый час мне пришлось на ум писать письма моим родным и в "Бхароти". Теперь я уже не в силах отозвать их обратно, а ведь в них ничего нет, кроме всплеска юношеского хвастовства. В том возрасте ум не в силах понять, что величайшее достоинство заключается в том, чтобы узнать, принять, похвалить; что скромность — это лучшее средство увеличить его владения. Восхищение представляется знаком слабости или подчинения, и желание принизить, обидеть или опровергнуть порождает лишь словесный фейерверк, которому, увы, и я отдал дань".

Конечно, это слишком суровое суждение. Но сами по себе письма полны пронизательных наблюдений и замечаний, содержат чудесные описания английской природы. Они обладают серьезными литературными достоинствами и имеют историческое значение, как ранний образец бенгальской прозы в разговорном стиле. Если автору в преклонном возрасте они казались дерзкими, то лишь потому, что он уже вышел из той поры, когда юношеская дерзость кажется такой восхитительной и обезоруживающей. Во всяком случае, литературные их достоинства он признавал, понимая, что пусть и по легкомыслию, но проложил новый путь в родной литературе.

Это было первое заграничное путешествие Рабиндры. Он плохо переносил морскую качку и первые шесть дней провалялся на койке в темной каюте. Позже он сожалел, что не мог разделить "восторг великих поэтов мира, от Вальмики до Байрона, который они ощущали при виде моря".

Братья высадились в Суэце, где тридцать шесть лет назад сошел с корабля на землю их дед. "Пожалуй, я не вправе, — признавался Рабиндра в письме, — что-нибудь рассказывать о Суэце — ведь я не удалялся от порта больше чем на полмили. Мне хотелось осмотреть все вокруг, но попутчики, которые бывали здесь ранее, предупреждали, что такая прогулка не принесет ничего, кроме утомления. Но даже это бы меня не остановило, если бы я не узнал, что единственный способ передвижения по городу — верхом на осле. А у ослов в Суэце сильная воля и крепкий дух. В большинстве случаев они и внимания не обращают на прут или узду. В споре характеров между ослом и его седоком победителем обычно оказывается осел".

В Суэце они сели на поезд.^[25] "Всю ночь он полз как улитка. Утром я обнаружил, что мы с ног до головы занесены тончайшей пылью. Когда мы достигли Александрии, мы выглядели как индийские *садху*, осыпанные пеплом". Гавань и город Александрия произвели на него большое впечатление, и он со стыдом отметил, что на рейде стоят корабли всех стран света, кроме его родины.

Из Александрии братья отплыли на пароходе "Монголия" в Бриндизи. Там в первый раз он ступил на землю Европы.

В Бриндизи путешественники поездом отправились в Париж. "Какой пышный город!" Рабиндра был просто поражен. Все казалось ему настолько великолепным, что он чувствовал себя растерянным, "как будто надел чересчур свободное платье". Наконец они достигли Лондона. "Такого унылого города, — писал он, — я никогда еще не видывал. Закопченный, туманный, мокрый, все спешат и толкаются". (Позднее Лондон начал ему нравиться.) В тот раз он только мельком увидел его в ненастную погоду, по пути в Брайтон, где их ждала жена Шотендроната.

В Брайтоне он был счастлив, он почувствовал себя как дома. Его невестка было добра к нему, и двое детей, Сурен и Индира, шести и пяти лет, сразу привязались к молодому и красивому дяде.

В Брайтоне его ждала школа. "Первое, что мне сказал учитель, оглядев меня, было: "Какая у тебя прекрасная голова!" Вопреки тому, что обычно рассказывают о школах в Англии, над новичком никто не издевался, дети относились к нему хорошо. Но ему не пришлось долго учиться в Брайтоне. В Англию приехал друг его старшего брата и убедил Шотендроната, что для настоящего обучения Рабиндре необходимо вести самостоятельную жизнь. Рабиндру отправили в Лондон, где он поселился в наемной квартире окнами на Ридженс-парк. Была зима, на деревьях в парке — ни листочка. Юноша страдал не столько от холода, сколько от унылого пейзажа,

промораживавшего его до костей. Казалось, что природа постоянно хранит хмурое выражение, небо мутно, а дневной свет тусклый, "как глаза мертвеца". Рабиндра обладал наблюдательным взглядом и все увиденное описывал в письмах домой. Вот несколько отрывков:

"Пивные здесь на каждом углу, но книжные магазины редки". "Девушки здесь играют на пианино и поют, они сидят у камина и читают романы, их учат занимать гостей и получать удовольствие от бесплодного любезничания". "Люди вокруг убеждены, что я ничего не знал о цивилизации, пока сюда не приехал. На днях брат доктора предпринял попытку разъяснить мне, что такое фотоаппарат, а на званом вечере мисс — спросила меня, видел ли я раньше пианино". "Я встаю в шесть утра и принимаю горячий душ. Это изумляет всех, кому я об этом рассказываю". "Недавно нас пригласили на званый вечер к доктору М. Было много других гостей, и среди них две очень красивые девушки. Нечего и говорить, они ясно видели, какое впечатление производят на окружающих. Через некоторое время меня попросили спеть индийскую песню. Я долго отказывался, зная, как необычно звучит наша музыка для их ушей. Но пришлось подчиниться. Вежливость остается достоинством, даже если она вынуждает выглядеть смешным. Я запел. Это было тяжелое испытание, потому что я видел, как трудно было моим слушателям подавить улыбки и смешки. Я облегченно вздохнул, когда наконец допел свою песню. Лицо мое и уши так и горели".

Из своей темной и унылой квартиры Рабиндра вскоре перебрался в дом профессионального учителя, некоего мистера Баркера, очень мрачного, замкнутого человека. Кроме него, в доме жили "его жена, кроткая маленькая женщина, когда-то, видимо, очень привлекательная", и ее домашняя собачка. Когда Баркер хотел наказать свою жену, он мучил бедную собачку. "Когда-то он был священником, — писал Тагор, — и я уверен, что каждое воскресенье он рисовал перед своими прихожанами яркие картины адских мучений". Муж и жена редко когда обменивались словом. Молчаливо и угрюмо сидели они за обедом, смущая своего робкого гостя.

Наконец провидение пришло на помощь Рабиндре: он получил письмо от жены Шотендроната с приглашением провести летний сезон в Торкэе, в Девоншире, где семья сняла на лето коттедж. Он тут же помчался туда в надежде обрести веселье на лоне природы, в компании детей — эти два источника радости никогда его не предавали. Пейзажи Девоншира пришлись ему по сердцу, но он удивлялся, почему молчит в его душе источник поэзии. Однажды он всерьез решил "исполнить назначение

поэта".

Он избрал уединенное место на скале, нависающей над морем, на краю сосновой рощи, "тень которой лежала, как скинутое одеяние какой-нибудь томной лесной нимфы". Там он написал стихотворение под названием "Затонувший корабль", о котором скажет: "Если бы я своевременно принял меры предосторожности и утопил бы его там же в море, то теперь я вполне мог бы поверить, что это были хорошие стихи".

Но вскоре приятный отпуск завершился, Рабиндра вернулся в Лондон и поступил в Лондонский университет. Он посещал курс лекций Генри Морли^[26] по английской литературе. На него произвел большое впечатление преподавательский дар профессора. Генри Морли оказался единственным среди его преподавателей, о котором Рабиндранат отозвался с безоговорочной похвалой. Но курс университетских занятий длился для него не более трех месяцев. Во время пребывания в Лондоне он часто бывал на галерее посетителей в парламенте, слушая дебаты Гладстона и Джона Брайта^[27] по вопросу ирландского самоуправления. Что-то в облике последнего так привлекло Рабиндраната, что он не мог отвести глаз от почтенного старца. Он с сожалением отмечал, что, когда выступали ирландские члены палаты общин, зал заседаний мгновенно пустел.

Жизнь Рабиндры в Лондоне после возвращения из Торкэя изменилась — он поселился в доме дружески настроенной к нему английской семьи. Главой ее был некий доктор Скотт. Когда Рабиндра впервые прибыл в этот дом, там находились лишь седовласый доктор, его жена и старшая дочь. Две младшие дочери уехали к родственникам, когда узнали, что в доме должен появиться "цветной". Они вернулись лишь после того, как их убедили, что приезжий абсолютно безопасен в общении. В одном из писем домой он рисует подробную картину повседневной жизни этой семьи, которую полюбил. "Пока я жил в этой семье, — писал он, — я с изумлением осознал, что человеческая натура везде одинакова. Мы часто говорим, и я сам в это верил, что преданность индийской женщины своему мужу совершенно уникальна и в Европе нельзя найти ничего подобного. Но я так и не смог провести какого-нибудь различия между миссис Скотт и идеальной индийской женщиной".

Ранее его наблюдения за английской жизнью и особенно за ролью и манерами английских женщин были полны иронии и едких замечаний. Но теперь тон его изменился, и он открыто восхищался обаянием и силой характера английских женщин. Это восхищение сказалось в письмах, которые он писал домой и в редакцию "Бхароти". Сравнивая положение

женщин в двух обществах, западном и восточном, он старался показать, что те черты, которые были источником слабости в одном обществе, становились источником силы в другом. Но такое восхищение прекрасными англичанками вызвало недовольство старших членов семьи. И вот из Индии последовало приказание, чтобы Рабиндра прервал занятия и вернулся домой вместе со старшим братом.

Трудно сказать, обрадовался или опечалился юноша таким поворотом событий. Сам он пишет в воспоминаниях: "Свет моей родины, небо моей родины беззвучно призывали меня".

В феврале 1880 года Рабиндра вернулся домой вместе с братом и его семьей, проведя за рубежом семнадцать месяцев.

Искал ли он Ану, когда сошел с корабля в Бомбее? Это неизвестно. Скрытность его всегда будет ставить в тупик биографов. Он был воспитан в обществе, которое на викторианскую Англию смотрело как на пик интеллектуального и морального прогресса, взращен под мощным влиянием отца, известного своим строгим пуританизмом. Поэтому неудивительно, что Рабиндра был робок и скрытен в отношении с женщинами. Таким он и остался до конца жизни, хотя последние двадцать лет его жизни прошли в эпоху, когда все прежние ценности были перевернуты с ног на голову и беззастенчивое саморазоблачение стало считаться одной из добродетелей.

Он вернулся с пустыми руками, не получив никакого диплома, не определив своего жизненного пути. Единственным плодом его пребывания была рукопись длинной лирической драмы, начатой в Лондоне под знаменательным названием "Разбитое сердце". Сюжет несложен и напоминает предыдущие повествовательные поэмы Тагора. Конечно же, в центре его неизбежно находится поэт, юный, прекрасный и одержимый мечтами, разбивающий чужие сердца и сам не знающий, чего же он хочет. В него тайно влюблена девушка по имени Мурала, подруга его детских лет. Но поэт слишком поглощен самим собою, чтобы увидеть эту любовь. Однажды он встретил прекрасную и капризную девушку и решил, что влюбился в нее. Ее зовут Нолини. Это жестокая красавица, забавляющаяся игрой с чужими сердцами. Разочарованный поэт удаляется в странствие. Вернувшись, он застаёт Муралу на смертном одре и понимает, что только ее он любил всю жизнь. Но, увы, слишком поздно!..

Есть в драме и другие персонажи, и все они разбивают сердца друг другу. Даже Нолини вдруг обнаруживает в конце, что сердце ее разбито. "Я играла чужими сердцами и вдруг потеряла свое. Там, где разбивались чужие сердца, разбилось и мое". Конечно же, в драме содержатся

глубокомысленные рассуждения. К примеру, Мурала к концу понимает, что "тот, кто не владеет ничем, имеет все. Бездомным принадлежит весь мир. Для человека, у которого нет друзей, никто не останется чужим". Но ни трагедия, ни философия в этом сочинении не реальны, поскольку автор еще слишком молод, чтобы глубоко пережить, испытать то, что он взялся выразить. Однако поэтический дар Тагора требовал выхода, и поэма содержит несколько прекрасных лирических отрывков, доказывающих, что автор постепенно обретал власть над формой.

Поэма эта не переиздавалась, Тагор не включал ее в собрание своих сочинений. Но при появлении именно она принесла успех автору. Лирическая легкость и романтическое самоотречение этой поэмы оказалось чем-то новым в бенгальской поэзии. Махараджа Трипуры, соседнего с Калькуттой княжества, послал своего главного министра в Калькутту, чтобы он повидал юного поэта и передал ему поздравления с литературным успехом. В поздние годы автора удивляло не то, что он написал это затянутое и напыщенное сочинение, не то, что оно тогда казалось ему удачным, а то, что удачным оно казалось и читателям. "Самое любопытное, — писал он, — не в том, что мне тогда было восемнадцать лет, а в том, что казалось, будто и всем вокруг по восемнадцать".

Вскоре по возвращении поэт написал свою первую музыкальную драму "Гений Вальмики".

Сюжет ее основан на легенде о первом эпическом поэте Индии, Вальмики, авторе "Рамаяны". Согласно преданию он предводительствовал шайкой разбойников. И вот однажды Вальмики увидел, как горюет журавлиха над убитым журавлем. Чувство своего сострадания он выразил стихами, которые и составили первую эпическую поэму Индии. Но в драме Рабиндраната чувство жалости в Вальмики пробуждает не сострадание к журавлихе, а жалобный крик юной девушки, которую разбойники собираются принести в жертву, чтобы умилостивить богиню мщения Кали.

Движимый жалостью Вальмики спасает девушку, разгоняет свою шайку и бродит в поисках своего истинного призвания. Ему предстает богиня Сарасвати и объявляет, что это она в облике девушки пробудила его человечность. Она дает ему дар песнопения и говорит: "Музыку Жалости, которая растопила твое каменное сердце, ты своим голосом донесешь до миллионов людей. Это будет музыка человечности, смягчающая и очищающая сердца. Голос твой будет раздаваться из края в край по всей земле, и многие поэты будут вторить твоим песням".

В "Гении Вальмики" прежде всего важны не драматическая форма и не поэтические достоинства, а музыкальное новаторство. Рабиндра попытался

сделать в музыке то же, что он уже сделал в литературе. Уважая оба ее направления — классическое и народное, он свободно черпал из каждого то, что соответствовало его намерениям. Не отказывался он и от заимствований из западной музыки. Во время пребывания в Англии ему доводилось слушать серьезную европейскую музыку, и постепенно он научился ценить ее красоту. Но до конца жизни он оставался убежденным, "что наша музыка и их музыка обитают в разных помещениях, и в наше сердце входят не через одну и ту же дверь". В европейской музыке он ценил то, что было (или казалось ему) ее романтической направленностью, "ее многообразии, щедрости, вечно меняющуюся игру света и теней, бесконечных колебаний волн на море нашей жизни". Он отмечал, что в противовес "чистой протяженности" индийской музыки европейская обладает силой превратить в мелодию драматическую игру и само исчезновение жизни. В работе Герберта Спенсера "Происхождение и назначение музыки" он прочел, что чувство придает речи музыкальность Интонации. "Мне понравилась идея Спенсера, — признавался он, — что человек открыл для себя музыку посредством этих мелодических модуляций голоса. Надо попытаться создать драму, построенную на речитативе в согласии с этой теорией". Он предпринял такую попытку в "Гении Вальмики" и был весьма ободрен сценическим Успехом этой пьесы. Он исполнял роль Вальмики, а его юная племянница Протибха — роль девушки, которую Рабиндра — Вальмики спасает от разбойников. ("Протибха" означает "гений"; таким образом, в самом названии пьесы "Вальмики Протибха" скрыта шутка.)

Вскоре он пишет другую музыкальную драму в том же духе, основанную на древней легенде из "Рамаяны" под названием "Роковая охота". Она также была с успехом поставлена на импровизированной сцене в доме Джорашанко, причем Рабиндра исполнял роль слепого отшельника. В "Воспоминаниях" он писал: "Никогда впоследствии я не ощущал такого энтузиазма в работе, как при создании "Гения Вальмики" и "Роковой охоты". В этих пьесах нашел свое воплощение творческий музыкальный дух времени".

Но впереди его ждал еще более богатый урожай. Нужно было лишь ждать, пока нива созреет под палящими лучами солнца. Джотиридронат и его жена оставили Калькутту; Рабиндра не смог поехать вместе с ними. Вскоре он заскучал, почувствовал себя одиноким и несчастным, Юный поэт поселился в комнатах брата на четвертом этаже, но ему не хватало вдохновляющего общения с братом и теплой привязанности невестки, к которым он так привык. На некоторых членов семьи произвело плохое

впечатление его бесславное возвращение из-за границы, без академических наград: они смотрели на него как на одаренного, но никудышного человека. Одиноким, покинутым, лишенный любви, страдающий от мрачных фантазий, он хотел найти освобождение в творческом самовыражении. Теперь он отказался от пера и бумаги и творил карандашом на грифельной доске. Уверенность, что "достаточно провести рукой — и все пропадет", давала ему добавочную веру в себя, и он писал без усталости. Так был создан цикл стихотворений, опубликованных впоследствии под названием "Вечерние песни" — первые произведения Рабиндраната, несущие несомненную печать его неподражаемого гения.

Наконец он овладел формой и мог писать как пожелает, не испытывая воздействия образцов прошлого. Сердцем он понял: "Наконец-то то, что я пишу, принадлежит мне". Он стремился излить свою душу. "Поток не течет по прямой линии, но вьется, как пожелает, — так же свободно прокладывал путь мой стих. Раньше это показалось бы мне достойным осуждения, но теперь я не чувствовал угрызений совести. Первое, что делает свобода, — она нарушает закон; затем она устанавливает Другие законы, которыми подчиняет себя подлинному самовластию. Я выделял удивительные прыжки, только чтобы убедиться, что я свободен в движениях". Читатели оценили этот цикл. Публике стало ясно, что на небосклоне литературы поднялась новая звезда. Автор вспоминал впоследствии, как в одном доме на свадебном празднестве появился почетный гость, знаменитый романист Бонкимчондро Чоттопаддхай. Хозяин хотел украсить его цветочной гирляндой, но Бонкимчондро снял гирлянду со своей шеи и надел ее на только что вошедшего Рабиндру, сказав хозяину: "Это он достоин гирлянды, Ромеш. Читал ли ты его "Вечерние песни"?"

Меланхолия, разлитая по всему циклу, может показаться наивной и незрелой, но никто не смог бы назвать ее неискренней или преувеличенной. Сам автор в поздние годы краснел, вспоминая некоторые стихотворения, и хотел бы исключить их из собрания сочинений. Но он твердо защищал их от упреков в фальшивой аффектации. "Тот, у кого хорошее зрение, может насмеяться над юношей, носящим очки, будто он носит их как украшение". В человеческой жизни есть период, писал Тагор, когда единственная истина — это "страдания неясности"; выражение этого неясного чувства не может быть ясным, но его нельзя отбрасывать как несущественное. "Грусть и боль искали выражения в "Вечерних песнях", корни их были в глубине моего существа. Как сознание спящего борется с кошмарами, стараясь пробудиться, так и подавленная внутренняя суть человека сражается, чтобы освободиться от угнетающих ее воздействий и

вырваться на простор. Эти "Песни" — история такой борьбы".

К этому времени уже была опубликована его яростная полемическая статья "Торговля смертью с Китаем", в которой он обвинял англичан в торговле опиумом в этой стране. Его симпатия простиралась далеко за границы родины, и он уже начинал обличать зло, где бы его ни находил. Всю жизнь, от рождения до смерти, отличительной чертой его природы была двойственность: с одной стороны, напряженное самоуглубление, с другой — мужественное участие в разрешении мировых проблем. Эта двойственность никогда не исчезала, но и равновесие духа никогда полностью не нарушалось. Лишь характер взаимодействующих сил менялся со временем и с обретением опыта. Мрачная самоуглубленность сменилась со временем спокойной и безмятежной созерцательностью, а интерес к внешнему миру, к природе и людям расширил горизонты души поэта и углубил его способность к сопереживанию.

Одиноким, недовольный собою, Рабиндранат обратился к отцу, который по обыкновению находился в Гималаях, с просьбой разрешить ему вновь поехать в Англию и продолжать занятия юриспруденцией. Тот ответил согласием, и 20 апреля 1881 года юноша второй раз отплыл в Англию в сопровождении племянника.

Второе путешествие в Англию оказалось неудачным. Племянник, Шоттопрошад, сопровождавший его в путешествии, незадолго перед тем женился и, как только корабль отплыл из Калькутты, плохо себя почувствовал — на него в равной степени неблагоприятно действовали морская качка и разлука с супругой. К тому времени, как пароход приплыл к Мадрасу, он решил вернуться домой. Но ему не хватало храбрости, чтобы в одиночку предстать перед грозным Махарши. Тогда он уговорил своего молодого дядюшку возвратиться вместе с ним. Похоже, что дядя охотно согласился, может быть, потому, что он тоже оставил свое сердце дома. Во всяком случае, он представлял себе серьезные последствия такого решения и потому проделал весь путь до Моссури в восточных Гималаях, где пребывал отец, чтобы лично объяснить с ним. "Я явился к нему, — писал он, — дрожа от страха. Но отец не выказал никакого раздражения, наоборот, казалось, что он доволен. Должно быть, он увидел в моем возвращении благость провидения".

Из Моссури он отправился во французское владение Чондонногор, недалеко от Калькутты, где на вилле на берегу Ганги жил тогда его брат Джотиридронат с женою. Там он провел один из самых счастливых периодов своей жизни — "те несказанные дни и ночи, томные от радости, печальные от желанья". Усадьба, в которой они жили, называлась "Вилла

Морана". Это был большой, беспорядочно построенный дом с террасами и лестницами, спускающейся к берегу реки. Часто они все трое, два брата и дама, царившая в обоих сердцах, проводили время, катаясь на лодке. Рабиндра пел или самозабвенно сочинял музыку. Джотириन्द्रонат аккомпанировал ему на скрипке. Тогда-то ощутил Рабиндранат очарование речной жизни в Бенгалии, которое звучит в его поэзии как убаюкивающая мелодия. В этот период были написаны милые, очаровательные заметки — случайные записи и фантазии. Он писал и литературно-критические статьи, а также работал над своим первым зрелым романом "Боутхакуруанир хат" ("Берег Бибхи").

В поэзии и литературной критике Рабиндранат уже обрел индивидуальность и создал форму, соответствующую его таланту. Но в повествовательной прозе ему еще только предстояло найти себя. Первый роман его — историческая мелодрама, подражание Бонкимчондро Чоттопаддхаю, славившемуся тогда как "бенгальский Вальтер Скотт". Неудивительно, что после выхода романа Рабиндранат получил письмо от знаменитого писателя, поздравлявшего его с крупным достижением, предвестником будущих литературных побед. Суть сюжета заключается в следующем. Храбрый, но жестокий махараджа преследует своего сына, единственная вина которого состоит в том, что он болеет за свой страдающий народ. В конце концов юношу отправляют в ссылку. По пути в священный город Бенарес он должен доставить свою сестру во владения ее мужа. Однако, явившись туда, они узнают, что раджа тем временем взял другую жену. Опечаленная сестра решает сопровождать брата в его странствии. Место, где останавливалось их судно, до сих пор известно как "Берег Бибхи".

Роман этот не принадлежит к числу шедевров, но историческое значение его несомненно. Он словно маленькая теплица, где восходят семена, чтобы потом быть рассажеными по грядкам. Многие ситуации и герои, которые появятся в поздних произведениях, впервые встречаются здесь. Это и раджа, безразличный к благу народа; и принц, стремящийся искупить зло, приносимое его отцом; и простой, добросердечный старик, наивный, но обладающий неосознанной мудростью и человечностью, воплощающий авторскую философию жизни; и юные девушки, любящие и ненавидящие, но всегда более живые и подвижные, чем мужчины.

Когда завершилась эта идиллия на берегах Ганги, оба брата и Кадамбори Деби вернулись в Калькутту и поселились около Чауринги, расцветавшего тогда аристократического квартала, на Шодор-стрит, недалеко от того места, где сейчас находится музей.

В этом скромном доме в самом центре быстро разрастающегося города юный поэт впервые пережил особое духовное откровение. Однажды утром он стоял на веранде, наблюдая, как восходящее солнце поднимается над кронами деревьев в конце лужайки. "Внезапно, — рассказывает он, — словно пелена спала с моих глаз, и я ощутил, что мир купается в удивительном сиянии, и волны красоты и радости накатываются со всех сторон... Невидимая ширма банальности, стоявшая меж мною и всеми вещами и людьми, вдруг исчезла, и их первоначальное величие наполнило мое сознание".

Само по себе такое переживание не является чем-то из ряда вон выходящим. Большинство людей в той или иной форме, в то или иное время переживали нечто подобное, особенно после долгого периода недуга или печали, когда мы внезапно заново открываем жизнь во всей ее красоте. Но в случае с Рабиндранатом уникальными остаются потрясающая интенсивность переживания и его длительность, так что впечатление о нем ясно сформировалось в его сознании. Пока оно длилось, поэт, казалось, видел и слышал не только глазами и ушами, но и всем своим существом. Это было словно бесконечное чудо. Четыре дня он прожил в обостренном восприятии окружающего. Все вокруг казалось более ярким, более реальным, более прекрасным и более счастливым. Чета, проходящая по улице бок о бок, мать, играющая с ребенком, корова, бочком подходящая к другой и облизывающая ее языком, — все эти обыденные вещи обрели вдруг неизвестное раньше значение. Все вокруг, каким бы ни было пустяковым, казалось, требовало внимания и звало вырваться из клетки своей души.

К концу четвертого дня состояние невиданной легкости исчезло, и в этот момент Рабиндра завершил, как он писал, "пограничный возраст", куда не проникают прямые лучи правды и где тени преследуют друг друга:

*Есть великие джунгли, чье имя — Сердце;
Куда ни пойдешь — нет ни краю;
В их глубях потерял я дорогу*^[28]

5. На пороге

В тот день Рабиндранат написал свое замечательное стихотворение "Пробуждение потока", про которое можно сказать, что оно символизирует начало зрелого этапа его поэтического пути. Стихи, пишет он, "хлынули и помчались как настоящий водопад". Словно ледяная пещера в Гималаях, сердце его было замкнуто во тьме, но вот лучи солнца пронзили тьму, растопили снег. Обретшая свободу вода рванулась в путь, в неудержимом порыве перепрыгивая через камни. Строки стихотворения словно пляшут в самозабвенном экстазе. В таком же состоянии одержимости от вновь открытой красоты окружающего мира и радости бытия он написал еще ряд стихотворений, объединенных затем под общим названием "Утренние песни".

В них заметен шаг вперед по сравнению с его прежними творениями. Дело не только в здоровом отношении поэта к миру, но и в степени овладения языком и размером. В одном из стихотворений, которое впоследствии стало открывать всю книгу, он упрекает себя за то, что слишком надолго замкнулся в мире больной фантазии, будто червь, грызущий изнутри цветок. В другом стихотворении он оглядывается на свою жизнь: маленьким ребенком он страстно любил природу, был знаком с каждой кокосовой пальмой в семейном саду и часто наблюдал в окно за старым деревом баньяна над купальным прудом. Но потом поэт потерял путь в дебрях своего сердца, природа перестала быть для него источником восхищения. И вот теперь он снова обрел утраченное наследство, расширив горизонты своего мира. Так в одном стихотворении за другим он славит свою новую веру с рвением новообращенного. Что уже само по себе вызывает на размышления: не порождена ли эта радость тем же юношеским эгоцентризмом, как и меланхолия, которую он восславил в "Вечерних песнях". Если один пациент все время жалуется на печень, а другой все время утверждает, что с печенью у него все в порядке, похоже, что их обоих беспокоит печень, и оба нездоровы. Рабиндранату еще предстояло обрести ту уравновешенность духа, которая давала его печалям достоинство трагедии, а его радостям силу озарения.

Тем не менее эти стихи — первые гонцы, предвещающие величественную процессию его творений, проложивших новый путь в бенгальской поэзии. Нельзя сказать, что каждое из стихотворений — это всего лишь новое изливание обретенной радости бытия. Некоторые из них

уже поражают читателя глубиной мысли, предугадывая будущие шедевры, неразрывно сливающие чувство, воображение, мысль и музыку.

И юный поэт подумал: уж если заурядные виды и звуки грязной улочки в Калькутте смогли принести ему столько радости, то что же будет, если он отправится в Гималаи? Итак, он решил сопровождать своего брата и его жену в Дарджилинг, откуда открывается замечательный вид на величественную Канченджунгу, вторую по высоте гору после Эвереста.

"Но победа, — писал он об этом путешествии, — осталась за маленьким домиком на Шодор-стрит. Поднявшись в горы и оглядевшись, я сразу заметил, что утратил мое новое зрение. Веда в том, что я решил, будто дар мой зависит от внешних впечатлений... Я бродил среди еловых лесов, сидел возле водопадов и купался в их водах, я подолгу созерцал величие Канченджунги на фоне безоблачного неба, но ни в одном из самых прекрасных мест не мог обрести открывшейся мне раньше истины. Я уже познал ее, но не мог больше ее видеть. Пока я созерцал драгоценность, крышка внезапно захлопнулась, и мне осталось лишь впустую глазеть на закрытую шкатулку". Так где же обреталась красота, которая еще так недавно восхищала его сердце? В чем была ее тайна? Является ли она абсолютным качеством, существующим в каждом предмете, или она заново создается каждый раз, возникая как ощущение в сознании наблюдателя? Поэт решил, что то, что видится им как красота или слышится как музыка, есть всего лишь эхо ритма, бьющегося в сердце вселенной. Эту идею он ярко выразил в стихотворении, которое написал в Дарджилинге и назвал "Эхо". Стихотворение это, как и ряд других, написанных позднее, дразнит своей непонятностью, и критики до сих пор спорят, что же изобразил в нем поэт.

Об этой страсти ученых — искать всему исчерпывающее объяснение — Тагор писал:

"Но разве стихи слагают для того, чтобы что-нибудь объяснить? Чувство, зародившееся в сердце, стремится вырваться наружу, обретая форму стихотворения. Поэтому, когда, прослушав стихотворение, кто-нибудь говорит, что он не понял, — я оказываюсь в замешательстве. Если кто-нибудь нюхает цветок и говорит, что он не понимает, — что ему ответить? Что это всего лишь аромат, что здесь нечего понимать... Трудность просто в том, что у слов есть значение. Поэтому поэту приходится загонять их в ритм и размер, чтобы значение их было как бы подавлено, сдержано, и чувство получило возможность свободно выразиться. Это изливание чувства не есть выражение истины, или научного факта, или полезного поучения... Если, пересекая реку на пароме, вы

поймаете рыбу — что же, вам повезло. Но это не значит, что паром — рыбацкая лодка, и вам не следует бранить паромщика за то, что он не занимается рыболовством. А все дело в том, что в сердце моем зародилось стремление, и, не в силах придумать ему другого имени, я назвал то, что стало для меня желанным, — "Эхо".

Два других стихотворения, включенных в эту книгу, также посвящены любимой его мысли, что бытие есть становление, что жизнь вечно движется и обновляется и что смерть — это то, что помогает обновлению. Стихотворения эти названы "Бесконечная жизнь" и "Бесконечная смерть". Жизнь восполняется смертью, и в смерти заключено бессмертие. "Каждый год, прожитый мною, я умирал". В другом стихотворении, возможно самом метафизическом и в некоторых отношениях самом великолепном во всем цикле, он использует образы индийской мифологии, чтобы пояснить созданную современными научными исследованиями картину космического порождения и рассеяния Вселенной. Посреди Великой Пустоты, бесконечной, безвременной и бессветной, сидит Создатель Брахма, закрыв глаза, погруженный в каменное самосозерцательное молчание. Внезапно глаза раскрываются, и он издает предвечный гимн созидания. Пустота наполняется пылающими туманностями и вращающимися огненными шарами. Тогда Сохранитель Кришна трубит в раковину, и порядок создается из хаоса, Земля охлаждается, на ней возникает жизнь и зарождается красота, чтобы наполнить сердца восторгом. Но вселенные устают от вращения по бесконечному кругу Закона и тогда мир, устав от самого себя, взывает к Разрушителю Шиве, чтобы вкусить покой небытия. Шива открывает свой ужасный третий глаз, и тогда солнца, луны и звезды разлетаются на куски и все сущее сгорает на космическом погребальном костре. Снова Великая Пустота воцаряется всюду, и глаза Брахмы закрыты в самосозерцании.

Вернувшись в Калькутту, Рабиндранат взялся помогать брату в деле создания Литературной академии Индии. Джотирирондат стоял у колыбели многих новых начинаний, культурных или промышленных. Главной задачей академии было расширить возможности бенгальского языка, снабдить его средствами выражения современной, в особенности научной мысли. В бенгали, как и в других индийских языках, отсутствовала научная терминология, и братья решили собрать всех выдающихся ученых и языковедов, чтобы установить единую систему технических терминов. Итак, они взялись за работу и основали Сарасват Самадж, в который вошли многие выдающиеся ученые и писатели, в том числе романист Бонкимчондро Чоттопаддхай. Но когда Рабиндранат обратился к

знаменитому ученому, просветителю и социальному реформатору пандиту^[29] Биддешогору с предложением вступить в академию, тот ответил: "Мой совет — не связываться с нами. Вы ничего не добьетесь со знаменитостями — они никогда не найдут общего языка между собой". Это разумное предостережение, важное как в ту пору, так и по сей день, в скором времени подтвердилось: академия, столь блистательно начавшая свою деятельность, пришла в упадок и прекратила свое существование.

Летом 1883 года обитатели дома на Шодор-стрит перебрались в Карвар на юго-западном побережье Индии, ныне в штате Карнатак, в благоуханный край, славящийся кардамоном и сандаловым деревом. Старший брат Шотендронат получил в Карваре пост окружного судьи. Здесь Рабиндранат проводил счастливые и беззаботные дни. Маленькая гавань, окруженная горами, пляж в форме полумесяца, отгороженный казуаринами, — все очаровывало Рабиндраната. Здесь он написал свою первую значительную драму в стихах "Возмездие природы". Она отражает вечный конфликт между духом и жизнью, между правдой и красотой, между рассудком и любовью.

Герой драмы, отшельник, затворился в пещере, чтобы овладеть своим внутренним "я" и преодолеть все привязанности к миру. Драма начинается замечательным монологом, в котором отшельник, стоя возле своей пещеры, объявляет о своем конечном освобождении, страстно обвиняя жизнь и ее соблазны. "Я ощутил блаженство, подобное тому, какое испытывает Шива, когда он стирает нечистое пятно бытия с вечной пустоты и наслаждается своей непобедимостью". Вспышки молний удовольствий больше не заманят его во мрак печали, он сжег все чувства на погребальном костре самопознания. Теперь он может гордо ходить по земле, презирая людей за их неразумие.

Отшельник приходит в ближний городок и видит маленькую девочку из касты неприкасаемых, которая потеряла родителей. Все избегают ее и прогоняют прочь. Девочка в беспомощном отчаянии цепляется за отшельника — и жалость и любовь, которые он так долго презирал, заново рождаются в его душе. Он страшится снова обрести все человеческие качества и бежит от девочки. Когда же он возвращается, не в силах оставаться без нее, то находит ее мертвой. Смерть подтверждает его слова, что "великое следует искать в малом, бесконечное в границах формы и вечную свободу души — в любви".

В пьесе много действующих лиц, но их вряд ли можно назвать драматическими персонажами. Это прохожие и странники, безымянные и неназванные, представляющие собой повседневную панораму жизни в

деревне или на большой дороге. Драмы Тагора полны подобными безмянными действующими лицами, представляющими различные слои общества. Они дают ему широкую возможность вводить собственный комментарий к сюжету или просто напомнить зрителям, что, какие бы страсти ни разыгрывались на сцене, остальной мир существует сам по себе. Эти действующие лица говорят на местном диалекте и, подобно некоторым простонародным персонажам шекспировских пьес, привносят грубоватый юмор, создавая контраст напыщенным речам главных героев. Пьесы Тагора не предназначались для профессиональной сцены. Многие высокоученые критики сурово обвиняли Тагора в том, что он "загромождает" свои драмы всяческими второстепенными персонажами, которым не хватает "плоти". Но Тагор не стал бы Тагором, если бы был Артуром Миллером, или Теренсом Раттиганом,^[30] или, скажем, Ибсенем, или Шоу. Каждый талантливый творец является тем, что он есть, и мы должны либо стремиться понять его, либо оставить его в покое, а не настаивать, чтобы он стал таким, как нам хочется.

Эта отвлеченно-философская пьеса в значительной мере была историей духовного опыта автора. Простая девочка из презренной касты неприкасаемых, оборванная и неграмотная, привела этого гордого индийского Парацельса к вратам истинной мудрости.

В "Возмездии природы" представлены два мира: с одной стороны, странники и крестьяне, занятые своими обыденными домашними делами, а с другой — отшельник, полностью погруженный в самодвижущуюся бесконечность своего воображения. Любовь наводит мост через пропасть между этими двумя мирами, отшельник и труженик встречаются, и видимая незначительность сиюминутного и видимая пустота бесконечного одновременно исчезают... "Возмездие природы" может считаться предисловием ко всему моему последующему творчеству. Или, точнее, в пьесе затронута тема, которой посвящены все мои последующие произведения — радость обретения бесконечного в конечном", — писал Тагор.

Проведя лето и сезон дождей в Карваре, компания возвратилась осенью в Калькутту и заняла виллу на Нижней окружной дороге, возле Чауринги. Перед виллой, в которой поселились братья, стояли самодельные хижины бедняков, это был трущобный район из тех, что в Индии называют *басты*. Из своего окна на втором этаже Рабиндранат мог наблюдать ежедневную драму бытия в перенаселенной колонии бедняков. Мужчины и женщины сновали по своим делам, дети играли... "Для меня это были будто живые картины".

Рабиндранату хотелось "увидеть разумом то, что видят глаза, и увидеть глазом то, что воображает разум". "Если бы я был художником, — писал он, — вооруженным кистью, я бы, без сомнения, попытался вести постоянную запись своих видений в тот период, когда мой разум был так чувствителен. Но у меня были лишь слова и ритмы, да и ими я еще не научился выводить четкие контуры, так что краски расплывались за границы изображения". Тем не менее стихи, которые он написал в то время, напечатанные впоследствии под названием "Картины и песни", остались замечательным свидетельством его настроения в этот период. Он наблюдал, впитывал впечатления и улучшал свое мастерство как неутомимый ремесленник, осваивая новые приемы и совершенствуя технику исполнения.

Оставаясь самым суровым критиком своей поэзии, он позже назовет эти стихотворения "юношескими по чувствам, незрелыми по языку". "Если бы это были листья деревьев, — писал он, — они бы облетели в свой срок, их бы никто не вспомнил. Но, к сожалению, листья книг держатся гораздо дольше".

Одно из лучших стихотворений всей книги, мощное, напряженное, величественное, называется "Любовь Раху". Раху — это персонаж индийской мифологии, небесный дух, влюбленный в Луну. Он постоянно преследует ее и иногда заглатывает, чем и объясняются лунные затмения. Но он не может удержать свою добычу и вынужден каждый раз выпускать ее. Раху — это олицетворение чувственной, страстной, жадной и всепоглощающей стороны любви, которую к тому времени уже познал молодой поэт. Хотя его любовь была чиста и возвышенна, он не мог избежать ее лихорадки и мучений. И это стихотворение — лучшее тому свидетельство. Вот пересказ одного отрывка — ритм и размер его непередаваемы в переводе. Любовь чувственная обращается к любви платонической:

*Тебе нет дела до меня. — Мне все равно —
ведь все равно ты пленница моя и ею всегда останешься —
твой дух прикован к моему неразрушимыми узами души.
Агонией, отчаянным стоном, звуком расстроенной струны
я последую за тобою по пятам, в какую бы пору
и куда бы ты ни ушла, —
как призрак из мрака, как вопль отчаяния.
Я сопровождал тебя от начала времен, потому что я —
это твоя тень. Засмеешься ты или заплачешь — ты всегда*

ощутишь мою темную душу, поджидающую тебя.

Ночью, когда ты покинута и одинока, ты вздрогнешь, увидев, что я подкрался совсем близко и заглядываю тебе в глаза. Куда бы ты ни повернулась — я уже там, моя тень простирается по небу и покрывает землю, мой жалобный плач и мой жестокий смех отзываются повсюду, ибо я голод, которому нет насыщения, ибо я жажда, которая неутолима. Я здесь всегда, кинжал в твоей груди, яд в твоём мозгу, недуг в твоём теле.

Я буду преследовать тебя — я буду ужасом твоих дней и кошмаром твоих ночей. Как голодающий, исхудавший до костей, я буду протягивать к тебе руку и молить тебя; дай, дай, дай! Как терновый шип я буду колоть тебя день и ночь, как проклятье я буду тяготеть над тобой, как судьба я буду следовать за тобой — как ночь следует за днем, как страх следует за надеждой.

Он продолжал писать и прозу, резкие критические статьи по социальным и политическим вопросам и вдумчивые исследования проблем литературы и философии, опубликованные под общим названием "Споры". Это были счастливые дни, беззаботные и не обремененные никакой ответственностью. Рабиндранат проводил их среди самых любимых людей, ежедневно чувствуя, как возрастают его силы. Казалось, что он бездельничает, но он уже пожинал богатый урожай. Ранняя меланхолия, безымянный голод, глодавший его сердце, исчезли, освободив дорогу ясному и здоровому мировоззрению. Он наслаждался миром и жизнью со всей страстью, на которую была способна его натура. Красивый, всегда прекрасно одетый, подвижный, он выступал как молодой бог, и мир расстилался перед ним. Но судьба уже готовила ему западню, и дни безмятежного счастья были сочтены.

Его брат Джотириन्द्रонат все глубже втягивался в непродуманные деловые операции. Далекий и отчужденный, Махавши решил, что пришло время впрячь младшего сына в семейную колесницу. Этот недисциплинированный и рассеянный юноша должен наконец стать мужчиной и научиться глядеть в лицо жизненной необходимости. Если сам Махарши с равным рвением служил и богу и миру, то почему же и сын его

не может одновременно служить и поэзии и благу своей семьи. Но, прежде чем допустить Рабиндраната к делам, его следовало сначала женить.

В семье сохранился забавный анекдот о первой экспедиции на поиски суженой. Стало известно, что у главы княжества в соседней провинции Орисса есть дочь на выданье, для которой подыскивали в женихи какого-нибудь красивого поэта аристократического происхождения. Два брата, Джотириन्द्रонат и Рабиндранат, решили повидать ее. Они получили приглашение во дворец правителя, где их встретили две юные дамы, одна из которых была удивительной красавицей, а другая редкостной дурнушкой. Братья, естественно, вообразили, что красавица и есть невеста, но вскоре их ждало разочарование. Они быстро выяснили, что красавица — жена правителя, мачеха невесты-дурнушки.

После такого комического начинания поиск невесты взяли на себя женщины семьи Тагора. Впрочем, выбор оказался невелик. Махарши, весьма прогрессивный в делах религии, отличался крайним консерватизмом в следовании обычаям. Невеста обязательно должна была принадлежать к касте брахманов, причем брахманов-пирали. Правоверные брахманы, гордые чистотой своей касты, не рискнули связаться с ними брачными узами. Поэтому выбор оказался ограничен несколькими семьями, принадлежавшими к тому же роду "пирали", проживавшими в маленьком провинциальном городке Джессоре. Итак, вторая экспедиция, на этот раз женского состава, включавшая в себя жен Шотендроната и Джотириन्द्रоната, в сопровождении служанок отправилась в Джессор, чтобы выбрать подходящую невесту для их любимого деверя. Их выбор пал на десятилетнюю дочь некоего Бенимадхава Райчоудхури, который, как оказалось, работал в одном из поместьев Тагоров.

Семья была бедной и ничем не примечательной, особенно в сравнении с Тагорами. Девочка не отличалась ни красотой, ни образованностью: она прочла всего лишь бенгальский букварь. Тот факт, что две интеллигентные, утонченные дамы из Калькутты выбрали эту деревенскую девчушку в жены любимцу всей семьи, показывает, как кастовое высокомерие и семейная гордость могут мстить за себя.

И вот столь неромантическая женитьба была уготована одному из самых романтических людей своего поколения. Впрочем, принимая во внимание нравы того времени, в этом не было ничего удивительного. Не стоит удивляться и тому, что сам Рабиндранат покорно подчинился сделанному за него выбору. Отважный романтик, пролагатель новых путей в литературе, в жизни был послушным, благовоспитанным сыном. Любое слово отца являлось для него законом — он неколебимо верил, что

Махарши всегда прав.

Впрочем, и на этот раз правота Махарши подтвердилась жизнью. Ничем не примечательная невеста стала превосходной женой, как раз такой, какая была нужна Рабиндранату. Ему не требовалась вдохновительница для поэзии — его любовь к жизни была для него неиссякаемым источником вдохновения. Так что жене такого неисправимого романтика предстояло не воодушевлять его, а скорее сдерживать. Если бы он женился на какой-нибудь красавице, она могла ему надоесть, но ему никогда не надоедала защитная сень заботы, которую его жена ненавязчиво возводила вокруг него, самозабвенная преданность, которую она прилагала, чтобы талант его щедро плодоносил. Но мы забегаем вперед. Что сам он думал в этот период, радовался ли он предстоящей женитьбе или горевал, нам неизвестно, так как поэт не оставил ни следа своих чувств ни в стихах, ни в других письменных источниках. Примечательно, что вся семья как бы не принимала эту свадьбу всерьез. Обычно женитьба младшего сына аристократической семьи — и какого сына! — послужила бы поводом для грандиозных празднеств, но в этом случае даже отец не присутствовал на брачной церемонии, состоявшейся в семейном доме в Джорашанко 9 декабря 1883 года.

Девичье имя невесты было Бхаватарини, имя настолько старомодное, что оно и тогда и сейчас вызывает улыбку. После свадьбы ее стали звать Мринолини — звучным именем, придуманным, по всей вероятности, самим мужем. Возможно, в этом и выразилось все его участие в этом событии. Он всегда хранил в своем сердце имя Нолини, а Мринолини как бы включает его. Прошло несколько месяцев, и в семье разразилась трагедия. 19 апреля 1884 года любимая невестка Рабиндраната Кадамбори Деби, бывшая для него больше чем матерью, внезапно покончила жизнь самоубийством. Ей было всего двадцать пять лет. Причины никто не знает. Если эта тайна и была известна кому-нибудь из членов семьи, она умерла вместе с ними. Поскольку подлинных свидетельств отсутствуют, всякие предположения и догадки не только беспочвенны, но и непочтительны для памяти этой замечательной женщины.

Трагедия оставила глубокий след в душе Рабиндраната. Это была первая великая горесть в его жизни, первое столкновение с ужасной реальностью смерти. Он уже пережил кончину матери, но либо был тогда еще слишком юным, чтобы ощутить подлинную печаль, либо нежность, которую изливала на него невестка, быстро загладила его горе. Но эту новую потерю ничто не могло восполнить. Целых шестнадцать лет, самые

определяющие годы его жизни, Кадамбори Деби была его другом, поверенной всех его тайн, утешительницей его печалей. В последующие годы ему приходилось снова и снова переживать смерть близких людей и страдать от многих утрат, но никакая другая потеря не оказала такого воздействия на его сознание и творчество. Горе не сломило его, горе его создало. Вот как он сам писал об этом:

"Одно из величайших благ жизни — это способность забывать то, что невозможно вернуть. Эта способность свежа и сильна в детстве, когда всякая рана быстро залечивается и никаких шрамов не остается в напоминание о ней... Но мое столкновение со смертью в возрасте двадцати четырех лет^[31] оставило следы на всю жизнь, и память о нем возникала вновь с каждой новой утратой во все расширяющемся цветнике печали... До этого я не подозревал, что в ткани жизни, с ее радостями и горестями, могут быть дыры. Когда пришла смерть, то, что было частью жизни, вдруг стало зияющей пустотой, я почувствовал себя потерянным. Все остальное оставалось по-прежнему: деревья, земля, солнце, луна и звезды. И лишь она, которая была такой же реальной, да нет, даже более реальной, чем они, потому что я чувствовал ее прикосновение на всякой грани бытия, — только она больше не существовала, исчезла как сон. Эта ужасная загадка ставила меня в тупик. Как мог я примирить то, что осталось, с тем, что было раньше?

Бездонная пропасть мрака, возникшая тогда в моей жизни, казалось, завораживала меня, притягивала к своему краю днем и ночью. Я замирал на краю и вглядывался во мрак, стараясь угадать, что же остается на месте исчезнувшего. Человеческий разум не в силах понять абсолютной пустоты и представляет себе, что то, чего нет, не существует и несуществующего — нет. Отсюда наше непреодолимое стремление найти что-то там, где нет ничего. Как растение, посаженное в темном помещении, тянется вверх, чтобы достичь света, так и человеческий разум, даже тогда, когда смерть опустила свой черный полог и говорит: этого больше нет, — все еще отчаянно бьется, чтобы пробиться сквозь завесу тьмы к свету бытия. Но когда понимаешь, что путь из темноты сам погружен во тьму, — какая мука может сравниться с этой!

И все же среди удушающей тьмы на сердце мое иногда веяло дуновение ветра радости, внезапно принося облегчение. Печальное понимание того, что жизнь не бесконечна, само становилось источником удовлетворения. Значит, мы не навеки заключены в непроницаемые стены жесткой жизненной действительности — мысль эта была радостным известием, которое ласкало сердце. Мне предстояло отпустить то, за что я

так крепко держался, — пока я рассматривал этот факт с точки зрения моей собственной потери, я был несчастен. Но когда я научился глядеть на него с точки зрения жизни, высвобождаемой через смерть, глубокий покой снизошел на мою душу. Пока это чувство отречения зрело во мне, красота природы приобрела более глубокое значение в моих глазах, промытых слезами. Ее смерть дала мне необходимую дистанцию отстранения, чтобы увидеть жизнь и весь мир в их целостности, в их подлинной перспективе, и, когда я взглянул на эту картину жизни, нарисованную на огромном полотне смерти, она показалась мне подлинно прекрасной".

Несмотря на то, что иногда Рабиндранат впадал в сентиментальность — что можно считать общенациональным, а не индивидуальным недостатком, — он обладал крепким и мужественным характером, и ни печаль, ни радость, ни разочарование, ни соблазн не могли заставить поэта остановиться, свернуть с пути поисков своего предназначения в жизни. Он продолжал писать стихи, рассказы, статьи. Если исключить немногочисленные стихотворения в прозе, посвященные ушедшей, — "забытые миром, они никогда не будут забыты мной" — в его творениях того периода не найти следов погруженности в печаль. К семейному литературному журналу "Бхароти" к тому времени добавился другой ежемесячник, под названием "Балок", журнал для детей, основанный женой старшего брата Шотендроната. Чтобы заполнить страницы журнала, она обязала деверя ежемесячно снабжать ее детскими стихами, поэмами, рассказами, драмами и романами. Впоследствии ему много приходилось писать для детей, и его перу принадлежат некоторые из самых лучших произведений, адресованных малолетним читателям.

Махарши, как всегда бдительный и всевидящий, сделал его секретарем основанного им реформистского религиозного общества Ади Брахма Самадж, чтобы надежнее впрячь этого непокорного коня в семейную колесницу. В результате Рабиндранат, который никогда раньше не интересовался религией,^[32] не говоря уже об отправлении религиозных ритуалов, теперь начал всерьез выполнять свой новый долг. Он сочинял гимны для собраний общества, написал работу о радже Раммохоне Рае и несколько статей, популяризирующих религиозные воззрения своего отца. Он даже скрестил шпаги в полемике с доклеванным Бонкимчондро Чоттопаддхаем, который в то время стал восславлять ценности традиционного индуизма. Но поскольку оба "противника" в равной мере обладали внутренним благородством, ссора оказалась краткой. "В конце периода нашего антагонизма, — писал Тагор, — Бонким-бабу написал мне письмо, которое я, к сожалению, утратил. Если бы оно сохранилось,

читатель бы сам мог увидеть, какую широту души проявил Бонким-бабу, чтобы уладить это прискорбное недоразумение". Да и сам Рабиндранат проявил не меньшую широту души, описав этот эпизод в "Воспоминаниях".

У каждого поколения есть свои иллюзии, связанные с прогрессом, и интеллигенция, как правило, делится на прогрессистов и консерваторов. В Индии восьмидесятых годов прошлого столетия это различие сказывалось наиболее остро. Принимавшие новое были настолько опьянены им, что во всем старом видели лишь недостатки. А "староверы", наоборот, столь же страстно боролись за незыблемость стародавних порядков. У каждой стороны были свои доводы, и Рабиндранат показал позиции обеих сторон с исчерпывающей ясностью, убедительностью и искренностью в произведении, созданном в форме ряда писем, которыми обмениваются консервативный дед и его воспитанный на западный манер внук. "Как бы ни были прекрасны горы, в которых берет свое начало Ганга, — пишет юноша своему деду, — она не может обернуть вспять свое течение и возвратиться обратно. Она должна следовать своим путем через пыльные равнины в море, где скрыто ее предназначение". Дед улыбается, похваливает ум юноши и напоминает ему: "Человечество — не мусор, который несет поток, следуя путем наименьшего сопротивления. Человечество — как скала посреди бурлящих вод, на которой великое наследие незыблемо утверждено над потоком". И так продолжается воображаемый спор, в котором доводы и метафоры перебрасываются от одного к другому, как мяч в теннисе. Всю жизнь Тагор старался не вступать в эту битву, которую каждое поколение начинает заново. Его вдохновенная симпатия к человеку и понимание человеческой природы помогли ему оценить частичную правоту каждой из сторон в этом страстном споре, и сам он бросался в бой только тогда, когда видел, что на карту поставлены человечность и справедливость. Он ненавидел фанатизм всякого рода. И когда он увидел, что крайняя реакция поднимает голову под знаменем индийского патриотизма, осуждая все западное и превознося все "арийское", он написал несколько острых сатир, которые отнюдь не способствовали расширению его популярности, но показали, что этот молодой еще человек был мастером едкой иронии и обладал пером не менее острым, чем у Свифта.

А следующая книга стихов Тагора "Диезы и бемоли" доказала, что нет такого другого поэта — во всяком случае, в Индии, — который бы любил свою землю и своих соотечественников более страстно и неизменно. Первое же стихотворение новой книги подтверждает эту веру.

*Так не хочется умирать в этом чудесном мире!
Ах, жить бы и жить — человеком среди людей;
надо мною — солнечное небо, вокруг — цветут цветы,
я пою — и мне отвечает влюбленное сердце.*

*Лики жизни многообразны — здесь и слезы, и смех,
если встреча сегодня — завтра будет разлука.
Напевы мои пусть восславят и радости и печаль,
я уйду — но пусть эхо их не умолкает!*

Сам он писал об этих стихах, что они "серенада, доносящаяся с улицы перед жилищем, мольба о дозволении войти и занять место в доме тайн... Человек погружен в глубокое уныние, он в дреме и лени проводит часы своего роскошного уединения, ибо на этом пути он лишен полного общения с жизнью. Такова зависимость, от которой я всегда яростно стремился освободиться. Мой разум отказывался поддаться дешевому опьянению политических движений той поры, поскольку в них отсутствовала сила национального сознания и их инициаторы совершенно не знали своей страны. В этих людях мне виделось полное безразличие к подлинному служению своему отечеству. Меня мучило яростное нетерпение, непереносимое недовольство собой, всем, что меня окружало. "Лучше родиться бы мне скитальцем степным — бедуином", — говорила моя душа".

В этой книге представлено множество тем и настроений. Здесь и детские стихи, и религиозные песни, патриотические гимны, а также любовная лирика, пронизанная чувственным восторгом, и переводы из европейских поэтов. Тагор набирал власть над словом и метром и открывал в бенгальской поэзии невиданные ранее сокровища. Несмотря на разнообразие тем, главное настроение сборника — это упоение жизнью, стремление отведать ее соблазны, восторг перед ее чудом...

Но даже это пиршество чувств не может заставить Тагора надолго забыть образ той, что оставила его, отбив к иным берегам. Часто поэт сидит в одиночестве, глядя в небеса, и вдруг его охватывает чувство ее незримого присутствия.

"В утреннем свете я нежусь в осеннем тепле и не могу понять, чего хочет мое сердце? Кто-то исчез, и мир утратил свои краски. Дух мой скитается, стеная: ее больше нет, ее больше нет. Кому теперь я буду петь

свои песни, кому поднесу гирлянды цветов? К чьим ногам положу я свою жизнь, свою душу?" Иногда он ощущает ее незримое присутствие: "Взгляд ее я встречаю — но где же глаза? Я чувствую поцелуй — но где же губы?"

Он понимает, что желание — это корень всякой печали, огромная западня, в которую попадают люди. "Когда я мечтаю о ком-то, я попадаю в сеть. Желанная не становится моей, это я становлюсь ее пленником. Стараясь привязать других, я связываю себя. Я граблю сокровища земли, чтобы построить тюрьму для самого себя, и лодка моей жизни, перегруженная желаниями, того и гляди пойдет ко дну". Снова и снова, одолеваемый тяжелыми Мыслями о бесплодности поэтического призвания, Тагор спрашивает себя: что за заслуга зваться поэтом? Достаточно ли петь, как поет птица в клетке? Вечная эта жажда, вечная погоня за призраками — разве такая судьба достойна человека? Ему кажется, что он прожил впустую, если его жизнь не смогла вдохнуть жизнь в других, если его сила не сделала сильнее других. Он жаждет служения людям. Весьма показательным в этом отношении стихотворение, заключающее сборник и названное "Последнее слово". Поэт чувствует, что есть нечто, что он еще должен сказать, только тогда он выскажет все, что ему предназначено. Но что это за последнее, несказанное слово, ему самому пока неизвестно.

В это же время он написал легкую музыкальную пьесу под названием "Игра иллюзий". Вряд ли ее можно назвать пьесой, скорее это цикл песен, или, как сам автор описал ее, "гирлянда песен, нанизанная на тонкую нить драматического сюжета". Некоторые из песен прекрасны, они популярны и по сей день. Тема, построение и самый дух этой пьесы определяются чувством, а не действием и не мыслью, а потому при пересказе она тает "в воздух, в тонкий воздух". Во всяком случае, если попытаться определить главную ее идею, она может быть выражена так: природа прядет паутину иллюзий, в которую попадаем мы, бедные смертные. Мы ищем счастья в любви и теряем как любовь, так и счастье.

А если так, то неужели же и жизнь наша не больше чем "материя, из которой сотканы сны"? Можно ли постичь жизнь, лишь наблюдая из окна да совершая редкие вылазки наружу? Не переступив порога, не выйдя вовне, юный поэт не в силах был понять подлинный смысл жизни, ее красоту и ее трагедию.

6. Зрелость

В 1886 году у двадцатипятилетнего Рабиндраната родился первый ребенок. Девочке дали имя Мадхурилота, но все называли ее Бела, она была такой же светлой и красивой, как белый индийский жасмин. Через два года родился сын Ротхи. В начале 1889 года Рабиндранат перевез свою семью в Шолапур (город на юго-западе Индии, в нынешнем штате Махараштра), где служил судьей его брат. Там была написана стихотворная драма "Раджа и рани", которую можно счесть ближайшим его приближением к шекспировскому образцу — в ней такое же обилие сценического действия, контрасты характеров и обязательный заговор против властей. Раджа Бикромдеб, властитель царства Пенджаб, женат на прекрасной принцессе из Кашмира и так страстно в нее влюблен, что все свое время проводит подле супруги, совершенно забыв о государственных делах. Воспользовавшись любовным ослеплением короля, кашмирские родственники рани (жены раджи) Шумитры постепенно захватывают все руководящие должности в государстве и жиреют на недугах народа. Рани ничего об этом не знает, и когда она спрашивает, не стали ли ее родственники чересчур беспечны в выполнении своих обязанностей, ей отвечают, что, наоборот, они все время начеку, "как вор, вломившийся в чужой дом". Жалобы достигают ушей раджи, но он их не слушает — у него нет времени на "грубые заботы", когда жизнь так коротка, а любовь так прекрасна. Голодные толпы шумят у стен дворца, моля о хлебе. "Что случилось?" — спрашивает Шумитра, Советник раджи Дебдотто отвечает ей:

*Говорить не стоит
Об этом пустяке, о том, что толпы
Каких-то подлых нищих голодают,
Что целый день они кричат о чем-то
На варварском и диком языке.
Их глупые стенанья распугали
Кукушек и дроздов в священной роще.*

*Шумитра
Кто голодает?*

*Дебдотто
Как обычно, те же,
Кто обделен был счастьем от рожденья,
Им к голоду давно б нора привыкнуть.
Мне очень странно, право.*^[33]

У рани пробуждается совесть, и она молит своего мужа помочь беднякам, но он не слушает, он хочет лишь одного — обнять ее. Шумитра не в силах больше выносить это любовное безумие, эту эгоистическую похоть, которая ослепила ее мужа и убила в нем всякое чувство долга и сострадания. Она покидает супруга и отправляется к своему брату, принцу Кумаршену, правителю Кашмира, и просит его помочь избавить страну от паразитов, сосущих народную кровь. Тем временем ее родственники, узнав через шпионов о намерениях рани, сплотили свои ряды и устроили заговор, чтобы завладеть дворцом. Когда раджа Бикромдеб узнает о том, что жена его покинула, он вне себя от гнева. Любовь его превращается в страсть к отмщенью, а уязвленное мужское самолюбие обращается в яростную жажду насилия и завоевания. Он подавляет мятеж и ведет войска в Кашмир, чтобы проучить принца Кумаршена. Ничто не может устоять перед натиском его войска, победа остается за ним. Принц Кумаршен слишком горд, чтобы сдаться в плен. Но он понимает необходимость утолить гнев тирана и спасти свое государство и народ от ига захватчиков. Поэтому он жертвует своей жизнью и устраивает так, что его отрубленную голову посылают радже как знак мира. Приношение доставлено во дворец гордой и печальной Шумитрой, которая, положив его к подножию трона, падает мертвой. Любовь — это всепожирающая страсть, и если она не очищена чувством долга перед людьми, она не может принести ничего, кроме трагедии.

Пьеса построена на столкновении любви и долга, на конфликте между тщеславным, одержимым страстями мужчиной и гордой, исполненной человеколюбия женщиной. Женщина обретает победу в своем страдании. В созданной вскоре пьесе "Жертвоприношение" ("Бишорджон"), также написанной белым стихом, конфликт между мужем и женой (они также раджа и рани) задуман совершенно иначе. Здесь жена связывается с темными силами против своего мужа. Сюжет этой пьесы поистине драматичен. Конфликт развивается между мужем и женой, между правительством и священнослужителями, между стоном непротивления и призывом к насилию, между любовью и долгом, между долгом и совестью,

между неписанным законом человечности и освященными религиозными предписаниями. Эта пьеса также кончается трагично: гибнет невинная жизнь, но голос любви побеждает, и божество, сброшенное с трона, находит свое подлинное место в сердцах людей. Английский перевод этой драмы, опубликованный в 1917 году, был посвящен автором "героям, которые храбро встали за мир, когда богиня войны требовала жертвоприношений".

Тагор писал новые пьесы и ставил их, участвовал время от времени в политических схватках или борьбе за социальные реформы (в 1887 году поэт прочел блестящий доклад об идеалах индийского брака, в котором выступил против ранних браков и отстаивал права женщин), но все это время оставался беспокоен и несчастлив. И на этот раз, как и позднее, когда им овладевало такое настроение, он решил отправиться в путешествие. Он переезжает из Джорашанко на Парк-стрит, потом едет в Дарджилинг. Но беспокойство его не оставляет.

Вернувшись из Дарджилинга, он едет в Шолапур и Пуноу на другом краю Индии, возвращается в Калькутту и снова уезжает на запад в город Газипур, славящийся своими розами. Западная Индия с ее богатой историей всегда его привлекала, и в Газипуре, на берегу Ганги, с его огромными садами роз, он решил, что наконец нашел место, достойное поэта. Он перевез туда свою семью, надеясь, что пребывание там будет долгим, но вскоре разочаровался и открыл, что "розовые сады, поставленные на коммерческую ногу, не могут вдохновить ни бюль-бюля, [\[34\]](#) ни поэта".

Через несколько месяцев Тагор вернулся в Калькутту, провел некоторое время в Шилайде, затем в Шантиникетоне, и в конце концов он снова оказался в Шолапуре, на другом краю Индии, собираясь пожить некоторое время у своего брата Шотендроната. Там он узнал, что брат со своим молодым другом Локен Палитом собираются посетить Англию, и тотчас же решил присоединиться к ним.

Во всех этих переездах Тагора сопровождала маленькая тетрадка, постепенно заполнявшаяся стихами. Созерцал ли он покрытые снежной короной Гималаи в Дарджилинге, изнемогал ли от зноя и пыли в Шантиникетоне, стихотворения изливались одно за другим. Наибольшее число их было написано в Газипуре, благодаря розам или вопреки, сказать трудно. Традиционный бюль-бюль, может быть, и отсутствовал, но соловей в душе Рабиидраната пел во весь голос неслыханные доселе мелодии. Весь урожай, собранный более чем за трехлетний период, был впоследствии напечатан в сборнике "Маноши" ("Образ любимой") и сразу же закрепил

его репутацию. Поэт вступил в зрелый возраст. Это были уже не шалости вундеркинда, не напускная бравада чувств юного романтика, а подлинная речь подлинного зрелого поэта, достигшего глубинного пласта своего таланта.

На этот раз он не посылал писем в "Бхароти", а вел Дневник, опубликованный вскоре после его возвращения под названием "Дневник путешествия по Европе". Первая запись сделана 22 августа 1890 года, в день, когда пароход отплыл из Бомбея. Задумчиво глядя с палубы корабля на удаляющиеся берега его родины, поэт, который к тому времени еще и не слыхивал о диалектическом материализме, раздумывает о том, как характер поэзии зависит от материальных средств сообщения, доступных в ту или иную эпоху. В дни Калидасы любовник, разлученный с возлюбленной несколькими сотнями миль, должен был прибегнуть к помощи облака-вестника,^[35] чтобы доставить известия о себе, и для этого ему требовалось несколько десятков страниц стихов. В век пара достаточно сонета или краткого лирического стихотворения; в будущем и одного четверостишия будет, возможно, слишком много. Но эти раздумья вскоре были прерваны — судно закачалось на вспененных муссоном волнах Аравийского моря. Как и в предыдущее путешествие, Рабиндранат укрылся в своей каюте и не показывался наружу — на этот раз в течение четырех дней.

Позднее Рабиндранат научился преодолевать морскую болезнь и много путешествовал по морю, но никогда не мог полюбить океан так, как любил реки своей родной Бенгалии. Океанский лайнер казался ему "замком праздности", где пассажиры не знали, как им провести время.

По прибытии в Лондон он воспользовался первой возможностью, чтобы навестить семью Скоттов, в которой провел такие счастливые дни юности, но был разочарован, узнав, что семья переехала и никто не знает куда.

В своем дневнике Тагор снова хвалит европейское общество, где женщины получили подобающую свободу и помогают сделать нацию сильнее в противовес индийскому обществу, где единственное назначение женщины — ухаживать за мужчиной, баловать его и разнеживать, чтобы он утратил мужество. Казалось бы, Рабиндранат доволен пребыванием в Лондоне, но муза его покинула. Такое случалось с ним не раз. Человек всемирных симпатий, он был так глубоко укоренен в родной почве, что за пределами Индии источник его поэзии и песен пересыхал или сочился по каплям. Тагор мог писать философские эссе и произносить блистательные речи, но музыка, питавшая его душу, замолкала на чужбине. Внезапно 5 октября Тагор записывает в дневнике: "Я устал от здешней жизни, устал

даже от прекрасных лиц. Поэтому я решил вернуться".

Накануне отъезда из Лондона он написал своей племяннице Индире (которая, по-видимому, заменила его покойную невестку как главная поверенная его сердечных дум) весьма знаменательное письмо; что побудило его к этой вспышке откровенности, остается неизвестным.

"Разве человек — это железная машина, — писал Тагор, — чтобы действовать в строгом соответствии с правилами? Разум человека так велик и изменчив, так разнообразны его нужды и так многочисленны его требования, что он должен изредка шататься, спотыкаться и метаться из стороны в сторону. Именно это и делает человека человеческим, доказывает, что он живет, что он не просто комок материи. Человек, который не знал этой слабости, никогда не колебался на краю, человек, ум которого узок и прямолинеен, вряд ли может быть назван живым. То, что мы называем инстинктом, к чему мы в отчаянии прибегаем в повседневной нашей жизни, выводит нас из джунглей добродетелей и пороков, наших бед и радостей к осознанию неограниченных возможностей нашей судьбы. Тот, кто не знал коловращения жизни, в чьей душе не распускались лепестки таинственного цветка, — подобный человек может показаться счастливым, может показаться святым, его узкобый разум может подчинить себе ум других своей целенаправленной энергией, но такой человек плохо подготовлен для главного события в жизни — для встречи с бесконечностью".

Вскоре после возвращения Тагора в Индию, 3 ноября 1890 года, вышла книга стихов "Маноши". Широкий размах мысли, лирическая красота и сила убедили самых недоброжелательных критиков, что перед ними — подлинный поэт. Как пишет его английский биограф Эдвард Томпсон (единственный из английских критиков, который мог прочесть творения Рабиндраната на родном бенгальском языке), "главный мотив книги — это спокойная уверенность. Она знаменует достижение зрелости". С другой стороны, интересно вспомнить, что один из самых вдумчивых критиков,^[36] один из самых острых умов той эпохи увидел в этих стихах "настроение отчаяния и смирения" и написал об этом автору. "Иногда я нахожу, — отвечал ему Тагор, — что моя душа — это поле боя, где две противоположные силы сражаются постоянно; одна зовет меня к миру и прекращению всех страданий, другая понуждает меня к борьбе. Как будто энергия и воля Запада непрерывно штурмуют крепость моей индийской безмятежности.

Отсюда это качание маятника между лирическим самозабвением и философствованием, между любовью к моей стране и нападками на

национализм, между стремлением встать в ряды борцов и желанием оставаться углубленным в раздумье, эта горячка борьбы, за которой следует настроение подавленности и отрешенности". "Маноши", пожалуй, первое подлинно зрелое произведение поэта.

Стихи касаются пяти обширных тем, которые останутся главными в творчестве Тагора, хотя в дальнейшем диапазон его поэзии расширится. Это любовная лирика, стихи о природе, стихи, посвященные общественной и национальной тематике, религиозные и мистические стихотворения и стихи, в которых явления природы и мифологические или исторические события воплощают авторскую философию. Не нужно упоминать, что эти категории не всегда четко определены и перетекают одна в другую.

Одно-единственное качество определяет все многообразные черты его личности и таланта — это прежде всего и более всего влюбленность.^[37]

Он любил — одну ли женщину или многих, или лишь образ, который так и не нашел в реальности; бога или человека, природу или человечество? Как глупо представлять поэта философом, не принимая во внимание причудливость его ума, и упускать музыку слов в тщетной попытке проследить за тенью мысли. К сожалению, именно эти свойства исчезают в процессе перевода на другой язык.

В 1887 году на восточном побережье Индии пошел ко дну во время шторма корабль, на борту которого было восемьсот паломников, направлявшихся в священный город Пури. Все пассажиры и команда утонули. Рабиндранат написал стихотворение об этой трагедии, которое не только одно из лучших в этой книге, но, видимо, лучшее из его стихов, описывающих штормовое море. Ритм колеблется и волнуется, как безумные морские волны, погоняемые ветром. Воображение создает картину черного ужаса, разгула стихий, а ритмика вторит громам губительного рока. Но Тагор остается Тагором и в этом стихотворении: среди ужасного крушения в человеческом сердце продолжает гореть светильник любви и веры, никакой буре не загасить его. Вот переложение этих стихов, дающее представление о настроении автора.

*Во тьме, словно бред, бессвязной, свои разрушенья празднуй,
О дикий ад!
То ветра свист исступленный, иль крыльев миллионы
Кругом гремят?
И с морем небо мгновенно слилось, чтобы взор вселенной
Задержать ослепив.
Не выдержал борт железный, проломано дно, и бездны*

Раскрыта пасть.
Здесь царствует не Всевышний! Здесь мертвой природы хищной
Слепая власть!
Во тьме непроглядной звонко разносится крик ребенка,
Смятенье, дрожь...
А море, словно могила: что не было или было —
Не разберешь.
Как будто ветер сердитый задул светильники чьи-то...
И в тот же час
Свет радости где-то погас.

Как в хаосе мог безглазом возникнуть свободный разум?
Ведь мертвое вещество,
Бессмысленное начало — не поняло, не осознало
Себя самого.
Откуда сердце единство, бестрепетность материнства?
Вот братья обнялись.
Прощаясь, тоскуя, плача... О, солнечный луч горячий,
О прошлое, вернись!
Беспомощно и несмело сквозь слезы их заблестела
Надежда вновь:
Светильник зажгла любовь.

Зачем же всегда покорно мы смерти сдаемся черной?
Палач, мертвец,
Чудовище ждет слепое, чтоб все поглотить святое
Тогда конец.
Но даже и перед смертью, дитя прижимая к сердцу,
Не отступает мать,
Ужели все напрасно? Нет, злобная смерть не властна
Дитя у нее отнять!
Здесь — бездна и волн лавина, там — мать, защищая сына,
Стоит одна.
Кому ж отнять его власть дана?

Ее бесконечна сила: ребенка загородила,
Прикрыв собой.
Но в царстве смерти — откуда любви подобное чудо
И свет такой?

*В ней жизни бессмертной зерна, источник чудотворный
Неисчислимых щедрот.
К кому прикоснется эта волна тепла и света,
Тот мать обретет.
О, что ей весь ад восставший, любовь смерть поправшей
И грозный шквал!
Но кто ей такую любовь даровал?*

*Любовь и жестокость мести всегда существуют вместе,
Сплелись, борясь,
Надежды, страхи, тревоги в одном обитают чертоге;
Повсюду связь.
И все, веселясь и плача, решают одну задачу:
Где истина, где ложь?
Природа разит с размаху, но в сердце не будет страха,
Когда к любви придешь.
А если чередованье расцвета и увяданья,
Побед, оков, —
Лишь спор бесконечный двух богов?^[38]*

В Шантиникетоне написано другое замечательное стихотворение, героиня которого — Ахалья, легендарная жертва коварства божества и человеческой слабости. Прекрасная Ахалья была женой одного *риши*.^[39] Бог Индра (соответствующий в индуистской мифологии Зевсу или Юпитеру) увлекся ее красотой — древнеиндийские боги, как греческие и римские их собратья, не только легко увлекались, но зачастую могли быть весьма неразборчивыми в средствах. Он принял облик ее мужа и овладел ею. Узнавший об этом муж проклял невинную женщину и превратил ее в камень. Через столетия Рама, герой "Рамаяны", вернул ей человеческое обличье. Поэт представляет себе, что в течение долгого периода утраты человеческого сознания Ахалья чувствовала себя частью "неживой" природы, одной из тех вещей, которые мы называем немymi, бесчувственными, потому что если они и обладают сознанием, то совершенно отличным от человеческого.

Стихотворение полно намеков и догадок о тех тайных связях, которые объединили на глубоком уровне подсознания мира природы и человека, пока любящая рука Земли не стерла с Ахальи все следы человеческого греха. И вот она снова восстает из чрева своей великой матери, вновь

рожденная девственница, сияющая и прекрасная, как заря, встающая над голубым океаном забытых воспоминаний:

*Необъятно велик нашей матери сумрачный дом,
Из листвы и цветов расписная завеса на нем,
И оттуда она, из бездонных своих кладовых,
Вечной жизнью и юностью тайно питает живых.
Так, в жилище забвенья, припав к материнской груди,
Долго-долго спала ты, не зная, что ждет впереди,
В темных недрах земли, где ночная прохлада царит,
Где всеильная вечность в беспечном беспамятстве спит:
Спит на ложе огромном, что устлано пылью веков,
Ветхой гнилью когда-то увядших в жару лепестков,
Пеплом звезд отпылавших, лоскутьями славы былой,
Старой ржавчиной горя и счастья остывшей золой...*

*Там великая мать, терпелива, нежна и тиха,
Стерла с дочери падшей последние струпья греха,
И сегодня явилась ты, облик сменив вековой,
Незнакомую девой — прекрасной, безмолвной, живой.
Удивленно глядишь ты на зари золотой окоем,
А ночная роса, что осела на камне твоём,
Словно слезы восторга, дрожит в переливах огней
На распущенных косах, упавших до самых ступней.
А разросшийся мох, что тебя столько лет одевал
И мохнатым, густым под осенними ливнями стал,
Словно плащ бархатистый, еще обвивает твой стан, —
Он тебе на прощанье заботливой матерью дан.^[40]*

Во многих других стихах Тагор остался поэтом любви и природы, но рядом с ними звучат горячие слова обличения пороков его соотечественников. В стихотворении "Безумные надежды" Тагор осуждает своих сограждан за то, что им не хватает силы и мужества: они без устали хвастаются своей ушедшей славой и арийским наследием — "благочестивые рисоеды, бенгальские сосунки". Они дымят кальянами и тасуют грязные карты с самодовольной ухмылкой, а в это время "безумные надежды Шипят как змеи в их груди".

*Уж лучше родиться бы мне
Скитальцем степным, бедуином,
Скакать на коне без конца
По выжженным солнцем безводным равнинам.
Неизвестно, куда мчаться ночью и днем.
Упование вечное в сердце моем.
В дымке тускло-багровой исчез окоем,
Нет предела просторам пустынным.* [\[41\]](#)

Чувство юмора и дар иронии в полной мере сказываются в его сатирических стихотворениях. В одном он поздравляет "патриотов", "строющих нашу страну", с тем, что они нашли легкий способ подбадривать себя, заполняя целые стопы бумаги петициями, что они всегда готовы броситься в бой, были бы чернила и бумага под рукой. Самая злая из этих сатир была написана в 1888 году, когда группа подобных "патриотических арийцев" напала на проповедника "Армии спасения" и избила его. Описание этого подлого нападения дает Тагор в стихотворении под названием "Дхарма Прачар" ("Борцы за религию"). Стихи замечательны своей свирепой иронией и презрением к единоверцам. Не знаешь, чем больше восхищаться — сатирическим даром автора или отвагой его гуманизма. Другое стихотворение, "Покинутый", напоминает "Заблудившегося вождя" Браунинга — стихи полны боли и упреков к тем "заблудившимся вождям", которые возглавляли процесс национального возрождения и открывали новые горизонты, но теперь обратились в яростных реакционеров и оправдывают всякий глупый или жестокий обычай во имя идеалов индуизма, в частности браки малолетних.

В обличительном стихотворении "Новобрачные" он безжалостно издевается над новобрачным романтическим юношей, который пытается завлечь на ложе любви свою малолетнюю жену. Чем более поэтическим становится его пыл, тем больше пугается бедное дитя, начинает плакать, зовет свою няню, просит принести ей сластей и кукол. В более серьезном тоне он описал трагедию романтической любви, обреченной на неизбежное охлаждение, в двух других стихотворениях: "Говорит женщина" и "Говорит мужчина".

Иногда в его индийской душе пробуждается паломник, и тяга к жизни истощается, "ослабленная бледной печатью мысли". Словно чары Просперо внезапно исчезают, и чудесная панорама жизни и окружающего мира кажется иллюзорной. К чему вся эта боль и горячка, желания и

борьба! Все растворяется как тень. И согласие и отказ равно ведут ко вздохам сожаления. Иногда он чувствует, что всякий раз, когда он любил, в этой жизни, как и во многих прошедших,^[42] он искал единственную истинную любовь, представляющую собой бесконечный, неосознанный поиск своей душой конечной цели, слияния с вселенским духом.

Вскоре после выхода сборника "Манюши" в письме одному из друзей Рабиндранат отвечал на вопрос, кто же объект любовных стихов этой книги: "Желания человека безграничны, но возможности их достижения очень ограничены, и вот он создает в своем сознании образы тех желаний, которым он может поклоняться. Возлюбленная в "Манюши" существует лишь в моем сознании. Это мой первый, пробный, несовершенный образ бога. Сумею ли я когда-нибудь завершить его?"

Несмотря на достижения молодого человека в области литературы — а они были значительными, — Махарши оставался непреклонен: его сын должен взять на себя обязанности мужчины, ответственность наследника семьи землевладельцев. Рабиндранату пришлось подчиниться приказу отца и принять полную заботу о поместьях семьи, весьма обширных и разбросанных. Ему пришлось устроиться в плавучем доме на реке Падме.^[43] Итак, он взялся за дела управления поместьями, стараясь по возможности идти навстречу нуждам арендаторов.

Поначалу Рабиндранат, конечно, робел от этой обременительной ответственности, но впоследствии не раз говорил, что благодарен отцу за то, что тот принудил его к практической деятельности. Годы, проведенные в сердце сельской Бенгалии, расширили и усилили его тесную связь с природой, которую он так любил. Они дали ему возможность увидеть разнообразие пейзажей страны. Все это послужило обильной пищей для его поэзии.

Но еще важнее, еще богаче была связь с самой жизнью простых людей, с их ежедневным трудом, с постоянной борьбой против безразличия природы и еще худшего безразличия общественного уклада и чужеземной власти. Полученное из первых рук знание дало Тагору возможность заглянуть в души людей и понять общественные и экономические условия, так сузившие их кругозор. Все это оказалось важным подспорьем для его писательского таланта, обеспечило успех его рассказов из сельской жизни, позволило дать точный диагноз социальных и экономических недугов страны. Письма, которые Рабиндранат писал в этот период, по большей части к своей племяннице Индире Деби, остаются замечательным свидетельством все расширяющейся его симпатии к человеку и все

углубляющейся способности чувствовать, переживать, столь важной для поэта. Письма не предназначались для публикации, и он писал свободно, без самооглядки. В них видна не только жизнь Бенгалии, но и внутреннее развитие автора.

Больше всего Рабиндранат любил простор и текучесть, небо и реку, а здесь они были с ним в любое время дня и ночи. В отличие от Паскаля, "молчание бесконечных пространств" никогда не пугало Рабиндраната, оно манило, словно он мог слышать музыку сфер. Немногие поэты так, как Тагор, любили простор, все, что протягивалось за пределы, уловимые чувствами, будь то небо, водная гладь или голая земля. Снова и снова писал он о своем "голоде по простору" и однажды сказал об этом так: "Гёте на смертном одре просил "больше света". Если в таком же состоянии у меня спросят о моем желании, я скажу скорее "больше простора". В одном из писем поэт рассказывает, как однажды вечером читал английскую книгу об искусстве, красоте и эстетике. Продираясь сквозь глубокомысленные дефиниции и трудноопределимые антиномии, он вдруг почувствовал усталость, ощутил себя покинутым: будто сбился с пути и следует за миражем, зазывающим его в бездну дразнящими голосами. Тагор бросил книгу на стол и погасил лампу, намереваясь лечь спать. Как только он это сделал, комнату залил лунный свет из открытых окон. Выглянув из окна, он смотрел на небо, залитое светом, и поразился, как легко маленькая, созданная человеком лампа могла заслонить все это великолепие. "Чего искал я в пустых словах этой книги? Ведь сама красота, заполнившая небо, молча ожидала меня снаружи все эти часы!"

Он часто возвращался в Калькутту к жене и детям. Семья вместо старого "Бхароти" основала новый литературный ежемесячный журнал под названием "Шадхона" ("Постижение жизни"). Страницы журнала за эти четыре года представляют впечатляющую панораму произведений Тагора, свидетельствующих об обилии и разнообразии его таланта. Это стихи, драмы, рассказы, литературная критика, эссе, полемика по национальным и общественным проблемам. Отныне творчество Рабиндраната обрело черты зрелости и все, что он создавал, появлялось неожиданно, яркой вспышкой озаряя неизвестные области мысли и выражения в бенгальской литературе.

В этот период в 1891 году создана замечательная лирическая драма "Читрангода". Это единственная из его драм, написанная весной, и дыхание весны ощущается в каждой ее строке, звенящей чувственным восторгом. Это пьеса об очаровании весны и власти ее чар над человеческими чувствами. Весна выступает в пьесе как один из персонажей. Пожалуй, это одна из лучших пьес Рабиндраната, из нее нельзя убрать ни строчки. На

бенгальском языке каждая реплика дрожит от лирической страсти, мастерски сдерживаемой.

В пьесе ставятся вечные вопросы: что такое красота? Что такое любовь? Что может стать истинной и нерушимой основой взаимоотношений между мужчиной и женщиной? Пьеса так характерна для Тагора, что он мог бы ее написать в любой период своей жизни — и в семьдесят, и в тридцать лет. Так оно и случилось. В возрасте семидесяти пяти лет он переработал ее в форме цикла сменяющих друг друга песен, перемежающихся с диалогом. И эти песни исполнялись как аккомпанемент к созданному на основе пьесы индийскому балету.^[44]

Интересна история создания пьесы, впоследствии о ней рассказал сам автор. Однажды он возвращался в Калькутту после поездки в Шантиникетон. Был ранний апрель. Глядя на убегающий пейзаж из окна вагона, он поразился количеству цветов на диких кустах и деревьях, которые росли по сторонам железной дороги. Эти цветы, такие прекрасные, такие ароматные, вскоре увянут и опадут под палящим зноем, и на ветвях появятся плоды. Цветы — это всего лишь игра весны, уловка природы, Чтобы принести плоды. Задумавшись над этим, юный поэт задал себе вопрос: если женщина с чувствительной душой поймет, что ее любовник привлечен к ней только ее красотой, которая недолговечна и носит как бы внешний характер, а не высокими качествами ее души, не потребностью провести жизнь с ней бок о бок, в этом случае она найдет в своем теле не помощника, а соперника. Эта идея понравилась молодому поэту, он решил придать ей драматическую форму. Тут же он вспомнил один эпизод из "Махабхараты". И то и другое теснилось в его сознании до тех пор, пока через несколько лет он не оказался в маленькой деревне в Ориссе, куда приехал посмотреть за фамильными поместьями. Там и была написана эта пьеса.

Сам эпизод, как он рассказан в великой индийской эпической поэме "Махабхарата", прост и ясен и лишен особого драматического напряжения. Великий герой Арджуна скитается во исполнение принятого на себя священного обета. Он приходит в Манипур, самую восточную область Индии. Там встречает Читрангоду, прекрасную дочь повелителя Манипура. У повелителя нет сыновей, и он воспитал Читрангоду как мужчину. Арджуна влюбился в Читрангоду, женился на ней, и через год у них родился сын. Эта простая схема была превращена Рабиндранатом в чарующую любовную историю, полную глубоких психологических прозрений в отношениях между мужчиной и женщиной.

Царевна Читрангода была воспитана как мальчик, обучена военному

искусству. Была она некрасивой и не знала "никаких женских уловок для завоевания сердец". Она могла поразить мужчину стрелой из лука, но не взглядом. Однажды, одетая в мужской охотничий костюм, она преследовала оленя и внезапно наткнулась на мужчину, лежащего поперек дороги. Она высокомерно приказала ему убраться в сторону, но он не обратил на нее никакого внимания. Разозлившись, она уколола его концом лука. Он взвился, как язык пламени, но, увидев, что перед ним девушка в мужском охотничьем костюме, всего лишь снисходительно улыбнулся.

*А я в одну секунду позабыла
Мужскую смелость, прямоту и честь.*

.....
*И пробудилась женщина во мне —
И поняла я: вот мой повелитель!*^[45]

Она спросила его, кто он. "Я Арджуна из великого рода Кауравов", — отвечал он. Девушка была поражена. Ведь перед нею стоял великий воин, о котором всякая знатная дама тех времен мечтала в сновидениях. Она так смутилась, что не смогла даже как следует приветствовать героя. Он с презрением ушел прочь.

На следующий день она отложила прочь свой мужской наряд и, нарядившись в лучшее платье, украсив себя драгоценностями, отправилась на поиски Арджуны в надежде завлечь его. Но Арджуна отверг все ее притязания, сказав, что он дал обет безбрачия и не может прикоснуться к женщине. Опозоренная, раненная в самое сердце Читрангода разломил свой лук надвое и призвала Мадану, бога любви. Мадана появился перед нею вместе со своим сотоварищем Васантой, богом весны и вечной юности. Царевна взмолилась: "На один единственный день сделайте меня прекрасней всех на свете, прекрасной, как прекрасно было пробуждение любви в моем сердце. Дайте мне один день побыть прекрасной, а дальше будь что будет!" Боги даровали ей совершенную красоту — не на один день, а на целый год.

Читрангода превратилась в ослепительно прекрасную деву. Когда она купалась в лесном озере, Арджуна увидел ее и был вне себя от любви. Он забыл о своем обете безбрачия. Несколько месяцев возлюбленные провели в любовном забытии. Но счастье Читрангоды не было полным. Она стыдилась того, что завоевала возлюбленного чужой красотой, и боялась,

что она обрела соперницу в своем собственном теле. "Я поняла, что моя земная оболочка стала мне соперницей. Ненавистное занятие — каждый день украшать ее, посылать ее к моему возлюбленному и следить, как он ее ласкает. О боже, возьми обратно свой дар!" Бог уверяет ее, что со временем минует сезон цветов и наступит сезон плодов, что Арджуна, устав от плотских утех, сам разглядит настоящую женщину в ее душе. А тем временем — "Иди ж, дитя, на этот юный праздник!".

Читрангода молит богов взять обратно ее фальшивую красоту. Боги забирают свой дар, и Читрангода, вернувшись в прежний, истинный свой облик, появляется перед Арджуной и говорит:

*Читрангода я. Нет, не божество
И не ничтожная жена, что бьет
Без устали поклоны. Нет, не стану
В прозрении влачиться за тобой!
Дорогой трудною с тобой пойду,
Опасности, тревоги разделяя,
В суровом подвиге опорой стану
И другом верным в тяжкую минуту.* [\[46\]](#)

В тот же год Рабиндранат написал и опубликовал свою первую прозаическую социальную комедию "Горай галад" ("Ошибка с самого начала"). Это комедия ошибок, пронизанная социальной сатирой. Утонченный, отполированный юмор ее напоминает пьесы Оскара Уайльда, [\[47\]](#) а дух фарса заставляет вспомнить о "Тетке Чарлея".

Это история романтических привязанностей и любовных приключений трех молодых интеллектуалов. Как и обычно, женщины в комедии более динамичны и ярче обрисованы, чем мужчины. Сюжет прост, он не тормозится никакими второстепенными линиями и быстро катится к развязке, не требуя от читателя чрезмерной доверчивости. Диалог сверкает остроумием, по большей части построенным на непере译имой игре слов.

В пределах этой книги было бы невозможно перечислить и пересказать все литературные достижения Тагора. В последующих главах речь будет идти только о главных вехах, отмечающих развитие его личности и мысли, или о произведениях, в которых какой-то новой стороной открылся его талант. Эта книга не критический анализ его творчества и философии жизни и не оценка его вклада как просветителя,

или социального реформатора, или интернационалиста — хотя, конечно, ни об одном из этих аспектов умолчать невозможно. Скорее всего это попытка проследить за ростом многогранной, но очень цельной личности человека, который при всем величии оставался таким же, как и все мы, хотя его чувства были острее, воображение богаче и способности больше. Его достижения в различных областях деятельности, как бы ни были они важны сами по себе, приобретают значение и интерес для нас, если должным образом связать их с разными стадиями его развития, его судьбы.

После издания "Гитанджали" и публичных лекций, посвященных философскому наследию Индии, Запад создал портрет Тагора настолько односторонний, что он не приближает, а уводит в сторону от истины. Он не был ни религиозным мистиком, ни ветхозаветным пророком, ни сентиментальным болтуном, ни интеллектуальным шарлатаном. Тагор так внезапно появился на общественной арене Запада, во весь рост, сияющий, белобородый и облаченный в традиционные одежды пророка, что весь облик его породил прямо противоположные впечатления. Он казался таким мудрым, что интеллектуалы сомневались, в своем ли он уме; таким человечным, что в нем, казалось, нет ничего от простых смертных; таким монументальным и совершенным во всех отношениях, что в нравственном климате, когда упрямство считают силой и более ценят мужество, чем высоту души, самое совершенство его казалось немужественным и искусственным. Свежая и чистая вода кажется безвкусной тем, кто привык к алкоголю, кока-коле или шербету. По этой же причине подлинно человечный человек становится "персоной нон грата" среди сверхмужественных мужчин и чересчур женственных женщин. "Я считаю, что с меня достаточно, — писал Рабиндранат в частном письме, датированном октябрем 1891 года, — жить и умереть как положено человеку, с любовью и доверием к этому миру, и не смотреть на него ни как на грезу Творца, ни как на ухмылку дьявола". И в другом письме, датированном 16 июня 1892 года: нет ничего более прекрасного и более великого, как исполнять повседневный долг жизни — просто и естественно".

Вот настоящий, глубинный Тагор. Все прочие аспекты в их ошеломительном многообразии всего лишь вариации простой темы, как формы и цвета, которые принимают в разное время облака или, если воспользоваться его собственными словами, "как бесконечное значение в кратком звучании песни".

7. Человек среди людей

Завоевав прочную любовь своей музы, Рабиндранат, как Арджуна в его "Читрангоде", почувствовал потребность в более широком поле деятельности, желание утвердиться как человек среди людей. Художник в его душе стремился вступить на новые пути самовыражения. Воображение поэта искало поддержки в наблюдении за жизнью, как вьющееся растение нуждается в твердом стволе, извиваясь вокруг которого оно могло бы тянуться вверх. Жизнь в деревне давала ему чувство близости к родной земле, а каждодневное, прозаическое, будничное дело управления поместьями помогло ему увидеть своими глазами, как живет большинство из его народа. Аристократ по рождению и воспитанию, он мог бы ощутить отвращение к простым людям, его могло оттолкнуть их невежество, их предрассудки, их глупое упрямство посреди жестокой нужды, их безмятежная покорность вполне поправимым бедам, их неспособность помочь самим себе. Но вместо этого он научился любить их, и любовь открыла ему источник сострадания к их беспомощности.

По отрывкам из писем, написанных в этот период, мы можем увидеть, как пристально наблюдал он за природой и людьми, как жизнь обогащала его все новыми впечатлениями.

К счастью, некоторые из писем, которые он писал день за днем, уцелели. Они свидетельствуют, что поэт и в самом деле чувствовал в реальной жизни то, что он выражал в своих стихах. Никто не станет поэтизировать или преувеличивать свои чувства в повседневных письмах к девочке-племяннице, и тем более никто не станет утомлять ее описанием обыденных сцен, если только они не покажутся настолько яркими, чтобы забыть об обыденности. "Два мальчика-пастуха, — описывает он, — пасут стадо как раз напротив моего судна. Коровы жуют с удовольствием, их морды погружены в щедрую траву, хвосты непрерывно шлепают по спинам, отгоняя мух. Капли дождя и удары пастушьих палок падают на их спины с одинаковым постоянством, но они выносят и то и другое с безропотной отстраненностью, продолжая жевать, жевать, жевать". В письме, написанном в феврале 1894 года, он рассказывает: "У нас есть два слона, они приходят питаться на берег реки. Они несколько раз топают по земле, а потом, ухватив хоботом стебли травы, выворачивают огромные куски дерна, корневищ растений, земли. Они потрясают этими кусками, пока земля не осыплется с корней, тогда они отправляют их в рот и

съедают. Иногда им приходит в голову набрать пыли в хобот, и затем они, всхрапывая, осыпают ею свои тела. Это их слоновый туалет".

А вот описание цыганского табора. "Как раз перед моим окном, на другой стороне реки, остановился цыганский табор, установив каркасы из бамбука, покрытые бамбуковыми циновками и кусками ткани. Да, таковы цыгане — нет ни дома, ни помещика, которому платить налоги, кочуют они где захотят, со своими детьми, со свиньями и собаками. Полиция всегда пристально следит за ними. Я часто наблюдаю, как течет жизнь перед ближайшим ко мне шатром. У цыганок очень темная кожа, но они красивы. Своими легкими, свободными движениями и всем видом естественной независимости они напоминают мне внезапно потемневших англичанок".

Он мог восхищаться цыганками или же завидовать бедуину, но душа его всегда была распахнута перед крестьянином Бенгалии. Это была не только жалость, во всяком случае не та жалость, на которую так щедры сентиментальные натуры. Это была жалость, которая заставляет сердце содрогаться и придает любви силу и действенность. "Я чувствую, — признавался он, — великую нежность к крестьянам — этим большим, беспомощным детям Провидения, которым нужно подносить ложку ко рту, иначе они умрут с голоду. Когда вдруг пересыхают груди кормящей их матери-земли, они могут только рыдать. Как только голод отступает, они забывают обо всем. Не знаю, будет ли когда-нибудь воплощена мечта социалистов о том, что все поровну разделят наследие земли. Но если этот идеал совершенно недостижим и даже частично не может быть воплощен в жизнь, тогда я должен сказать, что Закон, управляющий жизнью человеческой, жесток и человек воистину несчастное создание. Если страдание должно существовать в этом мире — пусть будет так. Но пусть будет какой-то выход, какая-то возможность пробудить лучшее в человеке к бесконечному дерзанию, к лелеянию неумирающей мечты. Да, жестокие слова говорят те, кто утверждает, что никогда не придет время, когда самый жалкий из людей будет снабжен минимумом еды и одежды".

Его глубокая забота о бедных крестьянах не была только литературной или поэтической. Он стремился сделать все возможное, чтобы помочь этим "большим беспомощным детям Провидения" повзрослеть и обрести самостоятельность. За два десятилетия до того, как Махатма Ганди вышел на политическую арену, за полвека до того, как правительство Индии занялось социальными преобразованиями, Тагор начал свои первые эксперименты по Развитию сельских общин. Он не верил в здоровье общества, в котором личность теряет инициативу и просит у государства помощи и руководства в тех делах, в которых человек сам себе лучший

помощник и руководитель. Программа развития общинного земледелия основывалась Тагором на двойном принципе — взаимопомощи в рамках общины и просвещения. Последнее особенно важно, так как он полагал, что люди утрачивают инициативу не только потому, что они стали физически и морально ленивыми, но и потому, что дух их искалечен предрассудками и религиозными суевериями. Они слепо верят всякому, религиозному шарлатанству, но понятия не имеют о настоящих чудесах, творимых наукой. Нет большего несчастья, чем невежество, нет большего греха, чем пребывать в нем.

Понимание этого, а также болезненные воспоминания о собственных школьных годах, о механической системе обучения, построенной на зубрежке и наказаниях, постепенно заставили его принять на себя роль просветителя и социального реформатора. Первые эксперименты в этом роде он проводил среди крестьян своих родовых поместий.^[48] Многими годами позже, создавая школу в Шантиникетоне, он основал по соседству с педагогической колонией ядро эксперимента по крупномасштабному развитию общин Шриникетон. Он хотел, чтобы, принимая участие в разработке ряда проектов, ученики его школы, эти ростки новой интеллигенции, активные граждане завтрашнего дня своей страны, осуществляли живую связь с крестьянами, составляющими основу основ индийской экономики и общества. Каков бы ни был кажущийся прогресс среди интеллектуалов немногих больших городов вроде Калькутты или Бомбея, Индия останется неподвижной до тех пор, пока остается неподвижной эта основа нации — крестьянство.

Основопологающей чертой будущей Индии, неотъемлемой частью сознания интеллигенции он стремился сделать гражданскую обеспокоенность. "Почва, на которой мы рождены, — повторял он снова и снова, — это почва нашей деревни, это наша мать-земля, на лоне которой мы получаем хлеб наш насущный. Наша интеллектуальная элита, оторванная от этой изначальной основы, бродит в небе высоких идей, как облака, бесцельно уносимые прочь от родного дома. Связь человека с матерью-землей не приобретет настоящего смысла, если облако это не прольется дождем любящего служения. Все наши эфирные замыслы плавают в тумане абстракций — время посева придет, а сеять будет нечего. Кажется, будто со всей нашей обширной земли, простертой, как бесплодная пустыня, звучит жаждающий крик, обращенный к небесам: "Все собранные вами идеи, все богатство знания, сияющие в красе, все это должно быть моим. Отдайте все, что мне принадлежит. Подготовьте меня, чтобы я могла принять этот дар. Все, что вы дадите, вернется вам тысячекратно". И это не

были просто красивые слова поэта или пустые призывы утописта. Их произносил человек, уже применивший на практике свои теории. Он сам принадлежал к ведущим интеллектуалам своего народа, и главной его заботой как поэта и как гражданина в течение пяти десятилетий — с 1890 года до смерти в 1941 году — был индийский крестьянин. Со своими ограниченными возможностями и ограниченным полем деятельности, сначала в семейных поместьях, а позднее в Шриникетоне, Тагор помогал крестьянам создавать свои собственные школы и больницы, дороги и водохранилища, кооперативные предприятия, банки и систему самоуправления, спасая их таким образом от домогательств ростовщиков и судебных чиновников. Нобелевскую премию, полученную в 1913 году, он пожертвовал своей школе в Шантиникетоне и внес ее в кооперативный сельскохозяйственный банк, который ранее основал в своих родовых поместьях в Потисаре.

Когда вырос его сын Ротхиндронат, он послал его учиться не в Оксфорд и не в Кембридж, как считалось, ДД и до сих пор считается подобающим в богатых индийских семьях. Он отправил его в университет штата Иллинойс в США изучать сельскохозяйственную науку. Поскольку Индии, по его мнению, не хватало именно научных знаний для сельскохозяйственного развития (ведь около девяноста процентов жителей занимались сельским хозяйством), Тагор предпочитал, чтобы индийцы становись лучшими фермерами в Иллинойсе, а не лучшими джентльменами в Оксфорде.

Когда сын вернулся, закончив занятия, он отправил его работать в поместье, чтобы Ротхиндронат смог на практике продемонстрировать крестьянам преимущества передовых методов сельскохозяйственного производства. Была создана ферма, на которой испытывались новые культуры, сельскохозяйственные орудия, подходящие к условиям Индии, и даже устроена маленькая лаборатория. Позднее появились и тракторы, и хотя поначалу крестьяне подозрительно относились к машинам, но вскоре они научились пользоваться благами механизации.

Но главная проблема сельской экономики слишком сложна, чтобы разрешить ее лишь введением лучших машин и приспособлений для сельского хозяйства. Избыток населения давит на экономику, и дело не только в лучшем использовании земли, но и в том, чтобы использовать излишнюю рабочую силу, которой не находится применения в течение большей части года. Тагор знал об этой проблеме и старался, как и Махатма Ганди позднее, шире пропагандировать посадки дополнительных культур и вводить ремесленное производство, чтобы повысить занятость и помочь

крестьянам свести концы с концами. В одном из писем к сыну он писал: "Старайся поощрять их (крестьян) выращивать возле домов, по краям полей и где только возможно ананасы, бананы, финиковые пальмы и другие фруктовые деревья. Из листьев ананасов можно вырабатывать крепкие волокна. На фрукты всегда есть спрос. Из тапиоки можно возводить живые изгороди, крестьян надо научить, как получать крупу из ее корней. Им пойдет на пользу, если они начнут выращивать картофель. Снова попытайся посеять семена американской кукурузы, которые хранились в конторе".

Это не поэзия, а жизненная проза. Тагор верил, что, несмотря на забитость, неграмотность, крестьяне сумеют разобраться в том, что для них полезно. Возможно, он был наивным, неисправимым оптимистом, но в этом заключалась суть его веры в человечество.

Однако продолжим наш рассказ. В другом письме к сыну Рабиндранат писал: "Я думал о кустарных промыслах, которые можно ввести среди наших крестьян. Здесь ничего не растет, кроме риса. Но у них есть глиняная почва — она может стать сырьем. Хотел бы я знать, нельзя ли ввести гончарное дело как кустарное производство. Постарайся выяснить, не смогут ли жители деревни заняться производством глиняной посуды, вложив деньги в печь для обжига. Можно научить их также изготавливать зонтики. Не забудь разузнать об этих вещах". Он уговаривал крестьян в своих поместьях в Потисаре создать общину, которая возьмет на себя организацию труда и быта. Община эта, под названием Хитайши Сабха, объединила около 125 деревень с 60–70 тысячами жителей. Сабха создала свой денежный фонд, в который вносил вклад и Тагор, открывала школы, больницы и другие центры улучшения быта, осуществляла самоуправление в своих пределах.

В одном из писем этого периода Тагор подводит итог своим трудам: "Мы достигли договоренности, что крестьяне теперь сами будут заниматься благоустройством: чинить дороги, рыть колодцы, создавать выборные суды, открывать школы, расчищать джунгли, собирать запасы зерна на случай неурожая — одним словом, всеми мерами содействовать благоденствию своей родной деревни".

И все время, пока доброжелательный землевладелец занимался улучшением быта своих крестьян, художник в нем наблюдал за жизнью, за радостями и печалью простых людей, их любовью и враждой, маленькими подвигами терпения и героизмом. Тагор всегда искал величия в малом и нашел это величие в жизни этих людей, которую описал в своих рассказах. Это был его новый выход на арену творческого самовыражения. В

стихотворениях, песнях, пьесах, романах и статьях он нащупывал новые пути, пока не достигал совершенства. Но в жанре короткого рассказа он не следовал никаким заранее известным образцам, да в литературе его страны и не существовало таких образцов. Из индийских писателей той поры он первым обратился к этой форме. Чехов и Мопассан — единственные два иностранных мастера слова, которых можно поставить с ним рядом. Но известный индийский социолог Д. П. Мукерджи, сам одаренный и плодовитый писатель, так сказал об их различии: "У русских классиков видна искренность души, у французских — искренность разума, а у Тагора искренность чувства. Если мы стыдимся своих чувств, то рассказы Тагора написаны не для нас. Если мы лишены этой слабости, они покажутся нам одними из лучших в мире".

Сюжеты многих из этих рассказов подсказаны реальными сценами или случаями. Об истории их зарождения он рассказывает в письмах этого периода.

Где бы ни приютилась деревня на речном берегу, в ней всегда есть гат, каменные ступени, ведущие к воде куда мужчины и женщины, молодые и старые, приходят искупаться и поболтать. Он увидел один такой гат, с крытыми мхом старыми ступенями, и подумал: о чем могли бы поведать эти ступени, если бы обладали даром речи? Похожее ощущение он пережил некогда в детстве, когда жил в старом дворце моголов в Ахмадабаде. То воспоминание легло в основу рассказа "Голодные камни". И вот теперь в истории, названной "О чем рассказал берег Ганги", каменные ступени вспоминают прелестную маленькую девочку, которая приходила когда-то к реке. "Такой милой она мне казалась, что, когда тень ее падала на воду, я загорался желанием поймать эту тень и сохранить ее прижатой к моим ступням! Когда ее ножки легко пробегали по камням, мох на них трепетал от восторга". Ее звали Кушум. Она любила воду, будто вода была ее родной стихией. Но вот пришло время, когда она перестала спускаться к воде. Гат понял по разговорам ее приятелей, что маленькую Кушум выдали замуж и она ушла в дом мужа в другую деревню.

Прошли годы. И однажды камни ощутили знакомую судорогу восторга. Но в шагах Кушум больше не было той светлой музыки. Она вернулась в деревню вдовой. Прошло еще несколько лет, и Кушум превратилась в юную и привлекательную женщину, "как еще прекраснее становятся водные просторы Ганги, когда она разольется от дождей". Через некоторое время в деревню прибыл высокий и красивый отшельник-саньяси, он поселился в храме Шивы неподалеку от гата. Мужчины и женщины деревни приходили слушать его поучения, но среди них не было

Кушум.

Как-то в вечер полнолуния Кушум пришла и села на ступенях. Никого не было вокруг. Через некоторое время саньяси вышел из храма и стал спускаться к реке. Внезапно он заметил одинокую женщину у воды. Кушум подняла голову, и они взглянули друг на друга при свете полной луны. "Как тебя зовут?" — спросил он. Кушум назвала свое имя. После этой встречи она приходила каждый вечер, приносила цветы для украшения храма и, замирая, слушала речи отшельника. Но затем Кушум внезапно исчезла и долго не появлялась ни на гате, ни возле храма. Когда саньяси послал за нею, она пришла и призналась, что во сне увидела себя в его объятиях. Саньяси просил Кушум забыть его и исчез из деревни. Больше его не видели.

Кушум медленно спустилась по ступеням, и замерла, глядя на воду. "С детства она любила эту реку, а если теперь, когда жизнь ее разбита, река не примет ее в свои объятия, то кто же примет! Я услышал всплеск и больше ничего".

Это один из самых типичных рассказов Тагора. Сама природа, так называемая бесчувственная материя, принимает участие в сюжете и помогает создать атмосферу благоговейного трепета, которая более, чем сюжет, определяет суть происходящего. Точно так же в "Рассказе дороги" дорога повествует, какие тайные стремления и обманутые страсти видела она. Почти во всех произведениях авторская нежность и симпатия на стороне женщин, юных девушек и маленьких детей. Портреты детей и подростков — мальчиков и девочек — создаются им с бесконечной нежностью и почти сверхъестественным проникновением в душу. Взрослые же герои-мужчины обычно рисуются в иронических тонах, даже если судьба их трагична. Пожалуй, единственное исключение — это Кабуливалла в одноименном рассказе, но ведь он афганец, а не бенгалец.

Тагор видел на улицах Калькутты высоких, дюжих пришельцев из Кабула, торговавших сушеными фруктами и орехами. Их называли "кабуливалла", рассказы о них нагоняли страх на бенгальцев. Считалось, что они вполне способны красть детей и уносить их в огромных сумках, висевших за их широкими плечами. Но конечно же, думал Рабиндранат, они тоже люди и тоже любят своих детей, как все родители по всему свету. И вот мрачный Кабуливалла становится в рассказе Тагора одним из самых привлекательных персонажей во всей бенгальской литературе. Дружба, которая завязалась между этим неграмотным, неуклюжим здоровяком, пришедшим с суровых гор Афганистана, и пятилетней бенгальской девочкой Мини, с ее нескончаемой болтовней и весельем, стала

трогательным свидетельством того, как человеческое общение преодолевает барьеры расы, религии и социальных предрассудков.

Рассказы этого периода касаются различных аспектов жизни Бенгалии и описывают типы из всех классов общества. В целом они дают реалистическую и яркую картину жизни народа. Они замечательны тем, как тонко Тагор соединяет точные наблюдения и живую игру воображения, жалость и иронию, жизнь природы и жизнь человека, свидетельствуют о его удивительном даре выражать суть событий, о его широком гуманизме, нетерпимости к общественному злу.

Индия, которую он изображает, — это не фальшиво романтическая Индия Киплинга и туристских путеводителей. Он изображает подлинную Индию, Индию переходного периода, когда социальные классы по-разному реагировали на приход машинного века. В отличие от многих персонажей его пьес и романов, представляющих собой либо абстрактные типы, либо воплощение авторских идей, герои его рассказов всегда жизненны и ярки.

В одном из писем Тагор говорит о том, какое счастье доставляет ему писать эти рассказы: "Главная причина здесь в том, что герои их становятся моими сотоварищами, они остаются со мною, когда я запираюсь в комнате в дождливый день, а когда светит солнце, они совершают со мной прогулки по прекрасным берегам Падмы. Сегодня с утра в мой воображаемый мир вошла маленькая капризная девочка по имени Гирибала".

Гирибала живет в бенгальской литературе как одно из самых трогательных воплощений характера индийской женщины. Тагор в одном из писем июля 1891 года описывал сцену на берегу реки: "Одна из девочек особенно приковала мое внимание. Ей, должно быть, одиннадцать или двенадцать лет, но она хорошо сложена и упитанна, так что ей можно дать четырнадцать или пятнадцать. У нее привлекательное личико — очень темное, но с красивыми чертами. Волосы ее коротко острижены, как у мальчика, и это идет к ее лицу, выражающему ум и откровенность. На руках у нее ребенок. Она глядит на меня с выражением нескрываемого любопытства — не долгим замутненным взглядом, но живым и открытым. Полное отсутствие в ней застенчивости и ее манеры полудевчонки-полумальчишки, самоуверенные и в то же время по-женски грациозные, совершенно меня обворожили. Я не знал, что среди наших женщин встречаются подобные".

Ирония и жалость определяют настроение этих рассказов, жалость к растроченной юности и разрушенным надеждам; ирония — к мужскому эгоизму, бесчеловечности общественного и религиозного порядка, унижающему достоинство живых ради возвеличивания умерших.

Немая девочка Шубха, несчастная Нирунома, Кадом-бини, беспомощная Махамая — целая галерея трагических героинь, раздавленных колесами бесчувственного Джаггернаута.^[49] Впрочем, не все женщины героичны или трагичны. Некоторые из них поддерживают тот порядок вещей, который покалечил их жизнь и исковеркал их разум. Одни вечно ворчат, придираются и доводят своих мужей до отчаяния, другим их драгоценности дороже любви мужа. Не все из них исповедуют индуизм. Одна из самых романтических героинь — мусульманская принцесса, отдающая все ради военачальника-индуса, которого она полюбила. Крушение надежд этой верной и отважной женщины (рассказ называется "Обыкновенный роман") показано с удивительной силой. Еще более романтична история могольской принцессы Амины, которая хочет отомстить за смерть своего отца и обнаруживает, что принц Аракана, в чью грудь она хотела вонзить кинжал, — ее переодетый возлюбленный, скиталец Даляя.

В одних рассказах сюжет движет страсть мужчин к золоту, в других — безжалостное стремление женщин пробудить честолюбие в муже или сыне, в третьих — трагедия обнищавшей аристократии, держащейся за иллюзии давно увядшей славы. Некоторые рассказы — это грезы, в которых мастерски смешано естественное и сверхъестественное.

Рассказы этого периода обнажают политическую беспомощность народа и бессердечный цинизм чужеземных правителей. Тагор никогда не писал "псевдопатриотических" рассказов, цель которых — возбудить ненависть к иностранцам. Он ненавидел колониальное владычество, но знал, что нельзя долго угнетать людей, если они знают о своих правах и готовы умереть, защищая их. Тагор стремился пробудить в своем народе чувство собственного достоинства, а не просто сваливать вину на других.

В письме, отправленном в феврале 1893 года, он писал: "Какая же все-таки несчастная, богом забытая наша страна, где не хватает простой воли к действию! Истощилась способность мыслить, чувствовать, ослабли страсти. Дерзкие приключения, истинная полнокровная жизнь никому не известны. Мужчины и женщины скользят бесшумно, как тени, едят, пьют, делают свою повседневную работу, курят, спят и безостановочно болтают. Мы рассуждаем обо всем как дети, и чувства наши легко сползают в сентиментальность. Как не хватает взрослого, серьезного стремления к борьбе и полнокровной жизни!"

Плохо же знали Тагора те, кто видел в нем лишь романтического поэта, певца сладких банальностей, религиозного мистика или пропагандиста национального образа жизни! Он вполне мог быть и таким, но провидец

никогда не закрывал глаза перед реальностью, ноги идеалиста стояли на твердой почве, и сладкоголосый певец, как Жаворонок из стихотворения Вордсворта, "был верен и небу, и дому". Сочетание реализма и идеализма не озлобило его, не сделало его циником, и это лучшее свидетельство силы его духа.

Может показаться странным, что именно в этот период, когда его внимание к жизни простых людей проявляется наиболее живо и сильно, в его поэзии все слышнее становятся ноты мистицизма. Он никогда не был философом, и ярмо сформулированной и завершенной философской системы, содержащей ответы на любой вопрос, для него непереносимо. Еще меньшее уважение питал он к традиционным религиям. Он слишком страстно любил эту землю и эту жизнь, чтобы отворачиваться от них. Тайна жизни всегда привлекала его. "Насколько искусственны и лживы наши представления о грехе и добродетели, — писал он в письме, датированном 22 марта 1894 года. — Нет более высокой религии, чем религия симпатии ко всему живущему. Любовь — вот источник любой религии".

Мистицизм Тагора не что иное, как чувство родства со всем окружающим, уверенность в существовании невидимой связи, объединяющей все живущее, видимое с незримым. Расцвет мистицизма в этот период в поэзии Тагора означает, что поиск связующего звена в его собственной жизни, поиск музыки-покровительницы его таланта и судьбы, поиск Личности, которая была бы и глубже и выше его личности, стал более сознательным. В письме от 24 марта 1894 года он писал: "Я ошеломлен сознанием, что во мне есть ускользающая тайна, и я не могу ни осознать ее, ни овладеть ею. Я не знаю, куда она заведет меня — или я ее? Я не знаю, что я могу или не могу свершить. Я не могу понять, да меня и не спрашивают, что это вздымается как волна в моем сердце, что течет по моим жилам, что шевелится в моем мозгу, и все же я живу и притворяюсь, будто я хозяин своих дум и дел. Я как живое пианино со сложной сетью струн, натянутых внутри, но кто же этот Музыкант, приходящий играть, и когда он приходит, и почему — этого я понять не в силах. Я слышу только мелодию, которая возникает во мне в это мгновение, звучат ли струны радости или печали, берутся ли диэзы или бемоли, высокие или низкие, льется ли мелодия или фальшивит..."

К счастью, он не был философом и не ломал себе голову над вопросами, зачем и почему "на нем играли". Более того, он страдал, когда музыка не звучала. "Удовольствие создать одно стихотворение, — писал он в письме в мае 1892 года, — намного больше того, какое получаешь,

исписав целую стопку листов прозы... Если бы я мог сочинять по стихотворению в день..." Ему это почти удавалось. В течение семи лет, с 1894-го по 1900-й, он напечатал несколько больших поэтических сборников, помимо драм, книг рассказов и другой прозы. Первый из этих сборников стихов озаглавлен "Шонар тори" ("Золотая ладья"), по названию начального стихотворения.

Дождливым днем, когда гром перекатывается в тучах, поэт сидит в безутешной печали на краю поля, глядя на реку.^[50] К нему подплывает золотая ладья, и он смутно различает фигуру у руля. Урожай его поля собран, и он наполняет им лодку.

*Все возьми. Все тебе до зерна отдаю.
Погляди, нагрузили мы лодку твою.
Я здесь трудился столько дней!
На ниве я стою своей,
Ни колоска теперь на ней.
Я один у причала стою.
Ты возьми и меня в золотую ладью!*

*Места нет, места нет, слишком лодка мала,
Много места поклажа моя заняла.
Наш край безмолвен, а над ним
Клубятся тучи, словно дым.
Над полем я стою пустым,
Все я отдал дотла.
Далеко золотая ладья уплыла.^[51]*

Лодка уплывает, куда — неизвестно, а поэт остается на берегу.

Было время, когда это стихотворение порождало бурные споры в литературных кругах Бенгалии. Каково его истинное значение? Что такое Золотая ладья и кто сидит у руля? Сам поэт пытался объяснить, что Ладья символизирует для него Жизнь, которая собирает урожай наших дел и уплывает по потоку времени, оставив нас позади. Образ Золотой ладьи вновь появляется в последнем стихотворении книги, но теперь в ладье находится поэт. Его Муза, Возлюбленная его мечты, хранительница его жизни, полуузнанная, полунезнаемая, сидит у руля. Он снова и снова спрашивает ее, куда она его везет. Она не отвечает, но с улыбкой указывает

на дальний горизонт, где на западе садится солнце.

В этой книге есть несколько замечательных стихотворений, одно из них — о земле, матери всего живого: другое — о море, прародителе мира, из лона которого родилась сама земля, третье о Манас-Сундари, душе красоты, подруге его детских игр, мечте его юности, а ныне самой жизни его. В этой же книге есть чудное, трогательное стихотворение "Я тебя не отпущу". Поэт готовится отправиться в путешествие, все домашние хлопчут, слуги собирают багаж, жена добавляет то одно, то другое, стараясь предусмотреть всякую неожиданность. Только маленькая дочка неподвижно сидит на пороге и, когда он хочет уйти, спокойно говорит: "Я тебя не отпущу". Эти простые слова, вырвавшиеся из сердца ребенка, означают для поэта вечный пафос нашей жизни.

*Дитя несмышленное! Знаешь ли ты,
Сколько силы в тебе, сколько в тебе прямоты?
Молвила: "Не отпущу!" и моею душой
Вмиг завладела. В этой вселенной большой
Как ты мала! Как эта ручонка слаба!
Разве тебе, родная, под силу борьба?
Маленькая, печально сидишь у дверей,
Вооруженная только любовью своей.
В этом мире, где нет расставаньям конца,
Раненные разлукой — бессильны сердца.
Стонут они, взывают к любимым с мольбой:
"Не уезжай! Не хочу расставаться с тобой!"*

*"Не отпущу!" И далеких небес синева,
И колосья, и корни каждый час, каждый миг
Кого-то зовут, разрывает душу их крик:
"Не отпущу!" — говорит. И колеблется он.
Слышу я: "Не отпущу!" То земля, словно мать,
Крохотный стебель к своей прижимает груди
"Не отпущу тебя! — слышу. — Не уходи!"
Гаснет огонь, вот-вот поглотит его тьма,
Но раздувает его природа сама,
"Не отпущу!" — говорит. И колеблется он.
В мире небес и земли с самых давних времен
Этот возглас живет среди звезд и травы:
"Не отпущу тебя! Не отпущу!" Но, увы.*

*Кто-то должен уйти и не оставить следа.
Изначально так было, так будет всегда.
В океане творенья поток крушенья течет,
Все куда-то плывут, всех куда-то влечет,
Простертые руки у всех, пылающий взор.
"Не отпущу!" И уплывают в простор.^[52]*

Все уходит, и среди этого бесконечного кругооборота живой и мертвой материи звучит вечный голос: "Я тебя не отпущу!"

В стихах этой поры звучит страсть, но страсть, усмиренная разумом. Теперь элемент размышления будет все явственнее проявляться в его поэзии, все сильнее станет подавленная страсть, все возвышеннее мысль.

В книге много разнообразных стихотворений, замечательных сказок, сатир, стихов о природе, гражданских стихов. В одном из них он рассуждает о Майя-Ваде — основополагающем понятии индийской философии, представляющем вселенную как Майю, иллюзию. "Увы, — восклицает поэт, — моя безрадостная страна, одетая в лохмотья, нагруженная одряхлевшей мудростью, ты гордишься своей прозорливостью, заглянув за оболочку сотворенного мира. Бездейтельно сидя в своем углу, ты только и делаешь, что точишь острие своих суеверий и отбрасываешь как несуществующие это безмерное звездное небо, эту великую огромную землю, из чрева которой век за веком выходили мириады форм жизни. Миллионы живых существ веселятся на празднике этой жизни, и только ты, выжившая из ума старуха, пренебрегаешь всем этим, будто детской игрой". В другом стихотворении он утверждает: "Ты говоришь, что много знаешь, но ты не знаешь ничего. Если даже человек — лишь прах земной, ну что же, пусть он будет прахом. Но где ты найдешь что-нибудь равное этому праху? Не затворяйся в одиночестве, не старей до времени. Как сможешь ты стать мужчиной, если не присоединишься к игре жизни?" А тем, кто считает, что жизнь — это тяжкое бремя, он отвечает: "А что же не бремя? И руку матери, которая отрывает Ребенка от одной груди, чтобы поднести его ко второй, тоже можно назвать узами. Всякая любовь, всякое стремление к счастью — узы, но какие это узы!"

Долгий путь прошел поэт со времени "Вечерних песен" и "Утренних песен", в которых он утешался в своих личных печалях или слишком громко провозглашал свой уход от тоски. В обоих случаях Тагор был занят самим собой. Теперь он достиг спокойной ясности и научился различать в своей личности силу сковывающую и силу освобождающую, научился

видеть разницу между внутренним я, которое отделяет от мира, и внешним я, которое объединяется с миром. То, что поэт потерял во плоти, он возместил в духе, во всеобщем обрел то, что искал в частном.

За "Золотой ладьей" последовал сборник стихов "Читра", что означает "Пестрое". Многие бенгальские читатели считают его лучшим плодом поэтического гения Тагора. Без сомнения, некоторые из стихотворений сборника являют собой высшие достижения того периода. Ключ к названию, определяющий также общий настрой книги, мы найдем в первом же стихотворении, в котором поэт обращается к Вселенской душе, или Природе, как к чудесной деве, красота которой проявляется в миллионах форм.

Поэт воспринимает красоту в самых обыденных вещах, чувствует печать ее в окружающем мире и в глубине своей души. Тот же Дух, который наполнил всю вселенную и правит ею, пребывает и в его душе, управляет его жизнью и творчеством. Он называл его Джибондебота, или Божество моей жизни.^[53] В знаменитом стихотворении, посвященном ему, Тагор пишет:

*О ты, для кого отворилась души ограда!
Надежда моя и отрада!
Все ли желанья твои воплотились во мне?
Чашу жизни наполнил я по края
Печалью и радостью ради тебя,
Теперь мое сердце — подобие
Выжатого винограда.*

*Из благоуханий, тонов,
Оттенков, ритмов и снов
Соткал я ткань покрывала
Для брачного ложа.
Во имя твоей мимолетной причуды
Я желаний золото плавить буду,
Становясь каждый день
Иным, непохожим.^[54]*

Одно из лучших стихотворений книги — ода Урваши, Вечной Женщине индийской мифологии, которая соблазняет богов и похищает

сердца людей. Рабиндранат изображает, как она поднимается из пены первобытного океана, вспененного богами, — обнаженная, блистательная красавица, несущая в правой руке нектар и яд в левой. Это Вечная Женщина, для всех желанная, но никому не подвластная:

*Не мать, не жена, всех родивших и всех родившихся краше!
Отрада небесного сада, Урваши!*^[55]

Другое стихотворение, нежное и изящное, называется "Прощанье с небом". Оно написано в форме монолога души, которая в награду за добрые дела на земле долго блаженствовала в раю. Но вот срок окончен, добродетель полностью вознаграждена, и ныне душа должна возвратиться на землю. Она сравнивает холодную радость и безмятежное счастье рая с весельем и горестями жизни земной. Это стихотворение — хвала земной юдоли и гимн простым человеческим привязанностям. Пусть лицо неба сияет лучами ненарушимой радости, пусть боги пьют нектар! Для нас, смертных, земля — родина наша, наша мать, она прижимает к своей груди и доблестных и недостойных.

Борьба между сердцем поэта, зачарованным своей собственной музыкой, и его сознанием, мучимым бедами сограждан, выразилась в стихотворении "Верни меня". Это стихи, какие мог бы написать Махатма Ганди, если бы был поэтом. Тагор укоряет себя за то, что в одиночестве играл на флейте, как праздный мальчишка летним полднем, когда все вокруг него заняты полезным делом, и обращается к себе:

*А ведь рядом пожар! Слышишь раковин рев,
Призывающий всех? Эхом плача звучит небес пустота,
А где-то в темнице слепой связанная сирота
Тщетно молит о помощи; чванство пустое
Обездоленных давит тяжелой пятою,
Чтобы пить из них кровь сотней тысяч ртов.*^[56]

Он говорит о бедствиях своего народа, голодного, раздетого и бездомного, лишенного всех прав, даже права протестовать.

*Ты слышишь, молчащему скорбному рту
Нужно дать слова, а засохшей душе мечту*

*И надежду. Крикнуть обязан ты:
"Эй, поднимите головы! Эй, соберитесь в ряды!
Лишь разогните спины — тотчас
Они, как бродячие псы с дороги,
Убегут, надеясь только на ноги.
Бог отвернулся от них. Им не станет никто помогать,
Эти люди умеют хвастливо лгать,
Но сознают ничтожность свою!"*^[57]

Поэт просит музу больше не обольщать его своими чарами, не убаюкивать на волнах радости, обратить лицом к тем, чьи жизни разбиты, кому не хватает ни пищи, ни света, ни воздуха, ни силы духа.

Но Рабиндранат не Ганди. Героический дух поэта проявлялся стихийно, непреднамеренно. Он предвосхитил Махатму Ганди не только в своих идеях, но и в практической деятельности, он не был столь же последовательным. Он не мог оставаться верен одному идеалу — ведь целое созвездие муз завлекало его своими чарами. В одном стихотворении его преследуют воспоминания минувшего, память о цветах чампака и жасмина, которые росли возле террасы его невестки. "Как сладко вспомнить, как она дарила мне эти цветы своей рукой!" В другом поэт горюет, что не может ничего достичь, ничего завершить. "В руках моих вина,^[58] в голове моей музыка, — кто же знал, что на половине мелодии оборвется струна!" В следующем Тагор обращается к Вершительнице своей судьбы. У него нет честолюбивых мечтаний, он кладет свой меч к ее ногам, он не хочет почестей, все, что он желает, это выполнять свои обязанности — "следить, чтобы свежей была трава на тропе, по которой ты проходишь по утрам". — "А что ты потребуешь в награду?" — спрашивает владычица. "Права делать браслеты из цветов и каждое утро надевать их на твои руки, нежные, как бутоны лотоса".

В промежутке между двумя большими сборниками стихов, "Золотая ладья" — "Читра", он напечатал поэму "Река" и лирическую одноактную пьесу "Прощальное проклятье". Как и в "Читрангоде", Тагор берет простой эпизод мифологического характера, на этот раз из "Махабхараты", и превращает его в конфликт высокого психологического звучания.

За этой замечательной короткой пьесой последовала большая драма, тоже в стихах, "Малини". В ней показана борьба сил брахманизма, ортодоксальной индийской религии, против призыва к сочувствию, к

всеобщей любви, которые нес буддизм.

Хотя Тагор по рождению — брахман, сын реформатора индуистской религии, отношение его к индуизму довольно сложно. Он восхищался философской мудростью "Упанишад" и наследием санскритской литературы. Но сам по себе брахманизм, с непререкаемой властью священнослужителей и тиранией мелочной регламентации в общественных делах, не вызывал у него симпатии. Другое дело — буддизм. По мнению Тагора, в Будде индийская раса и дух достигли наивысшего расцвета, а в индуизме — упадка. Малини, царица из одноименной пьесы, — его первая героиня буддийского вероисповедания.

И все же самый сильный и убедительный образ в пьесе не эта любящая и добродетельная, но несколько туманно обрисованная дева, а ее главный противник, вождь правоверных индусов, в гордом характере которого воплощены силы и упрямство его религии. Конфликт в пьесе возник не только между поклонением "изъеденным червями писаниям" и свободным выбором веры, это конфликт между поэзией жалости и прозой общественной необходимости. "Жалость прекрасна, как луна, разливающая по небу свое очарование, но разве это единственная и вечная реальность? Завтра наступит день и голодные толпы будут будоражить море существования тысячами своих сетей, мир наполнится их шумом до самых небес. И луна эта покажется лишь бледной тенью". Может ли человек, поставленный перед лицом беспощадного выбора, предать свою совесть или свою религию, свою страну или свою веру, обет дружбы или обет любви? На эти вопросы нет ответа, и трагедия безрассудного героизма движется к неизбежному концу. Все, что остается для Малини, — это прощать и просить других о прощении.

Следующий большой сборник стихов "Чойтали", появился в 1896 году. Чойтали — поздняя жатва, обор последних колосьев риса в месяце чойтро (март — апрель). Похоже, поэт смутно предчувствует, что период весны его жизни заканчивается. Чувственное изобилие и отвага мысли должны вскоре сбросить свои листья и лепестки под жаркими порывами усиливающегося духовного аскетизма. Почти все стихотворения коротки, большинство среди них — сонеты. Язык прост, темы взяты из обычной повседневной жизни, которую он наблюдал на берегах Падмы, или окрашены мгновенными воспоминаниями о минувшем. Нежная задумчивая грусть и смутное предощущение разлуки проявляются в настроении этих стихов. Дух прошлого Индии захватит его в следующем периоде жизни, а пока он стремится запечатлеть ряд бессмертных моментов вечно текущего времени.

Девочка чистит горшки на берегу, ее брат бегаёт поблизости, поденщик возвращается с работы, дряхлый старик тащится своим путем, юноша моет залепленного грязью буйвола и ласково его окликает — обыденные, мимолетные образы изображены точно, конкретно и с огромной нежностью. Девочка берет маленького братца на руки, козленок блеет, она поднимает его и "делит свои ласки между ними, равно привязанная сочувствием к отродью скота и человека". Несколько стихов посвящены лесу. Он всегда любил лес, но если раньше он просто любовался творением природы, теперь душа его наполняется тоской по великому наследию его родины — в лесу были созданы "Упанишады", в лесу размышляли и учили индийские мудрецы.

Несколько стихов обращены к душе женщины, но в них звучит задумчивость и покорность, а не страсть. Например, он пишет: "О женщина, ты создание не только бога, но и мужчины. Ты не была бы такой, как ты есть, если бы мужчина не сотворил тебя в соответствии со своими желаниями". Память о потерянной любви продолжает преследовать его: "Мог ли я так сильно любить этот голубой небосвод, если бы твой лик не придавал ему больше света?.."

Он продолжает критиковать общественное и религиозное неразумие своего народа. Обращаясь к Бенгалии, он говорит:

О моя Бенгалия! Взрослыми сделай своих детей.

.....

Их, как мальчиков, не опутывай, из запретов сплетая сеть,
Пусть в страданиях учатся мужеству, пусть достойно
встречают смерть...

Дети — семьдесят миллионов! Мать,
ослепшая от любви,

Ты их вырастила бенгальцами, но не сделала их людьми. ^[59]

В другом стихотворении он упрекает своих соотечественников за их пристрастие к самоотречению:

В поздний час пожелавший отрешиться от мира сказал:

"Нынче к богу уйду я, мне дом мой обузою стал.

Кто меня колдовством у порога держал моего?"

Бог сказал ему: "Я". Человек не услышал его.

*Перед ним на постели, во сне безмятежно дыша,
Молодая жена прижимала к груди малыша.
"Кто они — порождения майи?" — спросил человек.
Бог сказал ему: "Я". Ничего не слышал человек.
Пожелавший от мира уйти встал и крикнул: "Где ты,
божество?"
Бог сказал ему: "Здесь". Человек не услышал его.
Завозился ребенок, заплакал во сне, завздыхал,
Бог сказал: "Возвратись". Но никто его не услышал.
Бог вздохнул и воскликнул: "Увы! Будь по-твоему, пусть.
Только где ты найдешь меня, если я здесь остаюсь".^[60]*

Вклад Рабиндраната в поэзию в этот период богат и разнообразен, но не меньше значение его прозы. Его рассказы, о которых уже говорилось, создали новую форму в литературе, уровень которой так и не превзойден — даже его собственными поздними рассказами. Юмористические социальные комедии, особенно две — "Рукопись Байкунтхи" и "Клуб холостяков" — до сих пор ставятся на бенгальской сцене и всегда пользуются успехом.

В этот же период он создавал не только художественную прозу. Его волновало множество проблем из самых различных областей знания, включая не только гуманитарные, но и точные науки, и почти всюду он открывал новые пути мысли. Он был самым интересным мыслителем своей страны и эпохи. Его мышление не отличалось логичностью и последовательностью, но, как одаренный лекарь, он мог интуитивно, лучше, чем профессиональные педагоги, экономисты, социальные реформаторы и политики, определить диагноз недугов своей страны. Это ему удавалось даже на арене политической борьбы: в своей работе "Страх англичанина" он первый предсказал, что английское правительство станет натравливать индусов на мусульман, чтобы разделить страну, ввергнуть ее в междоусобицу, отвлечь от борьбы за свободу.

8. Человек и судьба

Когда в позднем возрасте Тагор спросили, какова его "лучшая черта", он ответил: "Непоследовательность". Когда его спросили, каков его "главный недостаток", он ответил: "То же самое". Он мог позволить себе непоследовательность, потому что всегда был правдив. Он верил в свой талант и не боялся вступить на нехоженые пути, отворачиваясь от прежних свершений и достижений, по зову своего Джибондеботы. В письме, датированном 8 мая 1893 года, Тагор утверждал: "В моих стихах я не сказал ни одного ложного слова". Но именно поэтому в его поэзии так поражает переплетение, казалось бы, несовместимых, будто спорящих друг с другом, настроений и идей.

"Поэтам позволительно лгать", — сказал Плиний Младший. И действительно, подлинно правдивый человек временами кажется лжецом, а тот, кто всегда уверяет в своей правдивости, наверняка обманщик. Рабиндранат ненавидел базарный гам и суету, но они неудержимо влекли его.

Беспокойство носилось в воздухе эпохи. В стране пробуждалось национальное самосознание. Английская администрация становилась все более нервной и раздражительной, мрачные предчувствия тяготели над ней. Под плащом мнимой благожелательности уже звенел кинжал. В 1898 году был принят законопроект о подрывной агитации, последовал арест замечательного ученого-патриота Тилака.

Поэт не мог молчать, накануне утверждения законопроекта он выступил с речью на собрании в Калькутте. Речь называлась "Задушенные". Он поднял мощный голос протеста против репрессивной политики администрации и принял активное участие в создании денежного фонда защиты Тилака. Вскоре в Калькутте разразилась эпидемия чумы. Тагор помогал организовать медицинскую помощь для жертв ужасной эпидемии. Поэт превращался в лекаря недугов своего народа, в верховного жреца его национальных стремлений не только своими страстными проповедями, но и практической помощью в борьбе.

Его произведения этого периода — баллады, повествовательные стихи и драматические сцены, воссоздающие славное прошлое страны, ее великое наследие. Эти произведения понравились бы Платону. В своей "Республике" греческий философ высказывал мнение, что "гимны богам и восславление подвигов — вот единственные виды поэзии, позволительные

в нашем государстве. Потому что если разрешить лирическую поэзию, то государством нашим будут править удовольствие и боль, а не закон".

Два главных сборника этого периода, "Котха" ("Предания") и "Кахини" ("Баллады"), стали хранилищем легенд и исторических сведений, выбранных из индийской классики, из буддийских преданий, из летописей раджпутов^[61] и сикхов. Лирический поэт, драматург и рассказчик объединили свой талант. Некоторые из этих произведений — жемчужины наследия Тагора, их высоко ценят и стар и млад.

Он обладал умением постичь драматические возможности ситуаций, которые лишь бегло упомянуты на страницах классических произведений. Перевод не может донести весь блеск страсти и музыку стиха, но все же даст представление об общем направлении его поэзии, о растущем интересе Тагора к главным нравственным и духовным ценностям народа.

Привлек его внимание и сюжет буддийской легенды о монахе по имени Упогупто, ученике Будды. Юный прекрасный монах спал на земле за пределами городских стен Матхуры, вдруг что-то ударило его в грудь, и он, вздрогнув, проснулся. Это прекрасная куртизанка Вассавадатта наступила на него в темноте — она спешила на любовное свидание. Она осветила монаха фонарем и, увидев, как он прекрасен, стала просить его пойти в ее дом, ибо не подобает такому красивому юноше спать на жесткой земле. Монах взглянул на нее и мягко отвечал: "О гроздь очарований, мое время еще не пришло. Когда придет пора, я сам явлюсь к тебе". Прошло время, и однажды, когда монах проходил мимо городских стен, он увидел больную женщину, беспомощно лежащую на земле. Прекрасная куртизанка заболела оспой, и горожане, испугавшись заразы, изгнали ее из города. Монах положил голову женщины себе на колени, смочил ее губы водой. Женщина открыла глаза и спросила: "Кто ты, о милосердный?" Он отвечал: "Вассавадатта, теперь я пришел к тебе на свидание".

Но "гимны богам и восславление подвигов" не могли полностью удовлетворить поэта-лирика. В это время он создал три тома лирических стихов, каждый из которых стал вехой в развитии литературы его страны. Что бы ни говорил Платон, а муза лирической поэзии была для Рабиндраната его первой и последней любовью.

В первом стихотворении лирического сборника "Колпона" ("Фантазии") он говорит о своей неодолимой тяге к простору, заклинает свой дух не прекращать полета?

*Пусть медленно-медленно сходит сумрак на дальний прах,
И, словно по знаку, песнь онемела.*

*Пусть не встречу я друга в пустых и чужих небесах,
Пусть истомленно коснеет тело.
Мантры беззвучно бормочет великий страх,
Мгла — от востока и до заката...
Птичка, ослепшая птичка, душа,
Помни, что ты — крылата!*^[62]

Есть в книге чудесные стихи о природе, особенно замечательна ода, посвященная "Концу года". Год в Бенгалии заканчивается в апреле, когда дуют горячие ветры и песчаные смерчи яростно проносятся по равнине, а за ними следует милосердный ливень. В такой день и написано это стихотворение, и читатель может расслышать в его страстном ритме судорожную ярость Духа времени, разрушающего старое и приносящего новое. Инстинктивная, языческая любовь поэта к природе, его жадный чувственный восторг перед разнообразием ее настроений обременены ныне печальными размышлениями.

В нескольких стихотворениях поэт предчувствует духовный кризис, ожидающий его. Господин жизни все больше становится Господином всего и требует поклонения. "Я бросил мое сердце в этот мир, ты поднял его и сделал своим. Я искал печали, вообразив, что это радость: ты обратил в радость мою печаль".

Но язычник не откажется с легкостью от своего Пана, любящий жизнь не отдаст свои бесчисленные привязанности ради самозабвенного аскетизма. По легкосердечию настроения, по игре мысли и живости языка, по утонченной любви к жизни Тагор никогда не создал ничего лучшего — ни раньше, ни позже, — чем сборник стихов, завершивший сороковой год его жизни. Он словно предчувствует, что половина жизни миновала. Перед наступлением второй половины, более величественной, но и более печальной, он пережил краткий промежуток в полном забвении и беззаботном наслаждении летящими мгновениями жизни. Книга так и названа "Кхоника", что означает "Мгновения". Он взял на себя неслыханную доселе смелость свободно применить разговорный язык с его сокращениями звуков, и в результате стих обрел такую силу, энергию и музыку, что именно этим сборником Тагор открыл будущее бенгальской поэзии. В языке народа он обрел свой подлинный язык и сделал его языком литературы.

Однако изысканные изливания высокого духа, щедрая чувствительность и беззаботность лишь прощальный дар уходящему

столетию. Его дар новому столетию совершенно иной. Два новых сборника стихов, следовавших друг за другом, противоположны по духу. Сборник "Кхоника" помечен концом 1900 года, а "Нойбеддо" ("Дары") — началом 1901 года. В "Дарах" — сто стихотворений, написанных примерно за столько же дней. Вместо веселого художника-бродяги "Мгновений" здесь перед нами предстает подвижник. В стихах уже нет места ни высокому полету воображения, ни легкости мысли, ни эмоциональным всплескам или ритмическому разнообразию.

Нагая душа смиренна и говорит тоном конечной простоты.
О жизни владыка, о царь вселенной!
Руки к тебе простирая с мольбой,
Я неотступно и неизменно
Буду стоять перед тобой.^[63]

Поэт понял свою беспомощность, теперь он ждет света от своего Господина. Все остальное существует лишь потому, что существует Он. "Пусть твоя лампа будет гореть в моем доме. Моя лишь греет воздух и чадит". Поэт больше не боится боли. "Если дверь в мое сердце заперта, взломай ее, но не уходи. Если зов твой не может пробудить меня, разбуди меня ударом молнии". Страх искажает истину. "Я вглядываюсь в твою безмерность в ней нет и следа печали, боли или одиночества. Смерть обретает свою маску ужаса, боли и печали только тогда, когда, отвернувшись от тебя, я обращаю лицо к своей темной сути". Он не стыдится своего прошлого: даже в его беззаботные дни были моменты, которые обессмертило прикосновение Бесконечного: "Те скоротечные минуты, помеченные твоей рукой, сохранились, и, коротая время в детских забавах, я слышал твои шаги — их музыка звучит во всем мире, в музыке солнца и луны". Он будет терпеливо ждать, приемля все сущее, потому что знает, что "твои века текут за веками, совершенствуя дикий цветок".

Именно здесь лежит краеугольный камень его духовной философии — он обретет абсолют в самом себе, но не как Сверхсущество, удаленное и самопогруженное, уводящее людей от реального мира. Даже в этих переживаниях он не станет отворачиваться от реальной жизни. "Для меня избавление не в самоотречении. Я чувствую объятия свободы в тысяче восторженных связей с бытием". Любовь не противоречит долгу, наоборот, она освобождает долг от его тяжести и делает радостным то, что было

трудным. Любовь к абсолюту и любовь к людям, как впоследствии доказывал Ганди, дополняют и оправдывают друг друга. Вера и патриотизм неразделимы в этих стихах. Гимн божеству становится молитвой своему народу. Он — патриот, но не националист. Идеал, который он ставит перед своей страной, может быть идеалом любого другого государства, на него могут откликнуться патриоты любой страны, вне зависимости от расы, национальности и веры.

Но никакой идеал не может быть достигнут без борьбы, и он молит Отца человечества:

*Где души бестрепетны, где чело
Всегда приподнято и светло,
Где всю вселенную стены оград
На узкие улицы не дробят,
На комнаты, лестницы и дворы;
Где речи свободны, сердца щедры;
Где вдохновеньям дано цвести,
Где раскрываются все пути;*

*Где предрассудков мертвая мгла
Порывы и чувства не оплела;
Где правду не делят, где ты один
И мыслей и радостей властелин, —
От долгого, тяжкого сна наконец
Ты Индию нам разбуди, отец!^[64]*

Какой более совершенный идеал мог бы предложить своему народу любой патриот, любой подвижник? Он не просил для своей страны иных богатств, иных сокровищ, кроме богатства знания и сокровищ свободы. Он не терпел тех "патриотов", которые обвиняли только иностранцев во всех невзгодах своей страны и представляли свой народ как невинную жертву. Он предупреждал их, что "те, кто творит зло, и те, кто смиренно страдают от него, и палач и жертва — оба они одинаково виноваты в глазах Господа и заслуживают презрения".

Очень важное стихотворение, в котором он осуждает национализм как "самолюбие народов", написано в последний день минувшего столетия. Англо-бурская война принесла глубокое разочарование в претензиях западных демократий, Тагор увидел в ее кровавой резне опасное

предзнаменование будущих мировых побоищ. "Последнее солнце века"

*горит в облаках кровавых.
Праздник сегодня злых и лукавых.
Оружье о смерти поет, звеня...
Цивилизация! О змея!
Черная ненависть напитала
Ядом смертельным скрытое жало,
Зависть в сердцах породила гнев,
И люди сражаются, озверев.*

Ему больно, что его западные товарищи по перу, вместо того чтобы возвысить голос в защиту поруганной человечности, бросаются во всеобщую схватку:

*Поэты беснуются, — их голосов
Не отличишь от рычанья псов.* [\[65\]](#)

Этот сборник из ста стихов "Дары" посвящен Рабиндранатом его почтенному восьмидесятитрехлетнему отцу — несомненно, в знак признания, что духовное и нравственное богатство, запечатленное на его страницах, в определенном смысле дар сыну от Махарши.

Влияние Махарши на младшего сына можно назвать благотворным и вдохновляющим, оно не сковывало интеллектуальную свободу молодого поэта, однако в личной жизни Рабиндранат был не менее консервативен, чем его отец.

Новая страсть — патриотизм — принесла с собой ностальгию по прошлому, представление о древней Индии как о земле, населенной справедливыми правителями, героическими девами и святыми отшельниками, обдумывающими в глубине лесов вечные истины. Никто не может полностью оторваться от своего окружения, и Рабиндранат, несмотря на свою оригинальность и силу таланта, разделял до некоторой меры предрассудки окружающих, и в этот период более, чем когда бы то ни было.

Иначе трудно объяснить, почему человек, столь глубоко веривший в развитие личности, столь презиравший тиранию социальной организации индуизма, так поспешил выдать замуж двух своих подраставших дочерей,

старшей из которых, Мадхурилите (Беле), было всего лишь четырнадцать лет, а младшей, Ренуке (Рани), не исполнилось и двенадцати. Обе свадьбы произошли в 1902 году, через месяц одна после другой. Что заставило его пойти на это, если прежде он сам открыто выступал против ранних браков?

Трудно ответить на этот вопрос. Словно предчувствуя его, Тагор написал в это время стихотворение, в котором просит читателей не искать поэта в человеке, земном и бренном. Прислушаемся же и мы к его словам...

Но нам известно, что это было время, когда он размышлял о судьбе женщины, о трагедии неразделенной любви. Этому посвящены два его произведения — "Разрушенное гнездо" и "Чокербали" ("Песчинка"), заложившие основу современного романа в индийской литературе. Более ранние романы, принадлежавшие перу Бонкима Чоттопаддхая или самого Тагора, были либо историческими повествованиями, либо социальными мелодрамами, либо смесью того и другого. Собственно современный роман, реалистический, психологический, связанный с общественной проблематикой, в индийской литературе начинается только с этих двух книг.

"Разрушенное гнездо" — трагическая история загруженного делами издателя ежедневной газеты, у которого не остается времени на молодую и романтическую жену. Молодая женщина ищет утешения и развлечения в компании младшего двоюродного брата мужа, живого и одаренного юноши. Неизвестно, насколько автор, создавая сюжет, воспользовался собственными воспоминаниями. Но как бы то ни было, проблема, затронутая в романе, носит всеобщий характер. Она обретает особый смысл в ситуации индийской семьи, где стала обычаем нежная привязанность между замужней женщиной и младшим братом ее мужа.

Проблема, лежащая в основе романа "Чокербали", тоньше и сложнее. Сам сюжет прост и ясен. Действие развивается за фасадом благополучного бенгальского дома, где овдовевшая мать живет со своим единственным сыном, которого она любит до безумия. В романе всего шесть персонажей — любящая мать, преданная и ревнивая, балованный сынок, бездельник и эгоист, лишенная образования жена, которой потребовался удар горя, чтобы вырасти в настоящую женщину, благочестивая тетка, ищущая утешения в религии, добродетельный друг, такой замечательный, что, пожалуй, кажется педантом, и молодая, прекрасная и жизнерадостная вдова по имени Бинодини. Из всех женских персонажей, созданных Тагором в его многочисленных романах, образ Бинодини самый убедительный, живой и полнокровный. В крушении ее надежд, в ее страданиях сказалось

критическое отношение автора к индийскому обществу тех дней.

Прекрасная, талантливая и образованная девушка не может найти себе мужа, так как ее отец, вместо того чтобы копить на приданое, потратил все деньги на ее обучение. По общественным стандартам индийской семьи незамужняя дочь старше двадцати лет уже вряд ли найдет себе мужа. Семья в панике и спихивает ее замуж за бедного и болезненного человека, который вскоре умирает. Но участь вдовы еще более плачевна. Она знает о своей красоте и восстает против судьбы, борется за свою любовь и счастье. Но в конце концов отступает не потому, что потерпела поражение и сломлена, а потому, что не приемлет победу, завоеванную столь тяжелой ценой. Ее трагедия — это вечный упрек индийской совести.

Поэт чувствовал, что судьба призывает его на более обширное поле деятельности, чем просто присмотр за семейными угодьями. Ему необходима близость к природе и земле (он мог свободно дышать только на открытых просторах), тишина для работы. Только Шантиникетон отвечал всем этим условиям. Его отец уже построил там дом, убежище для тишины и размышлений.

В 1898 году Рабиндранат перевез жену и пятерых своих детей — троих дочерей и двух сыновей — в свое поместье в Шилайду и занялся их образованием. Рабиндранат много думал и много писал об основополагающих принципах образования, и теперь ему предстояло глубже их осознать, применяя свои идеи на практике. И он решил: почему бы не перебраться в Шантиникетон и не основать там небольшую экспериментальную школу? В воображении его уже появилась идеальная картина — *таповаш*, лесной приют отшельника в древней Индии, где мудрецы жили вместе со своими учениками и обучали их на практике простой жизни и возвышенным размышлениям. В самом слове "Упанишады" заключено понятие тесного общения между учителем и учеником. Он возродит к жизни древний идеал, люди его страны снова станут мудрецами и героями. Он заменит бездушную и механическую систему обучения, которую английские правители завезли из викторианских трущоб, новой, творческой, в которой и обучение и учеба будут равно приятны учителю и ученику. Он объединит древнее и современное и воссоздаст старое в новых формах.

22 декабря 1901 года Тагор открыл свою школу в Шантиникетоне с пятью учениками и столькими же учителями. Он назвал ее Брахмачарья Ашрам, в честь святилищ древних отшельников. Он долго не мог собрать фонды и достаточное количество учеников для своей школы, хотя и обучение и содержание учеников были почти бесплатными. Ему пришлось

продать свой дом в Пури и часть своей личной библиотеки, чтобы заплатить издержки, в то время как жена его проявила щедрость, расставшись со своими драгоценностями. Эта благородная женщина, мягкая и любящая, всегда готовая держаться в тени, была верной подругой поэта и матерью для всех детей школы. Шизнь в Шантиникетоне отличалась простотой и аскетизмом, детям приходилось самим выполнять все работы по дому, что требовало немало физического труда.

Многим покажется это парадоксом: Тагор уже обрел известность в тогдашнем главном городе Индии и вдруг стал школьным учителем в глухом уголке Бенгалии! Он предпочел трудности самой простой жизни (тогда Шантиникетон мог предложить очень немногое из того, что мы называем благами цивилизации) блестящему обществу и легкой жизни в Калькутте, но именно это свидетельствует, что новое его занятие — призвание, а не игра.

Лучший учитель, считал Тагор, — природа. Поэтому занятия в его школе проходили на свежем воздухе, под деревьями, и детей старались приучить любить и изучать природу в различных ее проявлениях. Преподавание точных наук должно опираться на наблюдения явлений природы, развивающее детское любопытство и способности. Не менее важно, утверждал Тагор, в воспитании чувств ребенка и его восприимчивости влияние музыки и искусства. Образование только тогда становится истинным, когда это образование цельного человека, его эмоций, восприятий и интеллекта. Человек не заключен в оболочку индивидуума, он связан с сообществом людей. Поэтому в школе Тагора вместе с развитием личной инициативы и самостоятельности такое же внимание уделялось общественным делам и коллективным начинаниям. Школа была почти самоуправляемой.

Образование — это не экзотический цветок, который можно вырастить в теплице. Если оно не коренится в почве и не приспособляется к естественным условиям окружающей среды, оно не станет ценным для народа. Живое никогда не подражает, оно усваивает; и потому Тагор предостерегал свой народ от слепого подражания Западу, многократно повторяя простую истину, что "для того, чтобы научиться ходить, надо тренировать мускулы своих собственных ног, а не выступать на ходулях чужеземного производства, хотя они громче стучат и вызывают больше удивления, чем настоящие ноги". Можно переварить все знания, заключенные в многотомных энциклопедиях, но если человек не знает самого себя и свое непосредственное окружение, его нельзя счесть мудрым или хотя бы разумным.

Система обучения должна приспособливаться к непосредственным нуждам общества, экономическим и культурным, она должна "взломать сокровищницу наших предков и пустить в ход добытые богатства". Нельзя допустить, чтобы развитие личности вело к разрастанию эгоизма. А для этого индивидуальное сознание должно быть наполнено знанием Единого, Вне-личностного и Всеобщего (термины могут быть самыми разными), того, что наполняет и объединяет всю жизнь и природу. Одно интеллектуальное убеждение в единстве человечества или общей судьбе народа или класса, как бы ни было оно эффективно в качестве политического инструмента, все-таки недостаточно само по себе, чтобы укротить бурю человеческого эгоизма. Мысль должна воплотиться в чувстве, прежде чем она получит доступ к тем основам сознания, где в молчании и темноте создается энергия разума. В этом — основа духовной концепции Тагора.

Основной принцип обучения, который, невзирая на скудость материальных средств, он стремился выдержать с самого начала, заключался в том, чтобы не перекладывать учительства на других, освобождая себя для более возвышенных дел. Он не только следил за всеми мелочами в управлении школой — *ашрамом*, но и сам принимал участие во всех делах, сам обучал детей. Выяснилось, что на бенгальском языке не оказалось подходящих Учебников и хрестоматий, и он сам составлял их и побуждал своих коллег поступать так же. Поэта удовлетворяло его скромное начинание, он еще не ведал, что его маленький *ашрам* впоследствии вырастет в большой университет, во всемирно известный центр международных исследований.^[66]

Но в этот же период его ждал целый ряд утрат и испытаний. Через несколько месяцев после переезда в Шантиникетон жена Тагора Мринолини Деби серьезно заболела, ее перевезли в Калькутту, где она скончалась 23 ноября 1902 года. Вспоминая об этой утрате, старший сын Тагора, Ротхиндронат, писал: "Мать почувствовала приближение конца еще до того, как доктора оставили надежду. В последнее время она не могла говорить, но как только видела меня, слезы тихо катились у нее по щекам. В ту ночь нас, всех детей, отправили спать в другую часть дома. Моя сестра Бела и я не могли заснуть. Смутное чувство страха отгоняло сон. Рано утром мы вышли на террасу, с которой была видна комната матери. Зловещее молчание стояло во всем доме, ибо ночью его порог неслышно пересекла смерть... Горести жизни, боли и беды никогда не нарушали ясности ума отца. Его душевный покой не могло потревожить никакое бедствие, как бы ни было оно болезненно. Какие-то внутренние источники

давали ему силу глядеть в лицо любому горю, подняться над самыми горькими невзгодами. После смерти матери отец с удвоенным рвением отдался делам в школе Шантиникетона". Сын свидетельствует, что его отец "переносил даже физическую боль с редкой стойкостью. Однажды его ужалил скорпион. Он сидел спокойно, вытянув ногу перед собой, и старался представить себе, что это не его нога охвачена болью, а совершенно посторонний предмет, не имеющий ничего общего с его подлинным существом. Успех этого опыта позволил ему впоследствии, на протяжении всей жизни, сопротивляться боли, как физической, так и душевной".

Двадцать лет жена ухаживала за ним с нерушимой преданностью и родила ему пятерых детей. Уже вскоре после свадьбы она не только писала по-бенгальски, но овладела английским и санскритом. По настоянию мужа она перевела с санскрита на бенгальский сокращенный вариант "Рамаяны". Она выступала на сцене в его пьесе "Раджа и рани" и прекрасно справилась со своей ролью. Неудивительно, что в конце концов она завоевала сердце своего мужа.

Она умерла прежде, чем он смог отплатить ей за многие дары, полученные от нее. Как и обычно, его чувства находили выражение только в стихах. Стихи, посвященные ей, вошли в маленькую книжку из двадцати семи стихотворений удивительной нежности, глубины чувства и простоты выражения.

Горе, скрываемое, более сильно, чем горе, нашедшее выход. Немногие знали, что стихи Тагора о детях, столь полные невинного восторга, написаны в период великого опустошения и забот. Через несколько месяцев после смерти жены его вторая дочь, Ренука, с замужеством которой он так поторопился, серьезно заболела, и доктора посоветовали перемену климата, поездку в горы. Отец повез ее сначала в Хазарибаг, а затем в Алмору в Гималаях.

В свое время ему уже пришлось написать несколько стихотворений для детского журнала "Болак". Теперь к ним добавилось много новых. Он все время был занят заботой о больной дочери, вспоминал о двух младших детях, оставленных в Калькутте. Так возник цикл стихов, опубликованный под названием "Шишу" ("Дети").

Они, несомненно, стоят в ряду лучших стихов, написанных на всех языках мира, не для детей, а о детях. Основное их назначение — помочь взрослому понять волшебный мир детского сознания.

На берегу океана вселенной,

*Играют дети.
Небо над ними недвижно всегда,
А пеннистая, голубая вода
Цельными днями пляшет, когда
Сюда прилетает ветер,
О, сколько шума на берегу, —
Играют дети.*

.....
*Дети не могут водить корабли,
Не умеют забрасывать в море сети.
Нырляльщики шарят на дне жемчуга.
Купцы приплывают издалека,
Но строят крепости из песка
И собирают камушки дети.
Сокровищ земли не ищут они,
Не умеют забрасывать в море сети.*

В сентябре 1903 года, через девять месяцев после смерти своей матери, в возрасте тринадцати лет умерла Ренука.

Через четыре месяца после смерти дочери Ренуки поэт пережил еще одну серьезную утрату. Внезапно умер от оспы молодой блестящий поэт Шотиш Рой, которого Тагор любил как сына.

Вскоре после этого, 19 января 1905 года, в почетном возрасте восьмидесяти восьми лет скончался его отец, Махарши. Смертью этого замечательного человека ознаменован конец весьма важного периода в истории Индии — периода религиозного и культурного возрождения.

В 1905 году, в последний год своего правления, энергичный и властный правитель Индии лорд Керзон бросил вызов стране, провозгласив разделение Бенгалии, начав вбивать клин между индусами и мусульманами — двумя основными религиозными общинами, что привело через сорок два года к разделу Индии, сопровождавшемуся насилием и террором, невиданными ранее в нашей истории. Тагор, предупреждавший сограждан об опасности, сразу же бросился в схватку, выступая с пламенными речами, сочиняя патриотические песни и возглавляя огромные демонстрации протеста против раздела страны. Из колледжей исключались студенты, имевшие дерзость петь патриотические песни. Чтобы дать им возможность продолжать обучение, Тагор и ряд других ведущих деятелей в области просвещения воплотили в жизнь план национальной системы образования

и создали совет, который возглавил знаменитый индийский философ-йог Ауробиндо Гхош. Для этого совета Тагор прочел серию лекций по литературоведению, которые в последствии появились под заглавием "Сахитья" ("Литература"). Возглавив массы, недовольные иностранным! владычеством, он надеялся использовать проснувшуюся страсть к свободе для конструктивной программы возрождения страны. Тагор начертал эту программу в ряде замечательных выступлений и статей, в которых сформулировал основные принципы будущей теории ненасильственного сопротивления, столь известной впоследствии благодаря Махатме Ганди.

Но Тагору не хватало бесконечного терпения Ганди, его спокойного суждения и непоколебимой воли, его стратегического таланта и несравнимого дара вождя. Какое-то время Тагора нес ураган событий, поднявший неизбежную волну насилия, увидев которую поэт бежал с поля боя. Его подвергали суровой критике за измену борьбе, которую он так героически вдохновлял, но надо отметить, к чести Тагора, что и эти оскорбления он достойно выдержал, что было тоже нелегко. Тагор правильно сделал, что отошел от борьбы: неразборчивые в средствах политики лишь использовали его авторитет ради достижения своих собственных целей. Тагор предпочел сражаться своим оружием и сделал это блестяще в своих поздних романах. А в то время его патриотические песни продолжали вдохновлять на борьбу:

"Пусть земля и вода, воздух и плоды моей земли будут сладки, о мой Господь! Пусть дома и базары, леса и поля моей родины будут полны, о мой Господь! Пусть обещания и надежды, дела и слова моего народа будут истинны, о мой Господь! Пусть жизни и сердца сыновей и дочерей моего народа будут едины, о мой Господь!"

Другая песня, очень популярная и в наши дни, которую любили петь члены революционного подполья, может считаться его собственным ответом на будущие упреки: "Если никто не отвечает на твой зов, если все боятся и отворачиваются, даже тогда, о несчастный, открой широко свое сердце и все скажи, что хотел. Если никто не зажжет света в бурную ночь, даже тогда, о несчастный, пусть боль зажжет огонь в твоём сердце, и пусть это будет твой единственный свет!" Эта песня была одной из любимых песен Махатмы Ганди, ее часто пели на его вечерних молитвенных собраниях.

Может быть, уход Тагора с общественной арены и был потерей для национального движения. Но не для Шантиникетона и не для литературы. Кроме большого числа статей по социальным и политическим проблемам, образовании, литературе, фольклоре, о философии слов и звуков, он

написал несколько юмористических и сатирических скетчей и закончил еще один большой сборник стихов, названный им "Кхейя" ("Паром").

В Индии, после того как в сентябре заканчивается сезон дождей, в осеннем небе остаются висеть разрозненные облака. Они не проливают уже влаги на землю, и кажется, что единственное их назначение — придавать особую прелесть закату. Так и поэт чувствует себя осенним облаком, бесполезно плывущим по небу в ожидании, когда же солнце испарит его влагу и растворит в пустоте. Но если солнцу нравится окрашивать в яркие цвета "эту мимолетную пустоту", пусть будет так.

В ноябре 1907 года наступил завершающий акт трагедии его семейной жизни. Младший сын его, Шомендро, милый, одаренный мальчик, умер внезапно от холеры в возрасте тринадцати лет, день в день через пять лет после смерти своей матери.

В течение этих пяти бурных лет Тагор пережил почти полное крушение семейной жизни. Он потерял жену и двух детей, из трех оставшихся в живых старшая дочь жила с мужем за пределами Бенгалии, старшего сына он послал в Соединенные Штаты изучать сельскохозяйственные науки, и третья дочь, Мира, тоже вышла замуж. С безвременной смертью младшего сына поэт стал совершенно одинок. Одиночество в толпе еще более тяжело, поэтому он удалился в свое поместье в Шилайде.

Тагор слишком возвышался над текущими страстями и предрассудками и слишком далеко опережал время, чтобы добиться сиюминутной популярности в народе. Даже его литературный талант завоевал признание далеко не сразу, и рассказывают, что в течение долгого времени учителя предлагали школьникам отрывки из его сочинений с заданием: "Переложите на чистый и правильный бенгальский язык". Чужим он был и для властей, которые издавали секретные предписания государственным чиновникам не посылать детей в его школу и не оказывать ему никакой помощи. Он попал в число подозреваемых в незаконной политической деятельности, за ним установили слежку.^[67]

Его поэзия этого периода, достигшая апогея в страстной искренности, в простоте "Гитанджали", создана кровью сердца. Духовное прозрение Тагора порождено глубоко пережитым горем и одиночеством.

Самое удивительное, что горе заставило его еще больше полюбить эту землю, эту жизнь. Он искал вдохновения не в одиночестве своей души, но в каждом проявлении бытия. Сына, которого он потерял, он снова обрел во всех детях Шантиникетона, в их жизнерадостности он вновь обрел источник вдохновения. Насколько это ему удалось, можно судить по пьесе,

которую он написал в 1908 году, — "Осенний праздник". Эта пьеса — разгул невинного восторга, гимн радости жизни. Она и поныне пользуется успехом у мальчишек школы, для которых и создана, до сих пор ставится на открытом воздухе (многие пьесы Тагора предназначались именно к такой постановке, потому что в них природа не только фон, но почти что действующее лицо).

За этой пьесой последовала другая, "Йошчитго" ("Возмездие"), совсем противоположная по теме и настроению. Это не пьеса чувств, а пьеса действия, полная борьбы, интриг, столкновения желаний. Тагор инсценировал свой первый роман "Берег Бибхи". В инсценировку введен новый персонаж, ставший прототипом Махатмы Ганди и предвосхитивший его кампанию ненасильственного гражданского сопротивления. Эта пьеса — ответ Тагора тем согражданам, которые обвинили его в предательстве, в бегстве с арены политической борьбы. Тагор слишком сильно любил свою страну и ее культуру, чтобы презирать традиционные ценности. Насколько он справедлив в своей защите как старого, так и нового, можно судить по роману, который он написал и опубликовал в этот период, — многие считают его лучшим романом Тагора. Речь идет о романе "Гора".

"Гора" больше, чем просто роман. Это эпос Индии времени перехода к решающему периоду современной истории. В индийской литературе он занимает такое же место, как "Война и мир" Толстого — в русской, хотя, конечно, он не так широк по масштабам изображения и охвату событий, не так богата и разнообразна галерея Действующих лиц. Но никакая книга не может сравниться с "Горой" в мастерском анализе индийской общественной жизни, ее основных противоречий.

Стоит вспомнить об истории создания романа. Короткий, но беспорядочный период участия Тагора в движении *свадешти* заставил его задуматься о природе индийского патриотизма, его истоках и его будущем. Он увидел, что среди так называемых прогрессистов есть не только замечательные интеллектуалы и гуманисты, но и те, кто просто копирует иностранные формы, называя такое копирование прогрессом. Поддерживаемые англичанами прогрессисты быстро стали новым классом социальных снобов и выскочек — тип весьма характерный и поныне. Но и среди традиционалистов он также выделил два основных типа людей: честных в своем патриотизме и прячущихся за фасадом традиций из корыстных интересов или же предрассудков. Тагор воздает должное каждому из этих типов и столь же справедлив в защите традиций, сколь беспощаден в их критике.

Утверждают, что главный герой романа подсказан личностью "сестры

Ниведиты", ирландки по имени Маргарет Ноубл, выступавшей в своих книгах страстной защитницей всего индийского. Действительно, Тагор уважал и любил ее за искренность и смелость, но лишь улыбался, когда она начинала проповедовать ему верность традициям — более индуистка, чем сами индийцы. Однажды она гостила в его поместье в Шилайде. Как-то раз вечером они сидели на палубе его плавучего дома, и она попросила его рассказать ей какую-нибудь историю. Так он начал рассказывать ей историю Горы и впоследствии записал ее.

Гора — ирландский сирота, родители которого погибли во время восстания сипаев в 1857 году. Хорошая женщина из касты брахманов подбирает ребенка и воспитывает его как своего сына. Гора вырастает в красивого, импульсивного и страстного юношу, горячего защитника наследия индуизма и страстного поборника кастовой системы. Прозрение наступает в тот момент, когда он узнает, что в жилах его течет чужеземная кровь и по законам своей религии он хуже, чем неприкасаемый. Для него вовсе нет места в правоверном индийском обществе, за которое он так ратовал. Осознание этого приводит его к пониманию истинного значения любви и терпимости. "Сегодня я воистину индеец. Во мне больше нет никакого противоборства с индусами, мусульманами и христианами. Сегодня каждая каста в Индии — это моя каста, пища всех — моя пища".

Понимание истинной судьбы своей страны, которое обретает герой романа, выражено Тагором в прекрасном гимне, обращенном к Индии, созданном в то же время.

*О душа, не стынь, у благих святынь
Долгий сон развей,
Здесь, где льнет волной океан людской
К Индии моей.
Руки простерев, мы начнем напев,
Пусть летит звончей:
Славен будь вовек, богочеловек,
До скончанья дней!
В думы погружен кряж высоких гор,
Долы переплел щедрых рек узор...
О, священный край! Никогда с него
Не своди очей!
Вечно льнет волной океан людской
К Индии моей!*

*Из всех краев чей могучий зов
К нам народы слал?
Не один поток в океан притек,
Мча за валом вал.*

*Здесь ариец был, неариец был,
Гунн, дравид, патан,
Лютый сак, монгол и китаец шел —
Слил их океан;
В наши времена из отверстых врат
Нам дары свои принесет закат,*

*Даст он и возьмет, к нам навек придет —
Нет назад путей!
Вечно льнет волной океан людской
К Индии моей!^[68]*

Через два года Тагор вернулся к этой идее в прочитанной в Калькутте публичной лекции, которую он затем опубликовал в книге "Курс индийской истории". В том же 1912 году она прозвучала в знаменитой песне, ставшей теперь официальным национальным гимном Индии.

Все страдания и боль, утраты и неудачи, сражения и разочарования и в мирских делах, и в творчестве растворены и *возвышены* в песнях, излившихся из его переполненного и очистившегося сердца в 1909 и 1910 годах. Многие из этих песен, составившие книгу "Гитанджали" ("Жертвенные песни"), были впоследствии переведены им на английский язык и принесли ему всемирную славу. Они слишком хорошо известны и не нуждаются ни во вступлениях, ни в комментариях, кроме свидетельства соотечественников, что петь их даже приятнее, чем читать. Язык их столь же прост и чувства столь же искренни, как высока их мысль. Как сказано в одном из стихотворений: "Моя песня сняла все украшения. У нее нет гордости, она не хочет наряжаться и прихорашиваться. Украшения испортят наше единение. Они встанут между мною и тобой. Их звон заглушит наш шепот".

Страдания и радость, невинный восторг, который скрывает столетия размышлений, наполняет эти песни чувством, которое и всемирно и вечно. Первая из песен задает тон всему сборнику: "Пусть ничто не сбудется из

того, о чем я мечтал. Пусть лишь Твоя воля воплотится в жизни моей".

Это не пассивность побежденной и потому смиренной воли. Его постоянная мольба — мольба о силе, которая поможет перенести с легкостью радости и печали, сделать его любовь плодотворной, о силе, которая не преклонит колена перед высокомерием грубой мощи, не оставит униженных и заброшенных, о силе, которая поднимает разум над мелочами обыденной жизни.

Любовь — вот главное слово книги. Он любит мир, и когда придет пора с ним проститься, последние слова его будут словами благодарности, ибо то, что он увидел на этой земле, невозможно превзойти в совершенстве.

Пятьдесят лет богатой и плодотворной жизни завершились в 1911 году. Словно зная, что важная часть его жизненного пути закончена и должна начаться новая глава, он написал свои воспоминания, охватывающие период с ранних дней до порога зрелости. Почему он не довел их до даты написания, почему он оставил за их пределами самые драматические годы жизни, сказать нелегко. Эти мемуары не хроника и не дневник. Как он сам сказал в предисловии, "воспоминания — это не история жизни, а оригинальное произведение художника". Художник необязательно воспроизводит все, что случилось на самом деле: "очертания расплылись, цвета изменили окраску от влияния сердечной страсти. Поэтому нарисованная картина не могла бы быть свидетельством на суде".

9. Нобелевская премия

Одиннадцать лет труда принесли богатый урожай, но усилия оказались слишком чрезмерными, напряжение слишком изнурительным. К своему пятидесятилетию Рабиндранат пришел с больным телом и усталой душой. Дважды в прежние времена поездки на Запад помогали ему собраться с силами и вдохновляли на новые свершения. И теперь, вновь оказавшись на перепутье, поэт с надеждой глядел на Запад. Он никогда не был антизападником, даже тогда, когда стоял во главе патриотического движения. Ценности западной культуры не меньше воодушевляли его, чем великое наследие родной страны.

Итак, в начале 1912 года он стал готовиться к третьему путешествию в Европу. На этот раз он собирался отправиться не на прогулку, а в паломничество. Он мечтал встретиться с выдающимися людьми западного мира, чьи идеи так привлекали его.

Тем временем бенгальская интеллигенция решила искупить свое давнее небрежение к великому поэту и роскошно отметить его юбилей. 28 января 1912 года Бенгальская академия литературы устроила большой прием в Городском зале Калькутты. Известный калькуттский журнал "Модерн ревью" описал его как "невиданное торжество — впервые в истории Индии такая честь оказана писателю". Поэта глубоко взволновали эти знаки внимания. Но вслед за ними последовал громкий скандал, когда многие родители и опекуны забрали своих подопечных из Шантиникетона. Секретным циркуляром, выпущенным британской администрацией (от имени правительства Восточной Бенгалии и Ассама), школа в Шантиникетоне объявлялась "совершенно неподходящей для обучения сыновей государственных служащих".

Тагор намеревался отплыть из Калькутты 19 марта, но внезапно заболел в ночь перед отбытием, и доктора запретили ему до полного излечения отправляться в путешествие. Багаж его, уже погруженный на корабль, пришлось возвращать назад из Мадраса. Поэт, расстроенный неожиданной отсрочкой, для восстановления сил отправился в Шилайду, на берега любимой Падмы. Там он впервые попытался перевести некоторые из своих песен на английский язык. Они-то и составили впоследствии его сборник "Гитанджали". Вот как сам поэт рассказал об этом в письме своей племяннице Индире Деби от 6 мая 1913 года.

"Ты упоминала об английском переводе "Гитанджали". Я до сих пор не

могу понять, почему он пользуется таким успехом. Ведь я совсем не могу писать по-английски — это так очевидно, что я никогда даже не стыдился в этом признаться. Если кто-нибудь посылал мне по-английски приглашение на чашку чая, я не смел ответить на него. Может быть, ты решишь, что хоть теперь я думаю по-другому. Ни в коем случае. То, что я решился писать по-английски, кажется мне следствием болезни. В день, когда я должен был подняться на борт корабля, а упал в обморок из-за неистовых предотъездных хлопот, и путешествие пришлось отложить. Тогда я отправился в Шилаиду, чтобы отдохнуть. Но если мозг не занят работой, я чувствую себя скованным и слабым. Итак, единственным способом успокоиться было заняться какой-нибудь легкой работой.

Это был месяц чойтро (март — апрель), когда воздух напоен ароматом цветов манго и все часы дня заполнены безумным щебетом птиц. Когда ребенок полон сил, он не думает о своей матери. И лишь когда устанет, он хочет приютиться у нее на коленях. Таково было и мое состояние. Со всеми своими хворостями и заботами я словно устроился на коленях чойтры, не упуская ни частицы ее света, ее воздуха, ее ароматов и песен. В таком состоянии нельзя оставаться в праздности. Мое обыкновение исстари — отвечать, словно флейта, на каждое дуновение своей музыкой. Но у меня не было сил сесть и писать что-то новое. Итак, я взял стихотворения из "Гитанджали" и занялся тем, что стал переводить их одно за другим. И поверь, я взялся за это только потому, что появилось желание вновь пережить посредством другого языка чувства и ощущения, породившие в моей душе такой радостный праздник в давно минувшие дни.

Страницы маленькой тетрадки постепенно заполнялись, и она покоилась в моем кармане, когда я вступил на борт корабля. Я держал ее при себе, рассчитывая, что, когда в открытом море меня будет мучить качка, я смогу устроиться в кресле на палубе и заняться переводом, чтобы успокоиться и скоротать время. Так и случилось. От первой тетради я перешел ко второй. Ротенштейн^[69] уже имел представление о моей репутации поэта, наслушавшись кое-кого из индийских друзей. Поэтому, когда он как-то высказал желание почитать мои стихи, я вручил ему эту рукопись, хотя и не без боязни. Он передал ее Йитсу.^[70] Что произошло далее, ты знаешь. Из этого моего объяснения ты поймешь, что я не отвечаю за случившееся, все произошло по воле обстоятельств".

Подлинная история создания английского перевода "Гитанджали" нуждается лишь в одном уточнении. В период выздоровления он написал несколько песен, которые были впоследствии опубликованы под названием

"Гитималло" ("Гирлянда песен"). Семнадцать из них включены в английский сборник "Гитанджали". В некоторых из этих песен выражено разочарование поэта по поводу его несостоявшегося путешествия: "Я сижу, устремив свой взор вдаль. Над моей головой стая лебедей летит к своему странному дому в далекой земле. Я сижу на берегу, коротая часы, ожидая парома, который все не показывается... Над домом на Западе застыл в мечтах полумесяц, и в моей душе я слышу зов флейты, доносящийся издалека".

Но наконец Рабиндранат почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы предпринять морское путешествие. Проведя несколько дней в Шантиникетоне, 27 мая 1912 года, он отплыл из Бомбея в Лондон в сопровождении своего сына Ротхиндроната и его жены, Протимы. К счастью, путешествие проходило спокойно и у поэта оказалось достаточно досуга, чтобы продолжить переводы песен "Гитанджали".

В Лондоне они остановились в отеле "Блумсбери". Мелкое происшествие, описанное сыном поэта, могло бы повлиять на ход событий, Ротхиндронат нес портфель своего отца, в котором среди других бумаг находилась рукопись с английским переводом "Гитанджали". Вовремя поездки в метро от вокзала Черинг-Кросс к Блумсбери он оставил портфель в вагоне и вспомнил о потере только на следующее утро, когда отец попросил что-то из бумаг. К счастью, портфель нашелся в бюро забытых вещей.

Своей европейской известностью Тагор во многом обязан английскому художнику сэру Уильяму Ротенстайну. Ротенстайн посетил Индию в 1910 году и во время пребывания в Калькутте познакомился с братьями-художниками Обониндронатом и Гогонендронатом. Он уже был наслышан о них в Бенаресе от сэра Джона Вудроффа и сэра Гарри Стефена. Тот факт, что ни единый из этих Двух выдающихся англичан, которые хорошо знали Индию, не упоминал о Рабиндранате, показывает, как мало был поэт известен в своей стране вне узкого литературного круга Бенгалии. "Каждый раз, когда я приходил в Джорашанко, — пишет Ротенстайн, — их дядя привлекал меня своей удивительно красивой фигурой. Он был одет в *дхоти* и *чадор* и молча сидел, пока мы болтали. Он мне сразу понравился, и я спросил, не мог бы я сделать его портрет, потому что ощутил в нем внутреннее обаяние, так же как и внешнюю красоту, которую я попытался запечатлеть в карандашном рисунке. Никто даже и не намекнул, что дядюшка этот — один из самых замечательных людей своего времени".

Несколько позже, после возвращения в Лондон, Ротенстайн прочитал на страницах "Модерн ревью" английский перевод одного из рассказов

Тагора, который произвел на него большое впечатление. Он обратился к своим друзьям в Калькутту с вопросом, нельзя ли получить другие произведения Тагора. В ответ он получил несколько переводов стихотворений, сделанных Оджитом Чокроборти, коллегой Тагора по школе в Шантиникетоне. "Стихотворения, проникнутые духом мистицизма, показались мне еще более замечательными, чем рассказ, хотя переводы были очень приблизительны. В это время я познакомился с одним из членов семейства Куч Бехар, Промотто Лолл Сенем, благочестивым человеком, брахманом. Он привел в наш дом доктора Браджендроната Сила, который тогда находился в Лондоне. Это был философ блестящего ума и детски-непосредственный в обращении. Оба они написали Тагору, уговаривая его приехать в Лондон. Они писали, что в нашем доме, как и везде, он найдет людей, относящихся к нему с симпатией".

Итак, приехав в Лондон, где Тагор вряд ли кого-нибудь знал, он первым делом обратился к Ротенстайну. Зная интерес художника к его поэзии, он дал ему свою тетрадь с переводами. "В тот же вечер я прочел эти стихи, — пишет Ротенстайн. — Это была поэзия совершенно необычная, она показалась мне сродни творениям великих мистиков. Эндрию Брэдли, которому я их показал, согласился: "Похоже, что наконец-то среди нас снова появился великий поэт". Я обратился к Йитсу, который поначалу мне не ответил. Но я снова ему написал, он просил меня послать ему стихи, а когда их прочел, то его энтузиазм был не меньшим, чем мой. Он приехал в Лондон и прошелся карандашом по тексту стихов, предлагая некоторые поправки, но оставив оригинал почти без изменений". Свои чувства по поводу этих стихотворений Йитс выразил в замечательном предисловии к первому изданию "Гитанджали", опубликованному Лондонским индийским обществом. "Я носил с собою тетрадь с этими переводами на протяжении многих дней, — писал он, — перечитывая их в вагонах поездов, на крыше омнибуса, в ресторане, и я часто должен был захлопывать ее, чтобы кто-нибудь посторонний не увидел, насколько я растроган. Эти стихотворения, которые в оригинале, как говорят мне мои индийские друзья, полны тонкостей ритма, непереводаемых оттенков цвета, метрической изощренности, показывают мир, о котором я мечтал всю свою жизнь. Это плод величайшей культуры, и все же они кажутся выросшими из обычной почвы — как трава или тростник".

Ротенстайн собрал нескольких друзей в своем доме в Хемпстеде, где вечером 30 июня Йитс прочитал стихи Тагора вслух "своим музыкальным экстагическим голосом". На этом собрании Тагор впервые встретился с Чарлзом Фриром Эндрюсом,^[71] ставшим его пожизненным другом и

помощником. Эндрюс, который в то время был миссионером Кембриджского Братства, так писал об этом незабываемом вечере: "Я возвращался вместе с Г. У. Невинсоном,^[72] и почти всю дорогу мы молчали. Я хотел остаться в одиночестве, чтобы обдумать этот чудесный вечер. Оставив Невинсона, я пошел по вересковой пустоши. Ночь была безоблачной, и в небе было что-то от багровой индийской атмосферы. Там, в полном одиночестве, я думал над величием строк:

*На берегу океана Вселенной
Играют дети.*

Эта чарующая мелодия английских слов, таких простых, как все прекрасные звуки моего детства, уносила меня вдаль. Почти до рассвета я бродил под открытым небом".

Мэй Синклер написала Рабиндранату: "Я хочу сказать, что всю мою жизнь, даже если я больше никогда не услышу ваших стихов, я не забуду о впечатлении, которое они на меня произвели. Дело не только в том, что в них воплощены абсолютная красота и совершенство поэзии. Они дали мне почувствовать присутствие возвышенно духовного начала, которое я прежде ощущала лишь мучительно-неопределенными проблесками. Вы смогли создать на совершенно прозрачном английском языке такие образы, которых никогда не было прежде ни на английском, ни на других западных языках".

Словно предчувствуя теплый прием, Тагор написал в "Гитанджали": "Ты дал обо мне знать друзьям, которых я не знаю. Ты нашел мне место в домах, мне чужих. Ты приблизил далекое и сделал чужого братом". Среди прочих знаменитостей он встретился с Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом, Бертраном Расселом, Джоном Голсуорси. "Достоинство Тагора и красота его облика, — писал Ротенштейн, — легкость манеры поведения и его тихая мудрость произвели большое впечатление на всех, кто с ним встречался". Самого Тагора поразила "широта взглядов и быстрота мысли", обнаруженные им в новых друзьях. Он писал, что "те, кто знает англичан только по Индии, не знают их совсем".

Бертран Рассел при встрече неожиданно спросил: "Тагор, что такое Красота?" "Вопрос был так внезапен, — пишет сын Рабиндраната, присутствовавший при встрече, — что отец минуту молчал, а затем начал излагать свои идеи по эстетике, которые он впоследствии развил в работе "Что такое искусство". Я не могу судить, насколько слова моего отца

удовлетворили Бертрана Рассела, потому что, внимательно выслушав его, он исчез так же внезапно, как и появился". Они снова встретились в Кембридже, и тогда настал черед Рассела изложить свои взгляды. Льюис Дикинсон так описывает эту встречу: "В парке Кембриджа июньским вечером Бертран Рассел и я сидим вместе с Тагором. Он поет нам свои стихотворения, его чудесный голос, звучащий так странно, растворяется в сгущающейся темноте. Затем начинает говорить Рассел, сверкая как молнии в сумерках. Тагор молчал, но потом признался, что внимательно слушал мудрые речи Рассела".

О первой встрече Тагора и Джорджа Бернарда Шоу рассказал в своих мемуарах Ротенстайн. "Они встретились в мое отсутствие, когда чета Шоу явилась на обед. Моя жена передала потом слова Шоу: "Тоже мне Синяя Борода! Хотел бы я знать, сколько у него жен!" Но примерно через двадцать лет на приеме в честь Тагора они встретились вновь, на этот раз оба седовласые и седобородые, сидели и долго беседовали, как подобает двум благородным старцам".

Ротенстайн предложил Индийскому обществу напечатать для его членов сборник стихотворений Тагора, к которому Йитс согласился написать предисловие. Таким образом, книга стихов "Гитанджали" впервые вышла ограниченным тиражом в 750 экземпляров. Впоследствии Ротенстайн убедил Джорджа Макмиллана напечатать массовое издание. Это было еще до присуждения Нобелевской премии, когда требовались уговоры, чтобы заставить издателей пойти на риск опубликования произведений неизвестного индийца. Многие критики как в Англии, так и в Индии с трудом верили, что Тагор, который ничего раньше не публиковал на английском, мог так хорошо владеть этим языком. Успех "Гитанджали" они относили целиком за счет Йитса, который якобы коренным образом пересмотрел и переписал все стихотворения. Это мнение бытует и по наши дни, поэтому имеет смысл вспомнить слова Ротенстайна: ведь он читал оригинал рукописи, прежде чем послать ее Йитсу, и окончательный текст, полученный от Йитса, тоже прошел через его руки и поныне должен храниться в семье художника. "Я знаю, — писал Ротенстайн, — что в Индии говорили, будто успех "Гитанджали" в большой степени зависел от Йитса, который будто бы переписал переводы Тагора. Можно легко доказать, что это неправда. Оригинальная рукопись "Гитанджали" на английском и бенгальском находится у меня. Йитс предложил изменения в нескольких местах, но основной текст был напечатан так, как он вышел из-под пера Тагора".

В октябре 1912 года в сопровождении сына и невестки Рабиндранат

отплыл в Соединенные Штаты. Ротхиндронат ранее закончил университет штата Иллинойс и теперь уговорил отца провести несколько месяцев в тиши в городе Урбане, надеясь воспользоваться этой возможностью, чтобы завершить свою диссертацию. Неподалеку от колледжа они сняли дом, где семья разместилась на зиму. Там Тагор впервые начал писать серьезную прозу по-английски, это были лекции, прочитанные впоследствии в Гарвардском университете и опубликованные под названием "Шадхона" ("Понимание жизни").

В этих лекциях он по-своему интерпретирует "древний дух Индии", так, как он представлен в учениях и жизнеописаниях ее мудрецов. Он указывал, что "Запад гордится тем, что подчиняет себе природу, словно мы живем во враждебном мире, где нам в борьбе приходится добывать себе все необходимое, побеждая враждебный нам порядок вещей... Индия же стремится утвердить гармонию, существующую между человеком и вселенной".

Мысли эти глубоки и прекрасны, но можно только удивляться, что заставило его предпочесть философию и забыть о поэзии. Во всяком случае, с той поры он приобрел привычку обращаться к аудитории как к собранию учеников, которым он горстями разбрасывал самоцветы древней мудрости.

В ноябре 1912 года, когда Тагор находился в Иллинойсе, в Лондоне вышло в свет первое издание "Гитанджали". В целом книга была сочувственно принята английской прессой. В "Литературном приложении" к "Тайме" говорилось: "При чтении этих стихотворений понимаешь, что это не просто любопытные образчики чуждой культуры. Они как бы предсказывают, какая поэзия могла бы создаваться на английском языке, если бы наши поэты могли достичь такой же гармонии между чувством и идеей. Расхождение религии и философии, преобладающее в нашей среде, показывает, как слабы мы и на том и на другом поприще. Когда мы читаем эти произведения, они напоминают нам псалмы царя Давида, созданные в наши дни. Возможно, что многие откажутся подпасть под очарование индийского поэта, так как его философия отлична от нашей. Если она представляется нам фантастичной и чуждой, то, прежде чем презирать ее, мы должны задать сами себе вопрос: а что такое наша собственная философия? Мысль наша движется безостановочно, но она не такова, чтобы поэты могли ее выразить".

Конечно, таких критиков, которые "откажутся подпасть под очарование индийского поэта", нашлось немало. Один из них писал в лондонском журнале "Нью эйдж": "Любой из нас мог бы написать сколько

угодно подобных текстов. Но никого не удалось бы заставить поверить, что это хороший английский язык, хорошая поэзия, хорошая философия и хорошее руководство к жизни". Некоторые утверждали, что, мол, "англичане весьма преуспели в окультуривании индийцев, раз индийцы могут теперь так хорошо писать по-английски".

Тем не менее общий прием "Гитанджали" английской прессой отличался удивительной благожелательностью, что не могло не польстить автору. В письме Ротенстайну из Урбаны 19 ноября он писал: "Как я рад был узнать из Вашего письма, что моя книга доброжелательно оценена в "Литературном приложении" к "Тайме". Я надеюсь, что мне выслали газету и через день-другой я ее увижу. Моя радость возрастает, когда я думаю, что такая высокая оценка принесет счастье Вашему сердцу. По правде говоря, я чувствую, что успех моей книги — это Ваш успех. Если бы не Ваша поддержка, я бы никогда и не подумал, что мои переводы имеют какую-нибудь ценность. До последнего момента я боялся, что, возможно, Вы ошиблись в своей оценке их и весь труд, который Вы вложили, окажется затраченным впустую. Я чрезвычайно доволен, что Ваш выбор получил подтверждение и Вы будете иметь право гордиться своим другом, будучи поддержаны в этом лучшими судьями Вашей литературы". Тем не менее в издании справочника "Кто есть кто", вышедшем в декабре 1913 года, то есть уже после присуждения Нобелевской премии, нет имени Тагора, а в четырнадцатом томе "Кембриджской истории английской литературы", который вышел в 1916 году, нет даже упоминания о нем в статье об англо-индийской литературе. Учитывая, как неохотно признавали Тагора даже его соотечественники, странным покажется не то, что некоторые литературные критики на Западе игнорировали его или недооценивали, а то, что столь многие сразу же распознали его значение и воздали ему столь щедрую похвалу.

Во всяком случае, после публикации "Гитанджали" имя Тагора стало предметом многих толков в английской прессе, и слава его пересекла Атлантику. Хотя средний американец вряд ли подозревал о его пребывании в Урбане, поэт начал получать приглашения из академических и других кругов, и Гарриэт Монро напечатала шесть стихотворений из "Гитанджали" в декабрьском выпуске чикагского журнала "Поэтри" — это была, вероятно, его первая публикация в американской периодике. Затем последовало приглашение из Чикагского университета выступить с лекциями. Тагор еще находился в Урбане, когда его посетил соотечественник Басанта Кумар Рой, который жил в то время в Соединенных Штатах. В беседе он спросил, как нравится Тагору Америка

и ее люди. Тагор похвалил страну, ее климат — здесь хватало и простора и солнечного света, которых ему так недоставало в Англии, — и выразил восхищение энергией и работоспособностью американцев, "непревзойденных бизнесменов, замечательных организаторов и аграрников, несравненных инженеров". Затем он добавил, что ему хотелось бы увидеть больший интерес к культуре, "хотя бы даже сельское хозяйство немного от этого пострадало". Рой напомнил ему, что, находясь в маленьком провинциальном городе, он, видимо, не имел возможности встречаться со многими деятелями культуры. Рой сказал, что он приехал, чтобы убедить Тагора перевести на английский другие свои работы, и выразил уверенность, что творения поэта станут широко известны, "рано или поздно он получит Нобелевскую премию по поэзии. Ни один поэт в Индии и во всей Азии не был удостоен этой награды". — "А разве азиаты допускаются к рассмотрению?" — наивно спросил Тагор.

Возможно, его сомнения и не были столь наивными, ведь, когда он получил наконец Нобелевскую премию, протестующие голоса раздались во многих частях западного мира именно потому, что она впервые присуждена уроженцу Азии. Одна американская газета писала: "Присуждение Нобелевской премии за литературу индийцу породило немало огорчения и немало удивления среди писателей белой расы. Они никак не могут понять, почему эта награда досталась человеку с темной кожей". Газета "Глоб" (город Торонто, Канада) писала: "В первый раз Нобелевская премия досталась кому-то, кого мы не можем назвать "белым". Должно пройти некоторое время, прежде чем мы себя приучим к мысли, что некто, носящий имя Рабиндранат Тагор, может получить всемирный приз за литературные достижения. (Разве нам не говорили, что Запад и Восток с мест своих не сойдут?) Имя это звучит курьезно. В первый раз, когда мы увидели его на страницах газет, нам показалось, что оно придумано в шутку". Лос-анджелесская "Тайме" сетовала, что современные молодые писатели Европы и Америки обескуражены присуждением премии "индийскому поэту, имя которого немногие смогут выговорить, с творчеством которого еще меньшее число знакомо в Америке и притязания которого на литературную славу совсем уж мало кто может поддержать".

В январе 1913 года Рабиндранат приехал в Чикаго. Он прочел лекции "Идеалы древней цивилизации Индии" и "Проблема зла". Затем он отправился в Рочестер на конгресс общества "Религиозные либералы", где выступил на тему о расовых конфликтах. Здесь он встретился с немецким философом Рудольфом Эйкеном,^[73] приехавшим на конгресс из Германии, горячим почитателем "Гитанджали". Из Рочестера Тагор поехал в Бостон,

где прочел цикл лекций об идеалах Древней Индии, впоследствии опубликованных под названием "Шадхона",

Посетив еще раз Нью-Йорк и Урбану, Тагор отплыл в Англию и 14 апреля прибыл в Лондон. Там он присутствовал на постановке своей пьесы "Почта" в ирландском театре. Выступая перед большими аудиториями, он вошел во вкус и принял приглашение прочесть шесть лекций в Кекстонхолле, но волнения последних шести месяцев привели к тому, что поэту пришлось лечь в одну из лондонских больниц на операцию.

Тем временем издательство "Макмиллан" выпустило второе издание "Гитанджали", рассчитанное на широкого читателя. Затем одна за другой последовали поэтические книги "Садовник", "Полумесяц" и "Читра", а также первый сборник рассказов "Взгляд на бенгальскую жизнь". Пожалуй, в таком обилии переводов заключалась немалая опасность.

Бенгальские читатели к этому времени уже научились воспринимать многогранность гения Тагора и каждый раз, когда новая книга выходила в свет, задавались вопросом, какой еще новый сюрприз приготовил для них поэт. Но в представлении иностранных читателей уже сложился образ автора "Гитанджали". В то же время ни одна из книг, следовавших за первой, не соответствовала ему. Они могли бы показать европейцам творчество Тагора в более верной перспективе, но первое впечатление всегда самое яркое и устойчивое, поэтому Тагор так и остался в сознании Запада по преимуществу религиозным поэтом и философом. Его библейский облик и величественная манера держаться, постоянные упоминания об идеалах древних отшельников-мудрецов помогали создавать это одностороннее впечатление.

Ротенстайн вскоре почувствовал эту опасность. Он писал в своих мемуарах: "Приятно было видеть, с какой готовностью читатели платили дань восхищения индийцу. Ничего подобного раньше не случалось. Но я был озабочен, как бы божественный облик Тагора и мистический элемент в его поэзии не привлекли бы Schwärmerie^[74] сентиментальных людей, каких с избытком хватает и в Англии и в Америке, — тех, кто преследует идеалистов с большим рвением, чем идеалы. У Тагора, конечно, были все качества, чтобы привлечь подобный род поклонников". Опасность стала более явственной после присуждения Нобелевской премии, когда на поэта упали лучи всемирной славы.

В сентябре Тагор отплыл из Лондона на родину. "Прежде чем Тагор уехал в Индию, — пишет Ротенстайн, — Йитс и я организовали в его честь маленький обед. После обеда мы попросили Тагора спеть "Банде матарам",

патриотическую песню.^[75]

Он напел мелодию, но после первых слов замолк — остальное он не мог вспомнить. Тогда Йитс начал ирландский гимн, но память подвела и его, а Эрнест Рис^[76] ни за что не мог вспомнить слова национального гимна Уэллса. "Ну и компания!" — воскликнул я, запнувшись на "Боже, храни короля!".

Тагор находился в Шантиникетоне, когда пришло известие, что 13 ноября 1913 года ему присуждена Нобелевская премия. Это известие вызвало немалое изумление и великую радость по всей стране. В маленьком ашраме Шантиникетона, где ребяташки вряд ли знали, что такое Нобелевская премия, но понимали, что их любимый учитель получил всемирное признание, они просто были вне себя от радости. Что же ощущал сам поэт? Нет сомнений, что он чувствовал себя гордым и счастливым, и в первую очередь потому, что ему воздавали по заслугам. Тагор не мог судить иначе. Как патриот он был счастлив, что теперь имя его страны появилось на карте всемирной литературы, и он гордился тем, что стал тому причиной. Но как поэт он не мог не ощутить, что дни мирного покоя и ненарушимого следования творческому предназначению поэта и учителя пришли к концу.

Пятью днями позже он писал Ротенстайну: "В тот момент, когда я получил известие о высокой чести, возложенной на меня присуждением Нобелевской премии, мое сердце обратилось к Вам с любовью и благодарностью. Я почувствовал, что среди моих друзей никто не будет так рад этой новости, как Вы. Выше всех почестей знание, что за нас обрадуются те, кого мы больше всего ценим. Но тем не менее это серьезное испытание для меня. Ураган общественных страстей, порожденный этим событием, вызывает ужас. Это почти так же плохо, как привязать консервную банку к хвосту собаки, так что ей невозможно бежать, не поднимая шума и не собирая толпы зевак по пути. В течение последних нескольких дней я завален телеграммами и письмами. И те люди, которые никогда не были ко мне дружелюбны или никогда не читали ни строчки из моих произведений, кричат громче всех о своей радости. Не могу выразить Вам, как я устал от всего этого крика, поразительная обманчивость которого для меня непереносима. Воистину эти люди восславляют славу в моем лице, а вовсе не меня".

К тому же Тагору стало ясно, что для большинства его соотечественников потребовался отзвук иностранных почестей, чтобы неохотное прежнее признание его заслуг превратилось в восторженное

поклонение. Эта грустная и горькая мысль нашла свое выражение 23 ноября, когда депутация из пятисот видных граждан города Калькутты прибыла на специальном поезде в Шантиникетон, чтобы принести ему "поздравления от имени всего народа". В прямых и поэтичных словах поэт сказал им, что он не может принять столь нереальные знаки внимания. Его всегдашние поклонники поняли, против кого направлено острие этих слов. А остальные, чей восторг он так резко оборвал, никогда не смогли простить ему столь "негостеприимный ответ". Калькуттская пресса тут же начала против него яростные нападки за "непростительную дерзость". Однако выдающийся общественный деятель-патриот Бипин Чандра Пал поддержал его в своей газете "Хинду ревью": "Всякий в положении Рабиндраната с его поэтической чувствительностью не мог бы не почувствовать горечи в подобных обстоятельствах. Упрек, прозвучавший в его ответе, не может считаться не заслуженным нами или недостойным его".

Премия была присуждена за поэтическое творчество и художественные достоинства поэзии Тагора. Но сам факт, что премия присуждена представителю Азии, придал награде особое значение. Тагор из личности превратился в символ — символ принятия Западом азиатской культуры и ее потенциального возрождения. Тагор был первым, кто запечатлел в сознании западной интеллигенции тот факт, ныне ставший общепризнанным, что "мудрость Азии" жива, что с ней надо обращаться как с живым существом, а не как с любопытным музейным экспонатом.

В этой лавине приветствий и откликов много занимательных суждений, которые могут проиллюстрировать относительность европейского взгляда на мир. "Бирмингем пост" с имперской гордостью заявляла, что "англо-индийская поэзия теперь уже не может итерироваться, поскольку два ее представителя — единственные английские авторы, которые удостоены Нобелевской премии за литературу". В странную обойму попали Тагор и Редьярд Киплинг!

Благочестивые христиане с надеждой увидели в стихотворениях Тагора обещание грядущего религиозного возрождения. "Мы с нетерпением ожидали, — писала газета "Баптист тайме", — какого-нибудь знака влияния христианских идей на восприимчивый индийский ум. Наконец-то появился человек, которого мы так ждали, — тот, кто послан наперед божьей колесницей, чтобы прокладывать Ему путь. И когда мы вспоминаем, что каждое слово этого поэта с жадностью ловится миллионами, — неужели мы не можем надеяться, что новая, христианская Индия уже стоит на нашем пороге?" Пришлось напомнить энтузиастам, что Тагор никогда не был христианином. Объявились, как обычно, и такие

умники, которые всегда уверены, что все видят насквозь. Некоторые из них усмотрели в присуждении премии "британскую руку", пытающуюся раздуть славу империи. Другие предположили, что шведские литературные круги, с их прогерманской ориентацией, нарочно решили привести в замешательство британские правящие классы.

На самом деле все было проще. Подлинные события вспоминает шведский академик Андрее Эстерлинг: "Т. Стердж Мур, английский писатель, член Королевского общества, предложил его (Тагора) для рассмотрения в качестве кандидата на присуждение премии. Протоколы нобелевского комитета показывают, что это предложение было воспринято с интересом и удивлением. Правда, Харальд Хьерне,^[77] который был тогда председателем комитета, боялся скомпрометировать его таким решением. Непросто решить, заявил он, что в замечательной поэзии Тагора является его подлинным личным творчеством, а что должно быть представлено как классическая традиция индийской литературы... Спор был решен в пользу Тагора благодаря письменному отзыву Вернера фон Хайденстама, который сам тремя годами позже получил Нобелевскую премию. Хайденстам писал о книге "Гитанджали", переведенной самим Тагором на английский: "Я был глубоко тронут, прочитав эти стихотворения, я не помню, чтобы я читал что-нибудь подобное за последние двадцать лет и даже больше. Они подарили мне часы яркой радости, это было словно глоток воды из свежего, чистого источника. Пылкое и любовное поклонение, которое пронизывает каждую его мысль и чувство, чистота сердца, благородная и естественная возвышенность его стиля — все соединяется, чтобы создать произведения, обладающие редкостной духовной красотой. В его творчестве нет ничего, что было бы спорным или оскорбительным, ничего суетного, пошлого и мелочного, и если про какого-нибудь поэта можно сказать, что он обладает качествами, делающими его достойным Нобелевской премии, то это Тагор... Теперь, когда мы нашли идеального поэта подлинного масштаба, мы не имеем права пройти мимо него. В первый раз и, возможно, в последний нам представилась возможность открыть великое имя прежде, чем оно появится во всех газетах. Мы не должны мешкать и упустить возможность, прождав до следующего года".

Нет на земле двух более различных областей и по климату, и по социальному укладу, чем тропические равнины Бенгалии и покрытые снегом горы Скандинавии. Но стихи, написанные в дельте Ганги, нашли в сердце скандинава такой же чувствительный, искренний и глубокий отзвук, как и в сердцах соотечественников Тагора. И это доказательство не только всемирного значения стихов "Гитанджали", но и правоты Тагора в его

твёрдой убежденности, что в груди человечества бьется единое сердце, несмотря на барьеры, которые возводят националисты, священники и политиканы.

10. Гражданин мира

Лучшим подарком, который привез Тагор из своей поездки в Англию, были не почести, осыпавшие его, — большие почести в конце концов становятся большой обузой, — а дружеские отношения, которые он завязал со многими замечательными мыслителями Запада. Они расширили его гуманистическое мировоззрение, они углубили его понимание интеллектуальных и духовных потребностей, побудивших западную культуру к ее великим достижениям. Отныне он стал осознавать себя гражданином мира. Не потому, что приобрел всемирную известность, а потому, что переживал и тревожился за весь мир. Среди всемирных знаменитостей можно немало назвать таких, кто бранил весь мир или же не видел дальше своего носа. А Тагор сделал судьбу мира своей собственной судьбой, он чувствовал боль, если в любой части света царили страдание и несправедливость. Эта всемирная совесть, голос которой не замолкал в его душе, часто обрекала его на непонимание даже в родной стране.

В то время он встретился с двумя замечательными англичанами — Чарлзом Эндрюсом и Уильямом Пирсоном, которые стали его друзьями и приняли участие в деятельности школы в Шантиникетоне. О первой встрече Эндрюса с Тагором в тот вечер, когда Йитс читал вслух "Гитанджали", уже упоминалось в предыдущей главе. Пирсон происходил из старинного гугенотского рода с твердыми традициями христианского благочестия и духовной независимости. Он изучил философию в Оксфорде и ботанику в Кембридже и приехал в Индию в составе образовательного отдела британской миссионерской организации. Но оба они, и Эндрюс и Пирсон, порвали со своей миссионерской организацией, чтобы не стеснять свою свободу в служении людям. Эндрюс писал: "Тагор открыл понимание красоты, которую я видел духовными очами. Оно простиралось далеко за пределы этого временного и материального мира. Он взломал тесные рамки внешних форм, державшие меня в заточении, и выпустил меня на волю". Эндрюс познакомил своего друга Пирсона с Тагором и со школой в Шантиникетоне, с ее атмосферой свободы и преклонения перед жизнью. Оба они стали соратниками Тагора и его друзьями на всю жизнь.

26 декабря 1913 года на специальном собрании Калькуттский университет присвоил Тагору степень доктора литературы "honoris causa".^[78] Так завершился этот год, полный событий и волнений, богатый почестями и наградами, но бедный творческими достижениями, — это был

единственный год, когда новые книги Тагора не появились на бенгали, языке его творчества. Три книги, изданные в Лондоне, "Садовник", "Полумесяц" и "Читра", состояли из переводов его старых произведений. Впрочем, за год он написал несколько песен, некоторые во время пребывания за рубежом, другие в Индии. Единственная песня, написанная в Соединенных Штатах в начале года, знаменательна тем, что в ней возникает образ купли-продажи. Поэт воображает себя торговцем. Король грозит силой отнять его товары, престарелый миллионер предлагает купить их за золото, прекрасная дева соблазняет его своей улыбкой, но ноша остается до тех пор, пока ребенок, играющий раковиной, не дергает его за рукав, заявляя: "Все это мое!" Поэт освобождается от своей ноши, отдавая свои товары без всякой платы ребенку, чтобы он с ними играл.

Он продолжал сочинять песни (слова и музыку), и они составили в 1914 году два тома "Гитимолло" и "Гитали". Среди них есть песни, написанные Тагором в том же возвышенно-духовном ключе "Гитанджали", хотя их настроение изменилось. Его вера обрела твердость, уверенность в судьбе человека стала крепче, а принятие жизни и ответственности за нее — более радостным. Как он говорит в одной из песен, все тернии жизни обретут смысл, когда роза наконец расцветет. В определенном смысле песни Тагора — это его величайший дар своему народу. Не только потому, что их радость могут разделить и грамотные и неграмотные, юные и старые, но и потому, что в них, в простых и прекрасных словах, он выразил тончайшие оттенки настроений и чувств. Это его "приношения" в истинном смысле слова, сокровенные шепоты его души, эхо которых прозвучало на весь мир.

Тоска по древним временам, владевшая им в первые годы столетия, теперь исчезла, победила его вера в поступательное движение жизни, в свободное общение умов. Это видно из письма, которое он написал Стерджу Муру 1 мая 1914 года. "Наша школа закрылась, и после долгих месяцев ежедневных занятий наконец я предоставлен самому себе. Я снова взялся за Вашу книгу "Ласковое море", закончив ее в один присест. Вам будет трудно представить это наше палящее летнее небо, когда жаркие порывы ветра время от времени волнуют свежие зеленые листья дерева, название которого Вам ни к чему. Все это так непохоже на климат и страну, где были написаны Ваши стихи! В Ваших стихах я чувствую окружающую Вас природу. В них — скромность Вашего неба, зажатость Вашей жизни в домах и общее ощущение силы, готовой противостоять судьбе. Здесь, на Востоке, прозрачная тишина наших темных ночей, сияние полуденного солнца, переплавляющееся в нежную голубую дымку над горизонтом,

заунывная музыка жизни, которая ощущает, что плывет в Бесконечности, и кажется, шепчет в Ваши уши какую-то великую тайну существования, которая невыразима словами.

И все-таки — тем более — Ваша литература ценна для нас. Неустанная хватка за жизнь, которую Вы никогда не ослабляете, определенность Ваших целей и надежная уверенность в вещах, которые находятся перед Вами, вдохновляют нас сильным ощущением реальности, которое так необходимо для целей искусства и жизни. Литература какой-либо страны создается не только для внутреннего потребления. Ее ценность заключается в том, что она совершенно необходима и для чужих земель. Я думаю, что Западу повезло, что он воспринял дух Востока через посредство Библии. Она увеличила богатство Вашей жизни, поскольку так чужда Вашему темпераменту. С течением времени Вы можете отбросить некоторые из ее доктрин и учений, но она сделала свое дело — она создала возможность выбора в интеллектуальной сфере, возможность, которая так необходима для всякого жизненного роста. Западная литература приносит нам такую же пользу, добавляя в нашу жизнь посторонние элементы. Некоторые из них дополняют, а другие противоречат нашим тенденциям. Это то, что нам необходимо.

Нас недостаточно очаровывать или изумлять, — мы должны пережить потрясение и боль. Поэтому мы ищем в Вашем творчестве не то, что артистично, но то, что ярко и сильно. Именно поэтому Байрон оказал такое огромное влияние на нашу молодежь прошлого поколения. Шелли, несмотря на свой туманный идеализм, встряхнул, пробудил наши умы своей фантастической пылкостью, которая порождена верой в жизнь. То, что я говорю здесь, сказано с точки зрения иностранца. Мы не можем не упустить огромной части Вашего чисто артистического мастерства, но все, что человечно в широком смысле слова, все, что подлинно правдиво, может без ущерба дойти до дальних времен и отдаленных стран. Мы ждем от Вашей литературы, чтобы она открыла нам гремящий жизненный поток Запада, даже если он несет с собой обломки и наносы преходящего".

Примерно в это время молодой друг Тагора Промотха Чоудхури, женатый на его племяннице Индире, основал литературный журнал "Шобуджпотро" ("Зеленые листья"), предоставивший свои страницы новым экспериментам в литературе. Чоудхури выступал под псевдонимом Бирбал в честь остроумного царедворца императора Акбара и был блестящим писателем, но все же основная тяжесть ведения журнала легла на плечи Тагора. Этот стимул ему оказался необходим: поэт ответил потоком литературных произведений, замечательных как своими

достоинствами, так и разнообразием тем и жанров.

Теперь Тагор описывает жизнь и проблемы средних классов, в особенности драму женщины в индийской семье. Ирония автора в разоблачении трусости и эгоизма самодовольного индийца-мужа тонка и остра, а его смелость в обличении несправедливости, совершаемой во имя священных писаний и традиций, вызывает восхищение читателя.

Хоймонти, смелая дочь благородного отца в рассказе того же названия, находит избавление в смерти. Умная, прекрасная и сильная духом Мринал, которая хочет жить по своей воле, искупает бесплодность своего существования признанием своей свободы отречься от мужа и дома. Рассказ, озаглавленный "Письмо женщины", построен в форме письма, в котором жена сообщает мужу, что оставляет его после пятнадцати лет незримых мучений. Это тагоровская Нора,^[79] бросающая свой манифест независимости в лицо мужу. Нетрудно представить, что на автора накинута вся бенгальская пресса за такое обвинение обществу! Все эти рассказы написаны от первого лица, главный персонаж каждого из них раскрывает свои глубинные чувства.

Поэт проводил летние каникулы в Рамгархе, в Гималаях. Сначала он был счастлив и чувствовал себя так, будто до этого он "жил впроголодь". "Моя жизнь наполнена до краев", — писал он Эндрюсу. Но вскоре его охватило беспокойство, за ним последовали сильные душевные страдания, предчувствие великого несчастья, угрожавшего охватить мир, который он так любил. На политическом горизонте еще не обозначились грозные тучи, и мировая война, начавшаяся в августе, разразилась внезапно. Как и почему он смог почувствовать ее приближение, объяснить трудно.

Но он ее предчувствовал, и предчувствовал болезненно. Это видно из писем, написанных в то время, и из свидетельств тех, кто был рядом с ним. "Бог видит, что когти смерти разрывают мое сердце", — писал он Эндрюсу. Он выразил это настроение в стихах:

*Везде царит последняя беда,
Весь мир она наполнила рыданьем,
Все затопила, как водой, страданьем.
И молния среди туч — как борозда.
На дальнем берегу смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет,
Безудержно, не ведая стыда.
Везде царит последняя беда.*

Но мир должен принять вызов безумца, люди должны сражаться, чтобы сохранить честь человечества.

*Твоя труба лежит в пыли,
И не поднять мне глаз.
Стих ветер, свет погас вдали.
Пришел несчастья час!
Зовет борьба борцов на бой,
Певцам приказывает — пой!
Путь выбирай скорее свой!
Повсюду ждет судьба.^[80]*

Поэт не мог найти покоя, и, как обычно в таком состоянии, он переезжает с места на место, то в Шантиникетон, то в Шилайду, то в Дарджилинг, Агру или Аллахабад. Тем временем в Европе началась война. Тагор не воспринимал ее как войну европейцев, до которой нет дела Азии, и тем более не радовался, что беда для Англии послужит к выгоде Индии. Он не принимал сторону того или иного из воюющих государств. Для Рабиндраната война представлялась раной, нанесенной в грудь всего человечества. В обращении к ученикам Шантиникетона поэт подчеркнул, что как грехи отцов ложатся на сыновей, так все человечество должно разделить вину и наказание за все преступления, которые где-либо совершает человек.

В эти дни он писал: "Все беды земли, все ее грехи и преступления, все разбитые сердца и порывы к насилию вздулись как приливная волна, затопляющая берега, оскорбляющая небеса. Но все равно, о храбрые и сострадательные, держите крепче весла и направляйте вашу ладью поверх ревущих безумных волн с неумиряющей надеждой в груди. Кого ты проклинаешь, брат мой? Склони главу — грех на тебе и мне. Это лопнул наконец нарыв в сердце времени. Испуг труса, наглость негодя, жадность стервятника, затаенная злоба обездоленных, накопившиеся оскорбления возвышенного начала в человеке — все они наконец прорвались, как зловонные пары сквозь плоть времени, заливая небо и море своим тлетворным дыханием разрушения.

Катастрофа — не возмездие мстительной судьбы, это наказание, искупительная жертва, которая должна в конце концов привести к

очищению и спасению мира. Если смерть не уступает свое бессмертное сокровище, если правда не добывается в противоборстве с горем, если грех не умирает от стыда его разоблачения, если гордость не обрушивается под тяжестью своей невыносимой напыщенности — то какая надежда укрепит сердца тех миллионов людей, которые покидают свои дома, чтобы встретить смерть лицом к лицу, как звезды, стремящиеся к исчезновению в свете зари? Кровь храбрых, слезы их матерей — неужели все это богатство будет потеряно в земном прахе и не завоюет неба? Неужели сокровищница неба не оплатит за этот долг? Неужели ночное покаяние не кончится с восходом?"

Стихотворения, созданные в эти трудные месяцы, были изданы в 1916 году в тонком томике, названном "Болака" ("Полет журавлей"). Этот том, посвященный автором Пирсону (а по сути своей Всемирному духу), отмечает одну из вершин, на которые Тагор периодически поднимался в своем паломничестве по Гималаям.

"Поэзия сборника "Болака", — пишет профессор Шукумар Шен, известный историк бенгальской литературы, — воистину грандиозна, это стихи величайшего масштаба, доступного для лирики. Мы ничего подобного не видели ранее, даже в величественной "Урваши". Книга получила название по стихотворению, написанному в Кашмире, где автор, наблюдая однажды вечером "извилистое течение реки Джелам, сверкающее в сумерках как ятаган", внезапно был возвращен из задумчивости "кратким как молния звуком, пронесшимся сквозь пустое пространство". Он смотрит вверх и видит стаю журавлей, или лебедей, или диких уток — бенгальское слово многозначно, — летящих неизвестно куда. Этот полет символизирует для него скрытое движение в неподвижных вещах, стремление духа времени, непрекращающийся поиск жизни и души, вечный крик в сердце вселенной: "Не сюда, не сюда, но дальше, дальше!"

Эхо этого крика отдается во всех стихотворениях сборника, каждое из которых — гимн бесконечному чуду движения, состоянию постоянного изменения, обновления и совершенствования, каков бы ни был предмет, к которому поэт обращался: Шах Джахан, строитель Тадж-Махала, или возлюбленный ангел поэта, его покойная невестка Кадамбори. Он случайно нашел ее старую фотографию и посвятил ей стихи:

*Ты, в сердце моем поселясь,
Воскресила извечную связь,
В глазах — не перед глазами ты.
Я по воле мечты*

*Вижу тебя в листве — изумрудную, а в небесах — голубую,
Все мое существо —
Отражение твоего.
Напев твой в песню мою любую
Вплетается тайно, любовью согрет, —
Поэзия ты — если я поэт.* ^[81]

Та же мысль, что жизнь постоянно обновляется, что Зима сбрасывает свою маску, чтобы открыть свой лик Весны, воплощена в замечательной фантазии, написанной им для учеников Шантиникетона, "Фальгуни" ("Торжество весны"). Пьеса ставилась в Шантиникетоне и в Калькутте, Тагор играл двойную роль — Поэта и слепого Певца. Сюжет едва намечен, собственно, сюжета почти и нет, он лишь повод для разгула веселья, песен и танцев, выражающих настроение автора с приходом весны. Раджа, обнаружив несколько седых волос и на своей голове, напуган возможностью скорой смерти и хочет найти утешение в философии. Придворный Поэт, чтобы отвратить его от грустных мыслей, ставит пьесу, в которой уличные мальчишки преследуют старика Зиму, срывают с него одежды и убеждают, что это не кто иной, как Весна.

Вскоре после завершения работы над "Фальгуни" в марте 1915 года Тагор впервые встретился с Ганди, который завершил свою деятельность в Южной Африке и вернулся на родину, но еще не решил, чем он будет заниматься и даже где поселится. Он распустил свою Колонию Феникс и школу в Южной Африке и отправил ее учеников в Индию. Эндрюс, ставший связующим звеном между двумя великими людьми, предложил разместить этих детей (их было около двенадцати) в Шантиникетоне, пока Ганди не приедет и не устроит свой новый ашрам. Тагор с готовностью согласился, и мальчики пробыли в Шантиникетоне несколько месяцев, прежде чем Ганди приехал их навестить. Наверное, было очень интересно наблюдать за двумя группами мальчиков, живших бок о бок: ученики Тагора, беззаботные как Ариэль, ^[82] поющие, танцующие и шумно носящиеся повсюду, и маленькие святые — ученики Ганди, слишком мудрые и рассудительные для своего возраста. Но и те и другие прекрасно уживались друг с другом, и Тагор полюбил учеников Ганди как своих собственных.

Ганди пробыл в Шантиникетоне не больше недели. В то время он не был еще Махатмой, одно имя которого завораживало людей в

последующие годы. Но тем не менее он произвел неизгладимое впечатление на обитателей Шантиникетона.

Шесть дней, проведенные Ганди в Шантиникетоне, заложили основание дружбы между двумя титанами современной Индии. Но эти же дни полностью выявили контраст между их индивидуальностями, между их столь разными мировоззрениями. Контраст столь явный и столь непреодолимый, что поклонники того и другого видели только его. Но под различием скрывалось глубокое и сокровенное родство, ощутимое лишь для них самих да еще для нескольких друзей, отличавшихся такой же повышенной восприимчивостью, как Эндрюс и Джавахарлал Неру. Так называемые ученики или "преданные последователи" каждого обратили внимание лишь на внешние проявления встречи. В характерной для него деловой, практической манере Ганди огляделся вокруг, со всеми подружился, увидел слабые места и попытался показать Тагору, как лучше применять его собственные идеи на практике. "Вы верите в простоту и самостоятельность, — прямо сказал он обитателям ашрама. — Прекрасно, я тоже верю в эти добродетели. Но как можете вы достичь — самостоятельности без того, чтобы самим вести свое хозяйство? И как можете вы достичь простоты, если вы живете чужим трудом?" Он заявил им, что они обязаны полностью обходиться без наемного труда, должны взять на себя содержание ашрама в чистоте, так же как они сами следят за чистотой своих тел, исполнением всех хозяйственных обязанностей, включая приготовление пищи, мытье посуды и так далее. Ученики, как и учителя, с готовностью откликнулись на призыв Ганди. Когда они спросили позволения у Тагора, он улыбнулся и сказал: "Интересно было бы попробовать". Итак, 15 марта 1915 года в школе началась жизнь по новому образцу, правда, ненадолго. Но в память об этом эксперименте ежегодно 10 марта в Шантиникетоне отмечается День Ганди (Ганди Паньяха), когда все платные слуги получают выходной, учителя и ученики сами занимаются приготовлением пищи и проводят генеральную весеннюю уборку в ашраме. Это типичный пример календарного праздника с символическим значением, характерного для индийской традиции.

Прежде чем Ганди покинул Шантиникетон, он отметил один недостаток и откровенно сказал о нем Тагору. В столовой ашрама особые места отведены для мальчиков из касты брахманов. Тагор, не жалевавший сарказма в обличении кастовой системы, последовал ей в своем собственном святилище. И это поразило Ганди. Впоследствии Тагор отменил подобную практику, и ныне она нетерпима в Шантиникетоне. А тогда он ответил Ганди, что будет счастлив, если ученики-брахманы

добровольно сядут за общий стол, но не станет принуждать их.

Эти два маленьких эпизода позволяют увидеть главные черты в различии двух замечательных людей современной Индии. Один был подвижником, мечтавшим политику сделать святой, другой — поэтом, стремившимся сделать святость прекрасной.

Британский губернатор Бенгалии лорд Кармайкл, который в начале 1914 года в торжественной обстановке вручил поэту диплом о присуждении Нобелевской премии и медаль от имени Шведской академии, посетил Шантиникетон 20 марта, через девять дней после отъезда Ганди. Завоевав признание за границей, Тагор обрел респектабельность и в глазах британской администрации Индии. Ушли в прошлое дни, когда правительственных чиновников предостерегали, чтобы они не посылали своих детей в школу поэта. Теперь высочайший представитель британских властей в Бенгалии явился, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Тагор устроил для высокопоставленного гостя соответствующий прием. В ашраме велись тщательные приготовления к его приезду. Некоторые "патриоты" критиковали Тагора за то, что он оказывал почтение представителю иноземных угнетателей. Бедный Тагор, что бы он ни делал, все казалось неправильным в глазах его соотечественников!

Тагор не был равнодушен к публичной критике и в этом отношении отличался от Ганди или ирландского его современника Бернарда Шоу. Герои его произведений обличают тщетность людской славы, гордо противостоят общественному мнению, но сам он, случалось, бывал глубоко задет несправедливой критикой, а критика по большей части была к нему не просто несправедлива, но и враждебна. В письме Эндрюсу, датированному 1 февраля 1915 года, он попробовал объяснить эту свою обидчивость: "Я рад, что во мне еще живет тот ребенок, главная слабость которого — тяга к лакомствам, к угощению, к сладкому людскому признанию. Но я не должен ощущать себя гораздо выше своих критиков. Я не хочу восседать на троне. Пусть я буду сидеть на тех же скамьях, что и мои слушатели, и стараться слушать, как и они. Я воистину желаю испытать здоровое чувство разочарования, когда им не нравятся мои творения. И когда я говорю: "А мне все равно", пусть мне не верят".

В это время он писал для журнала "Шобудж потро" повесть "Чатуронго" ("Четыре жизни") — одну из лучших в его прозе. Заслуживающий доверия критик назвал ее "безукоризненным произведением искусства". Главный герой повести — Шочиш, юный пламенный мечтатель, поиски правды и внутренней гармонии которого прослеживаются через разные стадии.

В тот же год, что и "Чатуронго", опубликован главный роман этого периода, "Дом и мир". В нем каждый из трех основных персонажей излагает свои мысли в Дневнике. Дело происходит в период политических волнений, в бурные годы первого десятилетия века, когда сам Тагор оказался вовлечен в водоворот событий. Роман как бы ответ критикам, обвинявшим его в дезертирстве. И ответ столь сильный и столь мощный, что три долгих года после его выхода критики продолжали разрывать роман на части, что по-своему свидетельствует о глубине впечатления, произведенного на них этой книгой. Атмосфера романа — сгущенная и мрачная, в ней клокочут мятущиеся страсти. Это конфликт старого с новым, реализма с идеализмом, средств с целью, домашнего уюта и вольных ветров, прилетающих из дальних краев. Этот роман одновременно и манифест поэта, и его предостережение, что дурные средства в конце концов должны испортить цель, какой бы благородной она ни была поначалу. При чтении его понимаешь, насколько близок Тагор к Ганди по духу, каковы бы ни были различия их характеров.

Знаменательно название романа. Тагор сам разрывался между любовью к своему дому и соблазнами мира. После сладких плодов заграничной славы родная пища могла показаться пресной. Во всяком случае, 3 мая 1916 года он отплыл в Японию в сопровождении Эндрюса, Пирсона и молодого индийского художника Мукула Дея. Поэт путешествовал на японском судне, и на него произвели большое впечатление дисциплина, выучка и дружелюбие капитана и команды.

В Рангуне путешественники остановились на два дня. Тагор писал о женщинах Бирмы: "Они как цветы, распутившиеся повсюду на ветвях и на земле. Кроме них, глаз ничего не видит". Описывая их грацию и достоинство, он занес в дневник: "Женщины здесь освободились от клетки домашних забот и поэтому обрели такое совершенство и самостоятельность. Им не приходится извиняться за свое существование. Они любимы за свою женскую грацию и почитаемы за изящное достоинство их силы. Впервые я заметил, что работа придает женщине подлинную грациозность, когда увидел наших санталок^[83]".

29 мая путешественники прибыли в Кобе, где поэту устроили очень теплую встречу. Тагор провел в Японии чуть больше трех месяцев, посетил несколько городов, но большую часть времени провел в Хаконе, откуда время от времени совершал поездки в Токио, где читал лекции в университете Кейо-Гиджику. Его привлекали многие стороны японской жизни. В народе ему в особенности нравились дух дисциплины, сила тела и ума, сдержанность в выражении чувств, глубокая любовь к красоте. Он

пишет в дневнике, что "ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь пел на улице, с тех пор как мы сюда приехали", и поясняет: "Сердца этих людей не гремят, как водопад, они молчаливы, как озера. Все их стихи, с которыми я до сих пор ознакомился, — это стихотворения-картины, а не песни". Он размышляет об одном из них:

*Древний пруд.
Лягушки прыгают.
Всплеск воды.*

"Законченная картина! Больше ничего не нужно! Сознание японского читателя — в его глазах. Зброшенный пруд, темный, молчаливый, оставленный людьми. Когда лягушка прыгает в него, слышится звук. Всплеск, показавший, как тихо кругом".

Воздействие этих стихотворений, замечательных своей краткостью, возможно, сказалось, когда он уступал просьбам девушек и юных дам сделать надпись на их веерах или в альбомах для автографов. Эти случайные, бессвязные стихи и надписи были затем собраны и напечатаны под названием "Разлетевшиеся птицы". Многие из них интересны. Вот несколько примеров: "Однажды нам приснилось, что мы чужие. Мы пробудились и увидели, как мы дороги друг другу". "Ты улыбалась и говорила со мной ни о чем, и я чувствовал, что этого я ждал так долго". "Я не могу выбрать наилучшее. Наилучшее выбирает меня". "Каждое дитя приходит в мир с вестью от бога, что он еще не разочаровался в людях". "Человек, занятый тем, что делает добро, не находит времени, чтобы быть добрым". Одна надпись оказалась пророческой для будущего Японии: "Твой идол низвергнут во прах, чтобы доказать, что господний прах более велик, чем твой идол".

Японцы приглашали Тагора с подлинным энтузиазмом — ведь для них он представлял образ поэта-мудреца из земли Будды. Но их воодушевление заметно поостыло, когда в своих лекциях он начал упрекать их в том, что они подражают не гуманистическим ценностям западной цивилизации, а ее жажде власти, ее слепому преклонению перед государственной машиной, действующей от имени нации. "Велики благодеяния Европы, — подчеркивал Тагор, — когда ее лицо повернуто ко всему человечеству. Но лик Европы становится зловещим, когда он обращен к собственной корысти, когда она использует всю мощь своего величия для целей, противных вечному началу души человеческой". Тагор воздавал должное

японцам за их следование духу времени, но напоминал им, что "подлинная современность — это свобода разума, а не рабство вкуса. Это независимость мысли и действия, а не опека европейских учителей. Это наука, а не ложное применение ее к жизни". Он говорил им: "Никогда не допускайте мысли, что боль, которую вы причиняете другим народам, не заразит вас, или что вражда, которую вы сеете вокруг своего дома, встанет для вас защитной стеной на все грядущие годы". Правящие классы Японии не простили поэту подобных высказываний. Власти хмурились и насмехались над ним: как дерзок этот представитель нации рабов, взявшийся учить свободе свободных людей! Но японская интеллигенция прониклась еще большим уважением к Тагору за храбрость и правдивость его слов.

В сентябре 1916 года Тагор отбыл в Соединенные Штаты и 18 сентября прибыл в Сиэтл. В этот второй приезд в США Тагору предстояло выступить с лекциями по всей стране. Теперь он стал знаменитостью, и поездка сопровождалась широкой рекламой. "Практически везде, где он побывал во время своего визита, — писал Дж. Л. Диз, — его принимали и ублажали как мало кого из иностранных писателей. Представители местных властей, педагоги, люди искусства спорили друг с другом, чтобы оказать ему почести, а его лекции и выступления каждый раз собирали толпы восторженных поклонников, мечтавших приблизиться к великому человеку и, если удастся, поговорить с ним. В некоторых городах люди окружали его прямо на улице".

Но не обошлось без критических замечаний. Газеты писали о нем как о "поэте, который выглядит как настоящий поэт". Некоторые журналисты задавались вопросом: может ли поэт, который выглядит как настоящий поэт, быть на самом деле настоящим? Его обвиняли в том, что, обличая американский "материализм", он тем временем добывал деньги для своей школы. Его прямолинейные выступления против милитаризма и национализма вызвали яростные атаки американской прессы. "Детройт джорнэл" предостерегал читателей от "сахаринового яда, которым Тагор хочет развратить умы молодежи наших великих Соединенных Штатов". Напряженный график лекционного турне и бурный ритм американской жизни сказывались на здоровье Тагора, нарушали его душевное равновесие.

"Я теперь, как лев в цирке, утратил свою свободу, — писал он одной из своих знакомых. — Я живу в мире, где пространство и время сведены к минимуму. Но я все же стараюсь выглядеть повеселее и плясать под музыку ваших американских долларов". Хоть это и писалось в шутку, но

самообвинение, что он пляшет под музыку долларов, не могло не ранить его чувствительную душу.

Он давал выход раздражению, обличая темные стороны американской жизни, — и слова его тут же подхватывались журналистами. Например, незадолго до отплытия из Сан-Франциско его спросили, что он увидел в Америке. "Бессилие и грубость", — отвечал поэт. Всевозрастающее недовольство Тагора усилилось безобразным инцидентом, подстроенным его соотечественниками во время пребывания поэта в Сан-Франциско. Некоторые горячие головы, националистически настроенные молодые индийцы, принадлежавшие к революционной группе, известной под названием "партия Гадар", восприняли его обличение национализма как предательство национальных ожиданий Индии. В предыдущем году Тагор получил от британского правительства титул баронета, и пылкие патриоты, соединив факты друг с другом, пришли к выводу, что индийский баронет — британский шпион, посланный в Соединенные Штаты, чтобы чернить собственную нацию. Прошел слух, что "партия Гадар" отдала тайный приказ о его убийстве.

Газета "Сан-Франциско Экземинер" писала 6 октября 1916 года: "Вчера полицией получены сведения о заговоре с целью убить сэра Рабиндраната Тагора, индийского поэта, лауреата Нобелевской премии. Были предприняты самые тщательные предосторожности, чтобы охранять его в отеле "Палас" и в театре "Колумбия", где он вечером выступил с лекцией". В этом же номере появилось письмо некоего Гобиндабихари Лала (впоследствии представшего перед судом по делу об индийско-германском заговоре и осужденного к тюремному заключению). Автор письма заявлял: "Сэр, хотите ли Вы знать, что сами индийцы думают о Тагоре? Они вовсе не считают, что он хоть сколько-нибудь представляет их идеи, их мнения в области политики, экономики и философии. Сердце Индии — в антибританском революционном движении, которое стремительно движет Индию навстречу будущему. Но мистер Тагор стоит в стороне от этого Движения, как стоял Гёте в стороне от войны немецкого Народа за независимость сто лет назад".

В интервью газете "Лос-Анджелес Экземинер" поэт сказал: "Что же касается до заговора с целью убить меня, я полностью верю в разум моих соотечественников и буду выполнять здесь свою миссию без помощи полиции. Я хочу особо воспользоваться этой возможностью, чтобы заявить, что я не верю в этот заговор, хотя мне и пришлось уступить полицейским чинам, разыгравшим фарс с охраной моей особы. Надеюсь, что я буду избавлен от этой охраны в оставшиеся дни моего пребывания в вашей

стране".

Ирония этого эпизода достигла апогея, когда годом позже мистер Гоурлэй, занимавший тогда пост личного секретаря губернатора Бенгалии, рассказал Эндрюсу, что британская разведка сообщала о секретной связи Тагора с "партией Гадар". Вполне возможно, что британская пропаганда прилагала тайные усилия, чтобы настроить общественное мнение против Тагора. Известно, что Тагор хотел посвятить свою книгу "Национализм" президенту Вудро Вильсону, но не получил на это необходимого разрешения. Белый дом сообщил компании "Макмиллан", готовившей книгу к печати, что британский посол рекомендовал воздержаться от этого шага, ссылаясь на то, что Тагор якобы участвовал в антибританской деятельности в Индии.

Но в целом турне оказалось "удивительно успешным". Ч.Ф. Эндрюс свидетельствовал, что "Тагор во многом был доволен своей поездкой и считал ее удачной". Тем не менее беспокойство поэта все возрастало, и после эпизода в Сан-Франциско он решил немедленно вернуться домой. Контракт был расторгнут и в январе 1917 года Тагор отбыл на родину через Японию. Вернувшись в Индию в марте 1917 года, он увидел лицо уже не агрессивного национализма, а национализма жалкого, попираемого. Наиболее громко в защиту Индии прозвучал тогда голос храброй англичанки Энни Безаит,^[84] выступившей за введение национального управления. По приказу мадрасской колониальной администрации её бросили в тюрьму. Тагор восхищался ею и выступал с публичным протестом против ее ареста. Так Рабиндранат вновь оказался на арене политической борьбы, грозный размах которой уже не ограничивался только Бенгалией. Теперь поэт стал слишком крупной фигурой, чтобы оставаться в стороне от бурь эпохи, он, как всегда, не мог молчать при виде страданий своего народа. На публичном митинге в Калькутте он завоевал сердца собравшихся только что сочиненной патриотической песней: "Твой трубный зов разнесся по всей земле, и герои со всех стран собрались вокруг твоего трона. День пришел. Но где же Индия? Она лежит в пыли и бесчестье, лишенная своего места. Избавь ее от стыда и дай ей место в Доме достойных, о вечно бодрствующий Господь!" В конце года, когда Индийский национальный конгресс собрался на ежегодный съезд в Калькутте, он прочел на открытии стихотворение под названием "Молитва Индии". Делегаты наградили его бурной овацией.

Политическая ситуация в стране все больше выходила из-под контроля властей. Горящая энтузиазмом бенгальская молодежь не могла найти легальных путей общественной борьбы и уходила в подпольную

деятельность и терроризм. Британское правительство, уверенное теперь в победе, благодаря вступлению Соединенных Штатов в войну, жестоко расправлялось с оппозицией. Насилие хотели победить еще большим насилием, ненависть еще большей ненавистью.

Тагор самоотречение отдавался общественным делам, и каждое стоило серьезного эмоционального напряжения. К этому напряжению добавлялось и беспокойство, вызванное серьезным заболеванием его старшей и самой любимой дочери Белы, умершей в мае того же года. 28 февраля он писал Пирсону, находившемуся в то время в Китае: "Я снова приехал в Калькутту из Шантиникетона, потому что состояние Белы стало хуже. Смерть — обратная сторона жизни, она едина с жизнью, и я не смотрю на нее с каким-то особым страхом. Но болезнь — это зло, и когда мы не знаем, как бороться с нею, сердце не может с этим примириться".

Победа в европейской войне утвердила англичан в сознании своей моральной непогрешимости и вере в незыблемость Британской империи. Охваченные гордостью власти ответили на волнения в Индии пресловутым Актом Роуллетта, узаконившим чрезвычайные репрессивные меры, введенные правительством во время войны. В этот момент на арену общественной борьбы вступил Махатма Ганди, который объединил разрозненные протесты в организованное массовое движение гражданского неповиновения.^[85]

В "Истории Индии" об этом периоде сказано: "Власти жестоко подавили движение, и самое темное пятно на их совести связано со стихийным митингом, происшедшим в Амритсаре. Войска под командованием генерала Дайера открыли огонь, сделав 1600 выстрелов по безоружной толпе. Даже по официальным данным, погибло 379 человек, ранено — 1200, причем раненым не оказали никакой помощи. В Пенджабе ввели военное положение. Последующее расследование выявило мрачную картину расстрелов, повешений, бомбардировок с воздуха и чрезвычайно суровых приговоров, подписывавшихся трибуналами в период господства террора".

Амритсарское побоище произошло 13 апреля 1919 года, но тяжелая завеса секретности долго задерживала сведения. Когда весть о трагедии наконец достигла Тагора, он отменил важную встречу в Шантиникетоне и поспешил в Калькутту, чтобы организовать митинг протеста. Но видные политические деятели были так подавлены страхом, что его призыв не получил поддержки. Тогда Тагор решился на акт, за который соотечественники навсегда останутся ему благодарны. Тагор на деле поступил так, как говорилось в песне, написанной им много лет назад:

"Если они боятся и молчат, сжимаются от страха, отвернувшись к стене, о ты, несчастный, не скрывай своих мыслей, говори один". Никому не сообщив, даже не поставив в известность собственного сына, он в ночь на 29 мая написал письмо вице-королю Индии, лорду Челмсфорду, отказываясь от титула баронета. Письмо появилось в газетах утром 2 июня.

"Самое малое, что я могу сделать для своей страны, — писал Рабиндранат, — это навлечь на себя все последствия, дав голос протесту миллионов моих соотечественников, загнанных в безвыходную западню ужаса. Пришло время, когда знаки почестей становятся знаками стыда, бесстыдно сверкая среди всеобщего унижения. Я хочу встать, лишенный всех наград, на сторону тех из моих соотечественников, которые из-за своей так называемой незначительности становятся жертвами угнетения, недостойного человека".

Историческое значение этому письму придает не отказ от баронетства, которое для него мало что значило, а та храбрость, с которой он выразил гнев своего народа. Этот жест восстановил самоуважение нации, дал всему народу отвагу и веру. Британские власти никогда не простили поэту такой неслыханной дерзости.

Общественность Индии высоко оценила отважный поступок поэта, но официальные британские круги, так же как и широкая публика в Великобритании, негодовали на "дерзость" британского подданного, отказывающегося от милости, снизошедшей на него по указу "Его величества короля-императора". Такого еще не бывало. В секретном донесении министерства внутренних дел говорилось: "Налицо оскорбительное высокомерие, выразившееся в отказе от почестей, предоставленных по велению Короля за литературные заслуги, на почве несогласия с политикой правительства". Вице-король счел невозможным для себя освободить Тагора от титула, который его предшественник пожаловал ему от лица короля-императора. Таким образом, баронетство Тагора осталось за ним. Он больше никогда не воспользовался этим титулом, но в официальных бумагах, а также в английской и американской прессе он продолжал оставаться сэром Рабиндранатом Тагором.

11. Мир в одном гнезде

Сладостный певец, свершавший одинокое паломничество между гнездом и небесами, оказался теперь пойманным в силки мирских забот. Вестник свободы отныне лишился свободы. Быть добрым уже недостаточно: он должен творить добро. Он победил мир, и мир, в свою очередь, победил его. Теперь ему предстояло искать свой дом по всему миру и приводить весь мир в свой дом.

И вот маленькая школа для маленьких детей в Шантиникетоне становится всемирным университетом, Вишвабхарати,^[86] средоточием индийской культуры, центром ориентальных исследований, местом встречи Востока и Запада.

Для девиза нового университета поэт выбрал древний санскритский стих, означающий "Где весь мир соединяется в одном гнезде". "Вишвабхарати, — заявил он, — представляет Индию, обладающую богатством разума, которое должно стать всеобщим достоянием. Вишвабхарати знаменует обязанность Индии гостеприимно предлагать другим свои высшие культурные достижения и право Индии принимать от других все самое лучшее".

Идея университета созревала в его мозгу со времени последней поездки в Японию и Соединенные Штаты. Тагор впервые объявил о ней и подробно рассказал о своих планах на специальном собрании в Шантиникетоне 22 декабря 1918 года. Почти день в день через три года состоялось официальное открытие университета. В этот же период заложено ядро первых факультетов наук и искусств. Со временем они выросли, открылись и несколько других. Без сомнения, этот университет, как и школа, предшественница его, создание мечты поэта. Но многие мечты, когда они воплощаются в жизнь, указывают путь реальности. Тагор всегда верил, что "я каждой нации лежит долг хранить огонь своего светильника, одного из многих, освещающих этот мир. Разбить светильник всякого народа — значит лишить его законного места на всемирном празднике". Когда-то светильник разума Индии пылал своим собственным огнем, но сегодня выпускники университетов стали немногим лучше, чем "вечные собиратели лохмотьев из чужих мусорных корзин".

Тагор не верил, что у разных народов существуют разные истины. Он верил, что знание едино и всеобще, но все народы должны получать его и осваивать своим собственным путем. "Беда в том, — писал он, — что как

только нам на ум приходит мысль об университете, мы вспоминаем о Кембридже, Оксфорде и многих других европейских университетах. Мысль эта заполняет все наше сознание. Мы воображаем, что наше спасение — в подборе лучших черт каждого, чтобы потом составить их в эклектическое целое. Мы забываем, что европейские университеты — это живые, органические части европейской жизни".

Основав университет Вишвабхарати, поэт обрел новый предлог для дальних странствий. Нужда в деньгах для школы толкнула его в лекционное турне по Америке в 1916 году, однако потребности международного культурного центра, где "весь мир встречается в одном гнезде", оказались гораздо большими. Следовало придать проекту широкую огласку, а также собрать немалые суммы пожертвований.

Тагор готов к путешествию. Мировое признание, как опьянение, притягивает. В письме 15 апреля 1918 года, адресованном одной маленькой девочке, в которой он обрел подружку по духу, он честно в этом признается. "Ты читала в книжках, что некоторые птицы в определенное время оставляют свое гнездо и улетают за океан. Вот и я такая птица. Время от времени что-то зовет меня из заморских краев, и крылья мои трепещут. Итак, я собрался в начале мая сесть на корабль и поплыть через Тихий океан".

Поначалу он планировал снова отправиться по Японии и Соединенным Штатам с нищенской сумою просителя и уже начал оформлять документы. Но поступили известия, что английская разведка собирает досье на Тагора, пытаясь привлечь его к суду по делу о так называемом индийско-немецком заговоре. Поэт тут же послал телеграмму президенту Вильсону: "Газеты сообщают, что на суде в Сан-Франциско прокурор упомянул мое имя. Я требую от Вас и Вашей страны защиты от подобной злостной клеветы". Он также послал президенту письмо протеста.

Трудно сказать, почему Белый дом даже не подтвердил получение письма и телеграммы. Можно лишь догадываться, не замешана ли здесь длинная рука английской секретной службы. Во всяком случае, поэт был оскорблен до глубины души. Крылья трепетали, но птица взлететь не могла.

Ему пришлось удовлетвориться путешествием по своей стране. Рабиндранат совершил длительную поездку по южной Индии, посетив несколько городов, где читал лекции о своих образовательных программах. Затем он отправился в западную Индию, председательствовал на литературном съезде писателей Гуджарата в Ахмадабаде и провел

некоторое время с Махатмой Ганди в его недавно основанном ашраме на берегу реки Сабармати.

Этот период, 1917–1919 годы, наполненный лихорадочной политической и педагогической деятельностью, казался сравнительно бесплодным в литературном творчестве. Лишь две значительные книги, написанные на бенгали, вышли в этот период — сборники "Полатока" ("Беглянка") и "Липика" ("Наброски").

"Беглянка" состоит в основном из рассказов в стихах, изложенных очень просто, в разговорном стиле. Размер их свободен и легко приспособляется к ходу повествования. Это короткие, печальные эпизоды, переданные с редкой деликатностью чувства, которое, никогда не вырождаясь в сентиментальность, свидетельствует о его великом сострадании к тем, кто обижен жизнью.

Другая книга, "Липика", написана в 1919 году в совершенно ином духе. Она состоит из коротких отрывков и набросков. Некоторые из них описательные, другие аллегорические, третьи представляют собой размышления, четвертые — сатиру, пятые — воспоминания. Они написаны прозой, но прозой, которая обладает всем ритмом и прелестью поэзии. Возможно, что автор сознательно предпринял попытку уловить в бенгальской прозе красоту ритма и выражения, которую он бессознательно обрел в английских переводах "Гитанджали".

Другой интересный творческий вклад этого периода не предназначался для печати — это серия очаровательных писем, которые он отправлял юной жизнерадостной школьнице. Они интересны не только своим живым причудливым стилем, но и тем, что описывают повседневную жизнь поэта в Шантиникетоне. Вот отрывок из одного письма.

"Обед закончен, и я сижу, облокотившись на подушку, в своем уголке. Небо потемнело от тяжелых туч, и тень их легла на зеленые поля, наполняя мой кругозор глубоким покоем. Пока я пишу, начинается дождь и дальняя полоса деревьев подергивается пеленой, как будто лесная богиня накинула вуаль на свое лицо. Не могу сказать, сколько сейчас времени, потому что я прогнал со стены часы, висевшие прежде перед моими глазами. Они обманули мое доверие, они мне лгали, они много раз подавали голос не вовремя, и сколько раз я попадал впросак, следуя их совету, когда мне отправляться обедать или спать. Наверное, можно было бы их и починить, но ведь часы сделаны, чтобы следить за временем, и я не могу понять, почему я должен тратить время, чтобы следить за часами. Во всяком случае, я думаю, что сейчас час или полвторого. Скоро пора будет идти на занятия...

По утрам, как тебе известно, я даю три урока подряд, потом принимаю ванну и обедаю, а затем сажусь писать письма, если нельзя их отложить на потом. После этого я готовлюсь к будущим урокам, пока не приходит пора пить чай. Вечером, когда солнце садится, я сижу один в спокойствии на моей террасе. Иногда ко мне забегают школьники, просят почитать им стихи.

Просыпаюсь я, когда первый слабый отблеск света заглядывает в щелку в восточной двери моей спальни, окаймляя облака золотом, вызывая первое трепетание крылышек птиц, пробуждающихся в ветвях деревьев. Вскоре после половины пятого утра звенит школьный звонок, и я тоже встаю с постели. Умывшись, я сажусь на молитву на каменной плите, обращаясь к востоку. Солнце медленно восходит, и лучи его касаются меня, словно благословляя. Мы съедаем легкий завтрак, и в половине седьмого все обитатели ашрама, и дети, и взрослые, собираются на открытой площадке перед школой и поют хором гимн, перед тем как отправиться на занятия.

Как мирно проходит мой день! Я люблю трудиться для этих мальчиков, потому что они не знают цены того, что мы для них делаем. Когда они вырастут и пойдут каждый своим путем в жизни, может быть, они сохранят в памяти эти широкие просторы, аллею деревьев *шал*, щедрый небесный свет, этот свободный, дикий ветер и наши молчаливые богослужения на открытом воздухе утром и вечером".^[87]

Тагор любил ребят и всегда собственноручно отвечал детям, писавшим ему, из какой бы далекой страны ни приходило письмо. 2 марта 1914 года одна школьница (видимо, совсем еще маленькая, если судить по ее школьным каракулям) написала ему такое письмо из города Буффало (штат Нью-Йорк, США).

Мой дорогой мистер Тагор!

Мы учимся в третьем и четвертом классе в школе на открытом воздухе. Мы читали Ваши стихи из "Полумесяца", и они нам очень понравились. Сегодня у нас на уроке чтения проходили "Дальний берег". Скажите, что Вы сами — тот маленький мальчик, который хотел стать паромщиком, когда вырастет? Искренне Ваша

Сюзан Басс.

Поэт отвечал 7 августа.

Мой дорогой маленький друг! Я должен поблагодарить тебя за письмо, которое меня очень обрадовало. Когда я писал стихотворения "Полумесяца" на бенгальском языке, я никогда не думал, что придет время и я переведу их для моих маленьких читателей за океаном. Я очень рад, что они пришлись тебе по душе и что ты верно угадала, кто был тот мальчик, который мечтал однажды стать паромщиком на ладье, которая переправляет любовь с Востока на Западный берег.

*С любовью -
твой признательный друг*

Рабиндранат Тагор.

Вот другое письмо, датированное 15 февраля 1918 года, адресованное дочери Ротенштейна Рэйчел, которая тогда была совсем еще маленькой девочкой.

Мой дорогой маленький друг!

Очень мило с твоей стороны, что ты подумала обо мне и послала мне привет. Мне так приятно знать, что я живу в уголке сердца маленькой девочки на другом берегу океана. Мне бывает радостно размышлять над тем чудом, что ты узнаешь меня сразу же, как только увидишь, и что мы совсем естественно присядем поболтать о вещах, которые ни для кого, кроме нас, не имеют значения. И очень может быть, что ты будешь уговаривать меня остаться на чай или даже на ужин. Возможно, что мы никогда не встретимся, но это неважно.

На другой стороне этой открытки ты увидишь рисунок из Аджапты, скопированный одним учеником моей школы, который побывал в этой пещере. Это изображение и сейчас беседует с нами сквозь молчание забытых веков.

*Прими мою любовь.
Твой признательный друг*

Рабиндранат Тагор.

Тагор не знал тогда, что родственная ему душа "на другом берегу океана" говорит те же вещи о войне и национализме — с еще большей

отвагой. То был голос Ромена Роллана, прозвучавший в центре пожара, бушевавшего в его родной стране. "Правда едина для всех наций, — писал он, — но у каждой нации своя ложь, которую она называет своим идеалом". На Роллана произвели большое впечатление лекции Тагора о национализме, которые тот прочел в Японии в 1916 году. Французский писатель тут же почувствовал родственный дух, бывший, как и он, "над схваткой", Роллан перевел отрывки из лекций Тагора на французский и часто использовал их в своих статьях военного времени. Когда война окончилась, он послал Тагору в июне 1919 года письмо с просьбой подписаться под Декларацией Независимости Духа, созданной Ролланом от имени европейских интеллектуалов и деятелей искусства. "Я мечтал бы, чтобы отныне коллективный разум Азии играл более определенную роль в интеллектуальной жизни Европы. Моя мечта — чтобы однажды мы увидели союз двух полушарий духа. И я восхищаюсь вами за ваш вклад в это дело, больший, чем чей бы то ни было".

Тагор подписал декларацию 26 июня, и через два месяца Роллан писал ему: "Чтение Вашей книги "Национализм" принесло мне огромное удовольствие. Я полностью согласен с Вашими мыслями, и я еще больше их полюбил, когда прочел их выраженными с присущей Вам благородной и гармонической мудростью, которая так нам дорога. Мне очень больно (и я мог бы сказать, совестно, если бы я не считал себя сначала человеком, а потом уже европейцем), когда я думаю о чудовищном злоупотреблении властью, допускаемым Европой, об этом вселенском беспорядке, уничтожении великого материального и духовного богатства земли, которое ей в своих же интересах следовало бы защищать и усиливать, питая из своих источников. Пришло время действовать. Это не только вопрос справедливости, это вопрос спасения человечества. После бедствий этой постыдной Мировой войны, которая ознаменовала поражение Европы, стало очевидным, что Европа сама себя спасти не может. Мысль ее нуждается в мысли Азии, так же как последняя выиграла от контакта с европейской мыслью. Это — два полушария мозга человечества. Если одно парализовано, все тело болеет. Необходимо восстановить наше союз ради нашего здорового развития".

19 мая 1920 года Тагор отплыл в Англию в сопровождении сына и его жены. Он мечтал отправиться в заграничное путешествие еще в 1918 году, и наконец такая возможность появилась.

Снова оказавшись в Англии, Тагор был счастлив встретить старых друзей и обрести новых. Однако вскоре он почувствовал, многое с тех пор переменилось. Прокляти я, которые слал войне Тагор, его откровенное

обвинение британского правления и Индии и сверх всего его отказ от баронетства привели к охлаждению давней приязни.

Из Лондона Тагор отправился в Париж, где остановился в гостях у богатого европейского банкира и филантропа Альберта Кана. Здесь, после нескольких недель пребывания в Лондоне, Тагор наконец смог расслабиться и отдохнуть. Он любил простор и всегда чувствовал себя счастливее в домике в Шантиникетоне, чем во дворце в Калькутте. На приеме в парижском музее Гиме поэт познакомился с Бергсоном, графиней де Ноай и графиней де Бримон (обе считались талантливыми поэтессами), Лебрюном и знаменитым ориенталистом Сильвенем Леви, который впоследствии приехал в Шантиникетон, чтобы прочесть цикл лекций в университете Вишвабхарати. Тагор пережил глубокое потрясение, когда посетил знаменитые поля сражений во Франции возле Реймса и увидел там всеобщее опустошение. Он не мог заснуть в ту ночь и писал Эндрюсу: "Это самый угнетающий вид. Ужасный ущерб причинен сознательно, не для нужд войны, но чтобы навсегда изувечить Францию. Память об этой жестокости не изгладится никогда".

Из Парижа Тагор поехал в Голландию, где побывал в нескольких городах, причем его лекции всегда собирали большое количество слушателей. Его тепло встретил голландский писатель Фредерик ван Иден, переводивший его произведения на голландский язык, — знакомство перешло в долгую дружбу. "В течение двух недель, — писал Тагор Эндрюсу, — я получал щедрые дары. Вся Европа стала нам ближе от этого визита. Теперь я еще больше убеждаюсь в том, что Шантиникетон принадлежит всему миру и мы должны быть достойны этого великого факта".

Но Европа, разоренная войной, могла показать свою щедрость только теплом признательности. Ему все труднее становилось добывать материальные ресурсы для своего нового университета в Шантиникетоне.

После посещения Бельгии, где Тагор был удостоен аудиенции короля, он вернулся через Париж в Лондон. Там он внезапно решил, что ему надо посетить Соединенные Штаты, "потому что они должны выслушать слово с Востока".

В письме Ротенстайну он откровенно признавался: "Деньги для школы мне абсолютно необходимы. Не вижу другого пути, чтобы добыть их, кроме лекций в Америке. Учитывая мою подготовку и склонности, это будет гораздо предпочтительнее для меня, чем, скажем, грабеж на большой дороге".

Этот третий визит в Соединенные Штаты, опрометчиво предпринятый

вопреки советам Джеймса Понда, его импресарио во время предыдущего турне, оказался, по словам самого Понда, "душераздирающей трагедией". Настроение у американцев изменилось, и мало кого теперь интересовали возвышенные идеалы индийского поэта. Это была уже совсем другая страна, пережившая и войну, и последовавшее общее разочарование. Лекции Тагора почти никого не заинтересовали, да и пресса уделила ему немного внимания.

Правда, нью-йоркская газета сообщила 22 ноября 1920 года по поводу его лекции "Религия поэта": "Никогда еще в зале не собиралась столь многочисленная аудитория, чтобы послушать знаменитого писателя Востока. Сотням человек пришлось уйти ни с чем, поскольку им не досталось места". Но таких лекций оказалось гораздо меньше, чем приемов и торжественных обедов. Об одном из таких обедов леди Бенсон вспоминала в своих мемуарах: "Хозяйка объяснила мне, что Тагор — йог и его вера запрещает ему смотреть на обнаженные женские руки и шею. Я почувствовала себя ужасно смущенной, особенно из-за того, что мне была оказана честь сидеть рядом с ним. Поэтому я взяла салфетку и старательно прикрыла плечо, ближнее к нему".

Он мог бы, конечно, догадаться и раньше, что ему не следовало ходить по чужой стране с протянутой рукой, хотя бы и ради доброго дела. Вишвабхарати — великая идея, но когда идея воплощается в жизнь, она становится формой собственности с неминуемыми имущественными отношениями. Как мудро говорил Ганди, собственность несовместима с истинной свободой духа и поиском правды.

Затаенная неудовлетворенность собою внезапно проявилась на прощальном вечере в честь Тагора в Обществе любителей поэзии. После короткой речи о литературе он внезапно дал волю своей обиде на то, что его несправедливо преследуют, сначала как британского агента, а затем как немецкого шпиона. Впечатление от этого всплеска эмоций было таким тяжелым, что сын его, присутствовавший на вечере, записал в дневнике: "В первый раз случилось, подумал я, что он уронил свое достоинство, меня слезы подступили к глазам, я был глубоко уязвлен. Мне это показалось трагедией".

В марте 1921 года Тагор вернулся в Лондон, где оставался около трех недель. Затем полетел в Париж — это было его первое воздушное путешествие. На этот раз он встретился с Роменом Ролланом, которого давно мечтал увидеть. Из Парижа Тагор поехал в Страсбург и выступил в новооткрытом университете с лекцией "Послание леса". В Женевском университете Руссо он прочитал лекцию об образовании. Он отдыхал в

Люцерне, отмечая свою шестьдесят первую годовщину среди прекрасной природы, когда поступила добрая весть от комитета, основанного в Германии знаменитыми писателями и учеными, в числе которых были Томас Манн, Рудольф Эйкен, Герман Якоби, граф Кейзерлинг и Герхарт Гауптман. Комитет отметил его день рождения даром большой библиотеки немецких классиков университету Вишвабхарати. Глубоко тронутый, Тагор писал: "Щедрый дар и поздравления, дошедшие до меня из Германии по случаю моей шестьдесят первой годовщины, ошеломили меня. Я воистину чувствую, что обрел второе рождение в сердцах народа этой страны, принявшего меня как одного из своих сынов".

После коротких поездок с лекциями в Гамбург и Копенгаген он отправился в Швецию в ответ на давнее приглашение от Шведской академии. В Стокгольме Тагор присутствовал на постановке шведского перевода своей пьесы "Почта", его принял король Густав V, и он познакомился со многими выдающимися людьми, среди которых были Сельма Лагерлеф, Кнут Гамсун, Карл Брантинг (первый президент Лиги Наций) и знаменитый исследователь Свен Хедин, которым Тагор давно восхищался.

Из Стокгольма Тагор поехал в Берлин, где он выступил в университете 2 июня. "Лекция была отмечена сценами иступленного поклонения. В толчее, чтобы занять места, многие девушки падали в обморок". Число не попавших на лекцию оказалось так велико, что ее пришлось повторить на следующий день.

В Мюнхене Тагор встретился с Томасом Манном, Куртом Вольфом (своим немецким издателем) и некоторыми другими писателями и учеными. На здоровье Тагора сильно отразилась физическая и эмоциональная нагрузка от поездки в Германию, и он не чаял вернуться в Индию, в тишь Шантиникетона, но не смог отказаться от приглашения великого герцога Гессенского посетить Дармштадт.

Он также хотел встретиться там с немецким философом графом Германом Кейзерлингом, с которым познакомился в Индии в 1911 году.^[88]

Он провел в Дармштадте около недели, в течение которой не было никакой официальной программы, ни приемов, ни лекций. Однажды его пригласили в клуб художников. Он пошел. Шумная комната была переполнена людьми, на столах стояли кружки с пивом, воздух был тяжелым от сигарного дыма. Члены клуба не встали, чтобы приветствовать гостя. Поэт, однако, справился с положением и, не выказывая никакой неприязни, вел себя с художниками легко и свободно, охотно отвечал на их вопросы. Пока он говорил, кружки постепенно убирались под столы,

сигары стали гаснуть, и аудитория слушала его с почти благоговейным вниманием. Тагор позднее заметил, что никогда прежде не испытывал большего триумфа. В общем, неделя, проведенная в маленьком немецком городке, оказалась для него и спокойной и радостной.

Такой радушный прием, оказанный индийскому поэту в Германии, естественно возбудил подозрение в глазах Британии и Франции. Английский корреспондент "Дейли телеграф" писал, что "уважение, оказанное поэту в Гамбурге, было пропагандистским трюком, задуманным немецкими промышленниками, чтобы создать о себе хорошее мнение в кругах индийской интеллигенции с целью захвата индийских рынков". Французская газета "Л'Эклэр" писала: "Рабиндранат Тагор — это что-то вроде индийского Толстого. Как и можно было ожидать, Германия использует его для пропагандистских целей; и он восхваляет пангерманизм столь старательно и чистосердечно, что пресса за Рейном оказывает ему единодушный почет". Газета далее продолжает доказывать свое обвинение, цитируя следующее послание, направленное Тагором д-ру Рудольфу Эйкену, умышленно опуская "если": "Если такова судьба Германии — пройти через покаяние за грех нынешнего века и выйти очищенной и сильной, если она постигнет, как применить огонь, который опалил ее, чтобы осветить дорогу к великому будущему, к стремлению души, к ее истинной свободе, она будет благословенна в истории человечества".^[89]

Из Германии Тагор поехал в Вену, где он прочитал две лекции, а затем в Прагу, где выступил и в Карловом, и в Немецком университетах. В эту поездку завязалась его теплая дружба с выдающимися индологами М. Винтернитцем и В. Лесны, которых позднее он пригласил в свой университет Вишвабхарати в Шантиникетоне. Тогда же Тагор имел удовольствие познакомиться с Карелом Чапеком и композитором Яначеком. Благодаря этим встречам он сохранил очень теплое отношение к Чехословакии. Но Тагор устал и соскучился по дому и в июле 1921 года вернулся в Индию, проведя в путешествии около четырнадцати месяцев.

Но и на родине он не обрел тишины и покоя. Индия бурлила, пробужденная волшебной палочкой Ганди, призвавшего массы к общенациональному движению несотрудничества с британским колониальным режимом. Тагор узнал об этом еще за границей, но теперь он сам оказался в центре урагана. Многие годы он призывал в своих стихах, песнях и пьесах такого избавителя, который даст голос немым, силу безоружным, и теперь полностью одобрил призывы Ганди к неповиновению. Но действительность редко соответствует идее.

Внезапный подъем патриотического рвения у людей, которые не

ощущали его в течение длительного времени и едва ли даже помнили о своем долге перед родиной, непременно должен был привести к преувеличенному чувству собственной правоты и презрения ко всему иностранному, в данном случае британскому и западному. Тагор открыто отвергал именно этот аспект национализма в чужих странах и болезненно воспринял его в своей собственной.

Существовали и другие аспекты кампании несотрудничества, которые задевали чувства Тагора. Например, вид разъяренной толпы над кострами иностранных тряпок.^[90] Он сожалел, что студентов заставляют бросать школы и университеты и они становятся пешками в руках политиканов. Он отказывался верить, что ткачество — единственная панацея от всех болезней индийской экономики, хотя всегда ратовал за возрождение сельской промышленности, включая ткацкую.

Не указывая напрямую на Махатму и не критикуя его руководство, Тагор выразил свою веру в необходимость интеллектуального и духовного сотрудничества между Индией и Западом в публичной лекции, озаглавленной "Встреча культур", прочитанной в Калькутте 15 августа. Но он оказался настолько одинок даже у себя в Бенгалии, что его речь вызвала возражение популярного бенгальского писателя Шоротчондро в статье, названной "Конфликт культур". Неустрашенный, Тагор развил свою точку зрения в другой публичной лекции "Призыв правды", могучем завете своей веры. Ответ последовал от самого Ганди в знаменитой статье, опубликованной в его политическом еженедельнике "Янг Индия" под названием "Великий страж".

Вскоре после этого Ганди посетил Калькутту и 6 сентября 1921 года имел длительную беседу с Тагором за закрытыми дверями в доме поэта в Джорашанко. На ней присутствовал только Эндрюс. Никакого документально-о отчета о том, какие переговоры вели эти два замечательных человека, не сохранилось, но ясно, что Ганди приезжал, чтобы уговорить Тагора оказать активную поддержку его политическому движению. Ясно также, что в итоге они беседовали как друзья. А тем временем снаружи дома собралась толпа. Стремясь продемонстрировать свою поддержку делу Ганди и преподать урок чересчур вознесшемуся поэту, люди собрали большие тюки иностранных материй из близлежащих лавок и устроили костер посередине двора, перед окнами Тагора. Леонард Элмхерст вспоминал, что Тагор, спустя некоторое время, пересказал ему суть своей беседы с Ганди в тот памятный день. Когда Ганди заявил, что все его движение основано на принципе ненасилия, Тагор сказал: "Пойди и взгляни с моей веранды, Гандиджи. Посмотри вон туда, и ты увидишь, что

делают твои ненасильственные последователи, — украв материю из лавок на Читпор Роуд, запалили костер в моем дворе и теперь неистовствуют вокруг него как толпа сумасшедших дервишей. Разве это не насилие?"

По словам Элмхерста, Ганди начал так: "Гурудев,^[91] ты сам был лидером и покровителем движения *свадеш*^[92] в Индии около двадцати лет назад. Ты всегда хотел, чтобы индийцы стояли на собственных ногах, а не старались быть жалкими копиями англичан. Мое движение *сварадж* есть естественное дитя твоего *свадеш*. Присоединись ко мне, и этим ты укрепишь его". Тагор ответил: "Гандиджи, весь мир страдает от самолюбивого и близорукого национализма. Индия всегда оказывала гостеприимство всем нациям и вероучениям. Я понял, что нам в Индии еще есть что перенять у Запада и его науки, и потому нам нужно научиться сотрудничать друг с другом". Наконец, когда Ганди стал просить поэта выступить в поддержку ткачества, подав пример для остальных частей страны, последний улыбнулся и сказал: "Я могу создать художественную ткань, могу тянуть нить сюжета, но какую путаницу, Гандиджи, сделаю я из твоего драгоценного хлопка!"

Лучше всего различие в мировоззрениях двух великих умов Индии определено иностранцем — Роменом Ролланом, который сам был достаточно велик, чтобы оценить и понять их обоих. Его слова стоит повторить:

"Тагор всегда считал Ганди святым, и мне часто приходилось слышать, что он говорил о нем с благоговением. Когда, говоря о Махатме, я упомянул Толстого, Тагор сказал мне — теперь узнав лучше Ганди, я с ним соглашаюсь, — насколько более осенена сиянием душа Ганди, чем душа Толстого. У Ганди все естественно — он скромн, прост, чист, — и вся его борьба освящена религиозной ясностью, тогда как у Толстого все является гордым восстанием против страстей.

Тем не менее было неизбежно, что трещина между этими двумя людьми должна расширяться... В то время он (Тагор) был не только "поэт", но духовный посланник Азии в Европе, где он просил людей помочь в создании всемирного университета в Шантиникетоне. Что за ирония судьбы, что ему нужно было агитировать о сотрудничестве между Западом и Востоком на одном краю земли, когда в то же самое время на другом ее конце агитировали за несотрудничество!

Несотрудничество шло вразрез с его образом мыслей, ибо его умонастроение, его богатый интеллект были вскормлены на всех культурах мира".

Ромен Роллан цитирует следующий отрывок из Тагора, чтобы проиллюстрировать широту его подхода: "Все величайшие достижения человечества принадлежат мне. Бесконечная личность человека (как сказано в "Упанишадах") может возникнуть только из величественной гармонии всех человеческих рас. Я молюсь, чтобы Индия могла бы стать примером сотрудничества со всеми народами мира. Для Индии объединение есть добро, разделение — зло. Объединение — это то, что охватывает и понимает все; следовательно, оно не может быть достигнуто через отрицание. Нынешняя попытка отделить наш дух от духа Запада является попыткой духовного самоубийства... В нынешний век доминирует Запад, потому что у Запада есть миссия, которую он должен выполнить. Мы на Востоке должны учиться у Запада. Вызывает сожаление, конечно, что мы утратили способность оценивать нашу собственную культуру, и поэтому не поняли, как правильно определить место западного духовного наследия. Однако агитировать за отказ сотрудничать с Западом — значит поощрять самую худшую форму провинциализма, ведущую к интеллектуальной нищете. Эта проблема — проблема мировая. Никакая нация не может обрести спасение путем отрыва от других. Мы все должны быть спасены, или должны погибнуть вместе".

"Другими словами, — комментирует Ромен Роллан, — как Гёте в 1813 году отказался отвергнуть французскую Цивилизацию и культуру, так Тагор отказывается изгнать британскую цивилизацию". Роллан был не единственным великим европейцем, почувствовавшим сходство между универсализмом Гёте и Тагора. Альберт Швейцер следующим образом оценил мысль Тагора: "В величественной симфонии мыслей Тагора гармонии и модуляции индийские. Но темы напоминают нам о темах европейской мысли. Его доктрина о "душе-во-всех-вещах" уже более не относится к "Упанишатам", а к образу мыслей, развившемуся под влиянием современной естественной науки... Но индийский Гёте выражает свой личный опыт в манере более глубокой, более сильной и более привлекательной, чем кто-либо до него. Этот истинно благородный и гармоничный мыслитель принадлежит не только его собственному народу, но и всему человечеству".

Ум Ганди не менее восприимчив к внешним явлениям, что замечательно выражено им в следующих строках: "Я не хочу, чтобы мой дом был окружен стенами со всех сторон и чтобы мои окна были наглухо закрыты. Я хочу, чтобы культуры всех стран свободно распространялись по моему дому. Но я не желаю быть сбитым с ног какой-либо из них... Моя религия — это не религия тюрьмы. В ней найдется место для самого

жалкого из всех божьих созданий. Но она противостоит оскорбительной надменности расы, религии или цвета кожи".

Тагор боялся не духа избранничества самого Махатмы. Он знал, что Ганди выше этого, но непогрешимая вера в себя сказывалась в его последователях, не стеснявшихся взывать к любым предрассудкам или страстям, чтобы раздувать горячку национализма.

Опасения Тагора и его протест против того, что он считал "слепым повиновением", способным "разрушить во имя какой-то поверхностной свободы действительную свободу души", красноречиво высказаны в лекции, о которой говорилось выше.

"Благородные слова Тагора, — комментирует Рол-лан, — это одни из самых прекрасных слов, когда-либо обращенных к народу, они как поэма солнечного света, они парят выше всех человеческих междоусобиц. И единственное замечание, которое можно сделать, это то, что они летят слишком высоко. Тагор прав с точки зрения вечности. Поэт-птица, жаворонок величиною с орла, как Гейне назвал гения нашей музыки, сидит и поет на руинах времени. Он живет в вечности. Но нужды настоящего слишком властны". Ганди ответил на вызов поэта в резкой статье, опубликованной в его газете "Янг Индия", выходившей на английском языке. Он приветствовал поэта как "великого стража", чьи предостережения против нравственной опасности должны приниматься с уважением; но, продолжает Ганди, его опасения не подтверждаются. По сути, он упрекает поэта за то, что тот играет на скрипке, когда в доме пожар. Вот слова Махатмы:

"Когда все вокруг меня гибнет от голода, единственным занятием, допустимым для меня, остается — накормить голодных. Индия — это дом, охваченный огнем.

Поэт живет ради завтрашнего дня и хотел бы, чтобы и мы поступали так же. Он представляет нашим восхищенным глазам прекрасную картину утренних птиц, парящих в небесах, распевая хвалебные гимны бытию. Но у этих птиц есть ежедневная пища, и парят они на отдохнувших крылах, в их жилах течет свежая кровь. Но мне приходилось видеть птиц, неспособных от недостатка сил даже пошевелить крыльями. Под индийским небом человек встает более слабым, чем ложился. Для миллионов это вечное бдение или вечная мука. Я понял, что невозможно успокаивать страждущих песней Кабира... ^[93]

Дайте им работу, чтобы они могли есть! "А если у меня нет нужды работать ради пищи, почему я должен пряться?" — могут задать вопрос. Потому, что я ем то, что мне не принадлежит. Я живу, грабя моих

соотечественников. Проследите источник каждой монеты в вашем кармане, и вы поймете правду моих слов. Каждый должен прясть. Пусть Тагор прядет, как и другие. Пусть он сожжет свои иностранные одежды; это обязанность, долг каждого. Бог позаботится о завтрашнем дне".

"Мрачные и трагические слова! — комментирует Ромен Роллан. — В них мы видим нищету мира, восстающего перед мечтой о красоте и зывающего: "Попробуй отрицать мою нужду!" Кто не сочувствует страстному чувству Ганди, кто не разделяет его? И тем не менее в этом ответе, столь гордом и столь резком, есть все же нечто, что оправдывает опасения Тагора: на поэта как на человека налагается обет, и он обязан повиноваться беспрекословно дисциплине общего дела. Повинуйся без колебаний закону *свадеши*, первая заповедь которого есть: пряди!"

Вскоре после того, как были написаны эти слова, Роллан писал Тагору: "Я только что закончил небольшое эссе о Махатме Ганди, основанное на томе его статей, печатавшихся в журнале "Янг Индия". Я публикую его в журнале "Юроп", а также в некоторых немецких и русских журналах... Я хотел постичь Ганди как человека и понять его великое сердце, горящее любовью и благоговением. В одной из глав моего эссе я осмелился, основываясь на ваших замечательных выступлениях в печати, напомнить позицию, которую вы заняли по отношению к Ганди, и благородный спор идей, разгоревшийся между вами. В нем столкнулись высочайшие человеческие идеалы. Он подобен конфликту между учениями святого Павла и Платона. Но, поскольку он возник в Индии, его горизонты расширились. Они охватывают всю землю, и все человечество присоединяется к этому величественному диспуту. В заключение я показал общую для вас идею, сколь прекрасно самопожертвование ради любви к ближнему (даже если эта любовь выступает под маской необходимости). Вам, быть может, доставит удовольствие узнать, что ваши мысли наиболее близки моим воззрениям на мир, и что душа Индии, как она выражена в вашем светлом духе и в пылком сердце Ганди, для меня становится большой родиной, где члены мои свободно расправляются от уз фанатичной Европы, болезненно их стягивавших".

Не желая продолжать ненужный и бесполезный спор с человеком, чью деятельность он глубоко уважал, чье появление на общественной сцене он когда-то предсказал, Тагор смолчал и удалился в свое излюбленное убежище в Шантиникетоне. Разве он не предостерегал себя ранее? "Если ты не можешь идти в ногу с соотечественниками в величайший момент в истории, остерегайся говорить, что они заблуждаются, а ты прав! Но оставь свое место в их рядах и удались в свой поэтический уголок и будь готов

встретить насмешку и общественную немилость", и он удалился — не дуться на окружающих, а петь для них. Во тьме поражения он видел улыбку и слышал голос: "Твое место с детьми, играющими на песчаных берегах всего мира, и там я с тобой".

А результатом стала книга прелестных детских стихов, которые он опубликовал в 1922 году под названием "Шишу Бхоланат" ("Малыш Бхоланат").^[94] Это лирические интерпретации детского сознания, напоминающие стихи, написанные им двадцать лет назад, опубликованные под названием "Полумесяц". В письме к племяннице Индире Деби он объяснял: "Я написал эти стихи, чтобы дать передышку моему мозгу, который охвачен делами взрослых. Я хотел выразить в них то, что в последнее время постоянно приходило мне на ум. Смысл моей жизни обобщен в предисловии, где сказано, что я был рожден как ребенок, для которого весь мир — площадка для игр. Когда с годами нас все более затягивает лихорадящее чувство ответственности, мы приобретаем склонность смотреть сверху вниз на игру и гордимся, противопоставляя работу игре. Мы забываем, что таким образом мы оскорбляем Создателя вселенной, который живет без тяжелого труда и который есть верховное блаженство, потому что он свободен от всех обязательств".

Но передышка оказалась краткой. Шантиникетон ждал его внимания. 26 сентября, после пятилетнего отсутствия, в Шантиникетон вернулся Пирсон. С ним приехал Леонард Элмхерст, молодой англичанин, которого Тагор встречал в Нью-Йорке. Он принял приглашение Тагора организовать Центр сельскохозяйственной реконструкции в Шриникетоне. Он привез соответствующие фонды для этой цели, полученные благодаря великодушию Дороти Стрейт. Через нее Америка наконец-то щедро откликнулась на призыв Тагора. Вскоре приехал французский ученый Сильвэн Леви, первый профессор, приглашенный для чтения курса лекций в Вишвабхарати.

23 декабря 1921 года состоялось официальное открытие Вишвабхарати. Тагор принес в дар университету авторское право на доходы со всех своих книг на бенгальском языке.

Среди всех этих событий Тагор продолжал размышлять о политических явлениях в стране, пока подсознательное биение мысли не нашло своего выражения в символической пьесе, которую он написал в начале января 1922 года. Пьеса, которая в известном смысле представляет собой благородную дань уважения личности Ганди и его кампании ненасилия, названа "Муктодхара" ("Освобожденный поток").

Автор вновь вводит в этой пьесе замечательный тип аскета

Джоноджоя, прототипа Махатмы Ганди, который впервые появился в его драме "Искупление", увидевшей свет в 1909 году. В обеих пьесах Джоноджой призывает подчиненный народ бесстрашно сопротивляться несправедливым требованиям правителя, не прибегая к насилию. "Как только вы поднимете голову и скажете: "это не больно", — корни насилия будут отсечены... Ничто не может задеть ваше истинное мужество, ибо это пламя сильнее огня. Лишь животное, которое есть только плоть, чувствует удары и скулит". Пожалуй, ни одна другая пьеса Тагора не выражает его политические убеждения с такой, прямоотой и силой. С формальной стороны драма не перегружена второстепенными лицами или посторонними происшествиями, хотя в ней дана широкая панорама жизни, ибо истинная сцена, по Тагору, это весь мир. На мрачном фоне возвышающейся угрозы, символизируемой Машиной, с дьявольским мастерством созданной руками людей, идут и идут процессии мужчин и женщин, тиранов и доносчиков, идеалистов и глупцов, мятежников и их раболепных приспешников, и многочисленная безликая толпа народа, с ее причудливым юмором и простой мудростью. Именно эти прохожие и зрители, а не главные герои действуют на сцене большую часть времени.

Эта замечательная пьеса так и не была поставлена. Автор читал ее группе друзей в Калькутте в январе 1922 года и позже готовился к ее постановке, но прежде чем пьеса увидела сцену, в марте пришло известие об аресте Махатмы Ганди. Он был приговорен к строгому тюремному заключению на шесть лет. Постановка пьесы была приостановлена и никогда не возобновлялась.

12. Мир новый и старый

Мечта Тагора сделать Шантиникетон местом, куда будут стекаться родственные души из разных частей света, воплощалась в жизнь. Задуманный как отшельнический приют, он постепенно становился похожим на разноязыкий улей. Кроме трех замечательных английских ученых: Эндрюса, Пирсона и Элмхерста, здесь обосновался француз Сильвэн Леви с женой. Вслед за ним прибыл не менее известный востоковед Мориц Винтерниц из Германского университета в Праге, затем профессор Винценц Лесны из Карлова университета. Трудно, однако, сказать, чего больше производил этот разномастный улей — меда или жужжания. Но как бы то ни было, в Шантиникетоне царила атмосфера энтузиазма; Тагор очень тонко чувствовал этот дух и придавал ему большое значение. Деятельность собравшихся здесь ученых во многом была новаторской, плодами ее предстояло воспользоваться не только Вишвабхарати, но и другим университетам.

Этого оказалось достаточно для поэта, чтобы вообразить, будто весь мир становится единым целым, и теперь Тагору предстояло лишь больше ездить по свету, чтобы окончательно утвердить свой идеал в сердцах людей. Трудно представить себе более грандиозную иллюзию, чем сознание того, что ты залечиваешь раны всего мира, и Тагор оказался не первым и не последним из великих людей, кто не устоял перед ее магической притягательностью. К тому же нет никакого сомнения в том, что и его родная страна, и остальной мир очень многое приобрели от его миссионерского рвения, и этого нельзя недооценивать. Тагор был одним из самых искренних борцов за взаимопонимание между народами и гуманизм; он пытался добиться в моральном плане того, чего в политическом добивались Лига Наций и сменившая ее Организация Объединенных Наций. Он рисковал сделаться непопулярным у себя на родине и терпел за свою веру в единый мир насмешки и оскорбления задолго до того, как эта вера стал модной по всей Земле.

Он жертвовал гораздо большим — рисковал остановиться в своем творческом и духовном развитии. Никогда ему уже не пережить состояния беззаветной и всепоглощающей преданности своей Музе, любовного и внимательного наблюдения за, казалось бы, обыденными явлениями жизни и природы, безыскусной скромности тростника, ожидающего, "когда он наполнится музыкой". Поэт сдавал позиции перед пророком, певец перед

проповедником. "Бесконечная сила, заключенная в песне", расплылась в бесконечных проповедях, произнесенных по всему миру. Иногда задают вопрос: а если бы Тагор провел последние годы своей жизни, как и начало ее, в уединении, если бы он не получил Нобелевской премии, если бы он не основал Вишвабхарати, то, быть может, он стал бы еще более великим поэтом и более великим человеком (понимая величие как духовную и интеллектуальную цельность)?.. Однако "если" — бессмысленное слово. Как гласит одна мудрая французская поговорка: "с помощью "если" можно Париж запихнуть в бутылку".

Однако считать, что Тагор перестал творить, тоже неверно. До последнего дня своего он не прекращал писать, перед ним постоянно открывались все новые, неизведанные высоты творчества. Даже в самые "непроизводительные" периоды своей жизни он создавал столько, что иному хватило бы, чтобы прослыть знаменитым писателем. Правда, трудно не признать, что в его последних творениях чего-то не хватает, чего-то такого, что достигается лишь всепоглощающей преданностью искусству, бесконечной жаждой совершенства, хотя это что-то и трудно определить и выразить словами. Постоянные разъезды, публичные выступления, бесконечная борьба в защиту новых взглядов, кампании по сбору средств для Вишвабхарати — все это занятия, отнюдь не способствовавшие созерцательному или творческому настроению. Он не имел больше возможности уделять должное внимание детям, зато продолжал писать для них песни и пьесы, организовывал музыкально-танцевальные праздники. Он написал несколько прекрасных пьес, его праздники-фестивали прочно вошли в культурное наследие нации (можно только удивляться, как много смог сделать один человек для своего народа). Однако качество неизбежно страдало. Он писал для аудитории, слишком горячо воспринимавшей все, что выходило из-под его пера. Постепенно его окружила свита почитателей, многие из которых мало чем отличались от придворных льстецов и подхалимов. Они стали прочной стеной, отделившей Тагора от реального мира. Такой опасности вынуждены противостоять знаменитости во всех странах, однако нигде она не становится столь фатальной, как в Индии, традиционно славящейся неистовством обожателей. Развенчивающие идолов сами становятся идолами. Даже Ганди, который был так беспощаден к себе и не терпел малейшего проявления неестественности в своей личной жизни, не смог полностью избежать действия коварного яда прилипших к нему паразитов.

Искренний друг поэта Ротенстайн чувствовал эту опасность и с грустью писал в дневнике: "Ни с кем мне не бывало так приятно общаться,

как с Тагором: однако среди его учеников я чувствую себя неловко; легковесный идеализм похож на сезаннизм или уистлеризм^[95] — нет, подальше от этих складно говорящих людей, подальше от тех, у кого на лбу написано льстивое духовное ханжество! Эти специалисты по идеализму вызывают во мне такое же чувство неловкости, какое бывает у меня среди всех, кто не исповедует, а проповедует. Я всегда восхищаюсь терпением Тагора по отношению к этим людям, которые своей лестью разлагают его творческую цельность, как это произошло с Роденом. Дега, Фантен, Моне и Ренуар закрывали двери своего дома перед такими полулюдьми, паразитами и резонерами. Я могу себе представить дом Толстого, зараженный ими, и отчаяние его жены".

Не все, однако, понимали ситуацию так, как Ротенштайн. Многие — и среди них люди искусства, интуиция которых могла бы быть более верной, — неправильно понимали Тагора, ошибочно принимая внешнее проявление за самого человека. Типичной в этом смысле была оценка Джекоба Эпстайна,^[96] сохранившаяся в его воспоминаниях.

"Я тот, кто живет среди самых бедных, среди одиноких, среди заблудших". Эта цитата из "Гитанджали" странно противоречила всему виду моего собеседника, чей благородный, властный облик вызывал у его последователей благоговейный трепет и робкую покорность.

Он позировал в молчании, и я работал в полную силу. Однажды к нему пришли две американки, и я хорошо помню, как они выходили от него — спиной вперед, вскинув руки в знак божественного почитания. Обычно по окончании сеанса два или три ученика, ожидавших в коридоре, отвозили его обратно в гостиницу. Он не носил с собой денег, и его сопровождали почти как святого...

У Тагора были отстраненные, полные достоинства и холодности манеры, и если ему требовалось что-нибудь, он бросал своим ученикам лишь одно слово.

Кто-то заметил, что его бюст, выполненный мной, опирается на бороду; это была неосознанная дань символизму".^[97]

В этот период Тагор проводил столько же времени за пределами Шантиникетона, сколько и в его стенах. Сценой для него стал весь мир, а Шантиникетон служил идеальным репетиционным залом. Интернациональный Дух школы и университета был подчеркнут студентами и преподавателями во время празднования трехсотлетия Мольера в феврале 1922 года. В июле Тагор председательствовал на праздновании столетия со дня рождения Шелли в Калькутте. В августе и

сентябре на калькуттской сцене состоялись премьеры его новых музыкальных драм: "Праздник дождя" и "Праздник осени". Эти сочинения, представляющие собой своеобразный сплав поэзии, драмы, музыки и танца, созданы для народных праздников, посвященных временам года, и наполнены свежестью чистого воздуха и безыскусной радостью жизни. Их композиция не укладывается ни в одну из известных схем, в них привольно сосуществуют народная и классическая традиции, философия и легкомыслие, религиозный мистицизм и злободневный комментарий к текущим событиям.

В сентябре 1922 года Тагор предпринял большое путешествие по западной и южной Индии. Он посетил Бомбей, Пуну, Мадрас и целый ряд крупных городов на юге, побывал даже на Цейлоне. Повсюду его встречали шумно и празднично, огромные толпы людей собирались на его публичные выступления. На обратном пути он вновь посетил *ашрам* Ганди на реке Сабармати в Ахмадабаде. Махатма находился в это время в тюрьме, и Тагор в своем обращении к студентам и обитателям *ашрама* подробно остановился на "истинном значении самопожертвования Ганди". Это его скромное, неброское выступление преисполнено чувства глубокого уважения к личности Махатмы. Проведя два месяца в Шантиникетоне, он вновь предпринял путешествие, на этот раз по северной и западной Индии. На западе он посетил Карачи и Порбан-дар, родину Ганди в Катъяваре. Вернувшись в Шантиникетон в апреле, он вскоре опять уезжает оттуда в Шиллонг, чтобы провести лето в этом уютном горном местечке в Асаме. Для творчества ему был нужен только покой, и, приехав в Шиллонг, он начал писать замечательную пьесу, названную им "Рокто-Короби", позднее переведенную на английский язык и опубликованную под названием "Красные олеандры" в 1925 году.

В этой пьесе, как и в предшествующей ей "Муктодхара", выражена всевозрастающая тревога за судьбы современной цивилизации. Если в более ранней пьесе речь идет о чудовищном использовании для колониальной эксплуатации достижений техники, выраженных символическим образом Машины, то последняя пьеса воспекает свободный жизненный дух в борьбе против еще более страшной Машины высоко организованного и механизированного общества, которое превращает людей в роботов. Тема этой пьесы — извечная борьба между личностью и государством, между свободолюбивыми порывами и силами принуждения, между всесторонне развитым умом и холодной расчетливостью, достигшей зловещих пропорций с развитием "научной техники". Стиль пьесы характерный тагоровский, полуреалистический, полуаллегорический.

Пьеса, начатая в Шиллонге, была закончена во время поездки Тагора по западной Индии осенью 1923 года. Элмхерст, сопровождавший его в этой поездке, вспоминал: "Во время путешествия он каждый день проводил все свои свободные часы за чтением или обдумыванием новой пьесы, которую тогда писал. Когда мы приехали в княжество Лимбди, он начал с грустью жаловаться на то, что дошел уже до последней сцены последнего акта своей новой пьесы и что, проведя столько времени в близости с героями своего сочинения, он не может примириться с мыслью об окончании пьесы и о прощании с ее персонажами".

Сам Тагор так говорил об идее своей пьесы: "Нондини (героиня пьесы) — дыхание жизни, дух радости жизни. Вместе с Ронджоном, духом радости труда, они воплощают дух любви. Любовь в согласии, согласие в любви — вот гармония, перед которой эгоистическая алчность рассыпается в прах, как от волшебства".

Труднее всего при создании портрета Тагора — показать его как художника. Он обычно отвергал всякую мысль о сознательном постижении природы, творчества, того бурлящего родника энергии, который в течение всей его жизни изливался в виде стихов, музыки, песен, драм или картин. Поэт знал, что сопротивляться этой силе невозможно, невозможно препятствовать источнику свободно клокотать, иначе это приведет к роковым изменениям в самом его существе. Когда на него снисходило вдохновение, он не терпел никаких помех. Я сам наблюдал, как он, напевая что-то про себя в ванной, вдруг звал своего Вономали, "брильянт среди слуг", и говорил: "Пойди сейчас же за Дину Бабу^[98] и скажи, чтоб стоял у дверей моей ванной и был готов записывать слова и мелодию новой песни".

Тагором владел энтузиазм посланца-пилигрима. Не удовольствовавшись поездкой по родной стране, он думал теперь о путешествии в Китай. Почти тысячу лет прошло с тех пор, как последняя группа буддийских монахов отправилась в эту страну с посланием сострадания и мира. Тагору хотелось восстановить древние культурные связи между двумя странами, порванные уже так давно. У Индии никогда не было и, по-видимому, никогда больше не будет такого благородного и выдающегося посла по особым поручениям. Он получил приглашение от председателя Ассоциации университета Китая Лянь Чичао, выдающегося ученого, члена блестящей группы революционных реформаторов, которая обеспечила установление республики.

Тагора еще мало знали в Китае, распускались злобные слухи о том, что он реакционер и консерватор, враг западной цивилизации, выступающий против научного мышления и материального прогресса. Китайская

молодежь, которая лишь недавно открыла для себя достижения западной цивилизации и была полна надежды превзойти Японию в темпах материального прогресса, сначала неодобрительно восприняла приезд Тагора в страну и даже попыталась организовать бойкот его выступлений. Элмхерст, сопровождавший Тагора в этой поездке, вспоминает: "Только после того, как мы встретились с преподавателями в Пекине, китайская прогрессивная общественность поняла, как много общего было в их взглядах со взглядами Тагора. Так же как в свое время Данте и Чосер, Тагор и Ху Ши были полны решимости использовать разговорный язык своих народов в качестве обычного средства литературного выражения вместо классического диалекта, доступного лишь небольшой группе образованных людей".

Лекции Тагора в Китае, чаще всего импровизированные, показывают, с каким пониманием и симпатией отнесся он к образу мыслей китайского народа. Он говорил человечно, дружелюбно, делился личными воспоминаниями и наблюдениями и, как обычно, прямо и откровенно высказывался против войны, международного соперничества и слепого почитания материального прогресса. Он быстро завоевал расположение прогрессивной интеллигенции. "Веками, — напомнил он им, — вы принимали коммерсантов, военных и других посланцев, но до сегодняшнего дня вам никогда не приходило в голову пригласить поэта. Не великое ли это событие? Дело не в вашем признании моей личности, а в почестях, которые вы оказываете весне новой эры. Поэтому не ждите от меня особого послания. Послания носят голуби; в военное время они ценятся не за красоту их полета, а за то, что они помогают убивать людей. Не пользуйтесь поэтами для передачи посланий. Позвольте мне лучше разделить с вами ваши надежды на победу жизни на этой земле, и я присоединюсь к вашей радости, когда придет пора итогов. Я не философ, поэтому оставьте для меня место в ваших сердцах, а не на трибуне. Сейчас, когда я рядом с вами, я хочу завоевать ваши сердца, поделившись верой в великое будущее вашей страны, в будущее всей Азии, когда ваша страна поднимется и выразит свой великий дух".

Но ожидать от Тагора, что он удержится от своего послания, все равно что ожидать от солнца, что оно будет греть и не светить. Вся его жизнь сама была посланием, которое можно свести к следующим словам: берите от Запада все лучшее, что он дает, но не подражайте ему, так как это смертельно. Рабиндранат призывал молодежь: "Я вновь повторяю, что мы должны принимать правду, когда она исходит от Запада, и без колебаний воздавать ей дань восхищения. Если мы не будем принимать ее, наша

цивилизация останется неполноценной, она не сможет двигаться вперед. Наука дает нам мощь разума, обогащает нас активным сознанием ценности наших идеалов. Нам недоставало ее, чтобы выйти из темноты мертвых привычек. Поэтому мы с благодарностью должны относиться к живым идеям Запада, а не способствовать воспитанию ненависти к ним. Кроме того, люди западных стран также нуждаются в нашей помощи, так как наши судьбы слились теперь воедино. Сегодня ни одна нация не может следовать по пути прогресса, если другие страны остаются в стороне от этого пути. Давайте попытаемся завоевать сердце Запада с помощью всего лучшего и благородного, что есть в нас, давайте думать о нем и общаться с ним не с жадной мести или презрением, а с чувством доброй воли и взаимопонимания, в духе взаимного уважения".

Однако поэт предостерегал от ослепления преходящим зрелищем мощи и богатства, приобретенных путем насилия и эксплуатации: "Нации, делавшие на это ставку, либо погибли уже, либо в наши дни возвращаются к варварству. К расцвету и реальному прогрессу цивилизации ведут сотрудничество и любовь, взаимное доверие и взаимная помощь..." На своем долгом пути — напоминал Тагор — общество находит опору в духовных ценностях, которые время от времени меняются, но остаются тем не менее духовными. Может показаться, что зло побеждает, но это ненадолго. И он цитировал свое любимое санскритское стихотворение:

*Нечестным путем люди
Добиваются благополучия;
Нечестным путем люди
Добиваются побед над своими врагами;
Нечестным путем люди
Добиваются исполнения своих желаний;
Но гибнет их самый корень.*

Тагор с болью видел, что отношение молодого поколения к Японии искажено чувством страха и ненависти к токийской военной машине, и, по словам Элмхерста, "он не переставал говорить им: "Вы не узнаете настоящую Японию до тех пор, пока не увидите, как работают ее художники, пока не посмотрите пьесы и танцы театра Но, не побываете на праздничных церемониях и не увидите, как тысячи фабричных рабочих в Кобе проводят две трети обеденного перерыва, гуляя по прекрасному саду и любуясь красотами природы, а затем снова встают к своим станкам". Как

прямой результат этого призыва, три известных китайских преподавателя поехали с нами в Японию и по возвращении устроили в Пекине выставку древнего и современного искусства и ремесла, экспонаты которой подарили им наши японские друзья".

Поэт вернулся в Индию во второй половине июля через Японию, где он провел около шести недель и прочитал несколько лекций. И результатом его визита в Китай и Японию стала первая в истории Азии сознательная попытка выразить идею азиатского единства путем создания в Шанхае, в сентябре того же года Азиатской ассоциации. Сообщая об этом событии, бостонская газета "Крисчен сайенс монитор" писала: "Оформляется мощное движение за установление всеазиатского согласия на основе общей культуры азиатских наций... Этому способствовали антияпонские законодательные меры, принятые недавно в США, и недавний визит на Дальний Восток Рабиндраната Тагора, который проповедовал доктрину противопоставления восточного идеализма западному материализму. Новое сознание выражается в создании в крупных городах Азиатских ассоциаций, первая из них учреждена в Шанхае. На ее открытии присутствовали представители всех стран Азии. Вдохновителем движения признается Тагор, учением которого пронизаны все опубликованные заявления".

Проведя дома менее двух месяцев, поэт вновь отправляется в путь, на этот раз на другой конец света. Поводом послужило приглашение из республики Перу по случаю столетия провозглашения независимости. Снова отправляется он в путешествие в Новый Свет, и снова в сопровождении Элмхерста. Накануне отъезда он получил письмо от одной бенгальской девушки, которая просила его вести дневник путешествия. Эта скромная просьба, в сущности, незнакомого человека задела какую-то струну в душе поэта, он не только завел дневник, но и почувствовал новый прилив творческих сил. Самое первое его стихотворение, написанное сразу после отъезда из Индии, очень показательно. Сердце поэта все еще остается молодым, и никакое одеяние пророка не в состоянии скрыть под собой влюбленного человека. Перевод стихотворения, приведенный ниже, конечно, не передает того запоминающегося ритма, который свойствен оригиналу:

*Тиха и бессонна ночь. Ты склонила голову,
из глаз текут слезы. Ты ласково поцеловала мне руку
и сказала: "Если ты уйдешь, мой мир превратится
в пустыню, и лишь бесплодное стенание будет*

*звучать в бесконечной пустоте. Этот одинокий
груз немого горя смертельнее, чем сама смерть".*

*А я прижал твое лицо к груди и прошептал:
"Если ты уйдешь, жгучая боль разлуки
расколет мое небо вспышками молний, и это сердце,
познавшее утрату, и эти глаза, лишенные тебя,
погрузятся в печаль.*

*Но как бы далеко ты ни ушла, любимая,
ты найдешь дорогу назад, в самые сокровенные
глубины моего сердца, которым ты владеешь".*

*Ясное семизвездие слушало наши тихие клятвы,
и наши слова разносились над зарослями тубероз.
Потом неслышными шагами подкралась смерть
и унесла тебя туда, где тебя уже не услышать,
не увидать и не коснуться. Но эта пустота — не пустота.
В ней жгучие угли боли, и из этого жара я создал
мир моих мечтаний в песнях, сиянных светом.*

Во время переезда через Атлантический океан Тагор внезапно заболел, и ему пришлось сойти с корабля в Буэнос-Айресе, где врач-кардиолог прописал ему абсолютный покой. В это время он получил письма от Ромена Роллана и Эндрюса, в которых они просили его "остерегаться возможных опасностей и политических осложнений в Перу". Тагор не знал ни души в Буэнос-Айресе, но, к счастью, очаровательная и талантливая Виктория Окампо одарила его своим гостеприимством, и Тагор с радостью воспользовался убежищем, предоставленным ему в уютной уединенной вилле в Сан-Исидро на берегу Ла-Платы. По совету врачей визит в Перу пришлось отменить. Тагор не жалел об этом, так как в этой поездке поэт поборол в нем пророка, и он вновь с радостью смотрел на реку, чувствовал себя счастливым от общения с очаровательной хозяйкой дома.

Тагор вновь обретал состояние творческого счастья. Об этом свидетельствуют его стихи, написанные в Сан-Исидро, — нежные и изысканные. Тагор опубликовал их в 1925 году под многозначительным названием "Пуроби" — так называется прекрасная вечерняя тональность в индийской классической музыке. Книга посвящена женщине по имени

Виджайя (санскритский аналог Виктории, Победы); так Тагор обычно обращался к хозяйке дома. "Посылаю Вам, — писал он ей из Калькутты, отправляя экземпляр книги, — книгу бенгальских стихов, которую я хотел бы передать Вам лично в руки. Я посвятил ее Вам, несмотря на то, что Вы никогда не сможете узнать, что в ней написано. Многие стихи этой книги я написал, когда жил в Сан-Исидро... Я надеюсь, что эта книга будет с Вами дольше, чем посчастливилось ее автору". Тагор писал об этих стихах, что они "самые лучшие в своем роде, они лелеют воспоминание об ушедших солнечных днях и нежной заботе, это беженцы, ставшие пленниками".

Виктория Окампо рассказывает случай, проливающий свет на то, почему поздние английские переводы стихов Тагора, сделанные им самим, оказались немногим лучше простого изложения содержания или даже искаженного пересказа: "Тагор сомневался, но крайней мере иногда, в способности уроженцев Запада понимать мысли людей Востока. Я вспоминаю, как однажды к вечеру — в это время мы были в усадьбе Чападмалал, — он писал стихотворение. Я вошла в его комнату как раз в тот момент, когда он заканчивал его... "Пора пить чай, — сказала я, — но прежде, чем мы спустимся вниз, переведите мне, пожалуйста, это стихотворение". Наклонившись над лежащими перед ним листами, я видела, не умея расшифровать их, тонкие, загадочные сплетения бенгальских букв, похожие на птичьи следы на песке. Тагор взял один лист и начал переводить, дословно, как сказал он мне. То, что он читал, иногда спотыкаясь, было для меня подобно просветлению. Это было как чудо, позволившее мне наконец непосредственно прикоснуться к материалу написанного, без перчаток на руках, которые всегда чувствуешь, читая переводы. Без перчаток, которые притупляют наше чувство осязания и не дают нам ухватить слова с чувствительностью голых рук. Сколь же велики были эти слова, из которых только поэт может построить непрочный мост между неощутимой реальностью поэзии и осязаемой нереальностью нашей прозаичной повседневной жизни!

Я попросила Тагора записать английский перевод стихотворения. На следующий день он вручил мне листок, исписанный его прекрасным почерком. Я прочла стихотворение в его присутствии и не смогла скрыть моего разочарования. Я упрекнула его: "Почему здесь нет того, что вы читали мне вчера? Почему вы выбросили то, что было центром, сердцем стихотворения?" Он ответил, что посчитал все это неинтересным для западных людей. У меня кровь прилила к щекам, как будто мне дали пощечину. Тагор ответил так, конечно, потому, что был уверен в своей правоте, не думая обидеть меня. С горячностью, какую я редко позволяла

себе с ним (хотя по природе я вспыльчива), я сказала, что на этот раз он очень глубоко ошибся".

Шестнадцать лет спустя, незадолго до смерти, память о тех днях вновь ожила в сердце Тагора, и поэт, уже старый, больной и ожидающий конца, написал в одном из самых последних стихотворений: "Как я жажду еще раз побывать в той далекой стране, где меня ждет послание любви! Вчерашние мечты прилетят назад и, плавно взмахивая крыльями, вновь сошьют свое гнездо. Я не понимал ее языка, но то, что говорили ее глаза, будет всегда отзываться болью в моем сердце".

4 января 1925 года поэт вместе со своим спутником Элмхерстом простились с хозяйкой дома и покинули Буэнос-Айрес.^[99] В письме, которое Тагор послал Виктории Окампо несколько дней спустя с итальянского корабля "Юлий Цезарь", он объяснял, почему он больше не мог оставаться с ней. "Вы часто видели, что я скучал; не столько по Индии, сколько по той неизменной реальности во мне, в которой я нахожу мою внутреннюю свободу. Она полностью теряется, когда по той или иной причине мое внимание слишком сосредоточивается на моем собственном я. Мой настоящий дом там, где от окружающих мне людей исходит призыв показать все лучшее, что есть во мне, так как лишь в этом могу я почувствовать свою связь со вселенной. В моей душе должно быть гнездо, в которое свободно может опуститься голос неба, неба, которое не имеет других соблазнов, кроме света и свободы. Как только появляется малейший признак гнезда, становящегося ревнивым соперником неба, мою душу, как перелетную птицу, тянет в полет к дальним берегам. Когда я не могу свободно идти к свету, я чувствую тяжесть какой-то маски на лице, подобной тяжелому туману, скрывающему утро. Я не вижу себя самого, и эта темнота, как кошмар, душит меня своей давящей пустотой. Я часто говорил Вам, что не располагаю свободой отказаться от моей свободы, потому что на нее предъявляет свои права мой Господин. Иногда я забывал об этом и позволял себе быть заключенным в приятные путы. Но каждый раз все кончалось катастрофой, и яростная сила выталкивала меня через разрушенные стены на простор".

Любой великий художник, любая великая натура одиноки по своей природе. Тагор признавался в письме Элмхерсту: "Вокруг моей души бесконечное пространство одиночества, через которое голос моей внутренней жизни не может долететь до моих друзей, и от этого я страдаю больше, чем они. Я чувствую тоску по моему внутреннему миру столь же сильно, как и любой другой смертный, а может быть даже сильнее".

Он торопился домой еще и потому, что чувствовал свою вину за то, что

предавался счастливой, приятной жизни в то время, когда в нем нуждалась его страна. Но когда поэт добрался до родной земли, он понял, что этот миг счастья разбудил его творческие силы, что в конечном счете он принес людям больше добра своим творчеством, чем всякой прочей деятельностью. Об этом чувстве он прекрасно говорил в письме Виктории Окампо из Шантиникетона в августе того же года: "В Вашем письме Вы сожалеете о том, что я не смог остаться в этом прекрасном доме на берегу реки до конца лета. Вы даже не знаете, как часто я сам жалею об этом. Какое-то влечение долга вырвало меня из этого милого уголка, вдохновлявшего меня лишь на, казалось бы, пустую праздность; однако сегодня я открываю для себя, что во время моего пребывания у Вас моя корзина ежедневно наполнялась скромными цветами стихов, расцветающих в сени безделья. Уверяю Вас, большинство из них сохранят свежесть и после того, как мучительно выстроенные башни моих благотворительных деяний будут давно преданы забвению".

Через несколько дней после возвращения Тагора на родину умер его старший брат Джотириन्द्रонат. Потеря брата, который был ему другом, наставником и учителем в начале его литературной жизни, должно быть, глубоко потрясла его, хотя он и скрывал эти чувства. Он пережил столько утрат, что смерть перестала быть для него чужой. "Через смерть и скорбь, — каждый раз повторял он, — утверждается мир в сердце вечности".

В мае того же (1925) года его посетил в Шантиникетоне Махатма Ганди, чтобы еще раз попытаться убедить поэта в том, что путь к независимости страны лежит через "чаркху" (прялку) и "кхади" (самодельную ткань). Тагор, как обычно, принял его с большой сердечностью и уважением. Однако и на этот раз миссия не увенчалась успехом. Тагора не удалось убедить в том, что "чаркха" может стать чем-то большим, нежели одним из многих необходимых деревенских ремесел. Позднее он объяснил и развил свой взгляд в статье "Культ чаркхи", опубликованной в "Модерн ревью".

В статье трезво и мудро защищается рациональный, разумный подход к причинам мучительной нищеты миллионов индийцев. Только упорный труд, совместные усилия и разумное применение научной технологии, а не механически ритуальное вращение примитивной прялки, могут победить голод, писал Тагор. "Если культивирование науки в Европе и имеет какой-либо моральный смысл, то он заключается в освобождении человека от жестокости природы — не в превращении человека в машину, а в использовании машины для обуздания сил природы на пользу человеку. Ясно одно, мы не сможем преодолеть всеохватывающую бедность, тяжким

грузом лежащую на нашей стране, работая только руками и игнорируя науку. Не может быть работы более недостойной, тяжелой и ненужной, чем работа, основанная только на действии и не использующая знание".

Сегодня такие идеи принимаются как сами собой разумеющиеся. Все пятилетние планы индийского правительства основаны именно на такой программе, а не на слепой вере в мифическую силу *чаркхи*. Но в то время, когда писал Тагор, его голос был гласом вопиющего в пустыне, его осыпали бранью за самоуверенное поправление того, что казалось непреложной истиной. Как заметил однажды Тагор, "даже когда руки уже через силу крутят прялку, уста все еще продолжают источать ей хвалу".

В своем еженедельнике "Янг Индия" Махатма выступил с резким возражением под заголовком "Поэт и чаркха". Тагор написал ему личное письмо со словами: "...даже если Вы глубоко ранили меня, защищая то, что Вы считаете истиной, наши личные отношения, основанные на взаимном уважении, выдержат это испытание". Этому заверению Тагор следовал до конца, и глубочайшее духовное родство, связывающее Махатму и Поэта, пересилило многочисленные различия в их взглядах и характерах. Двадцать лет спустя, когда Махатма в последний раз приехал в Шантиникетон через четыре года после смерти Тагора, он сказал: "Я начал с того, что стремился найти противоречие между мной и Гурудевом, а закончил замечательным открытием, что такового не было". Замечательное открытие было взаимным.

Несмотря на занятость Тагора многочисленными публичными выступлениями и диспутами, литературная плодовитость его не уменьшалась. Кроме многих новых стихотворений и песен, удивительных по своей свежести и силе, он переделал для сцены свою раннюю юмористическую пьесу "Клуб холостяков", поставленную в профессиональном театре "Стар" в Калькутте. Тому, кто обвиняет Тагора в обилии мистического и символического в пьесах, стоит посмотреть эту постановку — одну из самых очаровательных и реалистических комедий, когда-либо созданных в мире. Он также переработал для постановки две свои ранние повести "Карма-пхал" ("Плод деятельности") "Шешер Ратри" ("Последняя ночь"). По просьбе графа Кейзерлинга он написал также статью на английском языке об идеалах индийского брака, включенную в "Книгу о браке" немецкого философа.

В 1925 году Тагор председательствовал на первом заседании Индийского философского конгресса в Калькутте, на котором он выступил с докладом о философском значении народных культур и древних народных верований Индии. Вслед за тем в начале следующего года он

едет в Лакнау на Всеиндийскую музыкальную конференцию. В разгар музыкального фестиваля пришло сообщение о смерти его брата Диджендроната, кроткого и дружелюбного философа-математика.

Одна за другой рвались связи с прошлым. Диджендронат был настоящим философом и даже к своим обширным философским познаниям и талантам относился философски, никогда не выпячивая ни то, ни другое. Он был Бородадой (старшим братом) не только для Рабиндраната, но и для всех, включая Ганди, который испытывал к нему огромную привязанность. К нему, как ни к кому другому, относятся слова, приписываемые Платоном Сократу: "На самом деле те, кто истинно занимается философией, учатся умирать; и из всех людей для них смерть наименее устрашающа".

По приглашению университета Дакки Тагор прочитал цикл лекций в этом университете, а также посетил ряд городов Восточной Бенгалии. Вернувшись в Шантиникетон, он написал прозаическую драму в четырех актах "Натир Пуджа" ("Поклонение танцовщицы"), основанную на древней буддийской легенде. Это одна из самых простых и захватывающих пьес Тагора, свободная от символических абстракций и интеллектуальных замысловатостей, которые придают некоторым другим его пьесам несколько вычурный характер.

13. Меж двух миров

Отчасти обольщенный приглашениями Муссолини, отчасти заинтересовавшись его личностью, Тагор в сопровождении сына и невестки 15 мая 1926 года отправился морем в Неаполь. (Позднее к ним присоединился П.С. Махаланобис с женой). Как он сам сказал об этой поездке, "для меня это возможность узнать все самому, вместо того чтобы критиковать издалека".

В Неаполе встретить Тагора приехал также и Элмхерст. "Но поняв, что мое присутствие совсем не одобрялось официальными итальянскими представителями, я объяснил Тагору, что для меня было бы лучше всего оставить его следовать его собственным планам. Он очень расстроился от моего предложения, но я на следующий день уехал домой". Тагор с сопровождающими специальным поездом отбыл в Рим.

7 июня римский губернатор устроил в столице публичный прием, на котором приветствовал поэта от имени Вечного города. На следующий день Тагор прочитал свою первую публичную лекцию "Значение искусства", на которой присутствовал Муссолини. Он был также принят королем Виктором-Эммануилом III и побывал на спектакле по своей пьесе "Читрангода", игравшемся на итальянском языке. Но самое сильное впечатление произвела на него встреча с философом Бенедетто Кроче, который в то время фактически находился под домашним арестом в Неаполе. Общие друзья взяли на себя смелость тайно привезти его в Рим, где 15 июня состоялась эта встреча. В тот же день Тагор поехал во Флоренцию, где Общество Леонардо да Винчи организовало публичный прием в его честь.

Совершая свою поездку по Италии, обставленную почти королевскими почестями, он не представлял себе, что подтасованные и искаженные варианты его речей и интервью занимали первые полосы итальянской прессы в поддержку фашистского режима. Только приехав на отдых в Швейцарию (откуда Ромен Роллан прислал ему настоящее приглашение), он узнал от Роллана, как его визит использовала итальянская пропаганда, в своих собственных интересах искажая его слова. Он встретился также с Жоржем Дюамелем, Дж. Д. Фрезером, Форелем, Бове, с другими деятелями науки и искусства, и все они поддержали Романа Роллана. Тагор был потрясен, он никак не мог совместить эти известия с тем, что сам совсем недавно видел "своими глазами". Он никогда не

доверял чужим мнениям, но в данном случае убедился, что его собственные впечатления основаны лишь на том, что ему показывали, у него не было возможности самому проверять факты. Свою обеспокоенность поэт выразил в письме к Элмхерсту, закончив его словами: "Если в Вашем распоряжении есть самолет, не могли бы Вы позволить мне нанять его? Я хочу сейчас же улететь в Утарайян,^[100] потому что июльские дождевые облака уже собрались над нашим ашрамом, и они спрашивают, куда девался поэт, который должен был встретить их своими благодарными песнями в обмен на музыку дождя".

Однако музыка человеческой лести оказалась приятней "музыки дождя", так как его триумфальная поездка по Европе продолжалась еще пять месяцев. Из Вильнева он поехал в Цюрих, где выступил с лекцией и читал свои стихи. Здесь он встретился с итальянскими эмигрантами, и они рассказали ему о фашистских зверствах, свидетелями которых были. Глубоко потрясенный всеми этими неоспоримыми свидетельствами, Тагор опубликовал в "Манчестер юнайтед" письмо, в котором объяснил свой визит в Италию и в недвусмысленных выражениях осудил фашизм. Это навлекло на него грубые нападки итальянской прессы.

После трехнедельного пребывания в Англии он посетил Осло, где выступил с публичными лекциями, был принят королем и познакомился с Нансеном, Бьорнсоном, Бойером и другими выдающимися писателями. После второго посещения Стокгольма, где он вновь встретился со Свенном Хедином, он поехал в Копенгаген и познакомился там с Георгом Брандесом и философом Хоффдингом. В поездке по Германии он также повсюду встречал горячий, восторженный прием. Его принял президент Гинденбург. С этого визита началась его дружба с Альбертом Эйнштейном. После недельного пребывания в Праге, где на чешском языке игралась его пьеса "Почта", он через Вену поехал в Будапешт. Там ему пришлось остановиться на отдых в одном из санаториев на озере Балатон, так как из-за утомления, которое он пережил в поездке, здоровье поэта пошатнулось. После людных приемов и лекций в Белграде, Софии, Бухаресте и Афинах, где греческое правительство наградило его орденом Спасителя, он посетил Каир. Заседавший в это время египетский парламент прервал свою работу в честь поэта, а король Фуад подарил Вишвабхарати коллекцию арабских книг. В декабре он вернулся на родную землю.

Казалось, вот наконец-то настало время для уединения и покоя в Шантиникетоне, к которому он так страстно стремился. В очаровательном стихотворении из "Пуроби" под названием "Аша" ("Надежда") он выразил свое томительное желание найти пристанище в уединенном уголке земли,

где бы не было "ни богатства, ни почестей, только немного любви". Однако когда одна сторона его гения расцветала "под сенью часов безделья", другая постоянно вела его на "мучительно выстроенные башни благотворительных деяний". Покой и слава редко уживаются друг с другом. Февраль был посвящен репетициям Драмы "Натир пуджа" ("Поклонение танцовщицы"), поставленной в Калькутте в конце месяца, причем в этом спектакле играл сам автор. А в марте он в очередной раз совершил поездку по западной Индии, в течение которой председательствовал на конференции по литературе хинди, созванной в княжестве Бхаратпур.

Лето он провел в уютном горном местечке Шиллонг в Ассаме, где начал писать свой знаменитый роман "Тин пуруш" ("Три поколения"). Он намеревался создать широкомасштабное произведение, что видно из названия, и начал его великолепно, в лучших традициях повествовательной прозы. Поэт, рассказчик и знаток психологии общества объединили свои усилия и достигли такого гармоничного мастерства, что некоторые критики назвали этот роман "лучшим из всех романов, написанных Тагором". Однако Тагор не был ни Толстым, ни Бальзаком, он не мог слишком долго находиться в мире своих же героев. Поэт, певец и просветитель поочередно брали верх в его внутреннем мире. Поэтому вместо задуманной саги-трилогии он написал историю только одного поколения и отказался от своей затеи. Роман появился в печати два года спустя под измененным названием "Джогаджог" ("В тенетах жизни").

Создавая этот роман, в котором говорится о моральной уязвимости материального успеха, Тагор сам без усталости искал новых, неизведанных сфер для приложения своих сил. Миссионерское рвение вновь оказалось сильнее творческого, и в июле 1927 года поэт отправился в свою девятую заграничную поездку, на этот раз по соседним странам Юго-Восточной Азии. Посетив Сингапур, Малакку, Куала-Лумпур, Тайпине, Пенанг, где его встречали овациями толпы людей, он морем отправился в Индонезию. По пути Тагор сочинил прекрасное большое стихотворение о Яве, которое он прочел (в английском переводе) на банкете, устроенном в его честь в Джакарте. На Яве среди прочих он встретился с Ахмедом Сукарно, тогда сравнительно мало кому известным молодым революционером. На Яве и Бали на Тагора произвели большое впечатление местные танцевально-драматические спектакли и другие культурные традиции, в которых он увидел близость к традициям своей страны.

Этот визит оказался очень плодотворным и способствовал восстановлению культурных связей, утраченных несколько веков назад. С тех пор между странами начался широкий обмен студентами. В

Шантиникетоне начало развиваться яванское искусство раскрашивания тканей восковыми красками, известное под названием *батик*, получившее затем распространение в других частях Индии. Глубокое впечатление, которое произвел на Тагора монументальный Боробудур,^[101] запечатлено в широко известном стихотворении. В целом посещение живописных индонезийских островов глубоко взволновало его красотой природы и людей этой страны, чувством радости от общения с родственной древней культурой. Отплывая от индонезийских островов, поэт написал еще одно прекрасное стихотворение, посвященное этому визиту, под названием "Сагарика" ("Опоясанная морями"). Посетив на короткое время Таиланд, где он также встретил горячий прием, и прочитав лекцию об образовании в Бангкокском университете, он в декабре вернулся в Индию, успев на ежегодные празднества в Шантиникетоне. В январе 1928 года из Праги вновь прибыл Винценц Лесны. Наверное, ни один иностранный ученый не приложил столько усилий для изучения сочинений Тагора в оригинале, на бенгальском языке, и не проник так глубоко в их дух, как этот выдающийся чешский индолог. Вскоре в Шантиникетон к Тагору приехала знаменитая певица Клара Батт, устроившая там два концерта. Вспоминая об этом посещении в своей автобиографии "Моя жизнь в песне", она писала: "В Индии я встретила с тремя из самых удивительных людей этой удивительной страны: миссис Энни Безант, Ганди и сэром Рабиндранатом Тагором. Последний уступил мне свою виллу, в которой он написал многие из удивительных стихотворений, стоящих в ряду великих классических произведений мировой литературы.

Я слышала иногда, как он пел, и однажды, когда он благодарил меня, послушав мое пение, я сказала: "Но вы ведь тоже певец, мне бы так хотелось послушать вас". Он извинился, сослался на полное отсутствие голоса, но наконец сказал: "Я получил такое удовольствие, слушая ваш удивительный голос, что, коли вы желаете, спою для вас".

Перед единственным слушателем, которым была я, и без всякого аккомпанеента, он спел две или три песни своего собственного сочинения. Редко я бывала взволнована чьим-нибудь пением так, как пением этого величавого и почитаемого поэта; он пел с утонченным чувством, и его голос, хотя и совершенно не поставленный, имел естественную серебряную мелодичность".

Получив приглашение прочитать лекции в Оксфордском университете, Тагор вновь собрался за границу, однако от путешествия пришлось отказаться из-за болезни, внезапно проявившейся по прибытии в Мадрас. После недельного отдыха в Адьяре, где он был гостем Энни Безант,

проведя еще несколько дней в мягком климате Кунура, он отплыл на Цейлон в надежде поправить там свое здоровье и все-таки отправиться оттуда в Англию. По дороге он остановился в Пондичерри, чтобы посетить философа-йога Ауробиндо Гхоша, с которым был хорошо знаком в дни молодости, когда занимался революционной политической деятельностью. Вспоминая о своих впечатлениях, поэт писал на борту французского корабля "Шантийи": "Много лет назад я встречал Ауробиндо в ореоле героизма его ранней политической борьбы и сказал: "Ауробиндо, прими приветствие Рабиндры". Сегодня я вновь увидел его в позе, выражающей спокойную мудрость, и повторил про себя: "Ауробиндо, прими приветствие Рабиндры".

Он провел десять дней в Коломбо, но, поскольку улучшения здоровья не последовало, оставил всякую надежду на поездку в Англию и вернулся на материк. Три недели он отдыхал в Бангалоре в гостях у своего старого друга, философа сэра Брэджендраната Сила, который был тогда вице-ректором Майсорского университета. Стоило ему отказаться от поездки, как беспокойство и раздражение покинули его. Вернулось давно забытое равновесие, а вместе с ним и творческое вдохновение. Во время своего короткого пребывания в Бангалоре он закончил роман "Джогаджог", о котором говорилось выше, и дописал еще один, начатый во время последней поездки в Коломбо, "Шешер кобита" ("Последняя поэма"). Этот роман, почти наполовину состоящий из стихов, очень любим бенгальскими читателями. Дух современности, игривый, ироничный тон, введение в действие самого Тагора в качестве мишени беспощадной критики со стороны героя романа, блестящее остроумие диалогов и финальная трагическая нота, звучащая в прекрасном завершающем стихотворении, которое дало название книге, — все это способствовало чрезвычайной популярности романа среди молодых читателей. В качестве примера своеобразия его стиля можно привести самообличительную речь, вложенную автором в уста своего героя, выступающего на литературном собрании:

"Главное возражение против Рабиндраната Тагора состоит в том, что этот господин, подражая Вордсворту, упрямо продолжает свою деятельность. Много раз посланец смерти призывал его потушить светильник, но даже тогда, когда старец встает со своего трона, он продолжает держаться за его ручки. Если он не хочет уходить по своей воле, наш долг — покинуть его двор. Тот, кто придет вслед за ним, также совершит триумфальное восхождение, будет метать громы и молнии, хвастливо утверждать, что его правлению не будет конца, что сами небеса

прикованы к его брэнному обиталищу. И опять почитатели будут прославлять и обожать его до тех пор, пока не пробьет час приносить жертву, когда они же станут требовать освобождения от пут поклонения. Так поклоняются четвероному богу в Африке. Так же можно поклоняться двустопному, трехстопному, четверстопному или пятистопному богу стихотворного размера. Никакое осквернение не может сравниться с профанацией почитания, ставшего избитым и затасканным... Культ литературной диктатуры быстро устареет. Второе мое возражение против Рабиндраната Тагора заключается в том, что его литературные творения округлы или волнисты, как и его почерк, навевающий мысли о розах, луне и женских лицах. Примитивно копировать созданное природой. От грядущего диктатора мы ждем произведений прямых и острых, как колючка, как стрела, как отточенное копье. Не цветов, а ударов молнии, невралгической боли... Поэты, которым не стыдно подавать голос в течение шестидесяти или семидесяти лет, обесценивают себя и должны за это поплатиться. В конце концов их стиль развывается по свету подражателями, которые их передразнивают и строят гримасы за их спиной. Их творчество теряет всякое художественное достоинство и, воруя понемногу из собственного прошлого, они превращаются наконец в обычных торговцев краденым..."

Роман завоевал популярность не только среди молодежи. Зрелые и разборчивые критики тоже приняли его Доброжелательно. "Последняя поэма", — утверждал профессор С. К. Банерджи, — роман, написанный с большим поэтическим напряжением и на более поэтическую тему, чем может быть, любой другой роман в истории мировой литературы". Доктор Шукумар Шен говорит о нем как о "любви истории, написанной так, чтобы покончить со всеми любовными историями", а Бхабани Бхаттачарья, сам автор многих романов, заявлял: "Красота чувств в нем не поддается описанию, как и красота его языка. Каждый отрывок из него — это уникальная, потрясающая поэма в прозе, — и просто поразительно, что такое свидетельство молодости духа могло выйти из-под пера писателя, живущего восьмой десяток лет. Тагору удалось внутренне переродиться заново, так что творческий гений его сочетает богатое изобилие юного духа и глубину миропонимания подлинного ясновидца". Сюжет романа очень прост. Герой представляет собой образец ультрасовременного бенгальского интеллектуала, оксфордское образование которого развило в нем комплекс превосходства, создало манию оригинальности. Однако его агрессивному самодовольству нанесен сильный удар: он случайно встречает, а затем влюбляется в совершенно отличный от него продукт современного

образования — умную девушку, способную на глубокие чувства. Ниспровергатель идолов становится пылким обожателем, но девушка понимает, что он влюблен не в нее, а в идеализированный ее образ, которому она никогда не сможет соответствовать. Чувствуя приближающуюся трагедию, она освобождает его от клятвы верности. Последнее стихотворение, которым она прощается со своим возлюбленным, — свидетельство глубины чувств, на которую она способна.

*Я все тебе дала! Из смертной глины
Сам изваяй богиню для себя
И в храме сердца поклоняйся ей.
Не оскверню твой храм, рукой не двину,
Слезинки я не уроню, скорбя,
Не заглушу напев священной вины
Печалью безысходною моей.
Все к лучшему, и ты разлуку нашу
Не смей оплакивать со мною, — обещаи!
Я вновь могу наполнить жизни чашу.
Мой друг, прощай!^[102]*

На склоне лет поэт вновь переживал в воображении свою романтическую юность. Его молодые современники, очарованные последним романом, умоляли его издать антологию своих любовных стихов и поместить в нее новые сочинения. Этого предложения оказалось достаточно, чтобы тлеющие угли вновь вспыхнули. Как он сам замечал с иронией, он уподобился автомобильному двигателю, который заводится с пол-оборота. Поэтому вместо составления антологии он написал целую книгу совершенно новых стихов, в основном о любви, — "Мохуа", по названию пахучего индийского цветка, из которого делают местное хмельное вино. Поэт всю свою жизнь был влюблен в любовь, в любовь обезличенную. В одном из ранних стихотворений он писал:

Она спросит: "Останутся ли жить твои песни?" И я отвечу: "Этого я не знаю, но знаю я, что часто в песне я обретал бессмертие".

Во время сезона дождей 1928 года Тагор ввел два новых сезонных праздника: Врикша-Ропана (Посадка деревьев) и Хала-Каршана (Вспашка) соответственно в Шантиникетоне и в Шриникетоне. Эти живописные праздники с их незатейливыми церемониями, сопровождавшимися музыкой, танцами и ведическими песнопениями, взывавшими к

жизненным силам природы и символизирующими ее непреходящую молодость, отмечают до сих пор и привлекают многочисленных зрителей из окрестных деревень и из Калькутты. Тагор был влюблен в лес, постоянно сетовал на безжалостное уничтожение лесов в сельской местности и хотел ввести в практику особый ритуал посадки деревьев. Это ему удалось. Ныне не только в Шантиникетоне, который когда-то был клочком выжженной земли, а теперь стал миниатюрным городом-садом, — по всей Индии посадка деревьев, введенная Тагором, превратилась в народный праздник, в ее организации принимают участие центральное правительство и правительства штатов.

Одна из самых характерных книг его стихов называется "Бонобани" ("Голос леса"). В ней собраны стихи о деревьях, кустарниках и цветах, а также о различных временах года. В целом книга представляет собой гимн природе и посвящается другу поэта, биологу Дж. К. Бошу, который доказывал, что растениям свойственны почти такие же жизненные реакции, как и людям. В одном из писем, написанных в молодые годы в плавучем доме на реке Падме, Тагор тоже описывает свое странное ощущение родства с землей: "Я чувствую, как будто смутные, далекие воспоминания возвращаются ко мне из тек времен, когда я был единым целым со всей остальной землей, когда на мне росла зеленая трава, на меня падали осенние листья, когда горячий аромат молодости исходил из каждой поры моего огромного, мягкого и зеленого тела при прикосновении ласковых солнечных лучей, и новая жизнь, светлая радость полусознательно испускалась и разливалась по свету из всей огромной глубины моего существа, безмолвно раскинувшегося под ясным голубым небом разными странами, морями и горами".

1928 год был по-настоящему плодотворным, и отчасти, быть может, потому, что по состоянию здоровья Тагор оставался на родной земле. Именно в этом году он приступил к первым своим опытам в совершенно новой и неожиданной для него области творческого выражения — в живописи. Его всегда тянуло к этому искусству, всегда бросал он на него вожделенные взгляды с тех пор, как маленьким мальчиком увидел, как рисовал его старший брат Джотириन्द्रонат, одаренный разнообразными талантами. Об этом своем тайном желании он рассказывает в "Воспоминаниях". "Я вспоминаю, как лежал вечерами на покрытом ковром полу с альбомом в руках и пытался рисовать — скорее играл в создание картин, чем упражнялся в изящных искусствах. Главным в этой игре было то, что сохранилось от нее в моей душе, и от чего ни следа не осталось на бумаге".

Позднее, когда в его племянниках Обониндронате и Гогонендронате обнаружили способности к живописи, он вдохновлял их на этом поприще и помогал находить то, что со временем стало называться современным течением в индийском искусстве. Сам же он почти не брал в руки кисть. Однако часто рисовал пером. Его рукописи содержат обширные и увлекательные свидетельства таких упражнений в рисовании, вплетенные в стихи.

Большинство этих упражнений связано с тем, что он называл "небрежностями в моих рукописях", то есть с исправлениями и зачеркиваниями, которые он не оставлял на листе в виде бессвязных помарок. Они казались ему "потерянными бродягами", неистово ищущими спутников и жалобно призывающими спасти их от горького положения изгнанников; поэтому он тем же пером объединял эти "одинокие несообразности" в причудливые или гротескные ритмические фигуры.

Теперь же он отдался новому занятию, упиваясь им как ребенок новой игрушкой. К счастью, он не имел достаточной выучки и амбиции, чтобы попытаться утвердить себя как художник, поэтому он рисовал, не подчиняясь никаким внешним ограничениям, не делая ничего показного. Единственное, что достойно сожаления в этой ситуации, это то, что, не принимая всерьез свое искусство, он рисовал на любых попадавшихся под руку листах бумаги, подчас самыми случайными инструментами и красками, из-за чего возможность сохранения этих картин становится теперь проблематичной. Рисовал он быстро и уверенно, чаще всего в перерывах между литературным трудом, каждую картину заканчивал в один прием и оставил после себя около 250 картин и рисунков, причем все они созданы в последние тринадцать лет его жизни. Это, несомненно, выдающийся результат, учитывая к тому же то обстоятельство, что в эти же годы он опубликовал более шестидесяти книг новых стихов и прозы.

Сам он называл свои картины "стихосложением в линиях" и признавался в одном из писем, что был "безнадежно опутан очарованием линий". Многие его рисунки, несомненно, отмечены ярко выраженным чувством ритма, однако в остальном трудно найти что-либо общее между его поэзией и живописью. Какое-то другое его "я", если и не более глубокое, то, во всяком случае, более открытое искало свое выражение в этом новом виде искусства. В литературе Тагор — сознательный художник, законченный мастер, в совершенстве владеющий своими инструментами и умениями, способный сказать то, что он хочет, и так, как он хочет. Поэтому то, что он говорит, непременно выверено, обдуманно, как и всякое большое искусство, и всегда прекрасно, иногда настолько прекрасно, что задаешь

себе вопрос, до какой степени это сказано Рабиндранатом, человеком из плоти и крови, и в какой мере его голосом говорит дух всей Индии. Он пишет, сознательно посвятив себя служению высшей воле. Рисуя же, он скорее похож на лунатика, уверенно шагающего, не глядя себе под ноги, влекомого неуправляемой силой. Гротеск, эксцентричность, жестокость, злоба — все то, отчего он тщательно очищал свои литературные произведения, проявляется в его рисунках. В них чувствуется игра не только Ариэля, но и Пэка и Калибана.^[103]

Он писал в одном из писем: "Моим картинам нельзя дать названий, так как на них не изображается никакой заранее задуманный сюжет. Внезапно какая-нибудь форма, истоки которой остаются для меня загадкой, срывается с кончика моего пера и обретает индивидуальность". Этот взрыв творческого неистовства, проявившийся в рисовании на уровне глубин подсознания, был столь же загадочен для него самого, как и для окружающих. "Что все это значит? — писал он. — Когда в книге моей жизни заканчиваются последние главы, властелину моей жизни заблагорассудилось предоставить мне эту невиданную возможность и средства, с помощью которых я мог сочинить эпилог". "Картины Тагора, — писала графиня де Ноай в 1930 году, когда в галерее Пигаль в Париже была устроена выставка его работ, — которые начинаются как проникновение духа в сон по призрачным, неуловимым спиралям, вырисовываются в самом процессе своего удивительного создания, и можно только удивляться мастерству, проявляющемуся во всем, вплоть до мельчайших деталей... Почему Тагор, великий мистик, внезапно, сам того не зная, выпустил на волю то, что в душе его издевается над миром, высмеивает его, а может быть, и презирает?"

Я люблю Вас и еще больше восхищаюсь Вами, Тагор, с тех пор, как Вы сделали нам такие богатые и в то же время жестокие признания; но смогу ли я когда-нибудь вновь обрести того великого чистого ангела, которым Вы были, когда Ваши неслышные шаги по гравийной дорожке сада вызвали во мне мысли о моих, может быть, вымышленных грехах и о Вашей возвышенной невинности?"

Не так изысканно, но более определенно писал в том же году выдающийся философ-искусствовед Ананда Кумарасвами. "Выставка рисунков Рабиндраната Тагора представляет исключительный интерес, так как на ней мы видим, практически впервые, настоящие образцы современного примитивистского искусства. Правомерно задать вопрос, как это воспримут те художники и критики, которые так долго выдвигали и расхваливали более расчетливые примитивизмы, архаизмы и

псевдоварваризмы европейского происхождения — восхитятся ли они действительно подлинным искусством? Это на самом деле оригинальный, на самом деле наивный способ выражения, уникальное свидетельство вечной молодости, сохранившейся в убеленном сединами и почитаемом человеке...

Поэт не давал описательных названий своим картинам — да и возможны ли они? Это не картины о вещах, а картины о нем самом. В этом смысле они, по-видимому, намного ближе к его музыке, чем к поэзии. В поэзии, по крайней мере в том, что касается ее содержания, он в первую очередь выступает не как изобретатель, а скорее как чуткий выразитель национальных традиций, поэтому его слова более взвешены и более выразительны, чем могут быть слова какого-либо индивидуального гения; поэзия ничего не открывает для нас в личности поэта, хотя и указывает на его общественную позицию. Живопись же — это очень интимное самовыражение, сравнимое с личной перепиской. Какую же разностороннюю и яркую личность она раскрывает... Стиль столь же разнообразен, как и темы... Средства всегда соответствуют цели; цель эта не искусство с большой буквы, не средство самовыражения, не урок, предназначенный для развития нашего ума, и не способ ухода от жизни самого художника, — это искусство без скрытых мотивов, абсолютно невинное, как сотворение мира".

1 марта 1929 года Тагор отплыл в Канаду по приглашению Национального совета по делам образования этой страны.

Затем последовали приглашения от нескольких американских университетов, и поэт вновь решился на поездку по Соединенным Штатам, несмотря на горький опыт, приобретенный восемь лет назад. К сожалению, при отъезде он потерял свой паспорт, и поэтому его ждали еще более жестокие испытания. Как пишет Джеймс Диз, "при отплытии из Ванкувера поэт был задержан в помещении американской иммиграционной службы, где его подвергли, по его словам, унижительному допросу. Среди прочего лауреата Нобелевской премии по литературе спросили, умеет ли он писать и читать. Оскорбленный поэт хотел было сразу же отменить свой визит в Штаты, но затем решил все-таки плыть в Лос-Анджелес, поскольку уже существовали договоренности о лекциях. Однако через несколько дней он прервал это долгожданное турне и отплыл на родину".

Возможно, ему и на этот раз вспомнилась позорная нищенская сума. Как бы то ни было, все его визиты в эту страну, кроме самого первого, оказались неудачными. Конечно, замечал Элмхерст, он питал "...огромное уважение и глубокую привязанность к некоторым американцам, которые до

конца оставались его друзьями. Но в целом Америка вызывала его раздражение. Его духовный взгляд па Жизнь не мог смириться с головокружительным темпом, суетой и безобразием. Он считал, что в такой атмосфере трудно размышлять и, насколько я знаю, нигде и никогда не чувствовал себя спокойно. Он никак не мог забыть, как по приезде в Калифорнию у него сняли отпечатки пальцев, что он воспринял как тягчайшее оскорбление. Конечно, было время, когда и мы, британцы, должны были оставлять свои отпечатки пальцев; но я думаю, что он считал, что этот акт американцы применяли только к преступникам и цветным из Азии и Африки. Иногда его негодование по поводу некоторых сторон американской жизни могло быть совершенно необоснованным, однако нет сомнения, что многие из его критических выступлений были справедливы".

Почти месяц провел он в Японии. Он любил эту страну, ее добрый и дисциплинированный народ и с огромным сожалением наблюдал, как умы японцев неотвратимо отравляются преднамеренно развязанной истерией имперских притязаний.

После остановки в Сайгоне, тогда столице Французского Индокитая, где ему был оказан очень теплый прием, в июле Тагор вернулся в Индию, как раз вовремя, чтобы, как он любил говорить, приветствовать своими песнями дождевые облака в небе Шантиникетона. На этот раз поэт вернулся крайне утомленным и душой и телом, и даже песни отказывались литься потоком, как раньше. Почти все его зарубежные визиты, за единственным исключением его пребывания в Буэнос-Айресе, стали скорее тормозом, чем стимулом его творческой активности. И поэт и пророк, оба занемогли. К счастью, в распоряжении Тагора находилось столько средств самовыражения, что если какое-то не соответствовало его настрою, он прибегал к другому. Поэтому он удовольствовался тем, что занялся живописью, а также критическим переосмыслением принципов литературы, которые он излагал в своих лекциях в Калькутте. Тогда же он переработал для сцены свою старую драму, написанную белым стихом, — "Раджа и рани". Тагор переписал драму в прозе и озаглавил ее "Тапати". Она была успешно поставлена в Калькутте, где в роли Раджи выступил автор. Один из самых плодовитых писателей в мире, Тагор был самым экономным в выборе тем. Он часто использовал одну и ту же тему в различных формах. Трудно сказать, почему так происходило: то ли из-за того, что ему трудно давалось придумывание новых сюжетов, то ли потому, что он, как хороший повар, любил подавать старые блюда под новым соусом, а может быть, его старые любимые герои, по мнению их создателя,

заслуживали лучшей доли, чем он отвел им.

В январе 1930 года Тагор посетил западную Индию. В Бароде он прочитал лекции на тему "Человек — художник". В начале февраля, вернувшись в Шантиникетон, он принял губернатора Бенгалии сэра Стэнли Джексона, который приезжал в Шриникетон на открытие конференции кооператоров. Тагор подвергся резкой критике со стороны своих соотечественников за то, что принял представителя британского режима, в то время когда Махатма Ганди планировал организацию новой волны массового сопротивления этому режиму.

А в начале марта Тагор вновь воспользовался возможностью уехать в Европу: его давно уже приглашал Оксфордский университет, а в парижской галерее Пигаль открывалась выставка его живописи.

Парижская критика хорошо приняла его картины. "Только те, — писал Анри Виду, — кто никогда не признавал существование загадочных течений мыслей и чувств, порождаемых самим нашим веком, которые незримо проникают во все души и определяют направление целой эпохи, удивятся тому, что эта чистая живопись, совершенно искренняя и совершенно лишенная всяких следов влияния наших студийных привычек, иногда столь похожа на самые последние искания художников Запада. И речи быть не может о подражании, однако совпадение духа просто замечательно".

Приехав 11 мая в Англию, Тагор провел первые несколько дней в квакерской общине в Вудбруке около Бирмингема. Сюда дошли потрясшие его известия о событиях в Индии, происшедших после его отъезда: арест и заключение Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру и других лидеров партии Индийский национальный конгресс, введение осадного положения в Шолапуре, массовые расстрелы и огульные аресты по всей стране. "Хотя и очень неполно, — говорил он представителю "Манчестер гардиан", — через приезжающих из Индии до меня доходят сведения о том, какие жестокие и необоснованные наказания терпят совершенно невинные люди. Хотя эти действия и прикрываются высокопарными словами о законе и порядке, они являются наитягчайшим нарушением закона гуманности, который представляется мне выше любого Другого закона". Лекции, прочитанные им в Оксфорде, вышли год спустя в лондонском издательстве "Аллен энд Анвин" под названием "Религия человека" с посвящением Дороти Элмхерст.

Несколькими годами раньше Дороти и Леонард Элмхерст приобрели средневековый замок в живописном графстве Девоншир, известный под названием Дартингтон Холл, и намеревались организовать там "ряд

учреждений образовательного, исследовательского и коммерческого назначения, что-то вроде Шанти-и Шриникетона, вместе взятых". Здесь Тагор отдыхал летом в течение нескольких недель, окруженный заботами друзей. "Однажды, — вспоминает Элмхерст, — он попросил несколько флаконов цветных чернил, и, когда их принесли, начала рождаться серия рисунков и набросков. "Я не могу сказать вам, откуда во мне берется это вдохновение, — сказал он мне. — Ясно, что моей рукой движет что-то, не поддающееся моему сознательному контролю. Кто эти странные существа, появляющиеся на бумаге? Откуда они? Я не знаю".

После выставки его картин в Бирмингеме и Лондоне Тагор в июле отправился в Берлин. Разные объяснения давались всеобщему энтузиазму, с которым Тагора принимали в донацистской Германии, но факт остается фактом, что до конца своей жизни он сохранил теплые воспоминания о своих поездках в эту страну, и горячую привязанность к ее народу даже в те годы, когда он со всей своей бескомпромиссностью возненавидел нацизм.

После почти месячного отдыха в Женеве Тагор отправился в Москву по приглашению Советского правительства в сопровождении Омие Чоккроборти, Арьяма Вильямса, Шоумендроната Тагора (своего талантливого внучатого племянника) и мисс Марго Эйнштейн, дочери известного физика. К счастью, полные записи об этом визите сохранились в серии писем, написанных им домой, которые позднее были опубликованы под названием "Рашиар Читхи" ("Письма о России"). Эти письма свидетельствуют об одном из самых выдающихся качеств поэта: чем старше становился он годами, тем моложе был духом. К старости он стал намного менее консервативным и более терпимым, чем в свои зрелые годы. И, как ни странно это может прозвучать, в старости он выглядел более красивым, чем в молодые годы, — это подтверждается не только его фотографиями, но и свидетельствами современников, видевших его в том и другом возрасте. Он скорее созревал, чем старел. Как и Ганди, с годами он обнаружил, что правда выше любой религии, а человеческое благополучие важнее любой философии.

Иначе вряд ли автор "Гитанджали" и великий выразитель духовного наследия Индии мог бы рассматривать свой визит в Советскую страну как паломничество. "Если бы я не приехал в Россию, — писал он, — паломничество моей жизни было бы неполным. Первая мысль, которая поразила меня еще до того, как я мог оценить хорошее и плохое, что здесь делается, была: какая невероятная смелость! То, что называется традицией, остается с человеком тысячами различных способов; ее многочисленные убежища, бессчетные двери охраняются легионом часовых; ее сокровища

образуют горы, складываемые веками. Здесь, в России, все вывернули с корнем; в их умах нет ни страха, ни колебаний... Зов русской революции — это также зов всего мира. По крайней мере эта нация единственная из всех наций сегодняшнего мира думает об интересах всего человечества, считает их выше своих национальных интересов".

Истый поборник интернационализма, он заворожено следил, как поднимается занавес над сценой мировой истории. "Было бы непростительно, — писал он, — не взглянуть на величайший жертвенный костер в истории человечества". Когда-то его глубоко тронули слова одного корейского юноши, что "сила Кореи — это сила ее горя". То же великое чудо силы горя влекло его в Россию. Он слышал много противоречивых отзывов об этой стране, ему рассказывали о жестокой борьбе, которую пришлось выдержать большевикам ради упрочения власти. Многие друзья пытались отговорить его от этой поездки, расписывая ему картины трудностей: недостаток комфорта и привычных удобств, скудную пищу и грубые нравы; во всяком случае, утверждали они, Тагору удастся увидеть лишь показную сторону жизни страны.

Но, писал Тагор, "...слова корейского юноши звенели в моих ушах. Про себя я думал: вот, в самом центре западной цивилизации, столь гордой мощью богатства, Россия провозгласила власть неимущих, полностью игнорируя угрозы и проклятия всего западного мира. Если я не поеду, чтобы увидеть это зрелище, кто поедет? Они силятся разрушить власть сильных и богатство богатых. Почему мы должны этого бояться? И зачем нам сердиться? У нас нет ни власти, ни богатства. Мы принадлежим к самому голодному, беспомощному и обездоленному классу в мире".

Этот поэт, на которого "высшие" английские критики клеили ярлыки "средневекового барда", оказался намного сильнее и мужественнее многих своих более молодых современников. Ганди, который отличался от него взглядом по стольким общественным вопросам, интуитивно понял его, когда описал Тагора как "великого стража" прав человека, как защитника права каждого индивидуума, белого, коричневого или черного, на полное развитие личности. Если любая общественная или политическая система, как бы ни была она священна и неприкосновенна, стоит на пути развития человека, он не колеблясь сказал бы: "Écrasez l'inlame"^[104]

И поэтому, когда поэт отправился в Россию, он не мог не восторгаться великими достижениями революции в поднятии обездоленных до уровня, достойного человека.

"Куда бы я ни посмотрел, — писал он, — я не вижу никого, кроме рабочих... Возникает вопрос: где так называемые благородные господа?"

Массы России не живут более в мрачной тени так называемых благородных господ. Те, кто был спрятан за занавесом, стали полноправными людьми. Я не могу не думать о крестьянах и рабочих моей страны. Кажется, будто бы волшебники из "Тысячи и одной ночи" поработали в России. Только десять лет назад массы здесь были безграмотны, беспомощны и голодны, как и у нас, так же слепо религиозны, так же глупо суеверны. В горе и в опасности они имели обыкновение просить защиты у своих святых в церквах, в страхе перед другим миром их ум был закрепощен священниками, а в страхе перед этим миром — правителями, заимодавцами и землевладельцами. Обязанностью бедняков было чистить те самые сапоги, которыми хозяева их пинали. Они не знали никаких перемен в образе жизни за тысячелетия. У них были те же самые старые телеги, те же старые прялки, те же старые масляные прессы. Любое предложение перемен вызывало их на мятеж. Как в случае с нашими тремястами миллионами соотечественников, призрак времени сидел на их спинах и закрывал им глаза руками. Кто мог быть более поражен, чем несчастный индеец, как я, увидевший, что за эти несколько лет они уничтожили гору невежества и беспомощности?"

Он знал, он собственными глазами видел, что подавляющее большинство в его стране, как и во многих других странах, — это выючные животные, у которых нет времени стать людьми. Они вырастают на отбросах общественного богатства, получая лишь самое малое количество еды, одежды, образования. Те, кто трудится больше всех, получают взамен самые жестокие унижения — они лишены почти всего, что делает жизнь ценной. Они, как говорил Тагор, будто фонарные столбы, держат лампы цивилизации на своих головах; все вокруг получают свет, тогда как их собственные спины закапаны потеками масла. Он часто думал о них, работал для них и чувствовал стыд за свой собственный, более счастливый жребий. Тагор вынужден признать, что нищета и неравенство были, по-видимому, неизбежными спутниками общественного прогресса. "Я думал про себя: это неизбежно, чтобы часть нашего общества находилась наверху, а если кто-то есть наверху, то кому-то надо оставаться внизу?.. Цивилизация начинается только тогда, когда человек расширяет свое видение за пределы простой борьбы за существование. Самые прекрасные плоды цивилизации выросли на полях праздности. Развитие культуры требует досуга".

Поэтому он некогда верил, будто самим Провидением указано, что большинство должно трудиться для того, чтобы привилегированное меньшинство могло цвести как лилии на лугу. Самое большое, что

счастливые высшие классы могут сделать, это считать себя, как предлагал Ганди, опекунами благополучия неимущих и стараться улучшить их жалкое состояние. "Однако беда в том, — писал он, — что мы не можем свершить ничего постоянного в деле благотворительности. Если мы стараемся сделать кому-нибудь добро, оно искривляется обстоятельствами. Реальная помощь исходит из четкого чувства равенства. Как бы то ни было, я не смог удовлетворительно решить для себя эту сложную проблему. И все же я чувствовал стыд за себя, ибо я был вынужден прийти к выводу, что пирамида цивилизации могла быть построена лишь на подчинении и обесчеловечении преобладающего большинства в человеческом обществе — всех тружеников мира".

Он не обращал внимания на очевидное отсутствие в России так называемых цивилизованных удобств, которые в преизбытке встречал в городах Европы и Америки. Наоборот, он даже радовался, что "...лоск роскоши совершенно отсутствует в Москве... То, что мне больше всего нравится в России, это полный отказ от этой безвкусной гордости богатством". Автора "Гитанджали" вовсе не шокировал даже открыто атеистический характер Советского государства.

"В течение многих веков, — замечал он, — старая философия теологии и старая философия политики подавляли дух русских людей и даже, быть может, саму их жизнь. Советские революционеры ныне истребили эти два зла до самых корней. Мое сердце радостно бьется при виде этой столь безболезненно раскрепощенной нации, достигшей такого великого освобождения и в такое короткое время. Ибо религия, разрушающая свободу мысли человека путем удержания его в невежестве, является худшим врагом, чем самый плохой из монархов... Пусть богословы из других стран осуждают Советскую Россию как им угодно; я не могу осуждать ее и не осуждаю. Атеизм гораздо лучше, чем суеверие в религии и тирания царя, которые были тяжелыми камнями на груди России". И далее он говорит, что в действительности он только в Советской России полностью понял смысл великого призыва "Упанишад" — "не домогайся".

Конечно, Тагора нельзя причислить к сторонникам коммунистической идеологии. Марксизм и философия диалектического материализма были чужды строю его ума, искавшего в историческом процессе гармонии и сотрудничества, а не противоречий и конфликтов. Его вера в ценность индивидуального сознания и в "бесконечную личность человека" подготовила в нем предубеждение против политических действий, направленных на подавление оппозиции. Но он верил великому

созидательному стимулу русской революции, наиболее ярко проявившемуся в деле образования масс.

"Для ревнителей власти, — писал он, — единственным способом добиться своего остается возможность держать умы людей парализованными невежеством. Во времена правления царей умы людей, лишенных образования, были пленены, и вокруг них, как сжимающий удав, вились религиозные суеверия... В последние годы Россия была свидетелем деятельности энергичного правителя. Но чтобы увековечить себя, она выбрала не тропу царей, которая есть путь подавления человеческого духа через невежество и суеверия, подавление мужества розгами казаков... Никто не может с определенностью сказать, какую конечную форму примет большевистская экономическая философия. Но несомненно, что образование, которое наконец стало так просто и общедоступно русским массам, улучшило их дух и навсегда сделает честь человечности большевиков".

Одной из самых интересных поездок Тагора в Москве стало посещение коммуны детей-сирот, известной как "Коммуна юных пионеров Алисы Кингиной". Одним из детей, которые приветствовали его, был Александр Филатов, теперь известный в своей стране поэт. Вспоминая это детское впечатление, Александр Филатов пишет: "Показав гостю нашу коммуну, дети усадили его в кресло в Пионерском зале. Они окружили его, и началась сердечная беседа. Теперь у нас была возможность хорошенько рассмотреть поэта. Мы были очарованы его наружностью. Его высокий ясный лоб, выразительные глаза, приятное лицо без единой морщины — все говорило об уме, его великих мыслях и делах. Он, видимо, понял наше любопытство и, потрогав свою бороду и баки, сказал: "Это только маска, мое сердце молодо и горячо, — и добавил с улыбкой: — Сердце пионера"... Мы показали ему нашу "живую газету" "Пятилетний план", посвященную пропаганде детских яслей. Потом мы пригласили поэта в столовую и угостили ужином. Поэт был глубоко тронут нашим приемом и, прежде чем уехать, записал свои впечатления в книгу гостей: "Я буду всегда помнить очаровательный вечер, проведенный с этими пионерами. Я научился у них многому, что будет очень полезно для моего народа в Индии, и я им благодарен. Я всем сердцем симпатизирую этим юным строителям судьбы их народа и желаю им всем успеха".

В России у него была насыщенная программа: он посетил много организаций и встретился со многими знаменитостями. В Москве также прошла выставка его картин. Но ни одно событие не оставило более глубокого впечатления, чем эта встреча с сиротами, чьи маленькие лица

светились надеждой и уверенностью. Он видел, насколько отлично их положение от жизни сирот в его собственной стране. Поэт любил детей и не мог не восхищаться страной, где так хорошо заботятся о детях.

Вернувшись в Германию, Тагор вскоре отправился в Соединенные Штаты. На этот раз американская интеллигенция постаралась искупить недостаток внимания, который поэт ощущал во время предыдущих визитов. Специальный комитет общественности дал 25 ноября в его честь банкет в отеле "Балтимор", на котором присутствовало 350 самых известных граждан Нью-Йорка, в их числе экс-президент Кальвин Кулидж и Синклер Льюис, только что получивший Нобелевскую премию. Поэт чувствовал себя не совсем здоровым после недавнего сердечного приступа, однако его весьма обрадовало американское гостеприимство. "Как жаль, что я чувствую себя недостаточно молодым и сильным, чтобы должным образом приветствовать вас — великую нацию нашего мира", — сказал он на банкете.

Но он не скрывал своих мыслей. "Вы не можете даже понять, как страдали мы, люди Востока. Меж нами стоит высокий барьер вашего материального благосостояния. Я всегда чувствовал любовь и восхищение перед Западом — не только за то, что он дал мне самому, но и за то, что даст он всему человечеству, — сокровища науки". Он призвал к более глубокому пониманию проблем и надежд Индии и призвал Запад "завершить свое путешествие в Индию", сказав: "Приходите к нам с добром и требуйте свою долю. Вечные ценности принадлежат всему человечеству. Придите к нам, примите нас, признайте нас и поймите, что все мы братья!"

Через несколько дней, 8 декабря, Тагор выступил в Нью-Йоркском историческом обществе с лекцией "Первые и последние пророки Персии". Несмотря на такую тему, более двух тысяч человек пробились в Хрустальный зал отеля "Ритц-Карлтон", где проходила лекция, и стояли тесной толпой на лестницах и в вестибюлях. Публичное выступление Тагора состоялось на представлении в Бродвейском театре 14 сентября. Кроме Тагора, читавшего свои стихи, в спектакле приняла участие знаменитая танцовщица Руфь Сен-Дени и ее группа. Тагора глубоко тронул прием публики. На следующий день газеты объявили, что "по настоятельному желанию сэра Рабиндраната" доходы от представления переданы в фонд помощи нью-йоркским безработным.

Несколько раньше в Нью-Йорке, Бостоне и Вашингтоне проходила выставка его рисунков.

В январе 1931 года Тагор вернулся в Индию через Лондон, где он имел

длительную беседу с Бернардом Шоу на завтраке, устроенном газетой "Спектейтор" в отеле "Гайд-Парк". В целом путешествие было долгим и утомительным, но плодотворным. Тагор увидел западный мир в его различных обликах и оставил за собой шлейф славы, скоро рассеявшийся, как и подобает славе, но не скоро забытый. Тогда он не знал, что это его последняя поездка на Запад, что его солнце на западном небосклоне закатилось.

14. Поздний урожай

Русский эксперимент произвел на поэта глубокое впечатление. Зрелище целой нации, пробудившейся из состояния оцепенения и пытающейся заново перестроить свою жизнь, представлялось поистине величественным.

В одной из своих ранних патриотических песен он призывал соотечественников сжечь не чужеземные одежды, а вековую инертность, весь хлам, что скапливается в человеческих душах, покуда они движутся сквозь историю. В своем первом публичном выступлении после возвращения из-за границы (он председательствовал на ежегодных торжествах в Институте реконструкции деревни в Шриникетоне) он рассказал слушателям о советских свершениях в кооперации и образовании.

Может возникнуть вопрос, почему, несмотря на свое неприятие насилия, Рабиндранат приветствовал революцию в России, не проявив такого же энтузиазма по отношению к ненасильственному массовому движению, которое возглавил Махатма Ганди. Конечно, он симпатизировал политическому и социальному подъему в своей стране — разве он сам отчасти не вдохновил его? — и относился к Махатме с гораздо большим уважением, чем к любому другому лидеру или политической фигуре в Индии и за рубежом. Но он видел и другую сторону, не принимая того, что находил устаревшим и реакционным в образе мыслей Махатмы и в социальной идеологии, которая, как опасался Тагор, будет неверно использована его последователями. Махатма мог подняться над ограниченностью собственного мышления — но его последователи?.. Насколько опасения Тагора справедливы, покажет история.

Поэт сам прошел на рубеже веков через фазу патриотического консерватизма, когда без конца твердил о славном наследии Индии и вообразил, что особенности ее общественных традиций являются неотъемлемой частью ее вечного духа. Но скоро он научился различать маску и лицо и пришел к пониманию того, что Индия, несмотря на всю ее уникальность, — часть человечества, и, как любая другая часть, она должна идти в ногу со всеми. Дух века — лучший гид, нежели призрак прошлого. Любовь к правде и уважение к жизни стали для Тагора истинной религией Человека.

Индия может превзойти свое прошлое, оставив его позади, а не

погребая себя в нем как в гробнице. Самая бедная колыбель с новорожденным младенцем гораздо больше восславляет человека, чем самая благородная гробница, возвышающаяся над мертвецом.

В своих картинах Тагор полностью отказался от традиционности. В поэзии и прозе он всегда не останавливался на совершенстве, которого достигал. Тагор постоянно искал и воспевал новое, по мере того как становился старше.

В мае 1931 года в Шантиникетоне и во многих других городах по всей Индии отмечалось семидесятилетие со дня рождения Тагора.

В общественный комитет, утвержденный в честь этого события, вошли представители всех общин и групп. Во время празднования поэту вручили "Золотую книгу Тагора", изданную известным журналистом Романандой Чаттерджи и содержащую послания, полученные со всех концов мира.

Бертран Рассел писал; "Он сделал больше, чем любой другой человек, живущий на земле, в самом важном деле нашего времени, а именно, в развитии понимания между разными расами. Не мне говорить о том, что он сделал для Индии, но я могу сказать о том, что он сделал для Европы и Америки в деле уничтожения предрассудков и устранения ложных представлений, и я знаю, что за это он достоин высочайшего уважения". Йитс написал ему личное письмо, заканчивавшееся словами: "Я до сих пор ваш самый преданный ученик и поклонник. Ваши стихи, как вы знаете, глубоко взволновали меня; а в последние годы я обнаружил и мудрость и красоту в вашей прозе — романе "Дом и мир", ваших коротких рассказах и воспоминаниях... Каким наслаждением было читать впервые ваши стихи, которые, кажется, пришли с полей и рек вашей страны и запечатлели их неизменность!" Уилл Дюран, который встречался с ним за несколько месяцев до этого, писал: "Мы чувствуем, что очистились и облагородились благодаря встрече с Вами. То, что человек может жить жизнью, верной всем высочайшим идеалам нашей молодости, придает нам новую веру. Мы были циниками до того, как Вы явились; мы думали, что все идеалы фальшивы и все надежды пусты: но, только увидев Вас, мы поняли, что ошибались, что битва между Правотой и Силой еще не проиграна и что жизнь может еще иметь для нас смысл, который не будет утрачен с нашей смертью. Нечто от древнего идеализма Востока влилось в нашу кровь с вином и музыкой Ваших стихов, благодаря примеру и величию Вашей жизни".

Махатма, как всегда, выражался просто и кратко: "Вместе с тысячами соотечественников, — писал он, — я многим обязан тому, кто своим поэтическим гением, цельностью и чистотой жизни поднял Индию в глазах

мира. Но я обязан еще большим. Разве не он укрыл в Шантиникетоне обитателей моего *ашрама*, которые уехали из Южной Африки прежде меня? Другие узы и воспоминания слишком священны, чтобы быть упомянутыми публично".

Послание Альберта Эйнштейна типично для ученого-мыслителя. Выразив свою веру в объективное и непреложное, он обращается лично к Тагору:

"Вы были свидетелем яростной схватки, черпавшей энергию из нужды и темного желания. Вы увидели выход в спокойном созерцании и в творении красоты. Лелея их, вы служили человечеству всю долгую и плодотворную жизнь, распространяя повсюду добрую и свободную мысль, в согласии с заветами мудрецов вашей страны".

Тем временем Индия переживала трудные времена. Сотни храбрых бенгальских юношей, цвет народа, томилась в концентрационных лагерях из-за простого подозрения в сочувствии революционному движению за свободу. В одном из таких лагерей в Хиджли охранники хладнокровно убили двух юношей. Тагор дал выход своему чувству возмущения на грандиозном публичном митинге, проведенном в Калькутте. До этого он направил послание в стихах узникам концентрационного лагеря. К жестокости властей прибавились разрушительные действия природы, ужасные наводнения в Северной Бенгалии.

"Рабиндра Джайанти", или Праздник Тагора, организованный жителями Калькутты в конце года, был внезапно прерван 4 января 1932 года известием об аресте Махатмы Ганди. Поэт, у которого все еще оставалась вера в справедливость британских властей и в честную политику, направил телеграмму британскому премьер-министру Рамсею Макдональду, протестуя против "политики огульных репрессий... которые готовят окончательный разрыв нашего народа и вашего". 26 января он сделал заявление, которое правительственная цензура не разрешила полностью опубликовать. Поэт, задетый и оскорбленный, выразил свои чувства в стихотворении, названном "Вопрос", в котором он спрашивает бога:

"Ты время от времени присылал своих гонцов, которые проповедовали всепрощение и любовь ко всему человечеству. То были благородные души, и они заслужили наше уважение, и тем не менее сегодня их миссия кажется насмешкой, и я хочу спросить тебя: "А сам ты, о боже, можешь ли прощать

и любить эти создания свои, которые отравили твой воздух и затмили твой свет?"

Удрученный поэт на несколько дней нашел убежище на тихой вилле на берегу Ганги в Хардахе, где он сочинил несколько стихотворений, вдохновленный созерцанием картин, как собственных, так и принадлежащих кисти других индийских художников. Позднее эти стихи войдут в книгу "Бичитрито" ("Пестрое"), посвященную известному художнику Нандолалу Бошу. В феврале в Правительственной художественной школе в Калькутте открылась выставка его работ.

Возраст и напряженная работа сказывались на здоровье Тагора, и его прямая спина, и величавые плечи сгибались под грузом забот. Он уже было отказался от мысли о заграничной поездке, но тут поступило приглашение от шаха Ирана посетить его страну. "Едва ли удобно отказаться от приглашения августейшего главы соседней дружественной нации", — отметил он в своем дневнике. Итак, 11 апреля 1932 года он отправился в Персию в сопровождении его невестки Протимы Деби, которая присматривала за ним в пожилом возрасте с преданностью любящей дочери, и своего литературного секретаря Омийи Чоккроборти. Чтобы избежать долгого и утомительного путешествия, они отправились самолетом Голландской королевской авиакомпании.

Поэт второй раз поднялся в воздух на самолете. Свои ощущения он передал в дневнике:

"Люди, звери, птицы — никого из них не видно. Ни звука, ни движения, ни признака жизни — мир, словно покинутый жизнью, лежал перед нами, покрытый лоскутным покрывалом. По мере того как мы поднимались выше, даже этот маленький остаток разнообразия сократился до узора неровных линий, как будто бы какая-то исчезнувшая страна, имя которой забыто ныне, записала свою летопись на твердой желтовато-серой поверхности неизвестными знаками, которые нельзя разгадать... По мере того как самолет поднимается все выше и выше, игра наших чувств сокращается до одной-единственной — видения, — и даже оно не остается полным. Все признаки, благодаря которым мы принимаем землю как нечто очевидное и реальное, постепенно стираются, превращая объемную картину в одномерное сплетение линий. Лишенная вещественности, она уже не может воздействовать на наш ум и сердце. И во мне возникает мысль, как ужасна может стать такая отчужденность, если однажды понадобится обрушить сверху град разрушения на эту неопределенность, распростертую внизу. Кто здесь убийца, кто здесь жертва? Кто свой, кто чужой? Так эта летающая машина передразнивает древнее учение Гиты".

Его глубоко тронула всеобщая искренняя теплота встреч в Иране. "Когда я был в Европе, — писал он, — люди там знали кое-что обо мне как о поэте и могли судить обо мне по переводам. Эти люди тоже считают, что я поэт, но только в силу своего воображения. Для них я поэт не того или этого рода, а поэт вообще; так что ничто не мешает им рядить меня в одежды их собственных идей о том, каким должен быть поэт.

Считая меня своим, они не ошиблись, ибо я тоже чувствую себя близким к ним — такой простой и естественной была наша встреча. Я не столкнулся ни с чем, что бы дало мне почувствовать мою принадлежность к другой нации или другой вере".

Из Бушира он проехал в Шираз, страну Хафиза и Саади, где Тагор смог воздать дань уважения могилам двух славных поэтов, имена которых не менее легендарны в Индии, чем на родине. После короткой остановки в Исфагане путешественники добрались 29 апреля до Тегерана, где индийского поэта встречали с ошеломляющими почестями, как официальными, так и народными, а газеты приветствовали его как "величайшую звезду, сияющую на восточном небосклоне". На обратном пути в Индию Тагор прервал свое путешествие в Багдаде, где имел возможность провести день в лагере бедуинов — это была его потаенная мечта еще с дней молодости. "Быть бы мне скитальцем пустынь, бедуином!" — писал он когда-то в одном из своих ранних стихотворений.

Трагическое известие ожидало его по возвращении из страны роз и соловьев. Его единственный внук, Нитиндро, хрупкий, чувствительный юноша, подававший большие надежды, которого он отправил в Германию обучаться типографскому делу, заболел скоротечной чахоткой. Нитиндро умер 7 августа.

Смерть единственного внука в чужой стране была тяжким ударом. Но поэт уже пережил много потерь, и каждая новая печаль делала дух его чище, а веру тверже.

Тагор никогда не был склонен к меланхолии. Он считал меланхолию болезнью ума, худшей, чем любая болезнь тела. Печаль и поражение — часть жизни, и их надо принимать с мужественным достоинством. Жалобный вой, подобный визгу побитой дворняжки, в котором некоторые поэты искали утешения, не принимала его сильная натура. Даже охваченный скорбью, он писал:

*Я проснулся. За окном мрак ночной исчез.
Мир раскрылся, как цветок. Чудо из чудес.*

*Поражен я! Сколько звезд и материков
Не оставило следа. Сколько лет, веков
Пролетело. Где герой, наводивший страх?
Только тень его живет в сказках и стихах,
Сам истлел давным-давно... Не сочтешь племен,
Возводивших на костях стройный лес колонн.
Возникали города. Где они? Зола.
В смерче гибельном времен мне на лоб легла
Метка — солнца ранний луч, светлый знак небес.
Я проснулся. Вот оно — чудо из чудес.* [\[105\]](#)

Эти и многие другие стихи, преисполненные настроением побежденного горя, вошли в книгу "Поришет" ("Завершение"), как казалось ему, — последнюю его книгу. Но он ошибся.

На самом деле завершилась лишь одна из его творческих фаз, начавшаяся четырнадцать лет назад, в 1914 году, выходом сборника "Болака". И это была величественная фаза, которая и началась и завершилась поэтическими шедеврами. Но впереди его ждали новые встречи с Музой — улыбающейся девушкой с полузакрытым лицом, поджидавшей его с пустой корзиной в руках.

К поэту словно вернулась молодость — его охватила страсть к экспериментаторству, стремление извлекать музыку из прозы, исследовать выразительные возможности обыденной речи. Хоть труден и неровен этот путь, он заставит свою музу двигаться по нему грациозно и самозабвенно. Успех английских переводов из "Гитанджали" укрепил в нем эту мысль, которую он использовал с законченным мастерством в изящных набросках, опубликованных в 1922 году в книге "Липика". Однако тогда он не сделал попытки разбить строки, чтобы подчеркнуть ритмическое построение. Теперь Тагор сделал это в новых стихах, которые опубликовал в сборнике "Пуношчо" ("Снова"), и посвятил Ниту, своему внуку, чья безвременная смерть глубоко его потрясла.

Представляя читателю эти стихотворения в прозе, поэт писал, что стремился создать произведения, которые не игнорировали бы правила ритмического стихосложения, а, наоборот, добившись свободы прозаического выражения, создали бы новый ритмический рисунок, расширив таким образом границы поэзии.

Поэт вновь обрел душевное равновесие, и его глаза вновь следили с мягкой симпатией за всем, что проходило мимо, уговаривая обыденное

открыть свою скромную красоту. Одно из самых прекрасных среди этих стихотворений рассказывает о маленькой речке Копай, которая застенчиво петляет недалеко от Шантиникетона,

*О, как она изящна, извиваясь
Среди теней и света!
Как в ладоши
Умеет хлопать! Как гибка, упруга
Бывает в дождь! Она не уступает
Танцующим девчонкам деревенским,
Что выпили немножечко вина.
Но и тогда речушка не выходит
Из берегов, чтоб затопить окрестность,
А лишь стремительным движеньем юбки
Бьет в берег и со смехом вдаль бежит.* [\[106\]](#)

Стареющий поэт снова с интересом наблюдает близлежащую сельскую округу. Для него нет неприметных или незначительных для внимания предметов. Глаз художника замечает моментальное, преходящее, тогда как ум философа размышляет о вечном:

*Средних лет хиндустанец.
Высокорослый, худой.
Седые усы... Лицо похоже
На усыхающий плод.
В ситцевой куртке, в измятой дхоти,
Зонт на плече, посошок в руке,
Туфли из грубой кожи (круто загнуты вверх носки),
В город идет он.
Утро месяца бхадро.
.....
Возможно, он тоже видит меня
На рубеже пустыни своей,
Где в голубом тумане
Он ничем не связан ни с кем.*

*Дома есть у него теленок
И говорящая птица в клетке.*

*Жена на жернове мелет муку
(Руки — в тяжелых медных браслетах),
Есть у него сосед — стиральщик.
Есть бакалейщик, и есть еще
Кабулийцам долги...
Но нет у него меня —
Некоего, неведомого.* [\[107\]](#)

20 сентября 1932 года всю нацию потрясла весть об объявленной Махатмой Ганди в тюрьме голодовке "до смерти". Это был знак протеста против постановления премьер-министра Англии, известного как "Общинное решение", расчленявшее индуистское общество. В три часа утра, в день начала объявленной голодовки, Ганди писал Тагору:

"Дорогой Гурудев, сейчас раннее утро, 3 часа, вторник. В полдень я вхожу в огненные врата. Если ты можешь благословить мои усилия, я бы желал, чтобы ты сделал это. Ты был мне истинным другом, потому что ты был искренним другом и часто делился со мной своими сокровенными мыслями. Я ждал твердого мнения от тебя, того или другого. Но ты отказывался критиковать мои действия. Хотя впереди у меня лишь немного дней голодовки, я буду и впредь высоко ценить твое мнение, если твое сердце осудит мои действия. Если я узнаю, что ошибаюсь, я все равно слишком горд, чтобы открыто признать мою ошибку, какова ни была бы цена признания. Если твое сердце оправдывает мои действия, я хочу твоего благословения. Оно поддержит меня. Я надеюсь, что выразился ясно". В десять часов утра он прибавил постскрипту к уже написанному: "Как раз когда я передавал это надзирателю, я получил твою замечательную телеграмму, наполненную любовью. Она поддержит меня среди шторма, в который я вхожу. Я посылаю тебе телеграмму. Благодарю тебя".

Телеграмма, о которой здесь говорится, была послана Тагором накануне, немедленно по получении известия о намерении Махатмы начать голодовку, и выражала его солидарность с этим героическим поступком: "Единство Индии и ее общественная сплоченность стоят того, чтобы жертвовать во имя них твоей драгоценной жизнью. Хотя нельзя предвидеть, какое действие это будет иметь на наших правителей, которые могут не понять ее огромную важность для нашего народа, но мы чувствуем уверенность, что высший призыв такого самопожертвования к сознанию наших соотечественников не позволит разразиться национальной трагедии. Наши скорбящие сердца будут следить за твоей гордой мукой с

уважением и любовью". Тагор, в свою очередь, тоже обратился к народу с призывом поддержать вызов, брошенный Махатмой, отказавшись от всех следов кастовых предрассудков и социальной дискриминации. "Кто оступится, — предупреждал он, — будет нести ответственность за одну из самых горьких трагедий".

24 сентября Тагор, не в силах оставаться наблюдателем, отправился в Пуна, чтобы навестить Махатму в тюрьме. Поскольку британское правительство уступило основному требованию и приняло компромиссную формулировку, предложенную всеми политическими партиями и общинами страны, Махатма прервал голодовку, причем Тагор находился в то время рядом с ним в тюрьме. Перед тем как прервалась голодовка, поэт пропел один из своих бенгальских гимнов — стих из "Гитанджали": "Когда сердце опалено гневом, сойди на меня дождем сострадания. Когда милосердие утрачено, приди с внезапно рожденной песней..."

День окончания голодовки совпал с днем шестидесятичетырехлетия Ганди по индийскому календарю. Обращаясь в этот день к участникам общественного митинга в Пуне, Тагор сказал: "День рождения Махатмаджи встает перед нами сегодня в ужасном величии смерти, которая только что оставила его победителем. Сегодня мы чувствуем огромное счастье, что такой человек пришел к нам и, что еще более редко, что мы не отреклись от него, как столь часто делали по отношению к посланникам свободы и правды. Его вдохновение возбуждает умы по всей Индии и за ее границами. Оно разбудило наше сознание для правды, которая выходит далеко за пределы наших собственных интересов. Его жизнь — это постоянное напоминание о том, что свобода должна выразиться в служении и самоотдаче". Несколько позже Тагор выпустил брошюру, написанную во время голодовки Махатмы, названную "Махатмаджи и подавленная человечность", которую он посвятил выдающемуся ученому сэру П. К. Рою, преданному почитателю Ганди. Поэта глубоко взволновало, что Махатма едва не принял смерть ради секты неприкасаемых. Его хрупкая истощенная фигура, распростертая на полу тюрьмы Еравда, запечатлелась в сердце Тагора. Во многих статьях и посланиях поэт писал о великом гуманизме и негиблом духе Ганди, но не мог ограничиться только этим. Воздействие Ганди через несколько месяцев нашло выражение в драме, которая относится к шедеврам Тагора. Она называется "Чандалка" ("Девушка-неприкасаемая") и основана на древней буддийской легенде.

Ананда, любимый ученик Будды, однажды возвращался из гостей и вдруг почувствовал жажду. Заметив колодец у дороги и девушку,

поднимающую воду, он попросил у нее напиток. Девушка, которая принадлежала к самой нижней касте неприкасаемых, так называемых "чандалов", дала ему воды напиток и, увидев, как он красив, влюбилась в него. Не в силах забыть прекрасного юношу монаха, она заставила свою мать, которая умела колдовать, приворожить его. Заклинания оказались сильнее, чем воля Ананды, и околдованный монах явился ночью к их дому. Но когда он увидел, что девушка готовит ему ложе, Ананду охватили стыд и раскаяние, и он стал молить бога, чтобы тот спас его. Будда услышал молитву и разорвал волшебные чары, и Ананда ушел неоскверненным.

Этот простой сюжет народной легенды, показывающий, как духовная сила Будды спасла его преданного последователя от страсти девушки-чандалки, превращен Тагором в психологическую драму большой духовной мощи. Он создал рассказ не о распутнице, а о чувствительной и гордой девушке, осужденной своим рождением на проклятье. Она переступила через все религиозные ограничения, ибо религии и обществу она обязана лишь своим унижением. Религия, которая унижает, говорит она, это не религия, и заставляет свою мать обратить свое колдовское искусство на Ананду. Она относится к колдовству как к первозданному заклятию, заклятию земли, гораздо более сильному, чем духовный самогипноз монахов. (Автор удачно назвал свою героиню Пракрити, что значит Природа).

"Чандалка" — трагедия избыточного самосознания. Самосознание, до известного предела, необходимо для саморазвития, ибо без сознания собственной ценности человек не может выполнять свой долг перед миром. Без прав не может быть обязанностей; служение и добродетель, если они насильственны, становятся клеймом рабства. Но самосознание, как хорошее вино, иногда дурманит голову, и не всегда просто найти нужную меру. Тогда тщеславие и гордость берут верх, и тот, кто цепляется за свои права, слишком часто ущемляет права других.

В этот период Калькуттский университет обратился к Тагору с просьбой занять кафедру бенгальского языка, и Тагор прочел студентам курс лекций. Он также взял на себя руководство составлением словаря технических и научных терминов на бенгали — интерес к этому делу он проявлял еще полвека назад, совсем еще молодым человеком.

В сентябре в Калькутте состоялась премьера двух пьес — "Карточное королевство" и "Чандалка". Вскоре после представления и лекции "Чхондро" ("Просодия") в Калькуттском университете Тагор уехал в Бомбей в сопровождении группы студентов Шантиникетона и художников на "Неделю Тагора", организованную его почитателями под руководством

индийской поэтессы Сароджини Найду. Тагор вернулся в Калькутту в конце декабря. Здесь он прочел свою знаменитую речь "Раммохон Рай, Паломник Индии". До конца года опубликовал две новые повести — "Сестры" и "Сад жизни" — и драму в прозе "Бансарти" (по имени главной героини пьесы).

Возвратившись в Шантиникетон в начале января 1934 года, Тагор через две недели принимал у себя Джавахарлала Неру и его жену Камалу. [108] Поэт, восхищавшийся Джавахарлалом Неру за его страстную искренность и интеллектуальную зависимость, за рациональные взгляды и интернациональные симпатии, устроил большой прием в честь гостя и его жены. [109]

Поэт не мог найти покоя — как всегда, его томила жажда странствий. Он все еще надеялся снова поехать на Запад, как это видно из следующего письма, написанного 8 апреля 1934 года чешскому писателю Арносту Чех-Чехерхерцу в благодарность за его книгу: "Ваша книга посредством ее языка, неизвестного мне, говорит о днях, которые я провел в Вашей стране, когда мне было оказано щедрое гостеприимство, давшее мне почувствовать, что Вы приняли меня как своего ближнего. Чувствовать, что Вы нашли во мне душу, не чуждую Вам, есть редкая счастливая судьба для поэта, которому была тдна возможность переступить географические границы и послать свой голос в сердце далекой земли. Я все еще надеюсь, хотя я и состарился, еще раз посетить Вашу страну и встретиться с Вами в Вашем доме".

Его беспокоила не только проблема возраста, но и безденежье. Университет в Шантиникетоне так сильно разросся, что угрожал превратиться в белого слона, на которого все хотят смотреть, но никто не хочет платить. Поэт, давший своему народу великие и более долговечные богатства, чем кто-либо другой, оказался в унижительном положении просителя. В Индии богатые классы сыплют пожертвования либо в руки священников, либо в карманы политиков. Тагор не был ни тем, ни другим и часто говорил с печальной улыбкой: "Если бы я только мог завернуться в одеяние цвета охры или надеть набедренную повязку и взять в руки четки, деньги бы так и посыпались!"

Правда, для стареющего поэта оставался еще один выход — сделать саму школу доходной, подготовить группу актеров и танцовщиц, которые бы ставили его пьесы и балеты в различных городах. Ведь он и сам стремился увидеть собственные творения на сцене. В отличие от прочих творений песни должны петься, балеты и драмы ставиться. Итак, перед страной предстало необычное зрелище почтенного поэта и подвижника,

сопровождающего группу артистов, певцов и танцовщиков по всей Индии. Первая из таких поездок состоялась на Цейлон (помимо более ранней в Бомбей), ибо для этого чудесного острова всегда сохранялся уголок в сердце Тагора. Поездка, которая состоялась в мае — июне 1934 года, оставила глубокий отпечаток в памяти тех, кто видел представление драмы с танцами "Шапмочан", выставку картин, слышал выступления поэта.

Именно во время пребывания на Цейлоне Тагор закончил свой последний роман — "Чар Адхьяй" ("Четыре главы"). В этом коротком, но важном романе он возвращается к конфликту, который разрабатывал ранее, в другом варианте, в романе "Дом и мир", — конфликту между человеческими ценностями и политическими идеалами. Дело происходит в подполье революционного движения в Бенгалии; героизму и самоотречению противопоставлены беды любви и постепенное разрушение человеческих ценностей. Показ мотивов, вдохновлявших политическое самопожертвование, отмечен глубоким проникновением в психологию характеров. Это трагедия разбитого идеализма, воссозданная языком величественной силы и красоты. Роман возбудил бурю разногласий в Бенгалии, и автора безжалостно бранили. Он раскрыл перед чужими слишком много домашних секретов.

В августе того же года английский ученый и гуманист Гилберт Мюррей обратился к Тагору с открытым письмом, приглашая его принять участие в деле пропаганды взаимопонимания между интеллигенцией Запада и Востока. Он затронул проблему, близкую сердцу поэта. В своем ответе Тагор воздал должное ценностям цивилизации обоих полушарий, но, выражая свое восхищение вкладом Запада в области научного мышления, вновь обратил внимание на опасность западной технократии. Он, однако, чувствовал уверенность, что "светлейшие души молодой Европы готовы ныне ответить на вызов времени". Тагор оставался несгибаемым оптимистом и добавил: "Я горжусь, что был рожден в этот великий век". Открытое письмо, написанное двумя ведущими гуманистами, появилось в печати в 1935 году при содействии Международного института интеллектуального сотрудничества в Париже.

Все это время перо его не знало усталости. За пять лет, с 1932 по 1936 год, несмотря на многочисленные путешествия по стране и за ее пределами, Тагор выпустил семь поэтических сборников, два романа, драму, а также сочинил музыку к пяти своим танцевальным драмам и руководил их постановкой. Из семи поэтических сборников четыре представляют собой стихотворения в прозе.

Почитание Тагора на Западе (к счастью для поэта) пошло на убыль, и

само его имя стало лишь бледным воспоминанием о когда-то мелькнувшем метеоре. Да поэта уже больше и не прельщала роль проповедника. "Проповедник — это профессиональный торговец идеями, — писал он. — Покупатели приходят к нему в любое время дня со своими вопросами. У него появляется навык давать ответы на каждый из них, но ответы эти теряют искренность, и самим идеям его грозит опасность быть раздавленными под грузом мертвых слов. Такое случается нередко, особенно с самыми добрыми из проповедников, — они всегда рады давать благие советы, не задумываясь, обеспечены ли их слова золотом мудрости. Все это наводит меня на мысль, что уж лучше быть поэтом, и не более чем поэтом. Потому что поэт должен быть верен самому себе, а не ожиданиям других людей".

Счастьем для него и для его читателей стало то, что в последние годы поэт оставался на родной земле и питался из родных источников.

Многие видные бенгальские критики утверждают, что лучшие стихи Тагора написаны именно в это последнее десятилетие. Что ж, не будем спорить. Тагор покорило немало вершин за время своей долголетней творческой деятельности. Поэтому естественно, что самая последняя из них, то есть ближайшая к современному читателю, кажется нам самой величественной. Не говоря уже о том, что покорение ее совершено в преклонном возрасте, что уже само по себе равнозначно подвигу.

Сборник стихов "Пуношчо" ("Снова") и следовавшие за ним сборники стихотворений в прозе "Шеш шопток" ("Последняя октава", 1935), "Потропут" ("Чаша листьев", 1936) и "Шамоли" ("Смуглая", 1936) замечательны по разнообразию тем и настроений. В них включены стихи веселые и философские, фривольные и печальные, повествовательные и лиричные, иронические и сентиментальные. В этих сборниках преобладает дух воспоминания, потребность оглянуться на долгий пройденный путь; мысленные горизонты все ширятся, и крепнет сочувствие к тому, что обычно считается презренным, низменным или недостойным внимания. Форма стихов демонстрирует неустанное стремление исследовать возможности бенгальского языка, находить скрытую музыку в нестройной речи.

Одновременно со стихотворениями в прозе Тагор продолжал писать стихи и песни в традиционном стиле. Хотя он перерос свое прошлое и пробовал теперь новые формы и средства выражения, в основе своей он не перестал быть таким, каким был всегда: влюбленным в природу, в землю, в жизнь, в смерть, в тайну, соединяющую жизнь и смерть. Эта любовь позволила ему вместить в душу самые разные явления жизни, позволила

взрастить свой всеобъемлющий гуманизм, всемирные симпатии и всепоглощающую нежность ко всему, что вскормлено грудью матери-земли. Эта любовь и нежность — главная тема его поэзии, прослеживаемая на протяжении шести десятилетий.

Как сильно изменился мир с той поры, как Рабиндранат вступил в него ребенком! Поэтому любовь поэта к этому миру вполне могла со временем запрятаться в защитную скорлупу воспоминаний. Но ничего подобного не произошло, наоборот, его любовь стала еще более всеобъемлющей, более нежной.

Эта мудрость пришла к нему через печаль. Как он писал, в глубочайшей пещере бытия так темно, что разглядеть что-нибудь можно только при свете факела скорби. Это была мудрость сердца, а не разума, не та мудрость, которую можно почерпнуть из писаний святых и мудрецов. Она освободила его от уз всякой религии и призвала к одному — любить эту землю и все связанное с нею. Как писал Рабиндранат: "Пусть разум мой вылетит из этого окна сквозь игру света и тени — не мысля, не споря, не рассуждая, — пока он не сольется с великим океаном, где смерть поджидает жизнь".

В мудрости сердца он нашел более верный источник гуманизма, чем в тонких рассуждениях "Упанишад", в мистической лирике вишнуитов или в либеральной мысли Запада.

За "Пуношчо" последовал сборник "Шеш шопток" ("Последняя октава"). Книга пронизана грустными размышлениями и воспоминаниями — поэт действительно думал, что это будут его последние мелодии.

В первом стихотворении память о старой любви, которая когда-то воспринималась как должное, снова преследует состарившегося поэта. Но печаль утратила свою остроту, упреки сменились благодарностью, и страдание превратило все потери в обретения.

*Я не говорил о том, сколь ты ценна для меня,
потому что был уверен: ты принадлежишь мне.
Дни сменялись ночами, и ты приносила свои дары
к моим ногам.*

*На грудь мою ты проливала водопад своих волос,
и глаза твои наполнились слезами, когда ты говорила:
"Я не могу тебе дать большего,
больше мне нечего тебе дать..."*

*А теперь дни сменяют ночи,
но тебя больше нет со мной.
И, когда-то гордый и равнодушный, я
целую прах, в котором ты оставила следы.*

*Теперь ты моя воистину:
своею печалью я заплатил цену твоей любви.*

В день рождения он вспоминает всю свою жизнь, и она напоминает ему длинную гирлянду, сплетенную из различных цветов. Он оглядывается на прошлое мира и не видит ничего, кроме руин тщеславия и гордости. Вокруг одно непостоянство, словно сыпучие пески пустыни, но "сердцем своим, — говорит поэт, — слышу биение бесконечного".

Два других сборника стихотворений в прозе появились один за другим в течение 1936 года. Как и обычно, большая часть стихотворений лирического характера, есть стихи философские, повествовательные и стихи — отклики на события в мире. Один из таких стихотворных откликов посвящен Африке — это обличение жестокостей, которые столетия творили здесь люди белой расы. Поводом для написания стихотворения стала агрессия Муссолини в Эфиопии.

*С капканами набросились на тебя охотники,
их жестокость была сильнее, чем клыки твоих волков,
их гордость была более слепа, чем твои гибельные леса.
Цивилизованные захватчики
обнажили свою свирепую жадность и бесчеловечность, не
знавшую стыда.
Ты рыдала, и твой плач был задушен,
твои лесные тропы стали грязными от слез и крови,
когда подкованные сапоги грабителей
оставляли нестираемые следы
вдоль истории твоего унижения.
И все время за морем
церковные колокола звонили в их городах и селениях,
матери укачивали детей
и поэты воспевали Красоту.*

В другом стихотворении он отвергает все догмы и предписания религий, созданных человеком. Мне не нужен бог, пишет поэт, если его нет в солнечном свете и в сердце неприкасаемого и если от него можно отгородить человека стеной храма. Первая тайна творения для Тагора — это лучезарное сияние света, последняя тайна — нектар любви. Поэт причисляет себя к сонму духовных изгнанников:

*Они изгнанники, и не им запевать молитвы.
Торговцы верой изгнали их из храмов.
Я поэт, и я один из них.
У меня нет касты, я не знаю молитв,
Мои приношения не достигают Божества,
заточенного во храме.
Выходит священнослужитель, спрашивает с улыбкой:
"Заходил ли ты в храм, видел ли Божество?" —
"Нет", — отвечаю я.
Он спрашивает с изумлением: "Ты что, не знаешь,
как войти?" —
"Нет", — отвечаю я.
"К какой касте ты принадлежишь?" — спрашивает он.
"Ни к какой".*

*Отвергнутый толпой, я искал дружбы с Человеком,
С Человеком, который не отгораживается
от людей и не выставляет стражи...
Я искал Человека среди стен,
но нашел его вне барьеров,
которые отделяют народ от народа
и страну от страны.*

До конца года были поставлены две его пьесы — "Ша-радотсав" ("Осенний праздник") в Шантиникетоне и "Арупратан" ("Невидимая драгоценность"), измененный вариант "Короля темной комнаты", в Калькутте, причем поэт участвовал в обоих спектаклях. И не только потому, что публика шумно требовала его выхода на сцену; он и сам любил выступать.

Прочитав в феврале 1936 года три лекции об образовании в Калькутте, поэт занялся подготовкой музыкального варианта своей ранней драмы "Читрангода" и сам проводил репетиции балета. Его талантливая невестка Протима Деби, мягкая и изящная женщина, стала главным помощником в подготовке балетов. "Читрангода", пожалуй, самый популярный из всех его балетов, или, как называл их поэт, танцевальных драм. После успешной премьеры в Калькутте артисты отправились в турне по северной Индии. Получив в нескольких крупных городах гораздо больше аплодисментов, чем денег, они достигли Дели, где представление балета шло в последнюю неделю марта. Ганди, находившийся в это время в Дели, был потрясен, увидев, как пожилой поэт с его слабым здоровьем вынужден в поисках средств для университета предпринимать такие напряженные поездки. Он немедленно послал ему письмо с вложенным банковским чеком на 60 тысяч рупий как подношение от "смиранных соотечественников". "Теперь, — писал Махатма, — Вы облегчите общественное сознание тем, что объявите об отмене остальной программы". Тагор прервал выступления, но не без сожаления, ему и самому доставляло истинную радость ставить свои произведения, сидеть на всех спектаклях в углу на сцене как безмолвный и неподвижный дирижер или, как однажды выразился один критик, как авторская подпись, удостоверяющая его собственную работу.

Однако Тагор не успокоился, как того ждал Ганди, он продолжал председательствовать на общественных митингах в Калькутте, что было для него гораздо утомительнее, чем смотреть собственные пьесы. 2 октября он провел в храме Шантиникетона службу, посвященную дню рождения Ганди, а затем приступил к работе над новой танцевальной драмой, основанной на его ранней поэме "Возмездие". Премьера состоялась в Калькутте в конце месяца, причем автор, как обычно, молча присутствовал на сцене.

В феврале 1937 года Тагор произнес приветственную речь, обращенную к совету университета Калькутты, что тоже стало вехой в истории этого университета. Тагор воспользовался случаем для произнесения яркой проповеди в пользу образования.

Через несколько месяцев Тагор торжественно открыл в Шантиникетоне Хинобхаван (факультет китайско-индийских исследований), первое подобное научное учреждение в Индии, которое до сих пор остается ведущим центром изучения Китая в нашей стране. Лето он провел в Алморе, прелестном курорте в Гималаях, где написал "Вишвапаричайя", введение в современную науку для бенгальских читателей. Свой день рождения он встретил в относительной тиши, глядя

на далекие снежные вершины Гималаев.

Ему, наверное, вспомнилось его раннее детство, когда он сопровождал отца в Гималаи и свободно бродил в сени гималайских кедров, ибо стихотворение, которое он написал по этому случаю, исполнено задумчивости и тоски по поре, которую он называет праздником своей жизни, когда его имя, еще неизвестное свету, "получало безграничную ценность от нежного голоса, произносившего его" (он никогда не забывал свою невестку, свою первую любовь и ангела-хранителя). Позднее, когда он жил на берегах Падмы, он наблюдал "утреннюю звезду в просветах между листьями бамбука на берегу", и его глаза "следили за шумными девушками, идущими к реке вдоль тенистой деревенской улочки". Он смотрел вокруг и говорил: "Я люблю это". Но теперь, увы, отягощенный славой, он "запутан в сетях, сотканных из бесчисленных взглядов, следящих за ним, и живет в одинокой келье среди толпы, скованный звенящей цепью почета".

В августе поэт выступил на публичном митинге в Калькутте с призывом выразить национальный протест против нечеловеческих условий, вынудивших политических заключенных на Андаманских островах в Бенгальском заливе (острова эти использовались англичанами как большой концентрационный лагерь) объявить голодовку. В сентябре в Калькутте состоялось представление с песнями и танцами "Варша-Мангал" ("Праздник дождей"), и он сам присутствовал на сцене. Осень с ее ясным, вымытым дождями небом, с "бесполезно плывущими" там и сям облаками всегда была его любимым временем года. Но осенью 1937 года его ждало тяжелое испытание. Вечером 10 сентября, сидя у себя дома, он неожиданно потерял сознание. Приступ случился внезапно, и никто в течение сорока восьми часов не мог поставить диагноз, пока на помощь не явились доктора, вызванные из Калькутты. Все это время поэт находился без сознания, между жизнью и смертью. К счастью, он очнулся и постепенно начал поправляться.

Пока сознание его было помрачено глубоким обмороком, подсознание продолжало свою деятельность, и ощущение границы между жизнью и небытием ярко запечатлелось в его памяти. Это ощущение поэт описал в цикле из восемнадцати коротких стихотворений, представляющих собой одну из высочайших вершин всего его поэтического творчества. Мощные и многозначные образы свидетельствуют об уникальном, глубоко пережитом опыте. Это не бред расстроенного ума, в стихах нет ни намека на страх, боль или жалобу. Разум ясен и сосредоточен, сознание словно похищено в фантастическую пограничную область, откуда обыденный мир кажется затянутым дымкой, и душа заглядывает в пределы иного мира, где сияние

неотделимо от тьмы и нет ни дня, ни ночи.

Причиной заболевания стало воспаление за ухом, вызвавшее заражение крови. На утро пятого дня, когда к Рабиндранату возвратилось сознание, первое, что он сделал, это попросил краски и кисть. Заметив четырехугольный кусок фанеры в комнате, он нарисовал на нем пейзаж с темным лесом, со струйками слабого желтого света, пробивающегося через чашу, — картину прекрасную и, очевидно, символичную.^[110]

Вот как он описал свои ощущения: "Посланец смерти из черной пещеры вселенной неслышно подкрался ко мне. Вся короста, покрывшая мой разум, была смыта кислотой боли, и под тяжелым пологом обморока очистилась моя душа".

Но не все стихотворения этого цикла поэт посвятил исследованию своего внутреннего мира. Завершающие стихотворения показывают, что Тагор предчувствовал трагедию, которая нависла над Европой:

*Змеи ползут отовсюду, в дыханье змеином — яд.
Сладкие речи о мире насмешкой глупой звучат.
И я, пока еще живу,
Всех, всех зову
На борьбу с сатанинским злом.
Вооружится пусть каждый дом.*^[111]

Он видел мир зла и боли, видел, как высокий дух человека умерщвляется человеческой же рукой, — и все же слышал музыку согласия в сердце вселенной, среди рева урагана звучал ему голос мира.

Такова особенность поэтического мира Тагора: в нем звучат противоречащие друг другу голоса, взаимоисключающие утверждения, но именно они придают творчеству поэта многообразие, богатство и жизненность. Он верен себе в каждом своем настроении, на каждом этапе своего пути. Страстная искренность позволяла ему бросать вызов самому себе и самого себя преодолевать — это самая главная его добродетель. То же самое можно сказать и о Махатме Ганди.

До окончательной поправки здоровья поэта привезли в Калькутту, где его посетили Ганди и Неру, приехавшие на политическую конференцию.

С наступлением весны Тагора, как и обычно, захватила жажда песнопений. Он взялся за переработку пьесы "Чандалка" в музыкальную драму, с успехом поставленную в марте в Калькутте. Причем автор вновь сидел в углу сцены. Ганди, навестивший в это время Тагора, понял, что

бессмысленно просить его отказаться от участия в спектаклях. Собираение денег для школы и университета только предлог. Настоящая же причина — это потребность художника творить и видеть свои творения на сцене.

Лето Тагор провел в Калимпонге — красивом городке в отрогах Восточных Гималаев, в доме своего сына. Вернувшись в Шантиникетон в начале любимого им сезона дождей (первые числа июля), Тагор получил письмо от японского поэта Ионе Ногучи. Он высоко ценил талант собрата по перу и ранее с почестями принимал его в Шантиникетоне. Теперь же Ногучи в своем письме стремился убедить Тагора, что война Японии в Китае имела целью "освобождение Азии".

Тагор не замедлил ответить: "Та Азия, которую вы хотите создать, должна будет подняться подобно башне из черепов. Я, как вы правильно отметили, всегда верил в миссию Азии, но я никогда не думал, что эта миссия может отождествляться с деяниями, которые доставили бы восторг сердцу Тамерлана с его ужасающим талантом человекоубийства... Доктрина "Азия для азиатов", которую вы провозглашаете в своем письме, есть лишь инструмент политического шантажа. Она имеет все добродетели концепции "малой Европы", которую я отвергаю, и не имеет ничего общего с идеей единства всего человечества, связующего нас, невзирая на барьеры политических ярлыков и границ". Тагор очень любил Японию и глубоко переживал, что нация, которую он приветствовал как зарю Азии, становится бичом для Востока. Боль его нашла выражение в горьких словах:

*Забил барабан. Война!
Их шеи нагнулись, кровью глаза налились,
Зубы скрежещут,
Строй за строем
Идут принести на трапезу мертвого мира
Свежее мяса людского.
Сперва в храм доброго Будды вошли:
"Благослови, Всеблагодь!"^[112]*

Как и обычно, творчество Тагора и в этот период отличалось разнообразием. В 1937 году состоялась его встреча со смертью, и многие произведения этого времени отмечены глубокими следами пережитого духовного опыта, кажутся написанными кровью сердца. Но рядом мы встретим страстные, гротескные, карикатурные фигуры и сцены,

юмористические и изящно-фривольные стихи, блистающие искрами смеха, способные доставить наслаждение молодым и старым, мудрым и простодушным. Несколько книг таких стихов вышли в 1937 году. Одна из главных тем — высмеивание современной женщины за ее нелепое поклонение моде.

Тагор любил возиться с малышами, умел рассказывать им забавные и фантастические истории, вызывавшие восхищение у маленьких слушателей. Многие из них записаны, он создал множество детских стишков, которые, к сожалению, непереводимы.

Затем последовали три книги серьезных стихов: "Акаш продип" ("Небесный светильник", 1939), "Нободжаток" ("Новорожденный", 1940) и "Шонай" ("Флейта", 1940). В них уже нет мрачного величия "Пограничья" — память об ужасе и красоте ослабла, поэт вновь успокоился на руках своей любимой матери-земли. Позже эти чувства возвратятся, и тогда творчество Тагора пронизут ноты мрачной экзальтации. А пока поэт воспринимает простые удовольствия жизни, которые ему еще доступны.

Немногое осталось ему от радостей земных. Какой смысл зажигать лампу, если дом пуст? Лучше он поднимет светильник к небесам, где старые воспоминания заблудились среди звезд, освещавших когда-то его жизнь. Может быть, воспоминания слетятся на свет и возвратятся к нему? Так поэт объясняет название книги в первом стихотворении. В воспоминаниях для него и радость, и утешение.

Следующая книга стихов, "Нободжаток", написана в совершенно ином ключе. Она более мужественна по духу, обращена к событиям современного мира. Представляя книгу читателю, Тагор писал, что его поэзия менялась от эпохи к эпохе, так что он сам порой не замечал этого. Новые стихотворения вдохновлены его впечатлениями от нового века, рождающегося на глазах. Сами темы и образы показывают интерес к новому — к радио, к железной дороге, вокзалу, самолету и т. д.

Грозовые тучи в небе Европы и на Дальнем Востоке, использование авиации в военных целях вызвали в поэте тревогу. В стихотворении "Человек-птица" он пишет о самолете как о посланце войны, захватившем пространство, предоставленное ранее одним птицам.

*..услышь мольбы смятенной земли, —
Сделай так, чтоб леса и птиц голоса
Свой прежний смысл обрели^[113] —*

так заканчивается стихотворение.

Отдыхая в кресле в гималайском городке Мангпу, наслаждаясь утренней свежестью, он зачарован музыкой, которая донеслась к нему по радио из-за дальних морей: "чужеземная девушка поет чужеземным голосом". Музыка преодолела горы, реки и моря, для поэта, который всегда оставался романтиком, она словно "Мегхадута" — "Облако-вестник" Калидасы, доносит мольбу истомленного любовью сердца.

В это время в Европе разразилась война. Мировая война 1914 года призвала его на международную арену с воззванием о мире. Он долгое время верил, что в христианском мире окажется достаточно мудрости, чтобы не допустить повторения трагедии. Теперь его ждало горькое разочарование, которое выразилось в резких, обличительных стихах, написанных в день рождества 1939 года.

*Те, кто ударил его однажды
от имени своих правителей,
вновь родились в нынешнем веке.
Они собираются в своих моельных домах
в благочестивом одеянии,
они зовут своих солдат.
"Убей, убей", — кричат они;
с грохотом смешивается
музыка их гимнов,
тогда как Сын Человека
в предсмертной агонии молит:
"О боже, отринь, отринь подальше
эту чашу, наполненную горчайшим из ядов".*

15. Последний путь

В феврале 1940 года Махатма Ганди и его жена Кастурбай навестили поэта в Шантиникетоне — это была последняя встреча подвижника и поэта. Тагор устроил прием в их честь в красивой манговой роще Шантиникетона и в приветственной речи отдал дань уважения человеку, о котором он ранее писал как о "великой душе в лохмотьях нищего". "Несмотря на то, — отвечал на приветствие Махатма, — что я называю этот визит паломничеством... я здесь не чужой. Я чувствую, словно пришел к себе домой... Я получил благословение Гуру-дева, и мое сердце переполнено счастьем". Перед отъездом Ганди Тагор вручил ему письмо, в котором просил оказывать помощь университету Вишвабхарати: "Примите это учреждение под свою защиту, дав ему гарантию благополучия на будущее, если Вы считаете его национальным достоянием. Вишвабхарати — корабль, который везет груз самых ценных сокровищ моей жизни, и я надеюсь, что он может претендовать на особую заботу со стороны моих соотечественников".

Махатма ответил с присущей ему благородной скромностью. "Кто я такой, чтобы принимать это учреждение под свое покровительство? — писал он. — Оно сделано не напоказ. Гурудев делает дело всего мира, ибо он истинный сын своей нации. Поэтому все его создания международны, и Вишвабхарати — самое лучшее из них. У меня нет никаких сомнений, что Гурудев заслуживает того, чтобы быть избавленным от всех забот о финансах. В своем ответе на его трогательное обращение я пообещал со своей стороны всю помощь, какую я только могу дать. Эта записка есть начало моих усилий". Нет нужды говорить, что Махатма сдержал свое слово. После его смерти национальное правительство свободной Индии приняло на себя всю финансовую ответственность за существование Вишвабхарати как государственного университета. Впоследствии его президентом стал Джавахарлал Неру, который в известном смысле сочетал в своей личности черты обоих этих великих людей.

5 апреля поэт перенес тяжелую утрату — смерть своего преданного друга Ч.Ф. Эндрюса. Тагор признавался ранее, что не испытывает никакого предубеждения к англичанам хотя бы по той причине, что Эндрюс — один из них. "Чарли Эндрюс, — писал Махатма Ганди, — был одним из величайших и лучших англичан. Он был хорошим сыном Англии и потому стал таким же хорошим сыном Индии".

Как и в прежние годы, поэт провел часть лета в Мангпу и Калимпонге. В Мангпу его застало известие о новой потере — последней тяжелой потере, которую пришлось ему перенести в жизни. Его любимый племянник Шурендронат скончался в Калькутте. Шурен и Индира — дети его старшего брата Шотендроната, ставшие его друзьями еще со времен первой поездки в Англию более шестидесяти лет назад. Дружба эта сохранилась на всю жизнь. Получив печальное известие, Тагор просидел весь день неподвижно, не произнося ни слова. Тяжелые переживания вылились в кратком и сильном стихотворении. Смерть Эндрюса и смерть Шурендроната напомнили ему, что скоро придет и его срок. Поэт описывает себя сидящим на берегу реки в ожидании прибытия парома, который должен переправить его на другой берег. В сознании его звучат слова: "Он уже недалек, недалек".

В маленькой горной деревушке Мангпу в величественной простоте встретил Тагор день своего восьмидесятилетия. Утром поздравить поэта пришел старый буддийский монах-непалец. А вечером хозяйка дома, в котором гостил Тагор, пригласила местных жителей на ужин. Они принесли с собой охапки цветов. Этот жест признательности безграмотных бедняков, никогда не читавших ни строчки его стихов, глубоко взволновал поэта. Размышления его о тайне, о чуде бытия отразились в стихотворении, написанном в тот же день:

*Я вступаю в восьмидесятый год своей жизни,
а ум мой поражен изумлением:
миллионы и миллионы светил
наполняют светом бесконечное пространство,
мчась с немыслимой скоростью, —
и вот под этим непостижимым, бесконечным,
небесным сводом
я внезапно возник,
как мгновенная искра священного огня
бесконечного творения.*

Он описывает зарождение жизни в лоне вод Мирового океана, постепенное развитие человеческого сознания и драму человеческого разума на мировой сцене.

Я тоже один из ее персонажей,

*готовый сыграть свою роль.
Я помог поднять занавес,
и это великое чудо.
Благословенна эта земля, смертный удел
человеческой души,
она окутана небесами, наполненными ветром и светом,
она несет моря, горы и недра — какая же великая
цель направила ее
в путь вокруг солнца?*

*Связанный с нею таинственной нитью,
я пришел сюда восемьдесят лет назад
и через несколько лет уйду прочь.*

Увы, не несколько лет, а лишь несколько месяцев оставалось ему
пробыть на этой земле.

Это были дни, когда нацистские орды терзали Европу, как стая
голодных волков. Тагор с болью и гневом узнавал, что страны, которые он
навещал, которые любил, которыми восхищался, переживали ужасы
войны. Почему, казалось бы, цивилизованные люди внезапно превратились
в жестоких маньяков? Может быть, вопрошал он, они действуют по указке
судьбы, которая ополчилась на человека за вековечный груз его
преступлений? Он чувствует себя униженным и несчастным, но не
гневаётся и не прокликает. Он погружен в возвышенные раздумья, пытаясь
увидеть все людские неправые деяния в широкой перспективе истории. Он
не может подвергнуть сомнению будущее человека.

*Слышу: гремит барабан боевой,
Время больших перемен наступило —
Век настаёт грозовой.
Новой главы развернулись страницы:
Мир на дурные деяния силы растрачивать стремится,
Несправедливость спешит воцариться,
Это грядущего вестник пришел, —
Каждое зло превращается в тысячу зол.*

.....
*В этой проверке, в горниле мучительных дней
Станет ясней,*

*Что из наследия дряхлого в прах превратится,
Что сохранится.
Время под глянцем увидеть, где прячутся гниль и обман.
Вот почему загремел боевой барабан.^[114]*

7 августа 1940 года Оксфордский университет провел специальное собрание в Шантиникетоне по случаю присуждения Тагору докторской степени (*honoris causa*).

3 сентября он присутствовал на празднике дождя в Шантиникетоне в последний раз. Посетив Калькутту, где его обследовали врачи, он отправился в Калимпонг в надежде восстановить силы среди величественной природы осенних Гималаев.

Лишь неделю ему суждено любоваться своей любимой порой года. Это последняя неделя полного отдыха, когда он, покоясь в кресле, купался в золотом солнечном свете и наблюдал, как синева небес сливается с синевой горных вершин.

26 сентября он внезапно снова потерял сознание, как три года назад в том же месяце в Шантиникетоне. Снова услышал он "крадущиеся шаги посланца смерти из черной пещеры вселенной". Как и во время предыдущего приступа, ему не смогли оказать должной медицинской помощи, потому что Калимпонг еще дальше от Калькутты, чем Шантиникетон. Пока не приехали вызванные из Калькутты доктора-индийцы, близкие Тагора умолили врача-англичанина из Дарджилинга посетить больного. Он нехотя явился и, осмотрев пациента, спросил грубо, понимает ли тот по-английски. Поставив диагноз — инфекция в почках, он настаивал на необходимости срочной операции, чтобы спасти жизнь больного. К счастью, врачи из Калькутты прибыли вовремя, чтобы отказаться от его услуг.

29 сентября Тагора доставили в Калькутту и поместили в родительском доме. Через два дня секретарь Махатмы Ганди, Махадев Десаи, прибыл, чтобы передать соболезнования Ганди. Больной еще не вполне понимал обращенные к нему слова и с трудом говорил. Он беспомощно глядел на Десаи, и слезы лились по его щекам. Невестка Тагора, которая присутствовала при этой сцене, записала: "В первый раз я видела, как он плачет. Он всегда умел владеть собою, и даже в дни самых горьких утрат я не видела, чтобы он терял самообладание. А теперь казалось, будто прорвалась плотина".

Здоровье полностью так и не возвратилось к нему, но вскоре Тагор уже

мог сидеть в постели и вести беседу. Рука не подчинялась ему настолько, чтобы держать перо, но рифмы и образы его не оставляли, он диктовал свои стихи:

*В неизменном нашем мирозданье
Мерно кружат жернова страданья,
Рассыпаются планеты, звезды.
И внезапно вспыхивают искры,
Мчатся вихрем в разные концы,
Чтоб покрылись пеленою пыли,
Поднятой ужасным разрушеньем,
Горести и боль существованья.
В кузне, где куют орудья пыток,
На горящем дворике сознанья,
Дротики и копий слышен звон;
Хлещет кровь из раны человека.
И хоть слабо тело человека —
Он не гнется под громадой боли!
Созидание и смерть пируют;
Тянет человек к ковшу вселенной
Чашу с обжигающим напитком,
Опьяняет всех творец — зачем
Тела глиняный сосуд наполнил
Бред кровавый, весь залив слезами?[\[115\]](#)*

Вера его не сломлена, и воля не побеждена, как бы ни были сильны его муки. Он знает, что человек может добывать мед и из горнила страданий. "Своей непобедимой волей он придает бесконечную ценность каждому мгновению. В жертвенном огне Вселенной что может сравниться с приношением человека — его пылающей агонией боли?"

По мере выздоровления поэт снова обретал бодрость духа и находил радость в простых, мелких событиях. Например, 11 ноября он продиктовал стихотворение, посвященное маленькой пташке, которая стучала клювиком в окно, затем влетала, порхала вокруг, помахивая хвостиком, щебетала и "интересовалась новостями". "Пока бессонной ночью меня терзает боль, как я жду твоего постукивания, чтобы ты принесла мне простую и бесстрашную весть о жизни и о свете дня, о моя ранняя утренняя пташка!"

Вскоре его перевезли в Шантиникетон, где вид широких просторов,

голубые небеса и высокие деревья, счастливый смех детей помогли ему вновь обрести тягу к жизни. Стихи этого периода, отразившие самые разные настроения и чувства, были опубликованы в конце года в сборнике, который назван "Рогошоджай" ("Прикованный к постели"). В начале 1941 года вышел следующий сборник, "Арогго" ("Выздоровление"). Как показывает название, автор выздоравливал от тяжелой болезни (полностью он уже не поправился), он уже мог сидеть, его перевозили на кресле-каталке. Жестокая боль уменьшилась, и "призрачный свет больничной палаты" сменился лучами солнца, пробивавшегося в окно, и поэт снова вернулся к своему любимому настроению — воспоминаниям и размышлениям. Тагор любил солнце, и большинство стихотворений этого тома диктовал по утрам. Вечером возвращался жар, он чувствовал себя слишком слабым и изнуренным. Первое стихотворение книги подтверждало старую веру поэта: "Мир этот сладок как мед, и как мед сладок прах этой земли — великая истина эта звучит как гимн в моем сердце. Когда я покину эту землю, я скажу ей: на лбу моем осталась твоя метка, сквозь пелену Майи я углядел сиянье вечности, видел красоту правды, воплотившейся в твоей пыли, и, узнав это, я покидаю тебя с благоговением".

Страдания и боль обращали все мысли Рабиндраната к телесному недугу. Но те, кто ухаживал за ним в эти дни, свидетельствуют, что поэт стойко переносил боль, не подавая виду, и постоянно развлекал своих сиделок шутками и забавными стишками. Он не хотел, чтобы боль, терзавшая его, отражалась в их глазах.

Боль не оставляла Тагора никогда. Случалось, что ему удавалось преодолеть ее, особенно по утрам, пока не поднимался жар. В это время он продолжал творить. За сборником "Арогго" последовал "Джонмодине" ("День рождения"), большинство стихотворений которого навеяны впечатлениями и воспоминаниями о его предыдущем дне рождения и проникнуты печальной уверенностью, что "дни рожденья и смерти глядятся друг в друга". Одно из лучших стихотворений он продиктовал в Шантиникетоне 21 января 1941 года. Вспоминая свой путь поэта, Тагор находит много срывов и неудач и смиренно признается в своих недостатках.

*Много ли знаю я о нашей огромной планете?
Сколько морей, и пустынь, и хребтов, и потоков на свете,
Сколько открытий и подвигов, стран, городов и селений,
Сколько диковинных тварей и редких растений!*

*Многого в жизни не видел я. Мир так богат и широк, —
Я охватил лишь его небольшой уголок.
О том, что он не смог увидеть или узнать сам, он старался
прочитать, чтобы заполнить пробел.
Тихих и чутких минут я изведаль немало.
Много догадок и дум мировая гармония мне навевала...
.....
В эту гармонию, в плавное это течение
Разных певцов отовсюду вливается пенье,
С ними я чувствую тайную связь —
Радость в душе родилась.
Так от Владычицы музыки дар получаю бесценный.
Слушаю песню вселенной.*

В настроении, проникнутом смирением, какое могут ощущать только истинно великие люди, он обращается к поэту нового времени, который достигнет того, чего он сам не смог достигнуть, расширит границы человеческого сочувствия и взаимопонимания:

*Слух напрягаю и жду: прозвучит над странною
Голос поэта, что накрепко связан с землею родною.
Жажду я в мире найти
То, что на праздник поэзии сам не сумел принести.
Жажду я песни правдивой,
Не ослепляющей взор красотой фальшивой.
Слава недешево нам достается — ее не крадут,
Это цена за упорнейший труд.
Так появись, о певец трудолюбцев безвестных,
Душ бессловесных,
Людям страдания сердца открой, —
Эту страну, что томится без песни живой,
Эту равнину печали, сожженную зноем презренья,
Влагой насыть своего вдохновенья,
Свежий родник у тебя затаился в груди, —
Смело его пробуди!^[116]*

Стихи эти ясно показывают, что, по мере того как поэт становился

старше, его познание мира все углублялось, чувства его становились все отчетливее, понимание современности все полнее, а вера в судьбу человечества и в свое поэтическое призвание — все более страстной и непреклонной.

Новый год в Бенгалии отмечается в середине апреля. В Шантиникетоне он справляется вместе с днем рождения Тагора (который на самом деле приходится на 7 мая, тремя неделями позже). Делается это для того, чтобы ученики, прежде чем разъехаться на каникулы, смогли участвовать в обоих праздниках. На празднике, состоявшемся 14 апреля 1941 года, собравшиеся выслушали последнее выступление поэта — "Кризис цивилизации". Тагор уже не смог сам обратиться к аудитории, текст зачитали в его присутствии.

Как в Индии, так и в Европе, хотя и по разным причинам, наступили тяжелые времена. Тагор воспринял происходящее как кризис цивилизации, и выступление его остается свидетельством твердой веры и осознания грядущих тяжелых испытаний. Проследивая начальные источники своей веры в современную цивилизацию, Тагор говорил о своем восхищении гуманистическими традициями английской литературы. Он вспомнил, как, будучи молодым студентом, в Лондоне слушал с восхищением речи Джона Брайта в Британском парламенте. "Великодушный, радикальный либерализм этих речей, переливающийся за все узкие национальные границы, произвел на меня такое глубокое впечатление, что часть его сохранилась даже сегодня, в эти дни неприкрытого разочарования". Он описал, как это "неприкрытое разочарование" было почти насильно навязано индийскому уму, когда британские правители Индии цинично пренебрегали теми самыми ценностями, которые являлись гордостью западной цивилизации. "Настанет день, когда по воле Судьбы англичанам придется покинуть Индию. Но какую ужасающую бедность оставят они после себя, какое опустошение! Когда наконец поток их двухвекового правления иссохнет, сколько грязи и мерзости останется на дне!" Тем не менее Тагор не отвергает веру в Человека. "Когда я оглядываюсь вокруг себя, я вижу разрушающиеся руины гордой цивилизации, разбросанные как большая куча мусора. И тем не менее я не совершу страшного греха — утраты веры в Человека. Я верю, что после бури в небе, очистившемся от туч, засияет новый свет: свет самоотверженного служения человеку".

Насколько подлинной, насколько всеохватывающей была его вера в судьбу человека, видно по новой песне, впервые исполненной в тот же день. Незадолго до праздника проведать большого приехал из Калькутты его внучатый племянник Шоумендронат. Он попросил поэта создать песню

для хора, в которой бы приветствовался приход нового человека, истинного человека, свободного человека, призванного оправдать подлинное предназначение людского рода. Эта просьба была словно семя, упавшее на благодатную почву:

*Вот человек великий рождается к жизни новой,
Холодок по телу, трепет восторга повсюду,
В каждой травинке, растущей из праха земного.
В мире богов гулко раковина затрубила,
В мире людей загрели литавры победно, —
Наступил миг рожденья великий.
В прах рассыпался мрак новолунья,
Пали крепости тьмы.
На вершине горы рассветной
Звучит напутствия слово:
"Смелее, смелее, — к жизни новой".
"Слава, слава рождению человека!" —
Звучит в небесах громово. [\[117\]](#)*

Последние три месяца жизни Тагора до краев заполнены страданием. Страдало его тело, безжалостно терзаемое болью, которой не было облегчения. Страдала страна, превращенная в огромный концентрационный лагерь, — вожди ее брошены в тюрьмы, народ запуган и угрюм, призрак голода маячил над Индией.

Как глубоко и страстно ни любил Тагор свой народ, как ни сочувствовал ему, в эти дни он размышлял и о судьбах всего мира. Он размышлял о новой мировой войне, находившейся тогда в самом жестоком разгаре, — армии Гитлера приближались к России. Он беспокоился о судьбах миллионов безвинных людей всех наций, втянутых в мировую бойню. Но, с другой стороны, несмотря на свое сочувствие к русским и союзникам, он никогда не считал немцев и японцев единственными и абсолютными виновниками этой драмы. Мир, не уставал повторять он, попался в свою собственную ловушку, где религия, национализм и все прочие ухищрения служили лишь для того, чтобы затянуть потуже удавку.

Ни телесные страдания, ни литературная деятельность не могли отвлечь его от мыслей о его любимом Шантиникетоне. Эта школа была его первой любовью, которая, казалось, выпала из круга его интересов, когда на сцене появился многославный Вишвабхарати. Теперь старая

привязанность вернулась к нему. "Кто теперь преподает в школе бенгальский язык? — спросил он однажды. — Надеюсь, не просто высокомерный брахман, что он любит литературу и имеет чувство языка. Дети должны улавливать родную речь с голоса учителя". Рабиндранат вспомнил, какую радость он получал когда-то, когда учил маленьких детей. Приглушенным голосом он добавил: "Но я не могу больше ни сам учить детей, ни руководить школой". И тут же с раздражением пробормотал: "Я не знаю, как это я так ослабел, что не могу даже говорить, не выдавая голосом свою слабость".

Он следил за тем, чтобы в его комнате всегда находились банки с карамелью и коробки с шоколадом для мальчиков и девочек, которые никогда не уходили от него без гостинцев. Его привязанность не миновала бродячих собак. Одной из них даже удалось стать почетной обитательницей Уттарайяна^[118] только потому, что она пряталась под его креслом с откидной спинкой. Она появлялась каждое утро и упорно ждала, чтобы поэт погладил ее по голове. Тогда она садилась около кресла и исчезала только на то время, когда приходили посетители. Эта собака обрела бессмертие в одном из его стихотворений.

Свойственное Тагору чувство мягкого юмора ни на миг не покидало его. Его сиделки и слуги всегда будут беречь как самое дорогое шуточки, которыми он постоянно обменивался с ними. Он не переставал забавляться тем, что его кормили детским питанием "Глаксо", и называл себя "дитя "Глаксо". Рабиндранат мог есть только очень маленькими порциями, которые постепенно увеличивались, и однажды он весело смеялся, когда ему сказали, что ему дают дозу двухмесячного ребенка. После этого каждый раз, когда ему давали "Глаксо", он спрашивал: "Сколько месяцев мне сегодня?"

Самой старинной привязанностью поэта были деревья. Маленьким мальчиком смотрел он из окна на старое дерево баньяна, растущее на берегу бассейна в саду их дома в Джорашанко; вновь прикованный к месту старостью, он из окна коттеджа в Шантиникетоне наблюдал за прекрасным *шимулом*. В летнюю засуху он проявлял обеспокоенность за судьбу деревьев в ашраме: "Деревья нужно спасти любой ценой". Упорно отказываясь от самых изысканных деликатесов, он, как ребенок, вгрызался в дикий джамбу, когда ему приносили грозди плодов "с моего собственного дерева позади Шьямоли". Поэт клал гроздь около кровати и угощал окружающих.

За три дня до последнего своего дня рождения Тагор сочинил слова и музыку последней из более чем двух тысяч песен, которые он оставил в

наследство народу Бенгалии. В этой песне, впервые исполненной на дне его рождения, поэт призывает "вечно новое" заново открыть свое лицо. Вера его не поколеблена, он остался оптимистом до последних дней. Даже умирая, поэт провозглашает вечный триумф жизни: "Пусть вечно новое откроется, как солнце, разгоняющее туман, пусть въявь обнаружится чудо бесконечного, прославляя торжество жизни". В другом стихотворении он смиренно просит прощальное благословение тех, кто его знал:

*Я суму свою опустошил до дна,
Роздал все, собираясь в путь.
Если сегодня в ответный дар
Мне достанется что-нибудь —
Немного прощенья, немного любви,
Все возьму, отправляясь в последний путь,
На последнее празднество, на последнем плоту,
Отплывая в беззвучную темноту.*^[119]

Тянулся май, затем июнь, солнечный жар высушивал землю, и жестокая боль высасывала последние силы из тела больного. Но многие бенгальские критики утверждают, что в последних стихах, написанных в это время, кратких и энергичных, воссоздается "ужасающая красота", которой нет в его ранних творениях, сколь бы ни были они велики. Эти предсмертные стихи опубликованы после его кончины под названием "Шеш Лекха" ("Последние стихи").

Каждый день страдания становились все тяжелее, жар поднимался все выше, ночи не приносили облегчения. Врачи из Калькутты, которые приезжали осмотреть его, в один голос говорили о необходимости серьезной операции. Мысль об этом пугала больного — он не верил в современную медицину, не хотел, чтобы его тело взрезали ради целей научной хирургии. Но поделаться он ничего не мог. "Почему мне не дадут умереть спокойно? Разве я мало пожил?" — жаловался он.

Поэт знал, что конец близок, что время "птице пуститься в полет", как он писал в одном из старых стихотворений. Но окружающие оставались непреклонны. Они хотели воспользоваться любой возможностью, как бы призрачна она ни была, чтобы спасти его бесценную жизнь. Рабиндранат не смог устоять против уговоров своих родных и близких. Итак, он уступил, хоть и с тяжелым сердцем. Ничего ему так не хотелось, как закончить свою жизнь здесь, в Шантиникетоне, окруженным любимыми

людьми и любимой природой. Наступил июль, и дождевые облака уже собирались в небе, чтобы, как и в прежние времена, приветствовать его. Как не хотелось Тагору покидать эти места, которые он так любил, где каждое дерево возвращено под его опекой! "Наверное, я больше не увижу этих деревьев", — шептал он.

25 июля Тагора доставили в Калькутту. Близкие решили, и, видимо, правильно, что последние дни ему лучше провести под отчей кровлей, там, где когда-то родился. Через два дня он продиктовал стихотворение, которое своей краткостью, силой и дерзостью мысли звучит как эхо гимна из "Регведы":

*Солнце первого дня творенья
Вопрошало первое существо —
Кто ты?
Ответа не последовало.
Год за годом миновали,
Последнее Солнце последнего дня
Произносит последний вопрос
На западном берегу,
В безмолвный вечер —
Кто ты?
Но не получает ответа.*

Могут сказать, что это величественное стихотворение свидетельствует о том, что поэт покидал мир со словами сомнения, а не веры. Оба ответа — и положительный и отрицательный — слишком просты, чтобы принять их за правду. Тагор говорит об истине, которая находится за пределами веры и сомнения или включает в себя и сомнение и веру. Он сказал, что не знает ключа к великой тайне жизни и вселенной. Но этого не знает никто. Поэтому последняя строка о том, что вопрошающий не получает ответа, — свидетельство не пессимизма, а правдивости поэта.

Хирургическая операция состоялась 30 июля. Рано утром, прежде чем больного доставили в палату, он продиктовал свое последнее стихотворение:

*Пути своего созидания ты окутала
Причудливо пестрой, обманчивой сетью.
Обманчивая!*

*Ложной веры силки умело
В жизни земной расставила.
Ты обманчивость эту предназначила для величия,
Ты ему не дозволила в темной ночи таиться.*

.....
*Тот, кто смог победить обманчивость,
Из рук твоих получает
Нетленное право покоя.* [\[120\]](#)

Обычно поэт читал строки, продиктованные ранее, и вносил исправления. На этот раз он уже не смог этого сделать. Ему уже не суждено было оправиться от последствий операции, состояние его ухудшилось, сознание постепенно покинуло его и больше не возвращалось. 7 августа, через несколько минут после полудня, он испустил свой последний вздох в том самом старом доме в Джорашанко, где появился на свет восемьдесят лет и три месяца назад. Это был день полнолуния месяца Срабона, месяца дождей, столь прославленного в его песнях и стихах.

Ранее Рабиндранат сочинил песню, которую просил исполнить после его кончины. Она до сих пор исполняется в каждую годовщину его смерти.

*Океан покоя великого впереди,
В путь далекий, о кормчий, ладью мою поведи.
Вечным спутником стань мне, о кормчий мой,
В час отплытия мне лоно свое открой.
Будет с нами сияние Дхрува-звезды
В нескончаемом нашем пути.*

*О свободу дарующий, в странствии вечном, от зла
Ты прощением и милосердьем меня огради.
Пусть же с брэнной землею расторгнется связь,
Чтоб в объятья вселенной упасть,
Чтоб вступила душа моя, не страшась,
В Неизвестное, что ожидает ее впереди.* [\[121\]](#)

Наконец поэт отправился в свой последний путь со своей Возлюбленной у кормила, пустился в плавание к Великому неизвестному, которое он всегда искал в известном.

С ним, казалось, умер век. Несмотря на иностранное господство, эта эпоха будет все-таки вспоминаться как золотой век в индийской истории. Она не только заложила фундамент свободы Индии, но дала стране и миру двух из величайших людей Индии. Одному из них не суждено было увидеть страну свободной, другого убили неблагодарные соотечественники. Но те, чьи дела бессмертны, не умирают.

Махатма, который называл Тагора величайшим поэтом века, писал: "Едва ли была область общественной деятельности, на которую он не наложил бы отпечаток своей могучей личности". "Он был величайшей фигурой современного индийского ренессанса, — писал д-р С. Радхакришнан. — Такого поэта не имели несколько поколений. Он был в одном великом ряду с Вальмики и Калидасой". Индийская поэтесса Сароджини Найдугупта писала: "Его гений, красота, мудрость и остроумие, очарование и достоинство его личности сделали его при жизни уникальной, завораживающей фигурой. Теперь, когда он ушел, он станет прекрасной легендой, сказкой на все времена. Но его песня переживет поколение за поколением, свежая, как первые цветы весны, и столь же чарующая, как музыка лунного света". Джавахарлал Неру находился в это время в тюрьме. Он написал автору этих строк, который тогда был издателем журнала "Вишвабхарати Куотерли" следующее письмо, которое стоит того, чтобы привести его полностью, ибо оно обобщает историю великой жизни лучше, чем любые другие слова:

От Джавахарлала Неру

Окружная тюрьма

Дехра Дун

27 августа 1941 года

Кришне Крипалани

Шантиникетон, Бенгалия

Мой дорогой Кришна!

Месяц назад вы мне писали, и вскоре я получил номер "Вишвабхарати Куотерли", посвященный дню рождения Тагора. Мне понравился этот юбилейный номер, и некоторые картины и статьи были очень хороши.

Как давно, кажется, это было! Люди должны умирать рано или поздно, и Гурudev вряд ли смог бы прожить намного дольше. И тем не менее его смерть явилась для меня тяжелым ударом, и мне горько, что я уже больше никогда не увижу его прекрасного лица и не услышу вновь его тихий голос. С тех пор как я в

тюрьме, мысль эта меня преследовала. Не то чтобы у меня было что-то особенное, что бы я мог сказать ему, и, конечно же, у меня не было желания каким бы то ни было образом его беспокоить. Возможно, предчувствие, что мне не доведется снова увидеть его, само по себе усиливало эту тоску.

Как бы то ни было, все кончено, и вместо горечи давайте лучше поздравим себя с тем, что мы имели честь общаться с этой великой, замечательной личностью. Возможно, к лучшему, что он умер, когда еще мог изливать себя в песнях и стихах, — какая поразительная творческая сила была в нем! Мне было бы ужасно видеть, что он постепенно увядает. Он умер достойно, в зените своей славы.

Я встречал многих больших людей в разных частях света. Но в душе у меня нет сомнений, что два самых великих человека, которых я имел честь встречать, это Ганди и Тагор. Я думаю, что они были двумя самыми выдающимися личностями в мире за последнюю четверть века. Со временем, я уверен, это будет признано...

Меня удивляет, что Индия, несмотря на свое теперешнее положение (или благодаря ему?!), должна была произвести этих двух могучих людей в течение жизни одного поколения. И это также убеждает меня в глубокой жизнеспособности Индии. Поэтому я полон надеждой, и мелкие неудачи и сиюминутные раздоры кажутся незначительными и неважными перед великой неизменностью идеи — которая и есть Индия — с древних времен до сегодняшнего дня. Таков Китай. Индия и Китай — как они могут исчезнуть?

Еще одно постоянно меня удивляет. И Гурudev, и Гандиджи, оба взяли очень многое у Запада и других стран, особенно Гурudev. Ни тот, ни другой не были узкими националистами. Их призыв был обращен ко всему миру. И все же оба были на сто процентов детьми и наследниками Индии, представителями и пропагандистами ее вековой истории. Насколько же индийцами были они оба, несмотря на все их обширные знания и культуру! Удивительная вещь, что оба эти человека, имеющие столько общего и черпающие вдохновение из одного источника мудрости и мысли и культуры, столь сильно отличались друг от друга! Никакие два человека, вероятно, не различаются так сильно, как Ганди и Тагор!

И снова я думаю о богатстве индийского многовекового гения, который может дать в одном поколении две такие удивительные личности, во всем типичные для своей страны, но все же представляющие различные аспекты ее многогранной сущности.

Мое почтение вам и Нондите.

Искренне ваш

Джавахарлал Неру.

Великий гуманист

Итак, закрыта последняя страница биографии одного из величайших сыновей Индии — поэта, писателя, великого гуманиста Рабиндраната Тагора. Ее создатель — видный индийский литератор Кришна Крипалани, долгие годы проживший рядом с гениальным поэтом, работавший его секретарем. И не только — будучи женат на внучке Тагора Нондите, он стал и членом его семьи. После завоевания народами Индии независимости К. Крипалани активно участвует в строительстве национальной культуры. С 1954 по 1966 год он работал секретарем "Сахитья Академи" ("Литературная Академия"), задача которой — содействие развитию индийской литературы, представляющей, по словам Неру, "единство в многообразии", поскольку творится она на всех языках народов современной Индии. В настоящее время К. Крипалани возглавляет организацию "Нейшенел бук траст", занимающуюся организацией взаимного ознакомления народов Республики Индия с литературами друг друга.

Его перу принадлежит одна из интереснейших работ о современных индийских литературах, многочисленные статьи по актуальным вопросам литературной жизни. Наиболее значительным вкладом его в индийское литературоведение является именно биография Рабиндраната Тагора, вышедшая в 1980 году вторым, значительно дополненным, изданием, — первое опубликовано к столетию со дня рождения поэта в 1961 году.

К. Крипалани далеко не первый, предпринявший попытку проследить жизненный и творческий путь великого поэта. Среди его предшественников — бенгальский литературовед Прабхат Мукерджи, создатель четырехтомной хроники жизни и творчества Тагора, наиболее полной по фактическому материалу. К. Крипалани пошел по иному пути, выделив представляющиеся ему наиболее существенными факты и сумев дать достаточно яркий, цельный портрет поэта во всей многогранности и противоречивости его личности.

При этом, однако, какие-то стороны биографии Тагора, его творческой и идейной эволюции, бесспорно, представляющие интерес, оказались недостаточно выявлены, иногда в силу слабой разработанности в науке некоторых вопросов истории духовной жизни Индии. Оставляют известную неудовлетворенность оценки тех или иных произведений, но это объясняется в первую очередь избранным К. Крипалани жанром

биографического повествования, задача которого — дать в сравнительно небольшом объеме возможно более полную картину жизненного и творческого пути гениального поэта. К тому же автор сосредоточил внимание по преимуществу на внутренней эволюции Тагора, не столь полно освещая внешние исторические события, имевшие не менее существенное воздействие на сам характер этой эволюции. Но в этом сказалось определенное влияние давних индийских философских традиций, ориентированных на реализацию личности главным образом в процессе саморазвития.

Наш читатель стремится осознать личность великого человека во всем богатстве и сложности его общественных связей. Хотелось бы, например, видеть более обстоятельный рассказ о поездке поэта в Советский Союз, о его социальных взглядах, предопределявших его воззрения и позиции в вопросе мира и войны, отношение к современной ему бенгальской литературе и общеиндийскому литературному движению, Поэтому, отдавая должное К. Крипалани, хотелось бы, опираясь на проделанную советскими и зарубежными исследователями работу, несколько дополнить его книгу, отнюдь не претендуя на компенсацию того, что должно быть сделано в монографических исследованиях.

К. Крипалани уделил значительное внимание предкам Рабиндраната Тагора, восстанавливая буквально по крупицам реальных сведений и семейных легенд подлинную историю, в известной мере являющуюся типичной для развития индийского общества в XVIII–XIX веках. На примере его предков, особенно ближайших, деда Дароканата и отца Дебендроната, мы можем проследить сложные процессы, переживавшиеся в те времена индийским обществом в целом и бенгальским в частности.

Дед поэта принадлежал к тому первоначальному слою индийской буржуазии, который стал называться компрадорским. Ограничивая деятельность этого слоя лишь торгово-посредническими операциями, колониальные власти направляли их капиталы в землевладение, вызвав к жизни своеобразную буржуазно-помещичью аристократию. Но в деятельности Дароканата при всей его купеческой натуре и стремлении к богатству присутствовал и национальный интерес. Пафосом просвещения и предприимчивости были насыщены дела и слова Дароканата Тагора, соратника индийского просветителя Раммохона Рая, основателя первых организаций, отразивших рост национального сознания. Нельзя, конечно, не отметить, что повествование о предках несет на себе печать определенной идеализации, что вполне объяснимо влюбленностью автора в своего героя.

Интересно, что деятельность Дароканата нашла отражение и в русской периодике того времени. Так, русский публицист, переводчик, поэт и путешественник А.Г. Ротчев (1807–1873), странствовавший по Индии в конце 30-х — начале 40-х годов, в 1847 году рассказал об одном выступлении Дароканата. Вернувшись из длительной поездки по Европе, где он сумел увидеть не только блеск, но и нищету, Дароканат говорил:

"Не картины, статуи и дворцы, которые я видел, — часто одна суетная пышность насчет полезного и необходимого — возбуждали мое удивление, а паровые машины, тоннели и железные дороги. Главная трудность произвести такие предметы у нас на родине состоит в религиозных предрассудках народа, которые надо преодолеть. В Индии человек высшего сословия считает за грех перепилить пополам кусок дерева. Как же такому человеку достигнуть мастерства в искусстве? Суеверие — важное препятствие просвещению; будем надеяться, что с течением времени эта препопа устранилась и Индостан снова взойдет на ту высоту образованности, на какой стоял в древние времена".

Во время путешествия по Европе Дароканат благодаря своему богатству и щедрости получил прозвище Принц, откуда и берет начало легенда об аристократизме рода Тагоров. Но принадлежность к брахманству, высшей касте средневекового индийского общества, отнюдь не равнозначна аристократизму, тем более что кто-то из предков Тагора, как об этом рассказывает К. Крипалани, принадлежал к тому слою брахманов, который стал служить феодальным правителям, исповедовавшим ислам; этот слой получил название "пирали-брахман", звучащее парадоксально, поскольку объединял взаимно противоположные религиозные термины вроде "огнепоклонник-христианин". Потомки "пирали-брахманов" оказались в большой мере свободны от давления индуистской ортодоксии.

Дароканат принимал активное участие в деятельности основанного Раммохоном Раем религиозно-реформаторского общества "Брахмо Самадж", которое наряду с более радикальным течением "Молодая Бенгалия" оказало весьма серьезное влияние на духовную жизнь Бенгалии, да и всей Индии.

В атмосфере, созданной этими движениями, насыщенной горечью поражения национального восстания 1857–1859 годов, омраченной усилившимися репрессивными акциями британских колонизаторов, переживала сложный процесс становления национальная литература бенгальского народа. Важную роль в этом процессе сыграло семейство Тагора, в особенности Дебендронат, сын Дароканата. Дебендронат Тагор стал одним из видных деятелей так называемого Бенгальского

возрождения. Именно в его семье 7 мая 1861 года произошло событие, которому никто и не думал придавать сколько-нибудь существенного значения, — родился четырнадцатый ребенок. Ему дали имя, означающее "тот, кому покровительствует Солнце", — Рабиндранат.

Четырнадцатый ребенок... но ребенок в семье, которая уже сделала немало в истории страны и продолжала в лице не только отца, но уже и некоторых старших детей активно участвовать в формировании духовной жизни своего народа. Многие из членов семейства Тагоров появляются на страницах книги, но никто из них не достиг такого значения, как Рабиндранат, не только в национальной бенгальской и общеиндийской литературе, но и в мировой культуре. Практически нет той области духовной жизни, в которую он не внес бы своего вклада, не искал бы новых путей совершенствования человека и человечества. В одной из своих поздних работ Тагор писал: "Наша цель — раскрыть бесконечную личность человека. Это раскрытие не может быть достигнуто в отдельной личности, а лишь в единой великой гармонии всех человеческих рас". Он пришел к этому выводу на основе длительного экспериментирования на самом себе, личного и общественного опыта, осмысления истории своей родины и всего мира. Рабиндранат Тагор писал стихи, неустанно искал их новые формы — строфики, рифмы, ритма, создавал рассказы, романы, повести, пьесы, статьи, учебники, научные труды, сочинял музыку, рисовал, издавал журналы, занимался педагогической деятельностью, был живой связью народов своей страны с народами мира, с их культурой и жизнью, участвовал в важнейших общественных движениях против военной опасности и фашизма, за мир и сотрудничество народов в деле построения новой цивилизации.

Особый интерес в книге К. Крипалани представляет предыстория присуждения поэту Нобелевской премии, малоизвестная советским читателям. В самой Бенгалии Р. Тагор как поэт, прозаик и публицист стал популярен в конце XIX века. Это не осталось незамеченным и за пределами Индии — знаменитый английский индолог Дж. Фрэйзер уже тогда писал о Р. Тагоре как значительном представителе молодого поколения бенгальских поэтов. Но от этого упоминания до премии лежало еще полтора десятилетия активной творческой и общественной деятельности. За это время у Тагора вышло несколько сборников стихотворений, три тома рассказов, романы "Крушение" и "Гора", поэт активно публикуется в журналах, принимает участие в борьбе против раздела Бенгалии по религиозному принципу, готовившегося вице-королем Индии Керзоном. В 1908 году поэт выступает на конференции бенгальской

организации Индийского национального конгресса с широкой программой социальных преобразований. В 1911 году поэт опубликовал аллегорическую пьесу "Ачалаятан" ("Несокрушимая твердыня"), острую сатиру на закосневшее в традициях общество. В этом же году на очередной сессии Индийского национального конгресса Тагор исполнил сочиненную им самим песню "Джанаганамана", ставшую в 1950 году государственным гимном Республики Индия.

28 января 1912 года Бенгальская академия литературы торжественно чествовала поэта по случаю его пятидесятилетия. Этот год во многих отношениях стал значительной вехой в его жизни и деятельности. Поэт перевел на английский язык несколько песен, входивших в бенгальский сборник "Гитанджали". Во время поездки Тагора в Англию с ним знакомятся видные деятели английской культуры. В конце года вышло первое английское издание сборника, в который вошли стихотворения из издававшихся на бенгальском языке сборников "Гитанджали" и "Гитимолло". Вскоре последовало второе издание. Сборник получил широкий отклик в прессе. В сентябре 1913 года было объявлено, что Тагору присуждена Нобелевская премия "за наиболее выдающееся произведение идеалистической тенденции в области литературы".

На стихотворениях сборника лежит тень целой вереницы тяжелых личных утрат, в целом он окрашен в элегические и несколько мистические тона и поэтому оказался созвучен некоторым направлениям европейских литератур той поры, в том числе и русской, прежде всего символизму. То обстоятельство, что премия оказалась присужденной именно за этот сборник, надолго предопределило тенденцию не только интерпретировать все дальнейшее его творчество в религиозно-мистическом духе, но и оценивать подобным же образом всю его предшествующую деятельность, отбирать материал для новых переводов. Таким образом творчество бенгальского поэта оказалось вписано в ту модель Индии, мистической, спиритуалистической, которая сложилась в буржуазной науке того времени.

Само присуждение премии было беспрецедентным в истории мировой культуры — впервые индийцу, сыну бенгальского народа, представителю народов Азии, рассматривавшихся до того лишь в качестве объектов колониальной эксплуатации, присуждена самая значительная в те времена награда. Так Европа признала творческие возможности Азии.

Еще до получения премии поэт читал лекции об идеалах древнеиндийской цивилизации, проблеме зла в университете Чикаго, в Рочестере на конгрессе либералов выступил с речью "Расовый конфликт", в Бостоне — с лекциями, легшими в основу его книги "Творчество жизни". С

этого начался цикл поездок за пределы Индии. Следующее путешествие, совершенное в разгар мировой войны, привело его через Японию в США и опять в Японию, и лекции, прочитанные в этих странах, послужили основой для двух книг — "Национализм" и "Личное". Наиболее известная из них, "Национализм", явилась обвинительным актом против империализма как европейского, так и азиатского, вскормленного на шовинизме, неизбежным следствием и спутником которого является колониальное порабощение. Вышедшая впервые на русском языке в 1921 году, книга Р. Тагора вызвала интерес В.И. Ленина — экземпляр ее хранится в его кремлевской библиотеке.

В зарубежной тагороведческой литературе мало говорится о социальных идеалах поэта. А о том, что социальная справедливость есть насущная потребность общественного бытия, он стал задумываться достаточно рано. Особенно остро этот вопрос стал перед ним, когда ему пришлось непосредственно столкнуться с проблемами индийской деревни. В 1892 году Р. Тагор публикует статью, в которой, изложив основные принципы социализма, заявил: "Социализм стремится... к равномерному распределению материальных благ между всеми и тем самым к обеспечению возможно большей свободы для всех. Цель его — добиться единства и свободы в человеческом обществе".

История распространения социалистических идей в Индии пока еще изучена явно недостаточно, но можно утверждать, что уже в 70-х годах XIX века они были известны в Индии. Важным фактом является обращение к Генеральному совету Первого Интернационала некой инициативной группы с просьбой о разрешении сформировать секцию Интернационала в Калькутте. К сожалению, само обращение не "сохранилось, и неизвестно, кто же были его авторы, но есть протокол заседания Генерального совета от 15 августа 1871 года, на котором присутствовали К. Маркс и Ф. Энгельс. В протоколе отмечено, что секретарю поручено ответить на это обращение согласием, указав, что секция должна быть финансово самостоятельной и что необходимо включить в ее состав местных жителей.

Среди тех, кого историки считают возможными инициаторами обращения, называют трех лиц, связанных с семьей Тагора, точнее и прежде всего с отцом поэта Дебендронатом, — это Кешаб Чандер Сен, пытавшийся превратить "Брахмо Самадж" в массовую организацию, писатель Бонкимчондро Чоттопаддхай и шотландский миссионер Джеймс Лонг.^[122]

Эволюция взглядов Р. Тагора, борьба против колониального порабощения, осознание им глобального характера колониализма,

перспектив национально-освободительного движения, опасности перерастания национализма в шовинизм, потрясения первой мировой войны все больше укрепляли гуманистические и демократические начала в его мировоззрении, уверенность в неизбежности построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком и способствующего свободному развитию каждого во имя всех.

Для многочисленных индийских идейных течений конца прошлого — начала нынешнего века, так или иначе затрагивавших социалистический идеал, характерна народническая окраска, объективно определявшаяся тем обстоятельством, что Индия оставалась прежде всего аграрной, крестьянской страной, обремененной и феодальными пережитками, и колониальным угнетением.

У Тагора складывается система взглядов, которую он изложил в 1908 году в речи на конференции бенгальской организации партии Конгресса в Пабне. Для этой речи, кроме специфических для Бенгалии проблем и вопросов тактики индийского национально-освободительного движения, характерно глубокое понимание существа капиталистических отношений и на уровне метрополии, и в условиях колоний. Кстати сказать, эта же речь содержит и первое упоминание поэта о положении рабочих. "В самой Европе капиталист стремится зажать рабочего в железные тиски, с тем чтобы расчистить себе путь к обогащению. Это вызвало серьезные столкновения. В Индии капиталист не только богач, он еще и тюремщик и заложил себя в Ливерпуле".

Социальный смысл этой речи заключался, однако, в разработанной самим Тагором утопической схеме преобразования страны на основе объединения усилий землевладельцев и земледельцев. "Настало время, — говорил он, — сломать искусственные барьеры и объединиться с массами, чтобы бороться за наше общее благо и тем самым спасти общество от распада". При всей умозрительности высказывавшихся Тагором соображений нельзя не отметить и трезвых представлений о том, что путь решения аграрных проблем лежит через кооперирование крестьян и механизацию крестьянского труда, ведения сельского хозяйства на основе новейших достижений науки и техники. Жизнь, однако, постоянно сталкивала с реальными требованиями. Старший сын поэта Ротхиндронат в книге мемуаров "На краю времен" рассказал о поездке с отцом в середине 20-х годов в деревню. Поэт встретился с крестьянами и беседовал об их делах и нуждах. В конце разговора поднялся старый крестьянин и сказал: "Что толку от всего разговора, почтенный. Я не думаю, что наши молодые люди смогут много сделать с помощью всех этих вздорных реформ,

которые они нам так бойко объясняют. Дайте нам Ленина, и все переменится".

Поэт пристально следил за изменениями, происходившими в облике современного ему мира. Уже в середине 1918 года он выступил с положительной оценкой Великой Октябрьской революции. На многих его печатных выступлениях последующих лет лежит отсвет великих социальных преобразований, осуществлявшихся народами России под руководством большевиков.

Гуманистические и демократические настроения Тагора, несмотря на все барьеры, воздвигавшиеся и колониальными властями, и крайними, шовинистически настроенными кругами в азиатских странах, делали его активным борцом за мир, демократию и гуманизм. Достаточно обратиться к его выступлениям, например, 1933–1940 годов, таким, как "Смена эпох", "Значение литературы", "Вероисповедание художника", "Кризис цивилизации", и другим, представляющим собой пространную и провидческую исповедь гениального сына Индии, обращенную не только к Индии и Азии, но и всему человечеству.

В литературной и общественной деятельности Рабиндраната Тагора отразилась характернейшая тенденция общеиндийского литературного процесса — обращение писателей и поэтов к насущным жизненным проблемам современности. Яркими представителями этой тенденции, приведшей в 30-х годах XX столетия к возникновению прагматива, то есть прогрессивной литературы, были Валлатол в литературе малаялам, Премчанд в хинди, Пуран Сингх и Дханирам Чатрик в панджаби, Субрахманиям Бхароди и Пудумейпиттан в тамили и т. д. Само движение прогрессивной литературы оказалось созвучно многим творческим устремлениям самого поэта, о чем говорит сопоставление его выступлений о цели и задачах литературы с программной речью великого прозаика хинди Премчанда "Цель литературы", произнесенной на I конференции Ассоциации прогрессивных писателей Индии 26 апреля 1936 года.

Рабиндранат Тагор оказал воздействие на всемирный литературный процесс прежде всего тем, что засвидетельствовал перед всем миром громадный творческий потенциал народов Азии и вместе с тем их способность преодолевать традиции и активно соучаствовать в преобразовании мира. Особенно горячо и сочувственно его творчество было воспринято в России.

Русский читатель, русская критика с восторгом встретили сообщение о присуждении премии Тагору. Крупнейшие журналы того времени "Нива", "Огонек", "Природа и люди", литературный журнал "Современник"

опубликовали статьи о поэте, с которых началось русское тагороведение. Сразу же появились и первые переводы, и не только на русский язык. Уже в 1914 году начинается издание первых собраний сочинений, в которых принимали участие видные русские литераторы. Это были еще переводы с английского — стихотворения, философские эссе, пьесы. Появляются отдельными публикациями и прозаические произведения. Большой интерес к его творчеству проявляют Бунин, Бальмонт, Брюсов и многие другие деятели русской литературы.

Но подлинное знакомство с творчеством великого индийского поэта началось после Великого Октября. До времени завоевания народами Индии независимости в Советском Союзе произведения Р. Тагора были изданы более пятидесяти раз на русском и грузинском, украинском, татарском, башкирском и других языках. Еще шире переводились произведения великого бенгальского поэта после 15 августа 1947 года. К уже названным языкам добавляются армянский и туркменский, таджикский и узбекский, казахский и киргизский, латышский и литовский, эстонский и молдавский, каракалпакский и другие. Только на русском языке уже изданы три собрания сочинений — восьмитомное, осуществленное в 1955–1957 годах, двенадцатитомное, вышедшее в 1961–1965 годах, и четырехтомное, завершённое в 1983 году. Все они зиждутся на прочной основе обстоятельных исследований его творчества, осуществленных советскими индологами, из числа которых Вера Александровна Новикова (1918–1972) была удостоена премии Рабиндраната Тагора.

Работа советских исследователей и переводчиков над творчеством великого бенгальца продолжается, и последним достижением ее стала фундаментальная монография латвийского индолога В.Я. Ивбулиса "Литературно-художественное творчество Рабиндраната Тагора", изданная в 1981 году в Риге.

Сам поэт, познакомившийся с идеей социализма еще в 90-х годах прошлого века, глубоко интересовался теми безграничными возможностями, которые открылись перед народами Советской России благодаря революционным преобразованиям. Уже к середине 20-х годов во время пребывания в Швеции поэт встретился с советским общественным деятелем А.Я. Аросевым и говорил ему: "Ах, вы не представляете себе, как мне уже с давних пор хочется попасть в вашу страну, которую я люблю по ее литературе. А теперь, когда ваш народ стал совсем новым, совсем другим, чем раньше, как рассказывали мне мои друзья, я с тем большим нетерпением рвусь туда..." В 1926 году поэту было направлено приглашение от ВОКСа, в котором говорилось: "Миллионы читателей в

нашей стране переживали и переживают мысли, чувства и поступки героев, вызванных к жизни Вашей рукой. Между Вами и народами Союза уже давно создалась та интимность, которая выпадает на долю действительно великих художников слова".

И наконец осенью 1930 года состоялась встреча великого бенгальского поэта с Советской страной. Две недели, проведенные Тагором в Москве, стали для него подлинным открытием. Выступая в начале визита, он говорил: "Я приехал в эту страну, чтобы поучиться. Я хочу поучиться и узнать, как вы решили и решаете у себя проблемы культуры. Меня привело здесь в восторг то, что вы впервые дали возможность приобщиться к просвещению всему народу, открыли перед ним двери школ, театров, музеев... Моя мечта — создать свободного человека, связанного с трудом... Вы в деле создания творческой личности делаете то, что я, как одиночка, сделать не мог. В этом ваша бессмертная заслуга перед человечеством".

Он встречался с художниками и рабочими, писателями и учеными, педагогами и артистами, пионерами и студентами. 16 сентября 1930 года в Центральном Доме крестьянина Тагор встретился с группой советских крестьян. В оживленной беседе — вспомним, что она проходила в разгар коллективизации, — поэт с радостью знакомился с успехами советского крестьянства, с преимуществами ведения коллективного хозяйства, с достижениями в подъеме культурного уровня крестьянства. Подытоживая беседу, он говорил, обращаясь к ним: "Если мы сможем научиться вашему опыту, мы будем в состоянии разрешить крестьянскую проблему в Индии наиболее эффективным образом".

После обширной программы встреч в Москве, в которую входила и выставка его картин, с большим интересом встреченная художественной общественностью советской столицы, в Колонном зале Дома союзов состоялся прощальный вечер. В нем принимали участие многие писатели и поэты, в том числе Ф. Гладков, Н. Асеев и Г. Шенгели. Выступая с речью, Р. Тагор заключил ее словами: "...Я благодарю всех вас, кто помог мне увидеть воплощение моей мечты, которую я долго, долго вынашивал в душе, мечты об освобождении народного духа, скованного в течение целых столетий. За это я благодарю вас".

Состояние здоровья не позволило ему выехать в Ленинград, и, обращаясь к академику Ф.И. Щербатскому с письмом, он заявил: "Мой визит в Россию был полон сюрпризов и больших размышлений относительно моей родины". Именно эти размышления и впечатления составили содержание его книги "Письма из России", сыгравшей исключительную роль в распространении в Индии правды о Советской

стране, о социализме, воплощенном в жизнь.

Потрясения первой мировой войны с особой остротой поставили перед человечеством вопрос о его будущем. Ответ на этот вопрос дал Великий Октябрь, провозгласивший программу мира, равноправия народов, ликвидации эксплуататорского общества, положивший начало фундаментальным социальным переменам во всем мире. Индийская общественность оценила Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России как "счастливейшее событие в жизни нашего поколения" ("Нейшн", 26. II. 1917).

Лучшие умы человечества восприняли торжество Октября как новую эру в истории человечества, как событие величайшего гуманистического смысла. Лозунги Октября были созвучны их гуманистическим устремлениям, и именно поэтому крупнейшие деятели мировой культуры оказались мишенью для нападков сил империализма и реакции как на Западе, так и на Востоке. Не избежал этого и Рабиндранат Тагор. С такого рода нападками ему пришлось столкнуться еще во время первой поездки в Японию, когда он выступил против шовинизма. Уже тогда силы империалистической реакции почувствовали в нем непримиримого врага. Литературная и политическая деятельность, четкая антиимпериалистическая и антиколониалистская позиция, непосредственный и активный отклик на важнейшие события и процессы мировой истории не оставляли сомнений в последовательной народности Рабиндраната Тагора. Это было причиной того, что во время поездок по странам Европы и Азии то его характеризуют как "инструмент большевистского заговора против германской расы", то пишут о его взглядах: "Доктрины и принципы, которых придерживается доктор Тагор, являются столь же опасными и ядовитыми для Китая, как доктрины и принципы Карла Маркса". Но поэт твердо стоял на тех гуманистических позициях, которые занимали лучшие представители мировой культуры двадцатого столетия — Ромен Роллан, Максим Горький, Томас Манн, Бернард Шоу, Анри Барбюс и многие другие.

Гражданская совесть поэта не знала национальной или религиозно-общинной ограниченности, и с течением времени его все больше и острее одолевала тревога за будущее мира. Он видел нарастание военной опасности и понимал, что ее авангардом являются германский и итальянский фашизм и японский милитаризм. "Борьба неизбежна в этом мире, — писал он в середине 30-х годов. — Мы должны сражаться — и неустанно!!! — против зол, угрожающих нам, ибо, мирясь с ними, мы признаем за ними право на существование..."

Еще в июле 1933 года в замечательной статье "Смена эпох" он подвел итог всему, что мир пережил с тех пор, как в пламени первой мировой войны, с капиталистической цивилизации слетели разом все покровы. Тагор писал: "Западная цивилизация более не признает таких понятий, как честь. Нечеловеческая жестокость стала предметом бесстыдной гордости. И мы видим, как японцы, лучшие азиатские ученики европейцев, стараются в Корее и в Китае перещеголять своих учителей, а когда их критикуют за бесчинства и попрание законов, они со смехом приводят примеры из европейской истории... Та самая Европа, которая когда-то упрекала в бесчеловечности Турцию, сегодня открыто проповедует фашизм... В Италии инакомыслящих вывозят в концлагерь на острове, и мы все знаем, что там за ад. В Германии, где когда-то светоч европейской культуры сиял ярче всего, отброшены прочь все культурные ценности — и с какой легкостью это было сделано по всей стране!"

Его не переставало тревожить злоупотребление великими достижениями науки и техники. Второй раз в жизни поднявшись на самолете, он записывает: "...как ужасна может стать такая отчужденность, если однажды понадобится обрушить сверху град разрушений на эту неопределенность, распростертую внизу. Кто здесь убийца, кто здесь жертва? Кто свой, кто чужой?" Эта мысль еще более омрачала поэта из-за известий о предпринятых британскими ВВС бомбардировках в Ираке, в результате которых целые деревни исчезали с лица земли. Поэт как бы предвидел чудовищное отчуждение, позволившее американским вандалам ввергнуть Хиросиму и Нагасаки в кошмар атомного пожара, заливать напалмом Корею, вести "ковровые бомбежки" во Вьетнаме, лихорадочно искать все более изощренные средства массового уничтожения.

Здоровье не позволило поэту принять участие в Международном конгрессе писателей в защиту культуры, состоявшемся в 1935 году в Париже, но он неуклонно выражает гневный протест против агрессии, против попрания фашизмом национального суверенитета европейских, африканских или азиатских государств. Японское вторжение в Китай вызвало гневное осуждение Тагора как преступление против мира и человечности, скрытое за завесой демагогии и религиозного лицемерия.

Японский литератор Ногучи упрекнул Тагора в том, что поэт не понял великой миссии Японии в создании "нового великого мира Азии для Азии". Отвечая на это, Тагор дал заслуженную и сокрушительную отповедь не только самому Ногучи, но и всем пропагандистам паназиатизма. Великий поэт писал: "Ваша концепция "Азия для Азии" есть инструмент политического шантажа... Вы строите такую концепцию Азии, которая

венчает башню, сложенную из черепов".

Сегодня снова действуют в мире силы, которые, опираясь на подобные же концепции, будь то "Азия для Азии", "Рах Атепсапа", идеи расового превосходства или миссии "богоизбранного народа", представляют угрозу самой жизни на нашей планете. И вполне актуален призыв Тагора "К совести Человечества", с которым он выступил еще в 1937 году.

"В Испании возникла угроза мировой цивилизации, и над ней занесен солдатский сапог. Франко взметнул грязное знамя мятежа против правительства, демократически избранного народом Испании. Международный фашизм бросает все силы и средства на помощь мятежникам. Солдатня из иностранного легиона и марокканская кавалерия заливают прекрасные равнины Испании, оставляя за собой смерть, голод и разорение.

Мадрид, гордый центр культуры и искусства, горит, бесценные сокровища искусства подвергаются бомбардировке мятежниками, не щадящими ни больницы, ни детские сады, женщины и дети истребляются, калечатся, лишаются крова.

Этот разрушительный поток международного фашизма должен быть остановлен. В Испании должен быть дан решительный отпор бесчеловечному возрождению обскурантизма, расовых предрассудков, насилию, прославлению войны. Цивилизация должна быть спасена от угрозы гибели, порожденной варварством.

В этот час роковых испытаний и страданий, выпавших на долю испанского народа, я взываю к Совести Человечества:

Помогите Народному фронту в Испании!

Помогите Народному правительству!

Миллионами голосов крикнем реакции: "Стой!" Сплотим миллионы на помощь демократии во имя спасения цивилизации и культуры!"

Тагор сохранял удивительную творческую активность и острую восприимчивость все последние годы жизни, омрачавшиеся разгоравшимся заревом войны. Среди его последних работ была статья "Кризис цивилизации", зачитанная 14 апреля 1941 года в Шантиникетоне, в канун его восьмидесятилетия, подлинное политическое завещание великого сына Индии. Оставалось немногим больше двух месяцев до начала агрессии германского фашизма против Советской страны.

В блестяще написанной статье поэт сводил счеты с иллюзиями относительно буржуазной демократии и утверждал свою неистребимую веру в Человека. На фоне преступлений империализма и колониалистского варварства Тагор обращал особое внимание на достижения народов

Советской страны: "Перед лицом их цивилизации равны все нации, она строит человеческие отношения на подлинно гуманной основе. Признаюсь, я не мог удержаться от восхищения и зависти при виде того, как удивительно быстро возрождается народ этой страны".

С ужасом и гневом пишет поэт о плодах капиталистического варварства: "Сейчас, когда я пишу эти строки, по Европе, оскалив клыки и выпустив когти, бродит жестокое чудовище, оно сеет ужас и страх. Дух насилия — это порождение западной цивилизации — пробудился ото сна: он растлеивает человеческие души, отравляя своим зловонием воздух во всем мире. Не он ли виноват в нашей беспомощности, в нашей невылазной, беспросветной нищете?"

Настанет день, когда, по воле судьбы, англичане вынуждены будут покинуть Индию, пока еще входящую в их империю. Какую ужасающую бедность оставят они после своего ухода, какое опустошение! Сколько грязи останется после того, как схлынет поток их более чем векового господства".

Ему оставалось жить всего три месяца, и он, осознавая неизбежность своего конца, тем не менее не утрачивал чувства исторического оптимизма. Он утверждал: "Потерять веру в человечество — страшный грех: я не запятнаю себя этим грехом. Я верю, что после бури в небе, очистившемся от туч, засияет новый свет: свет самоотверженного служения человеку, Откроется новая, незапятнанная страница истории..."

Думать, что человечество может потерпеть окончательное поражение, — преступно!"

7 августа 1941 года завершилась блистательная жизнь великого сына Индии, вписавшего многие замечательные страницы в историю всемирной литературы. Оценивая все сделанное им, подпольный тогда орган Коммунистической партии Индии "Комьюнист" опубликовал следующий некролог:

Истинный поэт

Рабиндранат Тагор, наш национальный поэт, скончался. Он обращался за вдохновением к прошлому, но смело вперял взор в будущее в поисках надежды. В нашей стране, затопленной феодальными предрассудками, он защищал Разум и высоко вздымал знамя Индийского Возрождения, поднятое Раммохоном Раем. Тагор утвердил Индию на карте мировой культуры. Всякий шаг в прогрессе науки и всякое прогрессивное общественное движение встречали его поддержку и вызывали его восхищение. Он был подлинным патриотом — в знак протеста против расправы в Джаллианвала Багх он отверг почетное звание, пожалованное английским королем. Ничто не возмущало его более, чем наше собственное рабство, и он не упускал ни единого случая утвердить наше национальное достоинство и помочь делу национального освобождения. Он боролся против любого проявления национального шовинизма у наших собственных литераторов и был безмерно счастлив быть наставником наших молодых прогрессивных писателей. Национально-освободительное и культурное движение нашей страны лучше осознало свое место в мире сегодняшнем и в мире будущем, когда Поэт выступил страстным сторонником Советского Союза. Одним из самых последних актов Поэта было его согласие стать патроном общества "Друзья Советского Союза", недавно возникшего среди бенгальской интеллигенции. Наша Партия склоняет свое Красное знамя перед памятью Поэта и клянется вести борьбу за утверждение в нашей стране тех условий, о которых Поэт пел в присутствии его духа:

*Там, где жизнь свободна от оков,
Где свободна от страха мысль
И смело шагает Человек
С гордо поднятой головой,
Там, в этом царстве Свободы,
Да возродится моя страна!*

("Комьюнист", т. III, № 6, август 1941)

Советские люди одержали всемирно-историческую победу над чудовищем фашизма, положившую начало необратимому процессу выхода

народов Азии и Африки на путь независимого развития. Уже в 1947 году народы Индии обрели независимость, за которую боролись лучшие ее сыны. Немалые успехи достигнуты ими на пути независимого развития. В неустанном труде по преобразованию страны, преодолению последствий колониального прошлого индийский народ встретил полное понимание и бескорыстную помощь и сотрудничество со стороны советских людей. Скрепленная волей народов обеих стран, выраженной в равноправных и взаимовыгодных соглашениях, дружба двух великих народов играет весьма важную роль в упрочении мира, в создании того миропорядка, о котором мечтал Рабиндранат Тагор. "Будущее наше — в умении объединить свои силы с теми силами на земле, которые жаждут положить конец эксплуатации человека человеком и нации нацией".

Великий индийский поэт принадлежит к числу тех, кто закладывал основы советско-индийской дружбы, этой замечательной и драгоценной для обеих стран народной традиции. Для советских людей имя Рабиндраната Тагора стоит в ряду величайших представителей мировой литературы, замечательных мыслителей, внесших значительный вклад в формирование духовного облика современного человечества. Интерес к его творчеству и личности растет — ведь он относится к числу тех гигантов мысли, гениев художественного и научного творчества, рожденных Индией, чье наследие обогатило духовную жизнь нашей планеты. Способствовать удовлетворению этого интереса и призвана талантливая книга индийского литературоведа К. Крипалани.

И.Д. Серебряков

Основные даты жизни и творчества

1861, 7 мая — в семье видного общественного деятеля Индии Дебендроната Тагора родился сын Рабиндранат.

1869 — начало обучения в школе.

1875, 18 февраля — первое публичное выступление Рабиндраната Тагора с чтением своих стихов.

1875. - умирает мать поэта Шарода Деби,

1876 — в журнале "Генанкур" ("Побеги знания") опубликована поэма Тагора "Лесной цветок".

1877 — Рабиндранат начинает сотрудничать в журнале "Бхароти".

Сентябрь 1878 — февраль 1880 — пребывание в Англии; занятия английским языком и литературой, юриспруденцией, латынью; в журнале "Вхароти" публикуются его "Письма путешественника в Европу".

1881 — пишет музыкальную драму "Вальмикипротибха" ("Гений Вальмики"); — работает над циклом стихов "Вечерние песни".

1881, апрель — печатает статью "Торговля смертью в Китае", в которой резко осуждает английскую торговлю опиумом в Китае.

1883 — пишет пьесу "Пракритир протишодх" ("Месть природы"),

1883, 9 декабря — женитьба на Мринолини, дочери Бенимадхава Райчоудхури, служащего в одном из поместий Тагоров.

1884, апрель — поэт тяжело переживает кончину Кадамбори Деби, жены старшего брата;

— опубликовал сборник-мистификацию "Поэмы Бхану Шингхо".

1886 — издал первый сборник песен "Робичхая";

— выступает перед открытием учредительного заседания Индийского национального конгресса с пением "Вандематарам" — гимна индийского национально-освободительного движения.

1886 — публикует цикл стихов "Диезы и бемоли", содержащий переводы Гюго, Браунинга, Суинберна, Шелли и других европейских поэтов; — родилась дочь Мадхурилоота.

1888 — родился сын Ротхиндронат.

1890 — путешествует по Европе, посещает Италию, Францию, Англию.

1890, 3 ноября — выходит сборник стихов "Маноши",

1896 — издает сборник стихов "Чойтали".

1898 — участвует в кампании протеста против ареста индийского

демократа Б.Г. Тилака.

1900 — сборник стихов "Кхоника".

1901 — сборник стихов "Нойбеддо".

1901, 22 декабря — открывает школу в Шантиникетоне.

1902 — замужество дочерей.

1902, 23 ноября — смерть жены Мринолини Деби.

1903, сентябрь — смерть дочери Ренуки.

1905, 19 января — смерть отца;

— читает цикл лекций о литературе.

1907, 11 ноября — смерть сына Шомендры.

1908 — избирается председателем Бенгальской провинциальной конференции (филиала Индийского национального конгресса в Бенгалии); выступает с речью, в которой излагает свои антикапиталистические взгляды и предлагает систему аграрных преобразований.

1907–1910 — в журнале "Пробаши" публикует роман "Гора".

1910 — публикует сборник стихов на бенгальском языке "Гитанджали".

1911, 27 декабря — на очередной сессии Индийского национального конгресса исполнена написанная Тагором песня "Джанаганамана", ставшая с 1950 года государственным гимном Республики Индии.

1912, 28 января — начало перевода на английский язык сборника "Гитанджали".

1912, ноябрь — издание "Гитанджали" на английском языке;

— встречи в Англии с Бертраном Расселом и Бернардом Шоу.

1913, 13 ноября — присуждение Рабиндранату Тагору Нобелевской премии за выдающиеся достижения в области литературы.

1913, 26 декабря — Калькуттский университет присваивает Рабиндранату Тагору ученую степень доктора литературы.

1915, март — первая встреча с Ганди.

1915–1916 — в журнале "Шобудж потро" печатается роман "Дом и мир".

1916, май — путешествие в Японию и США.

1917, март — выход книги "Национализм", в которой поэт осуждает империализм и шовинизм.

1919, 13 апреля — кровавая расправа англичан с участниками мирной демонстрации в городе Амритсаре.

1919, 26 июня — письмо с отказом от всех английских почестей в знак протеста против бойни в Амритсаре;

— пишет сатиры "Обучение попугая", "Суд лошади", "Призрак

старика";

— Рабиндранат Тагор подписывает подготовленную Р. Ролланом "Декларацию независимости духа".

Май 1920 — июнь 1921 — поэт путешествует по странам Европы и США для сбора средств для создания университета в Шантиникетоне; во время путешествия встречается с Роменом Ролланом, Томасом Манном, Кнутом Гамсуном, Герхартом Гауптманом и другими видными деятелями европейской культуры.

1921, 23 декабря — официальное открытие университета Вишвабхарати в Шантиникетоне.

1922 — основывает Институт реконструкции сельского хозяйства.

1924 — путешествует по Китаю и Японии;

— встречается в Пекине с советским дипломатом Л. Караханом и в беседе с ним выражает свое горячее желание посетить Советский Союз.

1926 — письмо в "Манчестер гардиан", в котором Тагор осуждает итальянский фашизм.

1926, сентябрь — беседа с представителем ВОКСа в Швеции А.Я. Аросевым о желании посетить СССР;

— А.В. Луначарский при встрече с Тагором в Берлине по поручению Советского правительства приглашает поэта посетить СССР.

1927, начало года-Рабиндранат Тагор включен в список приглашенных на празднование X годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

1928, апрель — письмо Тагора племяннику Шоумендранату о желании познакомиться с кооперативным движением и состоянием просвещения в советской деревне;

— отправка ВОКСом литературы в дар университету Вишвабхарати.

1930 — встреча Рабиндраната Тагора с А.В. Луначарским в Берлине.

1930, 11 сентября — прибытие Рабиндраната Тагора в Москву.

1930, 12 сентября — встреча с председателем ВОКСа, выдающимся деятелем партии, профессором Ф.Н. Петровым;

— встреча с советскими писателями и учеными.

1930, 13 сентября — встреча со студентами и профессурой Москвы;

— вернисаж Р. Тагора, на котором присутствовали директор Государственной Третьяковской галереи М.П. Кристи и искусствовед А.А. Сидоров.

1930, 14 сентября — посещение 1-й пионеркоммуны имени А. Кингиной, беседа с пионерами.

1930, 16 сентября — Рабиндранат Тагор посещает Центральный Дом

крестьянина, беседует с крестьянами о колхозах и ходе коллективизации, о преимуществах коллективного ведения хозяйства;

— присутствуют на спектакле "Воскресение" в Московском Художественном театре.

1930, 17 сентября — открытие в Музее нового западного искусства выставки художественных произведений Р. Тагора;

— группа советских художников преподносит в дар Р. Тагору выполненную в мраморе маску Л. Н. Толстого;

— Р. Тагор присутствует на спектакле "Петр Первый" во 2-м Художественном театре.

1931–1932-издание трехтомного собрания песен и музыкальных драм "Гитобитан".

1932-поездка в Иран;

— публикация стихотворных циклов "Завершение" и "Постскриптум";

— создание повести "Две сестры".

1933-поездка по Индии со студентами университета Вишвабхарати;

— читает лекции в университете Андхры, опубликованные в 1937 году отдельной книгой под названием "Человек";

— пьесы "Чондалика" и "Карточное государство";

— повесть "Цветник";

— цикл стихотворений "Бичитрито".

1934 — встреча с Джавахарлалом Неру в Шантиникетоне;

— путешествие на Цейлон и юг Индии;

— публикация романа "Четыре части".

Конец 1935 — начало 1936-поездка по северной Индии.

1936, май — направляет приветствие первой конференции прогрессивных писателей Индии.

1937-подписывает обращение в защиту Испанской республики;

— выступает на конференции бенгальских писателей.

1938 — болезнь;

— отвечает японскому литератору Ногучи, разоблачая человеконенавистнические планы японского милитаризма.

1940 — публикует книгу рассказов "Три друга".

1941, 14 апреля — на годовичном акте в университете Вишвабхарати зачитывается речь "Кризис цивилизации" — политическое завещание поэта.

1941, май — Коммунистическая партия Индии направляет поэту приветствие по случаю его 80-летия.

1941, июнь — Тагор публикует в "Калькутта мьюнисипал магазин"

ответ г-же Рэтбоун, в котором разоблачает лицемерие британской политики в Индии.

1941, 7 августа — после тяжелой болезни и операции Рабиндранат Тагор умирает.

1950 — Учредительное собрание Республики Индии объявляет песню Рабиндраната Тагора "Джанаганамана" государственным гимном.

1971 — песня Рабиндраната Тагора "Шонар Бангла" ("Золотая Бенгалия") объявлена государственным гимном Народной Республики Бангладеш.

(Составил И. Д. Серебряков)

Краткая библиография

- Р. Тагор. Сочинения в восьми томах. М., 1955–1957.
- Р. Тагор. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1961–1965.
- Р. Тагор. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1981–1983.
- Рабиндранат Тагор. (Из книг "Садовник", "Гитанджали", "Лунный серп"). Перевод с англ. в стихах А. Б. Грузинского. М., 1918.
- Рабиндранат Тагор. Садовник. Гитанджали. Пер. с англ. И. Сабашникова. М., 1919.
- Рабиндранат Тагор. Национализм. Пер. с англ. А. Шклявер. Берлин, 1921.
- Рабиндранат Тагор. Национализм. Пер. с англ. И.Я. Колубовского и М.И. Тубянского. Пг., 1922.
- Рабиндранат Тагор. Новые рассказы. Пер. с англ. С.А. Андрианова. Пг. — М., 1923.
- Рабиндранат Тагор. Голодные камни. Пер. с англ. С.А. Андрианова, под ред. и послеслов. М.И. Тубянского. Л., 1925.
- Рабиндранат Тагор. Свет и тени. Рассказы. Пер. М.И. Тубянского (с бенгал.), Г. П. Федотова и Б.Р. Русс (с англ.). Под общ. ред. и с примеч. М.И. Тубянского. Л., 1925.
- Рабиндранат Тагор. Бенгалия. Избр. отрывки из писем. 1885–1895. Пер. с англ. О.П. Червонского. М. — Л., 1927.
- Рабиндранат Тагор. Рассказы. Пер. с бенгал. Сост. и авт. вступит. статьи А. Гнатюк-Данильчук. М., 1955.
- Рабиндранат Тагор. Пьесы. Пер. с бенгал. М., 1957.
- Рабиндранат Тагор. Дом и мир. Роман. Пер. с бенгал. В. Новиковой. Под ред. Е.М. Быковой. М., 1956.
- Рабиндранат Тагор. Крушение. Пер. с бенгал. Е. Смирновой и И. Товстых. Предисл. Е. Смирновой. М"1956.
- Рабиндранат Тагор. Гора. Роман. Пер. с бенгал. Е. Алексеевой, Б. Карпушкина и Е. Смирновой. Под ред. В. Новиковой. Предисл. А. Гнатюка-Данильчука. М., 1956.
- Рабиндранат Тагор. Последняя поэма. Роман. Пер. с бенгал. И. Световидовой. Стихи в пер. А. Адалис. Под ред. и с предисл. В. Новиковой. М., 1956.
- Рабиндранат Тагор. Письма о России. Пер. с бенгал. и предисл. М. Кафитиной. М., 1956.

Рабиндранат Тагор. Избранное. Стихи и пьесы. Предисл. Э. Комарова.
Составление Е. Чельшева. М., 1972.

Исследования на русском языке

- Венгерова З. Рабиндранат Тагор. — "Современник", Пг., 1915, № 3.
- Ольденбург С.Ф. Рабиндранат Тагор. — "Огонек", М., 1926, № 51.
- Серебряков И.Д. Народный писатель Индии. — "Звезда Востока", Ташкент, 1947, № 1.
- Серебряков И.Д. О творчестве Рабиндраната Тагора. — "Звезда Востока", Ташкент, 1956, № 8,
- Новикова В.А. Поездка Рабиндраната Тагора в Советский Союз. — "Ученые записки ЛГУ", Л., 1960, № 279, вып. 9.
- Гнатюк-Данильчук А.П. Рабиндранат Тагор. Критико-биограф. очерк. М., 1961.
- Рабиндранат Тагор. К столетию со дня рождения. Сборник статей. Ответственные редакторы Н.М. Гольдберг, Ш. Чаттерджи, Е.П. Чельшев. М., 1961.
- Гнатюк-Данильчук А.П. Становление реалистического метода в творчестве Р. Тагора (рассказы 1891–1895 гг.). — "Современная индийская проза". М., 1962.
- Бросалина Е. О гуманизме драматургии Р. Тагора. — "Ученые записки ЛГУ". Серия востоковедческих наук. Л., 1962, № 306, вып. 16.
- Товстых И. Бенгальская литература. М., 1965.
- Гамаюнов Л.С. Индия. Исторические, культурные и социально-экономические проблемы. М., 1972.
- Ивбулис В.Я. Литературно-художественное творчество Рабиндраната Тагора. Рига, 1981.
- Октябрьская революция: ее воздействие на индийскую литературу. М., 1980.

На иностранных языках

- Aronson A. Rabindranath Through Western Eyes. Allahabad, 1943.
- Das Gupta S. Tagor's Asian Outlook. Calcutta, 1961.
- Frazer R. W.A. Literary History of India. New York, 1898.
- Furrell J.W. The Tagore Family: a Memoir. Calcutta, 1892.
- Golden Book of Tagore: A Homage to Rabindranath Tagore from India and the World in Celebration of his Seventeenth Btrthday. Calcutta, 1931.
- Hay S. N. Asian Ideas of East and West. Tagore and the Critics in Japan, China and India. Cambridge, Massachusets, 1970.
- Hiralal Seth. Tagore and Socialism. Lahore, 1946.
- Khano1kar G.D. The Lute and the Plough. A Life of Rabindranath Tagore. Bombay, 1963.
- Lesny V. Rabindranath Tagore, his Personality and Work. London, 1939.
- Mukherjee H. Education for Fullness. A Study of the Educational Thought and Experiment of Rabindranath Tagore. Bombay, 1962.
- Mukherjee H. Himself a True Poem. New Delhi, 1961.
- Mukhopadhyay P. Robindrajiboni o Robindrosahityo — probesak 1–4 khando. Kalikata, 1952.
- Rabindranath Tagore: A Centenary Volume. 1861–1961. New Delhi, 1961.
- Tagore and Gandhi argue, Lahore, 1945.
- Rabindranath Tagore. On the Edges of Time. Calcutta, 1958.
- Thompson E. Rabindranath Tagore, Poet and Dramatist. London, 1948.
- (Составил И. Д. Серебряков)

notes

Примечания

* Народное восстание против английских колонизаторов, всколыхнувшее обширные районы Индии в 1857–1859 годах. Называется также восстанием сипаев — индийских наемных войск, составлявших ядро восставших. (*Примеч. пер.*)

* Ганди Мохандас Карамчанд, прозванный Махатмой (Великой душой) (1869–1948), — выдающийся вождь национально-освободительного движения в Индии. Разработал тактику ненасильственного сопротивления колонизаторам (сатьяграха). Получил юридическое образование в Англии. В 1893–1914 годах жил в Южной Африке, где возглавил массовое движение против расовой дискриминации индийцев. Испытал влияние Л.Н. Толстого, с которым Ганди состоял в переписке. По возвращении в Индию сблизился с партией Индийский национальный конгресс, стал одним из признанных лидеров движения за независимость (сварадж) и экономическую самостоятельность (свадеш). Выступал за равноправие "неприкасаемых", развитие ремесел (пряжение, ткачество), в которых видел основное средство разрешения экономических проблем Индии. В период, когда англичане разжигали кровопролитные столкновения между индусами и мусульманами, выступал за единение всех жителей Индии. — Убит членом религиозно-общинной организации Раштрия Сваямсевак Сангх. (*Примеч. пер.*).

Как хорошо сказал Роберт Фрост: "Поэзия — это то, что теряется в переводе". (*Примеч. авт.*).

"Свет Азии" — название поэмы английского поэта Мэтью Арнольда, изложившего на основе легенд и преданий жизнь и учение Будды. (*Примеч. пер.*).

Сахиб — господин. (*Примеч. пер.*).

Упанишады (букв. "сокровенное знание") — обширный жанр философской литературы древней и средневековой Индии. Древнейшие из них, как полагают, были созданы между V и III веками до н. э. (*Примеч. пер.*).

Индуизм — совокупность верований и культов индийцев, получившая окончательное оформление в результате реформы Шанкары (VIII в. н. э.). Основные канонические тексты — "Брахмасутры", "Бхагавадгита", "Упанишады", откомментированные Шанкарой. Верховный бог — Брахма — абстрактное понятие, культ его почти неизвестен. В единстве с ним существует Вишну (хранитель Вселенной) и Шива (разрушитель Вселенной). (*Примеч. пер.*).

Брахманы — представители высшей, жреческой касты в Индии.
(Примеч. пер.).

Рай Раммохон (1772 или 1774–1833) — индийский (бенгальский) просветитель, философ, религиозный реформатор, общественный деятель. Разработал религиозно-философскую систему, утверждавшую равенство людей перед богом, отвергавшую некоторые традиции индуизма (кастовое деление, самосожжение в Дов, детские браки и т. д.). В издаваемых им газетах выступал за свободу слова и печати, равенство всех индийцев перед законом. Призывал изучать английский опыт в организации торговли и промышленности. Автор полемических трактатов, статей, учебников. *(Примеч. пер.)*.

Может показаться странным, что "Упанишады" были в общем неизвестны индийцам в первой половине прошлого века. Дело в том, что в течение столетий иностранного господства индуизм, спасаясь от преследований, скрывал свою подлинную сущность, всячески подчеркивая значение внешних символов и ритуалов. Это привело к чрезмерному усилению власти священнослужителей, которые в своих интересах эксплуатировали слепую веру масс. Положение напоминало картину в средневековой Европе, перед тем как реформаторы христианства открыли для себя Священное писание. В Индии эта заслуга принадлежит радже Раммохон Раю и Махарши Дебендронату; впоследствии их усилия получили поддержку в трудах западных индологов. *(Примеч. авт.).*

Торо Генри Дейвид (1817–1862) — американский писатель-публицист, общественный деятель. Автор книги "Уолден, или Жизнь в лесу", в которой рассказывается, как автор жил в одиночестве в глуши, питаясь трудами рук своих. Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882) — американский философ, поэт и публицист, друг Торо. Выдвигал идеи самоусовершенствования человека в общении с природой. Торо и Эмерсон оказали влияние на формирование идей М. Ганди. Уитмен Уолт (1819–1892) — американский поэт, автор книги стихов "Листья травы", в которой воспел веру в разум, в поступательное развитие человека. *(Примеч. пер.)*.

"Гита" — то есть "Бхагавадгита", философская часть великой индийской эпопеи "Махабхарата"; Калидаса — поэт и драматург Древней Индии. По легенде, жил в I веке до н. э. Среди его произведений основанные на сюжетах индийской мифологии поэма "Облако-вестник" ("Мегхадута") и драма "Шакунтала". (*Примеч. пер.*).

* Маратхи — одна из наций Индии, основное население штата Махараштра. (*Примеч. пер.*)

* Речь идет об эпизоде древнеиндийского эпоса "Рамаяна" (приписывается легендарному поэту Вальмики). Лакшмана, сводный брат главного героя поэмы Рамы, охранял в лесу супругу последнего, Ситу. Переступив магический круг, Сита была похищена демоном Раваной. *(Примеч. пер.)*

* Перевод М. Тубьянского, Названия произведений и имена даются в этой книге в соответствии с Собранием сочинений Тагора в 12-ти томах (ГИХЛ, Москва, 1951–1965). Стихотворные переводы цитируются также по этому изданию. (*Примеч. пер.*)

* Знаменитое святилище сикхов с золотой кровлей и золотой дверью. Сикхизм — религиозное учение, возникшее в XV веке как реформаторское течение в индуизме. Сикхи провозглашают единобожие, равенство всех людей, отказ от внешних форм почитания божества. В ранний период сикхизм носил ярко выраженный демократический характер. В XVIII веке сикхи создали свое государство на территории Пенджаба. Оказали упорное сопротивление английской колонизации. (*Примеч. пер.*)

* Зенана — женская половина дома. (*Примеч. пер.*)

* Всю свою жизнь он иронизировал над отсутствием у него академических знаний и аттестатов, которые так высоко ценились его соотечественниками, — такие свидетельства были единственным пропуском на государственную службу при британском правлении в Индии. 13 апреля 1935 года (в день Нового года по бенгальскому календарю) он написал своей внучке Нондите, которая незадолго перед этим уехала в Европу, забавное письмо. Он посылает ей свои благословения и добрые пожелания на Новый год и надеется, что она провалится на вступительных экзаменах в университет, потому что иначе как он будет глядеть людям в глаза, если его внучка преуспеет в том, что не удалось ему самому! *(Примеч. авт.)*

* Местная газета "Индиан дейли ньюс" поместила следующую заметку в выпуске за 15 февраля 1875 года: "Хинду Мела... Бабу Рабиндранат Тагор, самый молодой сын Бабу Дебендроната Тагора, красивый мальчик лет пятнадцати, сочинил на бенгальском языке поэму об Индии, которую он прочел наизусть. Обходительность его манер весьма понравилась собравшимся". (Примеч. авт.)

* Шикари — егеръ, помощник на охоте. (*Примеч. пер.*)

* Литературовед и критик, друг семьи Тагоров. (*Примеч. пер.*)

* Священные книги индийцев, возникли в конце III — начале II тысячелетия до н. э. (*Примеч. пер.*)

* "Б х а г а в а д г и т а" ("Песнь божества") — философская поэма, включенная в состав древнего эпоса "Махабхарата" приблизительно в V–VI вв. н. э. (*Примеч. пер.*)

* Сейчас это столица штата Гуджарат, знаменитый центр текстильной промышленности. В течение многих лет здесь протекала деятельность Махатмы Ганди. На берегу реки Сабармати Ганди создал первую свою общину. *(Примеч. авт.)*

* Знали ли их братья, что это их дед убедил султана Египта проложить железную дорогу от Суэца до Александрии? В 1842 году, когда Дароканат высадился в Суэце, железной дороги там еще не было. *(Примеч. авт.)*

* Морли Генри (1822–1894) — английский литературовед, журналист, реформатор образования. (*Примеч. пер.*)

* Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) был в то время премьер-министром от либеральной партии. Выступал за введение самоуправления Ирландии. Джон Брайт (1811–1889), долголетний соратник Гладстона по политическим боям, резко разошелся с ним в этом вопросе. *(Примеч. пер.)*

* Перевод М. Тубянского.

* Пандит — почетный титул ученого богослова. *(Примеч. пер.)*

* Популярные американский и английский современные драматурги.
(Примеч. пер.)

На самом деле ему было двадцать три года. (Примеч. авт.)

Сам он писал в "Воспоминаниях": "Мне не было никакого дела до религиозных церемоний, проходивших в нашей семье, я не считал, что они как-то меня касаются: В религии, как и в моих чувствах, мне не нужна была никакая конечная истина, мне было достаточно самих ощущений. Я вспоминаю строки одного поэта той поры:

Мое сердце — мое,
Я не продал его никому.
Пусть оно разорвется, пусть оно изнурился,
Мое сердце — мое!"
(Примеч. авт.)

Перевод А. Горбовского

Речь идет о знаменитой поэме Калидасы "Мегхадута" ("Облаковестник"). Тагор, пожалуй, ничего так не любил в родной литературе, как творения Калидасы — кроме, может быть, "Упанишад". Никакой другой поэт — восточный или западный — не оказывал на него столь большого влияния. (Примеч. авт.)

Промотхо Чоудхури — муж племянницы Тагора Индиры, один из самых блестящих писателей Бенгалии. (Примеч. авт.)

* В 1926 году, будучи в Венгрии, Рабиндранат Тагор внезапно заболел, и врачи предписали ему полный покой. Пока он медленно поправлялся в Фюреле на озере Балатон, его попросили посадить липу в парке и написать стихи в книге посетителей отеля. Он написал стихи на бенгали и сам же перевел их на английский:

О мое дерево, когда меня не будет больше на этой земле,
пусть вечно обновляющиеся листья твоей весны
лепечут прохожим:
"Поэт любил, пока он жил".

Дерево стоит в парке и теперь, и под ним бронзовый бюст поэта.
(Примеч. авт.)

Перевод Н. Стефановича

Риши ~- мудрец-отшельник. (Примеч, пер.)

Перевод С. Северцева

Перевод В. Микушевича

Сомнительно, чтобы Тагор верил в переселение душ, как верят в это ортодоксальные индуисты. Он верил, что человеческое "я" развивается из нескольких слоев подсознания, о которых сохраняется смутное воспоминание в сознании высокочувствительной личности, объединяя так называемый бесчувственный, животный и человеческий миры. (Примеч. авт.)

П а д м а — это другое название реки Ганги, когда она протекает через те места. (Примеч. авт.)

Ранний вариант стал первой пьесой Тагора, поставленной в Европе, поздний, музыкальный, был положен в основу балета, созданного на сцене Куйбышевского балетного театра в 1961 году. (Примеч. авт.)

Перевод М. Кафитиной

Перевод М. Кафитиной.

Его комедии создавались и ставились в Лондоне в эти же годы. "Веер леди Ундермиер" была поставлена в 1892 году, "Женщина, не стоящая внимания" — в 1893-м, "Как важно быть серьезным" — в 1895-м. (Примеч. авт.)

Задолго до Тагора тем же занимался Толстой. Родство между этими выдающимися Литературными гениями своей эпохи столь же замечательно, как и различия. Толстой с точки зрения духовной и нравственной ближе к Ганди. И все-таки очень жаль, что эти два литературных и интеллектуальных гиганта — Толстой и Тагор — не встретились и не узнали ближе друг друга. Конечно, Тагор читал Толстого и восхищался его несравненным талантом, но не уверен, что Толстой когда-нибудь слышал о своем индийском современнике. Если Тагор и Ганди, невзирая на их огромные различия, могли понимать друг друга, так же или, может быть, еще лучше поняли бы друг друга русский и индийский писатели. (Примеч. авт.)

Джаггернаут (искаженное "Джагганнатха") — владыка вселенной, статуя, изображающая бога Вишну в его воплощении Кришны. На ежегодных празднествах в городе Пури паломники перетаскивают огромную колесницу с этой статуей, причем фанатики нередко гибнут под ее колесами. В переносном значении "Колесница Джаггернаута" — воплощение слепой, бесчеловечной силы. (Примеч. пер.)

Наконец-то на побережье Пури, на восточном побережье Индии поэт ощутил полное слияние с величием моря, а ведь прежде оно оставляло его безразличным во время двух путешествий в Европу. (Примеч. авт.)

Перевод А. Ревича

Перевод А. Сеңдыка.

Для русского читателя понятие Джибондеботы будет яснее, если сопоставить его с Музой в нашей классической поэзии. (Примеч. пер.

Перевод С. Щервинского.

* Перевод А. Ревича.

Перевод А. Сеңдыка.

Перевод А. Сеңдыка.

Струнный музыкальный инструмент. (Примеч. пер.)

Перевод В. Тушновой.

Перевод В. Тушновой.

Военно-феодалная каста, представители которой создали несколько государств в северной Индии и Непале в VIII–XII веках. (Примеч. пер.)

Перевод С. Шервинского

Перевод Н. Стефановича.

Перевод Н. Стефановича.

Перевод Н. Стефановича.

На бенгальском языке есть несколько книг воспоминаний бывших учеников школы, и множество рассказов остались недописанными. Один из них стоит припомнить. Тагор строго запретил телесные наказания в любой форме. Однако бывало, что учитель, выведенный из себя, прибегал к силе по отношению к самым непослушным мальчишкам. Надо сказать, что в первый период многие из учеников были, что называется, "трудными детьми", с которыми родители не могли справиться дома и воспользовались удачным случаем сбить их с рук, отправив в школу поэта. Однажды старший брат поэта Диджендронат, замечательный мыслитель и математик, который провел поздние годы жизни в Шантиникетоне, прогуливался возле места, где шли занятия, и вдруг увидел, как один из учителей шлепает ученика. Он тут же послал учителю клочок бумаги, на котором написал стишок по-бенгальски, означавший: "Напомню тебе, братец, что битьем нельзя превратить осла в коня, но коня можно превратить в осла". (Примеч. авт.)

Он сам рассказывал, что однажды знакомый его семьи зашел в полицейский участок Джорашанко в Калькутте, чтобы заявить о краже. В это время вошел агент и доложил дежурному офицеру: "Рабиндранат Тагор, класс Б, № 12, прибыл в Калькутту из Больпура". (Примеч. авт.)

Перевод В. Рогова

Уильям Ротенстайн (1872–1945) — известный английский художник, друг Р. Тагора.

Уильям Батлер Йитс (1865–1936) — известный ирландский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии 1923 года.

Эндрюс Чарлз Фрир (1871–1940) — миссионер и просветитель, с 1904 года работал в Индии. Сочувствовал национально-освободительному движению. Поддерживал дружеские связи с Ганди и Тагором. Принимал участие в индийском профсоюзном движении, дважды избирался председателем Всеиндийского совета профсоюзов. (Примеч. пер.)

Невинсон Генри (1856–1941) — английский журналист, военный корреспондент во время ряда кампаний. (Примеч. пер.)

Эйкер Рудольф (1846–1926) — немецкий философ-идеалист, последователь Фихте. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1908 года. (Примеч. пер.)

Фанатический энтузиазм (нем.)

В Индии это, наверное, самая популярная песня о любви к родине. Слова написал предшественник Тагора, знаменитый романист Бонкимчондро Чоттопаддхай. Мелодия, которая дала стихам вторую жизнь — как песне, сочинена Тагором. (Примеч. авт.)

Рис Эрнест (1859–1946) — английский поэт и книгоиздатель, валлиец по происхождению. (Примеч. пер.)

Хьерне Харальд (1848–1922) — шведский историк и общественный деятель. (Примеч. пер.)

По совокупности заслуг, без защиты диссертации. (Примеч. пер.)

Героиня одноименной драмы Г. Ибсена. (Примеч. пер.)

Перевод А. Ахматовой

Перевод А. Сеңдыка

Дух воздуха, персонаж "Бури" Шекспира. (Примеч. пер.

Санталы — древние племена, живущие на территории Западной Бенгалии и Бихара. (Примеч. авт.)

Энни Безант (1847–1933) — английская теософка. В 90-х годах переселилась в Индию, где в 1916 году основала "Лигу самоуправления Индии". В 1917 году была избрана президентом партии Индийский национальный конгресс (Примеч. пер)

8 апреля 1919 года Ганди был арестован на пути в Дели. 12 апреля Тагор направил ему открытое письмо, впервые назвав его Махатмаджи: "В панике и гневе наши власти показали свои когти: В этом кризисе Вы, как великий вождь народа, стояли бок о бок с нами. Вы пришли к своей родине в тяжелый для нее момент: чтобы вести ее по праведному пути борьбы. Свобода никогда не приходит к людям через благотворительность. Мы должны её завоевать, прежде чем воспользуемся ею". (Примеч. авт.)

Вишва на санскрите означает "мир", "вселенная". Бахарати — знание, культура, мудрость. Бхарати также древнее название Индии, и поэтому у сочетания Вишвабхарати есть и второй смысл: Индия должна обрести общемировое значение. (примеч. авт)

В школе не было обязательных молитв, но дважды в день, на восходе и на закате, дети усаживались и погружались в размышление. От них требовалось сидеть смирно и хранить тишину. Они могли молиться или просто предаваться мечтам. (Примеч. авт.)

Кейзерлинг был, возможно, первым иностранцем, который признал и оценил гений Тагора. Признание было почти интуитивным, ибо в то время он едва только познакомился с Тагором и еще не читал его сочинений. Позже, когда знакомство укрепилось, его восхищение Тагором возросло. "Рабиндранат Тагор является величайшим человеком, которого я когда-либо имел честь знать, — писал он в 1930 году. — Он намного более велик, чем его мировая слава, и намного выше положения, занимаемого им в Индии. Нигде на нашем земном шаре не бывало подобного ему за многие и многие века: Он самый всемирный, самый всеобъемлющий, самый цельный человек, которого я знал". (Примеч. авт.)

Общее отношение немцев к Тагору претерпело коренное изменение после захвата власти Гитлером, когда его объявили неарийцем и даже евреем, "настоящее имя которого Рабби Натан". Впрочем, восхищение немцев Тагором и раньше не было однозначным. Многие правые консерваторы не принимали его открытого обличения национализма, и один из них, Артур Шюринг, еще в 1921 году назвал Тагора "британским платным агентом, подрывающим Германию", и орудием в руках "большевистского подполья" против германской расы. (Примеч. авт.)

Ганди видел ключ к подъему благосостояния народа в развитии местного кустарного ткачества. Поэтому последователи его (хаддары) прибегали к уничтожению иностранных тканей. (Примеч. пер.)

Гурudev — "божественный учитель" — так Ганди уважительно обращался к Тагору. (Примеч. пер.)

Свадешти (свое производство) — общественное движение начала века в Индии, ставившее целью развитие национальной промышленности. Сварадж — вдохновленное Ганди движение за самоуправление Индии. (Примеч. пер.)

Кабир (ок. 1440 — ок. 1518) — знаменитый индийский поэт, в своем творчестве сочетавший традиции индуистской и мусульманской культур Индии. (Примеч. пер.)

Бхоланат — одно из имен индуистского бога Шивы (Властитель заблуждений). (Примеч. пер.)

Течения живописи, подражавшие французскому художнику П. Сезанну (1839–1906) и американскому художнику Дж. Уистлеру (1834–1903). (Примеч. пер.)

Джеков Эпстайн (1880–1959) — американский скульптор. Создал скульптурный портрет Тагора. (Примеч. пер.)

Из книги воспоминаний "Пусть будет скульптура". Эпстайн лепил голову Тагора в 1926 году. Цитата из "Гитанджали" сильно искажена автором для достижения его цели. В действительности стихотворение наполнено скромностью и несет в себе содержание, совершенно противоположное тому, что приписывает ему Эпстайн: "Когда я хочу преклониться перед тобой, я не могу достигнуть глубины, где покоятся стопы твои среди самых бедных, самых сирых, самых обездоленных". (Примеч. авт.)

Его внучатый племянник, Динендронат Тагор, одаренный музыкант, записавший музыкальные сочинения поэта и сохранивший эти записи для потомков. Тагор, обычно тут же забывавший придуманные им мелодии, питал глубокую благодарность к "Дину Бабу" за то, что тот записывал, хранил и разучивал их, и любовно называл его "Хранитель моих песен". (Примеч. авт.)

Вместе с ними уехало также кресло, в котором Тагор обычно сидел, откинувшись назад, наблюдая за рекой Ла-Плата и разговаривая с очаровательной хозяйкой дома. Оно осталось до конца жизни его любимым креслом, и он даже написал о нем стихотворение. Кресло и сейчас хранится в музее Тагора в Шантиникетоне. (Примеч. авт.)

Название его дома в Шантиникетоне. (Примеч. авт.)

Боробудур — грандиозный буддийский храм на острове Ява (ок. 800 г. н. э.). (Примеч. пер.)

Перевод Ф. Мендельсона

Образы духов из пьес Шекспира. Ариэль — светлый дух воздуха ("Буря"). Пэк — беззаботный насмешник ("Сон в летнюю ночь"), Калибан — мрачное чудовище, воплощение неодолимой силы ("Буря"). (Примеч. пер.)

Раздавите гадину (франц.). Возглас Вольтера в адрес католической церкви. (Примеч. пер.)

Перевод А. Ревича

Перевод Г. Регистана

Перевод Л. Голубкова

"Из Калькутты, — пишет Джавахарлал Неру в своей "Автобиографии", — мы поехали в Шантиникетон, чтобы нанести визит поэту Рабиндранату Тагору. Всегда было удовольствием встречаться с ним, и, оказавшись так близко, мы не хотели пропустить возможности его повидать. Я до того дважды бывал в Шантиникетоне. Камала ехала впервые, и ехала специально, чтобы увидеть это место, так как мы предполагали послать туда нашу дочь". (Примеч. авт.)

Спустя два года, на поминальной службе в честь Камалы Неру, Тагор назвал Джавахарлала Неру "лидером новой эры". (Примеч. авт.)

Оригинал, находящийся в музее Тагора в Шантиникетоне, почти полностью потускнел и разрушился — фанера едва ли подходящее основание для картины, особенно в индийском климате, где она является прекрасной пищей для термитов. К счастью, картина была воспроизведена в одном из номеров "Вишвабхарати Куотерли" (ноябрь, 1937, фронтиспис). Разве сам поэт не написал: "Червяку кажется глупым, что человек не ест свои книги!" (Примеч. авт.)

Перевод С. Шервинского

Перевод С. Шервинского

Перевод А. Сеңдыка

Перевод С. Северцева

Перевод А. Ахматовой

Перевод С. Северцева

Перевод В. Тушновой

Название дома в Шантиникетоне, в котором он некогда жил и в который вернулся, чтобы провести в нем последние дни. (Примеч. авт.)

Перевод В. Тушновой

Перевод В. Тушновой

Перевод В. Тушновой

Д. Лонг был замечательным человеком и сыграл большую роль в изучении бенгальской литературы и фольклора и может считаться инициатором русско-индийских литературных связей: в частности, по его инициативе был издан в 1870 году перевод на бенгальский язык басен И.А. Крылова, явившийся вообще первым в истории переводом произведения русской классической литературы в Индии.